

ПРОБЛЕМЫ ДАЛЬНОГО ВОСТОКА

3 [31] 1979

НАУЧНЫЙ, ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
ВЫХОДИТ ЧЕТЫРЕ РАЗА В ГОД НА РУССКОМ,
АНГЛИЙСКОМ И ЯПОНСКОМ ЯЗЫКАХ

**ВИСЛОГОГИЧЕСКОЕ
ОТДЕЛЕНИЕ
ИНИБОН АН ССЗР**

СОДЕРЖАНИЕ

- 3 30 лет КНР
«КРУГЛЫЙ СТОЛ» ЖУРНАЛА
- 24 Фальсификаторы всемирной истории
ЭКОНОМИКА И ПОЛИТИКА
- 45 Разгром японских милитаристов на Халхин-Голе
В. А. Судец
- 65 Международные аспекты развития Сибири
В. А. Александров
- 91 Китай и Западная Европа
С. Г. Юрков
- 106 От антинимпериализма к союзу с империализмом
и реакцией
А. Г. Кручинин
- 123 Япония 70-х годов: обострение внутривполитиче-
ской борьбы
В. Н. Хлынов
- 137 Экспансионистский курс Пекина
Нго Тхань Зыонг (Вьетнам)
- ИДЕОЛОГИЯ**
- 144 Маонизм и судьбы социализма в Китае
В. Ф. Феоктистов
- ИСТОРИЯ**
- 156 Маонисты и Чан Кайши: совпадение политики
А. М. Ледовский
- КУЛЬТУРА**
- 163 О некоторых явлениях в китайской литературе
А. Н. Желуховцев
- 171 Вчера и сегодня японского кино
М. Г. Доля
- ОЧЕРКИ И СООБЩЕНИЯ**
- 179 Дважды казненный
М. А. Сутурин

БОРЦЫ ЗА ПРАВОЕ ДЕЛО

- 183 Стронтель революционной армии Е Тин
М. Ф. Юрвев

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

- 189 Новый журнал по проблемам востоковедения
В. А. Васильев
- 192 Западные синологи о новейшей китайской литературе
В. Ф. Сорокин
- 195 Кятай в стратегии американского империализма
Б. К. Отрадных
- 199 Двойственная позиция
А. М. Малухин
- 202 Монография по проблемам культурного наследия
Е. А. Серебряков

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

- 205 X научная конференция по историографии и источниковедению истории стран Азии и Африки
Б. Н. Мельниченко
- 206 Международный научный симпозиум
XI молодежная конференция по проблемам
Дальнего Востока
А. В. Островский

Адрес редакции: Москва, 117218,
ул. Красикова, 27,
тел. 124-09-04

© «Проблемы
Дальнего Востока»,
1979

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

М. И. СЛАДКОВСКИЙ (н. о. главного редактора),
В. А. АРХИПОВ (зам. главного редактора),
Г. В. АСТАФЬЕВ, Р. С. БЕЛОУСОВ,
Г. А. БОГДАНОВ, Г. В. ЕФИМОВ,
М. С. КАПИЦА, В. А. КРИВЦОВ, К. М. ПОПОВ,
О. Б. РАХМАНИН, Б. В. САГАРЕВ (отв. секретарь),
В. М. СОЛНЦЕВ, М. Л. ТИТАРЕНКО,
С. Л. ТИХВИНСКИЙ, Р. А. УЛЬЯНОВСКИЙ,
Н. Т. ФЕДОРЕНКО

30 лет КНР

Прошло 30 лет с того времени, когда на карте мира появилась Китайская Народная Республика. Советский Союз, социалистические страны, все прогрессивное человечество горячо приветствовали победу народной революции в Китае. Борьба китайского народа за свободу и независимость близка сердцу советских людей, которые очень многое сделали для того, чтобы трудолюбивый китайский народ получил наконец возможность строить счастливую жизнь.

1 октября 1949 г. на торжественном митинге в Пекине на площади Тяньаньмэнь было провозглашено создание Китайской Народной Республики. На следующий день КНР была признана Советским Союзом, который установил с ней дипломатические отношения. Вскоре последовало признание КНР всеми народно-демократическими странами Европы и Азии.

Победа китайской революции имела большое международное значение. Она укрепила мировую систему социализма, нанесла удар по колониальной системе империализма. Эта победа открыла новую эпоху в многовековой истории народов Китая. Она создала предпосылки для обеспечения независимости страны, перехода Китая на социалистический путь развития, коренного улучшения положения трудящихся масс, превращения отсталой аграрной страны в экономически развитое государство с современной промышленностью, сельским хозяйством, культурой. Необходимым условием такого развития Китая было сочетание правильной политики КПК, мобилизации всех трудовых и материальных ресурсов китайского народа с ориентацией на союз с мировой системой социализма, с Советским Союзом, откуда КНР могла получить и действительно получила всестороннюю помощь, не имевшую исторического прецедента, как отмечалось в самом Китае и за рубежом.

Существование и активная интернационалистическая позиция стран мировой социалистической системы практически сняли для КНР такую острую проблему, как проблема прорыва кольца враждебного окружения.

Упрочению международного положения КНР способствовали также успехи национально-освободительного движения, приведшие после второй мировой войны к распаду колониальной системы империализма. В 1950—1951 гг. с КНР установили дипломатические отношения Индия, Индонезия, Бирма, Пакистан, а затем и другие молодые государства.

Решающим вкладом в упрочение международного положения нового Китая явилось заключение 14 февраля 1950 г. советско-китайского Договора о дружбе, союзе и взаимной помощи. Договор между СССР и КНР был подписан в то время, когда китайский народ остро нуждался в помощи и поддержке для защиты революционных завоеваний и решения сложных задач экономического и культурного строительства.

В соответствии с договором Советский Союз с самого начала твердо и последовательно выступал в защиту интересов КНР на мировой арене.

не, эффективно помогал молодой народной республике давать отпор попыткам вмешательства в ее дела со стороны империалистических сил, создавать необходимые условия для широкого социально-экономического развития страны.

Экономическая помощь и торговые поставки в Китай из СССР и других социалистических стран имели четкую направленность на строительство социализма, обеспечение экономической самостоятельности КНР и ее равноправного участия в активном экономическом взаимодействии мировой системы социализма.

Сплочение и сотрудничество КНР с миром социализма были решающим фактором укрепления международного положения нового Китая и во многом предопределили прочность народной власти, способствовали созданию условий для перехода к широкому плановому социалистическому строительству уже через три года после провозглашения КНР.

Начало социалистического строительства

За первые три года существования КНР были проведены политические и социально-экономические мероприятия исторического значения. Экономика страны, разоренная многолетними войнами и хищническим хозяйничаньем империалистов и буржуазно-помещичьей верхушки, была восстановлена. Аграрная реформа покончила с засильем феодализма в китайской деревне и расчистила путь для коллективизации сельского хозяйства. Был создан новый государственный аппарат, подавлена контрреволюция. Были полностью ликвидированы классы помещиков и крупной компрадорской буржуазии.

Повысились авторитет и организованность рабочего класса, его политическое воздействие на жизнь китайского общества. Этому способствовало прежде всего широкое сотрудничество КНР с Советским Союзом и другими братскими странами.

Большие перемены произошли и в крестьянстве. Трудовое крестьянство стало собственником пахотной земли и основной силой в деревне, оно поддерживало мероприятия народной власти и было, по существу, ее главной социальной и политической опорой.

Таким образом, за сравнительно короткий период (1949—1952) были решены основные общедемократические задачи и подготовлены определенные политические и экономические условия для переустройства страны на социалистических началах. Для друзей Китая было очевидно и несомненно, что трудности строительства нового общества, связанные с экономической, социально-политической и культурной отсталостью страны, вполне могут быть успешно преодолены на основе революционных усилий китайского народа и братской помощи народов СССР и других стран социализма.

В декабре 1953 г. ЦК КПК утвердил программный документ под названием «Бороться за мобилизацию всех сил для превращения нашей страны в великое социалистическое государство», подробно разъяснявший генеральную линию партии в переходный период, то есть социалистические цели КПК и методы их достижения.

В качестве первоочередной задачи выдвигалось осуществление индустриализации страны, создание новой, социалистической промышленности.

В сельском хозяйстве после успешного завершения аграрной реформы была поставлена задача постепенного преобразования деревни «на базе социалистических принципов».

Генеральной линией КПК предусматривалось «в течение сравнительно длительного периода... преобразовать торговые и промышлен-

ные предприятия, находящиеся в руках частного капитала, чтобы в конечном счете уничтожить систему капиталистической частной собственности на средства производства», причем первым шагом государства по социалистическому преобразованию таких предприятий должен был стать «переход частного капитала на рельсы государственного капитализма при помощи контроля и управления капитализмом со стороны государства, путем установления связей и сотрудничества государственной экономики с капиталистической».

«Нужно воспитывать народ нашей страны, — подчеркивалось в этом документе, — в духе понимания того, что помощь нашей стране со стороны Советского Союза и стран народной демократии, могучее сплочение лагеря мира, демократии и социализма и миролюбивых народов всего мира, а также успешное развитие борьбы в защиту мира во всем мире — это неизменное условие для победы строительства социализма в нашей стране».

Большое внимание в документе ЦК КПК уделялось усилению руководящей роли партии, ее укреплению в политическом, идеологическом и организационном отношении, изучению партийными кадрами марксистско-ленинской теории, развитию внутрипартийной демократии и особенно системы коллективного руководства, укреплению партийной дисциплины и сплоченности партии; указывалось, что «ни в коем случае нельзя допускать ненужного, чрезмерного подчеркивания выдающейся роли какой бы то ни было отдельной личности».

Научный подход к проблемам социалистического развития Китая нашел прежде всего отражение в том, что в документе подчеркивалась неизбежность длительного переходного периода в Китае (примерно три пятилетия), акцентировалось внимание на планомерном, поэтапном развитии страны.

В сентябре 1954 г. в Пекине собралась I-я сессия Всекитайского собрания народных представителей, принявшая первую в истории Китая демократическую Конституцию. Она юридически закрепляла ключевые положения генеральной линии КПК в переходный период как основной закон государства. Это была конституция социалистического типа. В ней провозглашались социально-экономические права граждан, их политические свободы и обязанности. И хотя материальные гарантии социально-экономических прав носили пока еще в основном программный характер, сам факт их внесения в Конституцию имел большое историческое значение. При условии неуклонного соблюдения и проведения в жизнь первая конституция КНР могла послужить хорошей правовой основой для постепенного развития социалистической демократии в Китае.

Целям закрепления Китая на социалистическом пути и осуществления генеральной линии партии служил также первый пятилетний план развития народного хозяйства КНР на 1953—1957 гг. Первая пятилетка рассматривалась как начальный этап строительства основ социализма. Намечалось строительство 694 промышленных объектов, главными из которых были 156 крупнейших предприятий, строившихся при помощи СССР.

Развитие промышленности и осуществление социалистических преобразований в экономике в первые годы пятилетки полностью подтвердили правильность основных положений генеральной линии и пятилетнего плана, показали, что китайские трудящиеся под руководством компартии могут решать задачи планомерного социалистического строительства. Опыт подтвердил, что Китаю действительно потребуется довольно длительный период времени для индустриализации и построения социализма. Сказывались общая отсталость экономики, и особенно сельского хозяйства, с его малыми возможностями накопления. Преодоление отставания сельского хозяйства требовало времени, огромных

усилий всего народа, напряженной деятельности партии и ее руководства по реализации научно обоснованного курса социально-экономического развития страны. Многие теперь зависело от степени укрепления позиций марксистско-ленинских сил в КПК.

Между тем в середине 50-х годов обстановка внутри КПК серьезно усложнилась. В руководстве партии заметно активизировалась группировка Мао Цзэдуна, которая пыталась заставить партию отказаться от ее генеральной линии, подменить социалистическую цель националистической — превратить КНР в «первую державу мира».

В 1955—1956 гг. Мао Цзэдун стал настойчиво проводить тезис о возможности перехода к социализму без создания соответствующей материально-технической базы и даже поставил задачу «построить социализм» в Китае к 1959 г. «Весьма вероятно, — витийствовал Мао Цзэдун, — что страна станет социалистической, но не индустриальной... а можно ли заставить крестьян ждать? Это недопустимо. Социализация крестьян не мешает индустриализации».

Многочисленные закрытые выступления Мао Цзэдуна, и в частности его речь «О десяти важнейших взаимоотношениях» на расширенном заседании Политбюро ЦК КПК в апреле 1956 г., обнаружили его истинные цели: очернить опыт строительства социализма в Советском Союзе, опорочить теорию научного коммунизма, навязать партии и предстоящему VIII съезду КПК мелкобуржуазный, националистический и волюнтаристский курс социально-экономического развития страны.

Для реализации своих установок Мао Цзэдун постарался использовать экономические успехи, достигнутые на основе генеральной линии 1953 г.

В 1955 г. был собран богатый урожай, в 1956 г. сбор основных продовольственных культур и поголовье скота также несколько увеличились. И тогда по настоянию Мао всего за восемь-девять месяцев в Китае было проведено сплошное кооперирование сельского хозяйства без каких-либо серьезных изменений в уровне развития его производственной базы. Маоисты стали недобросовестно эксплуатировать традиционные настроения крестьянской уравнительности.

В тех же целях был взят курс на ускоренное преобразование капиталистической промышленности, хотя ни внешние, ни внутренние обстоятельства не требовали таких чрезвычайных мер. В ноябре 1955 г. Политбюро ЦК КПК приняло решение о сплошном преобразовании частной промышленности и торговли. Оно предусматривало немедленный переход всех частных предприятий под непосредственное управление государства, выплату капиталистам за принадлежавшие им средства производства 5% в год от их капитала в течение 7 лет (фактически выплата была приостановлена только в 1966 г. и затем вновь возобновлена в 1979 г.), предоставление им высокооплачиваемой работы.

К июню 1956 г. «преобразования» были закончены по всему Китаю.

Таким образом, первоначальный план социалистических преобразований, рассчитанный на три пятилетки и учитывавший реальные возможности страны, был грубо отброшен маоистами. Используя авторитет партии и народного государства, методы административного давления, психологического нажима, идеологических и политических спекуляций и репрессий, Мао Цзэдун и его группа сумели провести суматошный аврал с «преобразованием» собственности, не обеспеченный ни соответствующей материально-технической базой, ни кадрами. Неподготовленное, хотя внешне и вполне «успешное», проведение таких «преобразований» привело к результатам, далеко не благоприятным для дальнейшего продвижения Китая к социализму.

Сказавшиеся на экономическом положении страны отрицательные последствия авантюристической политики ослабили позиции группы Мао Цзэдуна накануне VIII съезда КПК. Кроме того, подготовка

к съезду проходила под воздействием творческих решений XX съезда КПСС, имевших большое значение для всего международного коммунистического движения и неблагоприятных для идеологии и политики маоистов. Вопреки первоначальному намерению маоистов провести VIII съезд под знаком борьбы против «правого уклона», то есть против интернационалистских сил партии, выступавших против «особого» курса Мао Цзэдуна, работа съезда пошла по совершенно иному пути.

VIII съезд КПК (сентябрь 1956 г.) отразил борьбу марксистско-ленинского, интернационалистского направления в руководстве КПК против мелкобуржуазных националистических сил, представленных Мао Цзэдуном и его сторонниками. Главная черта съезда состояла в том, что он прошел под знаком перевеса марксистско-ленинских сил в рядах КПК.

К своему VIII съезду КПК пришла как массовая политическая партия, насчитывавшая около 11 млн. членов и кандидатов, в которой рабочая прослойка возросла до 14%, но которая продолжала оставаться преимущественно крестьянской по своему составу (69%). Преобладание непролетарских слоев и повлекло за собой развитие мелкобуржуазных националистических тенденций в КПК, что представляло серьезную опасность для партии.

Решения съезда выработывались на основе обобщения накопленного опыта, анализа успехов и ошибок первого периода социалистического строительства. В результате успешного выполнения заданий первого пятилетнего плана укреплялись и развивались социалистические отношения в городе и деревне, была заложена материальная основа для последующей индустриализации страны. Вместе с тем провал попытки Мао Цзэдуна искусственно форсировать подъем экономики (1955—1956 гг.) подтвердил необходимость планомерного, пропорционального развития народного хозяйства, то есть научного подхода к задачам строительства социализма.

Съезд подтвердил правильность генеральной линии партии 1953 г. Установка на «постепенное завершение социалистического преобразования сельского хозяйства, кустарной промышленности и капиталистической промышленности и торговли, постепенное осуществление индустриализации страны» была включена в новый Устав в качестве одного из основных программных положений.

Съезд выдвинул обширную программу экономического развития КНР во втором пятилетии (1958—1962), предусматривавшую завершение социалистических преобразований и создание необходимых условий для выполнения в третьей пятилетке (1963—1967) задач генеральной линии КПК по превращению Китая в социалистическое индустриально-аграрное государство.

Съезд подтвердил внешнеполитический курс КНР, основанный на укреплении единства и дружбы стран социалистического содружества, борьбе за мирное сосуществование против империалистической политики агрессии и войны. В отчетном докладе ЦК КПК VIII съезду говорилось: «Факты истекших лет показывают, что великий союз Китая и Советского Союза является важным оплотом мира на Дальнем Востоке и во всем мире. Советский Союз оказал огромную помощь делу социалистического строительства в нашей стране». Перед партией и народом Китая ставилась задача дальнейшего укрепления и развития единства и дружбы с Советским Союзом и другими странами социализма. «Дальнейшее укрепление и усиление этого единства и дружбы, — отмечалось в отчете ЦК КПК, — является для нас наивысшим интернациональным долгом и основой внешней политики нашей страны».

При рассмотрении вопросов партийной жизни и партийного строительства было заострено внимание на существовании опасных непроле-

тарских тенденций в КПК. Главную опасность по-прежнему представляло давление мелкобуржуазной стихии. В политическом отчете ЦК КПК говорилось по этому поводу следующее: «В нашей стране мелкая буржуазия составляла большинство. Настроения этого класса оказывают на нас постоянное влияние и давление; буржуазия также непрерывно оказывает на нас влияние в различных областях. Партия должна постоянно проводить воспитательную работу в своих рядах, не допуская того, чтобы буржуазная и мелкобуржуазная идеология принесла вред политической безупречности нашей партии». Съезд изъясил из Устава КПК положение об «идеях Мао Цзэдуна» как идейной основе партии. В Уставе КПК, принятом на VIII съезде, говорилось: «Коммунистическая партия Китая в своей деятельности руководствуется марксизмом-ленинизмом. Только марксизм-ленинизм правильно объясняет закономерности развития общества, правильно указывает пути построения социализма и коммунизма».

Историческое значение VIII съезда КПК заключается прежде всего в том, что он принял программу строительства социализма в Китае и превращения страны в передовую индустриально-аграрную державу. Программа социалистического строительства VIII съезда КПК в основном была выдержана в духе марксизма-ленинизма и принципов пролетарского интернационализма. Съезд дал отпор попыткам Мао Цзэдуна и его сторонников отбросить генеральную линию партии в переходный период. В его решениях был закреплен курс на строительство социализма в тесном союзе со всей мировой социалистической системой.

Переход в 1953—1957 гг. к строительству основ социализма в КНР происходил в условиях дальнейшего укрепления ее международного положения.

Объективная роль КНР как части социалистического лагеря в борьбе против империалистической агрессии на Дальнем Востоке и в ЮВА способствовала росту международного престижа нового китайского государства. Приглашение делегации КНР для участия в Женевской конференции 1954 г. и в Бандунгской конференции глав правительств афро-азиатских стран весной 1955 г. стало ярким подтверждением авторитета КНР на мировой арене, свидетельством приближавшегося краха империалистической политики изоляции КНР в несоциалистическом мире.

Упрочение международного положения КНР позволило ей активизировать свою позицию в вопросах общего противоборства социалистического мира с империализмом. Китай приветствовал создание в мае 1955 г. оборонительной Организации Варшавского Договора и официально заявил о своей готовности совместно с братскими странами дать отпор империалистической агрессии в Европе.

Действуя на международной арене в рамках общей стратегии социалистических стран, КНР в годы первой пятилетки и сама выступала с инициативами в интересах мира на земле и неизменно поддерживала все аналогичные инициативы социалистических и других миролюбивых государств. Она активно поддерживала идею замены военных блоков системами коллективной безопасности, вместе с другими социалистическими странами прилагала усилия к нормализации отношений с развитыми капиталистическими странами, в частности с Японией и США, на основе принципов мирного сосуществования.

После Бандунгской конференции КНР более интенсивно повела курс на развитие отношений с афро-азиатскими странами, способствовала дальнейшему их сближению с миром социализма, упрочению единства главных революционных сил современности в борьбе против империализма, за мир.

Процесс формирования социалистических основ внешней политики

КНР, безусловно, был сферой острой борьбы между двумя линиями в КПК. Тем не менее до конца периода 1953—1957 гг. этот процесс в основном проходил под знаком преобладания тех сил в КПК, которые отстаивали и стремились проводить в жизнь принципы пролетарского интернационализма.

Отмечая первостепенное значение для Китая принципа сплочения с братскими странами, 1-я сессия ВСНП в своих документах указывала, что именно эти страны являются «ближайшими друзьями китайского народа». В документах сессии и VIII съезда КПК внешнеполитическая ориентация КНР была выражена не только в декларации социалистических принципов, но и в характеристиках исходящих из этих принципов позиций страны по различным аспектам практической политики на международной арене.

То обстоятельство, что мировая социалистическая система вышла из послевоенного этапа борьбы с империализмом еще более окрепшей и сплоченной и что значительно возрос престиж КНР как конструктивной миролюбивой, активной и стойкой антиимпериалистической силы, создало благоприятную внешнюю обстановку для решения китайским народом задач социалистического строительства. Выступая в марте 1955 г. на Всекитайской конференции КПК, Мао Цзэдун вынужден был констатировать, что «нынешние международные условия благоприятны» для строительства социализма в КНР.

В годы первой пятилетки в КНР фактически не было ни одного сколько-нибудь крупного и важного промышленного объекта, строительство которого не оказалось прямо или косвенно связанным с сотрудничеством и помощью социалистических стран, в особенности СССР. Достаточно сказать, что только наша страна практически безвозмездно передала китайской стороне свыше 1400 проектов крупных промышленных предприятий и свыше 24 тыс. (то есть в два с лишним раза больше, чем всем другим странам социалистической системы) комплектов различной научно-технической документации, стоимость которой оценивается во многие миллиарды долларов. Социалистические страны были не только единственно доступным, но и широко открытым источником передового технического и научного опыта для КНР. Тысячи советских специалистов и многие сотни специалистов из других братских стран годами работали в народном Китае, передавая свой опыт китайским кадрам. Этот опыт материализовался в новых отраслях современной промышленности (в том числе оборонной, строительство 100 базовых предприятий которой было осуществлено или намечалось осуществить при всестороннем материальном и техническом содействии Советского Союза), в системе планового управления народным хозяйством, в сети новых научно-исследовательских институтов, в коренной перестройке высшей школы и т. д.

Только при непосредственном участии СССР в Китае было построено более 250 крупнейших промышленных предприятий, а также отдельных цехов и других важных народнохозяйственных объектов. Член Политбюро ЦК КПК, заместитель премьера Госсовета Ли Фучунь говорил тогда: «Наша оценка, причем это твердая оценка, такова: предприятия, запроектированные и построенные у нас при помощи Советского Союза, действительно являются воплощением всего современного и всего лучшего, чем располагает Советский Союз. Эти предприятия — костяк нашей промышленности, костяк не только по объему, но и по уровню современной передовой техники».

В дело индустриализации КНР, создания целостной системы промышленности в Китае большой вклад внесли европейские страны социализма. С помощью этой группы стран в КНР было полностью построено 85 предприятий (и частично 10), а также 172 отдельных цеха и установки.

Период первой пятилетки, характеризовавшийся чрезвычайно интенсивным, всесторонним сотрудничеством КНР с братскими странами, остался в ее тридцатилетней истории периодом действительно глубокой и всеобъемлющей модернизации.

В результате самоотверженного труда трудящихся Китая и всесторонней помощи Советского Союза и других социалистических стран основные задачи первого пятилетнего плана были выполнены. Уже к концу 1956 г. были достигнуты намеченные на конец пятилетки показатели роста производства в основных отраслях промышленности. Валовая продукция промышленности и сельского хозяйства КНР за пятилетие (1953—1957) в целом возросла на 68%.

В результате введения в строй большого числа новых и расширения имевшихся промышленных предприятий стал изменяться облик Китая: были созданы новые отрасли промышленности (самолетостроение, автомобилестроение, тракторостроение, современное станкостроение и др.), возникли предприятия по производству сложного оборудования для электроэнергетической, металлургической и горной промышленности, были построены предприятия по выплавке высококачественных сталей и цветных металлов.

Предусмотренные планом задания по увеличению производственных мощностей в промышленности в основном были перевыполнены. За годы пятилетки стоимость валовой продукции промышленности возросла в 2,28 раза, производство средств производства — в 3,1, предметов потребления — в 1,8 раза. За этот же период производство стали возросло с 1,4 в 1952 г. до 5,4 млн. т, добыча угля соответственно — с 66,5 до 130 млн. т, производство электроэнергии — с 7,3 до 19,3 млрд. кВт·ч, металлорежущих станков — с 13,7 до 28 тыс. штук, хлопчатобумажной ткани — с 3,8 до 5,1 млрд. м и т. д.

К концу пятилетки практически были завершены социально-экономические преобразования в сельском хозяйстве и кустарной промышленности. К концу 1957 г. в сельскохозяйственных производственных кооперативах состояло 98% крестьянских дворов. В кустарно-промышленные кооперативы страны вступило около 6 млн. кустарей (примерно 90%).

В годы первой пятилетки непрерывно росло сельскохозяйственное производство. Сборы зерновых в КНР в 1955 г. составили 174,8 млн. т, в 1956 г. — 182,5 млн. т, в 1957 г. — 185 млн. т против 154,4 млн. т в 1952 г. За пятилетку валовая продукция сельского хозяйства возросла в стоимостном выражении на 25%. Производство зерновых культур увеличилось на 31 млн. т (на 20%). И это в условиях, когда государственные капиталовложения в сельское и лесное хозяйство, а также в ирригационное строительство составили всего лишь немногим более 4 млрд. юаней, то есть 7,6% от общей суммы капиталовложений. Этого было явно недостаточно для существенного подъема сельскохозяйственного производства.

За тот же период форсированными методами было проведено преобразование капиталистических предприятий путем превращения частнокапиталистической формы собственности на средства производства в различные формы смешанной государственно-частной собственности и затем превращение ее в государственную собственность.

Завершение в основном преобразований в сельском хозяйстве, кустарной промышленности, а также в сфере капиталистического предпринимательства привело к существенным изменениям в социально-экономическом строе страны. Эти изменения можно кратко охарактеризовать следующими данными: в 1957 г. по сравнению с 1952 г. доля государственного сектора в создании национального дохода возросла с 19 до 33%, кооперативного сектора — с 1,5 до 56%, смешанного государственно-частного сектора — с 0,7 до 8%, в то время как доля едино-

личных хозяйств снизилась с 72 до 3%, капиталистического сектора — с 7 до менее чем 0,1%. Таким образом, к концу первой пятилетки общественный сектор стал ведущей силой в народном хозяйстве страны.

Значительно окрепла за эти годы обороноспособность КНР. Помощь СССР и других социалистических стран позволила Китаю в исключительно короткие сроки на базе рационального сочетания задач экономического и военного строительства заложить фундамент современной оборонной промышленности Китая. При этом важно подчеркнуть, что небывалый рост оборонного могущества Китая сопровождался не только снижением удельного веса государственных расходов на оборону в бюджете страны, но и некоторым их абсолютным сокращением. За период с 1953 по 1957 год расходы на оборону уменьшились с 5,68 до 5,51 млрд. юаней, а их доля в государственном бюджете — с 26,4 до 19%.

Отмечая и подчеркивая в целом положительные итоги первой пятилетки, нельзя не отметить ряд существенных негативных моментов. В первую очередь следует отметить, что уровень развития производительных сил в стране, несмотря на высокие темпы роста в период 1953—1957 гг., все же оставался чрезвычайно низким. Общая экономическая отсталость сельского хозяйства серьезно тормозила индустриализацию страны. Из-за дефицита сельскохозяйственного сырья не были выполнены задания плана по выпуску важнейших видов продукции пищевой и легкой промышленности, в том числе почти на 10% не были выполнены планы производства хлопчатобумажных тканей и хлопчатобумажной пряжи, сигарет, на 20% и более невыполнены планы производства растительного пищевого масла и сахара.

Низкий уровень развития производительных сил, слабость экономических связей между отдельными районами и отраслями народного хозяйства, сложная демографическая ситуация и острота продовольственной проблемы, а также вопросы накопления в целом представляли собой реальные трудности, которые требовали неотложного разрешения. В то же время имелись реальные возможности их разрешения на пути научно организованного социалистического строительства.

Успехи социально-экономического развития КНР за первые восемь лет (1949—1957 гг.) были обусловлены тем, что КПК, руководившая страной, в основном следовала в эти годы принципам марксизма-ленинизма, требованиям общих закономерностей строительства социализма применительно к специфическим условиям Китая, шла в едином строю со странами социалистического содружества, была тесно связана с международным коммунистическим движением, и прежде всего с КПСС.

Что касается внешнеполитической позиции и деятельности КНР в годы первой пятилетки, то они, в общем, несомненно, находились в соответствии с курсом КПК на строительство социализма. КНР подобно другим странам социалистической системы выступала на международной арене как борец за мир, демократию и социализм. Эти годы убедительнейшим образом показали, что совокупность объективных условий внутреннего и внешнего порядка благоприятствовала эффективному социалистическому строительству в КНР.

Значительные успехи социалистического строительства в КНР в годы первой пятилетки — исторический факт. Фактом является и то, что тесное и всестороннее сотрудничество с братскими странами служило надежной гарантией неуклонного движения китайского народа по пути социального прогресса, подлинной национальной независимости и самостоятельности, невозможным вне системы международных отношений нового типа, отношений сотрудничества и взаимопомощи, дружбы народов, социалистического интернационализма.

Годы первой пятилетки в тридцатилетней истории КНР были периодом яркого проявления могучей преобразующей силы научного коммунизма. Они подтверждают, что выбор китайским народом социалистического пути развития был единственно верным.

Потерянные десятилетия

Сегодня официальная китайская печать открыто признает: «В течение 10 лет, с 1956 по 1966 г., дело строительства нашей страны много раз встречалось с помехами и подвергалось ударам, а в течение последующих 10 лет, с 1966 по 1976 г., встретилось с серьезной подрывной деятельностью... и было прервано, в результате чего в экономической и политической жизни нашей страны возник серьезный кризис. Таким образом, выдвинутые VIII съездом партии основные задачи не были выполнены в течение этих 20 лет» («Лиши яньцзю», 1979, № 4).

Итак, потеряны два десятилетия. А сколько еще времени потребуется китайскому народу, чтобы избавиться от политики маоизма, преодолеть тяжелые последствия более чем двадцатилетнего правления Мао Цзэдуна и его ближайших сторонников? Непростым и нелегким будет выход из глубокого социально-политического и экономического кризиса, в который ввергли КНР политика «большого скачка», маоистская «культурная революция», милитаристский великодержавный курс Мао Цзэдуна и его наследников. Слишком велики причиненные ими разрушения и завалы на пути китайского народа к социализму как в материальной, так и в идеологической областях.

Вернемся к событиям того времени, когда маоизм впервые утвердился в качестве государственной политики КНР, чтобы оценить масштабы вреда, причиненного маоистами китайскому народу.

С начала 1958 г. Мао Цзэдун и его сторонники, несогласные с решениями VIII съезда КПК, предприняли попытку их коренного пересмотра. Они объявили контрольные цифры второй пятилетки заниженными. Мао Цзэдун утверждал, что Китай, следуя «особым курсом», сможет через 7—10 лет обогнать СССР и США и стать мировой державой*.

Маскируя свой курс на превращение Китая в милитаристскую державу, Мао Цзэдун предложил новую генеральную линию — «напрягая все силы, стремясь вперед, строить социализм по принципу больше, быстрее, лучше, экономнее». Новая маоистская линия, по существу, означала отказ от генеральной линии строительства социализма в Китае, принятой ЦК КПК в 1953 г. и подтвержденной 1-й сессией VIII съезда КПК в 1956 г. В мае 1958 г. Мао и его группа навязали партии 2-ю сессию VIII съезда, где им удалось утвердить свою линию. На этой сессии центральным пунктом стал вопрос о темпах и содержании социальных преобразований, развития экономики. Маоистами был выдвинут волюнтаристский курс на «досрочное» построение социализма, навязаны «сверхтемпы» развития промышленности и сельского хозяйства.

Такого рода решение шло вразрез с позицией той части руководства КПК, которая выступала против «авангардизма» и исходила из реальных возможностей Китая. Эта позиция была отражена в докладе Лю Шаоци на 1-й сессии VIII съезда КПК. Он подчеркивал, что тем-

* В июне 1958 г. Мао Цзэдун, выступая на одном из строго секретных совещаний Военного совета ЦК КПК, доверительно поведал военному руководству о планах создания такой современной военной промышленности, которая могла бы обеспечить Китаю в конце 60-х годов «контроль» над Тихим океаном и готовность «к высадке в Японии, на Филиппинах и в Сан-Франциско», иными словами, позволила бы развернуть борьбу за мировое господство.

пы развития Китая должны быть прогрессивными, но и в то же время «они также должны бы быть устойчивыми и надежными, чтобы не отойти от правильных пропорций в развитии экономики, чтобы не создать слишком тяжелого бремени для народа». Однако Мао Цзэдун и его сторонники навязали стране политику «большого скачка». Ее существование состояло в том, чтобы путем резкого увеличения доли живого неквалифицированного труда, усиления интенсификации труда и широкого применения методов принуждения добиться увеличения производства зерна и стали, что, по Мао Цзэдуну, могло создать необходимые условия для стремительного роста экономического и прежде всего военно-промышленного потенциала страны, включая ракетное и термоядерное оружие.

Для превращения страны в мощную военную державу необходимо было, с точки зрения Мао Цзэдуна, утвердить в Китае «новую» социально-экономическую и политическую организацию общества. Ее принципы, то есть принципы «казарменного коммунизма», Мао Цзэдун изложил в августе 1958 г. на заседании Политбюро ЦК КПК в Бэйдайхэ.

Наряду с всеобщей уравнительностью характерной чертой маоистской схемы была ставка на методы принуждения, на всеобщую военнизацию китайского общества. Мао Цзэдун рекомендовал «сочетать Маркса с Цинь Шихуаном», то есть действовать методами создателя первой китайской централизованной империи, имя которого стало в Китае символом деспотизма.

Навязывание партии и всему китайскому народу военизированного режима и курса на создание милитаристской державы осуществлялось под прикрытием шумной пропагандистской кампании «трех красных знамен» — новой маоистской «генеральной линии», «большого скачка» и «народных коммун».

Маоисты не скупались на несбыточные обещания построить за три года коммунизм и дать трудящимся вечное счастье. Они широко эксплуатировали в своих националистских целях социалистические устремления китайских коммунистов и всех трудящихся, их желание ускорить процесс социалистического развития, преодолеть экономическую отсталость страны.

В многочисленных выступлениях Мао Цзэдуна и закрытых партийных документах того времени политика «трех красных знамен» прямо противопоставлялась теории марксизма-ленинизма и практике социалистического строительства в СССР и других странах социализма. Мао Цзэдун прямо признал: «Мы поступаем как раз наоборот по сравнению с тем, что делается в Советском Союзе, применяем совершенно «другие методы строительства социализма». По вине китайской стороны советские специалисты были поставлены в условия, делавшие невозможной их дальнейшую работу в КНР. В связи с этим Советское правительство в июле 1960 г. было вынуждено заявить об отзыве советских специалистов из Китая.

Ликвидация единого государственного планирования, децентрализация увеличения промышленностью, дезориентация административно-хозяйственных кадровых работников в центре и на местах вели к хаосу и неразберихе во всем народном хозяйстве КНР. Мероприятием, усугубившим дезорганизацию экономики, явилась развернутая по инициативе Мао Цзэдуна в сентябре — декабре 1958 г. массовая кампания за выплавку стали кустарным способом, которая отвлекла от производственного труда более 90 млн. человек. На производство стали, фактически непригодной для применения, было впустую израсходовано 80 млн. т угля и 40 млн. т железной руды. Прямые убытки исчислялись миллиардами юаней, а богатый урожай 1958 г. не был полностью собран.

В августе 1958 г. руководство КПК по инициативе Мао Цзэдуна декретировало повсеместный переход от сельскохозяйственных производственных кооперативов к народным коммунам. В течение нескольких месяцев 740 тыс. кооперативов были преобразованы в 26 тыс. коммун. «Коммунизация» сопровождалась массовым насилием и грубыми нарушениями социалистических принципов организации сельского хозяйства. В коммунах было проведено полное обобществление: у крестьян изымались все приусадебные участки, были отобраны скот и птица, обобществлялись даже предметы личного обихода: кастрюли, сковородки, мелкий сельскохозяйственный инвентарь и пр. Вводилось принудительное «бесплатное» (то есть безденежное) коллективное питание. Пропагандисты маоизма хвастались тем, что в Китае нет больше голодных. В действительности же при изъятии почти половины урожая в фонд накопления, управления и т. д., чего, собственно, и добивались маонисты, бесплатное питание обернулось для крестьян голодной нормой без всяких дополнительных денежных выплат. К тому же за три месяца бесплатного питания в коммунах были израсходованы все запасы продовольствия и даже частично посевной фонд.

Лишенные материальных стимулов к труду и насильственно поставленные в условия обезлички, уравниловки, казарменной дисциплины, принужденные в течение многих месяцев с предельной интенсивностью работать без выходных дней, рабочие и крестьяне уже к концу первого года «большого скачка» были доведены до грани физического истощения. Массовый характер принял производственный травматизм, часто со смертельным исходом.

Рост недовольства среди партийных кадров политическим курсом Мао Цзэдуна проявился на проходившем в июле 1959 г. совещании высших руководящих кадров партии и последовавшем за ним в августе VIII пленуме ЦК КПК.

Резкие критические замечания в адрес политики «большого скачка» и ее основного автора — Мао Цзэдуна — были высказаны в письме члена Политбюро, министра обороны Пэн Дэхуая Мао Цзэдуну от 14 июля 1959 г., распространенном среди участников совещания, а также в письмах и выступлениях кандидата в члены Политбюро, заместителя министра иностранных дел Чжан Вэньтяня, начальника Генштаба НОА Хуан Кэчэна и первого секретаря комитета КПК провинции Хунань Чжоу Сяочжоу. Природу политики «большого скачка» Пэн Дэхуай видел в мелкобуржуазном революционаризме и великодержавных гегемонистских претензиях Мао и его сторонников.

Мао Цзэдун и его сторонники, столкнувшись с нарастающим критическим отношением в партии к политике «большого скачка», предприняли серию маневров, чтобы расколоть оппозицию, изолировать наиболее решительных критиков и подавить недовольство. Мао выступил с прямыми угрозами в адрес участников пленума. Он заявил, что если критика его курса и его лично будет продолжаться, он пойдет на крайние меры — на военный переворот. «Я пойду в деревню и возглавлю крестьян, чтобы свергнуть правительство, — угрожал он участникам пленума. — Если освободительная армия не пойдет за мной, то я пойду искать Красную армию. Но, по-моему, народно-освободительная армия пойдет за мной».

Под давлением Мао Цзэдуна VIII пленум принял решение «об антипартийной группе во главе с Пэн Дэхуаем», которое в сокращенном виде было опубликовано лишь 8 лет спустя, в августе 1967 г. Пленум постановил снять Пэн Дэхуая, Чжан Вэньтяня, Хуан Кэчэна, Чжоу Сяочжоу со всех государственных постов, оставив их, однако, формально в составе руководящих органов партии. Впоследствии все они были репрессированы. Вместо Пэн Дэхуая на пост министра обороны был назначен Линь Бяо, незадолго до этого избранный пятым заместителем

председателя ЦК КПК Мао Цзэдуна. После пленума под флагом борьбы против «правого уклона» была проведена широкая чистка партии, усилены репрессии против недовольных, в частности в форме массовых выселков на «трудовое перевоспитание» в деревню.

Основной курс «трех красных знамен» не претерпел существенных изменений. Состоявшаяся в апреле 1959 г. 1-я сессия ВСНП 2-го созыва приняла показатели народнохозяйственного плана на 1959 г., предусматривавшие продолжение политики «большого скачка». Тем не менее в соответствии с рекомендацией ЦК КПК сессия освободила Мао Цзэдуна от обязанностей председателя КНР, что свидетельствовало об ослаблении его влияния в КПК под давлением растущей оппозиции. На пост председателя КНР был избран Лю Шаоци.

От авантюристической политики «большого скачка» пострадало все народное хозяйство. Выполнение второго пятилетнего плана было сорвано. Промышленное производство к 1962 г. сократилось почти вдвое по сравнению с 1960 г. Сбор зерна уменьшился в 1960 г. до 150 млн. т, то есть опустился ниже уровня 1952 г. при росте населения почти на 100 млн. человек. Резко сократились национальный доход и бюджетные поступления. В стране в 1960—1961 гг. практически повсеместно начался голод.

«Большой скачок» привел КНР к глубокому экономическому, социальному и политическому кризису. Он не разрешил, а, напротив, резко обострил все «больные» проблемы развития КНР: проблему индустриализации и ликвидации диспропорций в промышленности, проблему модернизации сельского хозяйства и ликвидации угрозы голода и недоедания, повышения благосостояния широких масс трудящихся, проблему изыскания средств и методов осуществления подлинной культурной революции.

Не менее тяжелыми были последствия «скачка» в сфере идеологической и политической жизни страны. Крушение иллюзий, связанных с идеей «большого скачка», породило недоверие масс к директивам партийного руководства, апатию, глухое недовольство и сопротивление. Сообщения с мест, доклады комиссий по проверке коммун, поступавшие в ЦК КПК, свидетельствовали о тревожном положении, о массовом недовольстве крестьян порядками в коммунах, о том, что это недовольство нашло отражение и в армии. На совещании Политбюро, состоявшемся в феврале—марте 1959 г., Мао Цзэдун говорил даже, что «несколько сот миллионов крестьян и бригадиры малых бригад объединились для сопротивления парткомам», что «народ неспокоен, армия неспокойна». Глубокое недовольство охватило и другие классы и слои населения: рабочий класс, интеллигенцию.

«Скачок» привел к обострению проблемы национальных меньшинств в КНР, поскольку в 1958—1959 гг. в национальных районах без учета конкретных условий также проводилась политика форсированного преобразования социальных отношений и отношений собственности, а под предлогом борьбы с «местным национализмом» проводилась замена национальных кадров китайцами. В марте 1959 г. произошло вооруженное восстание в Тибете, в результате чего местное тибетское правительство по приказу из Пекина было распущено и заменено военным контролем НОА. По официальным китайским данным, партизанские отряды тибетских «мятежников» насчитывали 20 тыс. человек. Регулярные части НОА вели в 1959—1960 гг. затяжные бои с «мятежниками» и в других провинциях юго-западного Китая.

Политика «большого скачка» и «коммунизации» закончилась полным провалом. Ее результатами были экономический хаос, голод, резкое обострение внутривнутриполитического положения в стране и ухудшение позиций КНР на международной арене. Начался идейный кризис мао-

изма и процесс падения престижа Мао Цзэдуна и его «идей» как в самом Китае, так и за его пределами.

В начале 60-х годов под влиянием критики и недовольства среди членов партии и общественности была принята политика, названная курсом на «урегулирование, укрепление, пополнение и повышение» народного хозяйства. Меры по ликвидации последствий «большого скачка» были намечены в решениях IX пленума ЦК КПК (январь 1961 г.). Пленум решил, что с 1961 г. вся страна должна сконцентрировать свои силы на укреплении сельскохозяйственного фронта, на неуклонном проведении курса «сельское хозяйство — основа народного хозяйства, промышленность — ведущая сила».

На основе решений пленума был проведен ряд крупных экономических мероприятий: реорганизованы народные коммунуны, резко свернуто капитальное строительство, прекращено массовое сооружение мелких примитивных предприятий, часть промышленных предприятий истроек была закрыта или законсервирована, многие предприятия переориентированы с выпуска промышленного оборудования на производство сельскохозяйственного инвентаря и предметов повседневного обихода. Резко сократилась численность рабочего класса. В 1961—1962 гг. из городов в деревни в административном порядке было переселено свыше 20 млн. человек. Для улучшения качества продукции и роста производительности труда был частично восстановлен принцип оплаты по труду. Крестьянам были возвращены приусадебные участки и домашнее имущество, разрешено держать свиней и домашнюю птицу.

Ценой громадных усилий и затрат в конце 1962 г. — последнего года второй пятилетки, сорванной «большим скачком», — удалось добиться лишь прекращения спада производства.

Ухудшение обстановки в КНР в 1961—1962 гг., недовольство кадровых работников политикой чисток и репрессий оказывали влияние на Лю Шаоци и других руководителей КПК, прежде поддерживавших Мао Цзэдуна. В речи на праздновании 40-летия со дня основания КПК (30 июня 1961 г.) Лю Шаоци выдвинул тезис о том, что политика КПК до «большого скачка» основывалась на положениях Маркса и Ленина, а курс «большого скачка» прямо связан с именем Мао Цзэдуна. В январе 1962 г. Лю Шаоци на созванном им расширенном рабочем совещании в ЦК КПК кадровых работников высших ступеней (на котором присутствовало 7 тыс. человек) отметил, что «нынешние трудности на 0,3 — результат стихийных бедствий, а на 0,7 — результат ошибок».

На совещании под давлением растущего недовольства коммунистов Мао Цзэдун вынужден был открыто признать свою причастность к серьезным ошибкам, допущенным в предыдущие годы.

Среди кадровых работников на местах и даже в центре участились выступления, содержавшие в скрытом виде критику «идей» и политики Мао Цзэдуна. Довольно ошутимый резонанс в стране получили едва завуалированные критические выступления в печати видного экономиста Сунь Ефана, писателя Шао Цюаньлина, известного писателя и историка, заместителя председателя народного комитета Пекина У Ханя, секретарей Пекинского горкома КПК Дэн То и Ляо Моша.

Большинство партийных и хозяйственных руководителей во главе с Лю Шаоци стремились возродить опыт социалистического строительства первой пятилетки, закрепленный в решениях VIII съезда КПК. Во внутривнутрипартийном плане они, по существу, требовали ликвидации влияния сторонников Мао Цзэдуна в руководстве партией, которые «не выполняют обещанного» и «не заслуживают доверия», а также реабилитации противников «большого скачка», репрессированных после VIII пленума ЦК КПК (август 1959 г.). Однако сопротивление авантюристической политике маоистского руководства не приобрело в рядах

КПК организованного характера. Оппозиция не сумела повести за собой большинство кадровых работников КПК и рядовых членов партии.

Вместе с тем волна недовольства и критических выступлений, охвативших партийные организации, проявление новых тенденций в развитии внутривнутрипартийной жизни и в экономической политике привели Мао Цзэдуна и его группу к выводу, что дальнейшее развитие этих процессов несет в себе прямую угрозу их положению в партии и в стране. К 1965 г. в руководящих органах КНР и КПК практически сложились две группировки, два центра, отношения между которыми становились все более напряженными.

Мао Цзэдун активно готовил к борьбе против оппозиционных сил армию. В мае 1965 г. в НОА были отменены воинские звания, что усилило личную зависимость офицерского корпуса от Военного совета ЦК КПК и от Линь Бяо. В китайской печати с 1965 г. все чаще стали появляться заявления об армии как об «основной опоре диктатуры пролетариата», как о «наиболее послушном орудии диктатуры».

Во второй половине 1965 г. обострилась борьба в руководстве КНР по кардинальным вопросам внутренней политики в связи с необходимостью разработки перспективного плана экономического развития, поскольку отказ в 1958 г. от планомерного строительства задержал экономический рост страны на 7 лет. Усилилась борьба в китайском руководстве и по важным вопросам внешней политики в связи с рядом серьезных провалов внешнеполитических акций Мао Цзэдуна на международной арене и усилением агрессии США во Вьетнаме. Часть китайского руководства во главе с Лю Шаоци наперекор Мао Цзэдуну настаивала на единстве действий с Советским Союзом, другими социалистическими странами и коммунистическими партиями, особенно в борьбе против американской агрессии во Вьетнаме.

Опасаясь, что развитие внутривнутрипартийной борьбы может привести к консолидации оппозиционных сил, Мао Цзэдун и его сторонники приступили к осуществлению политического переворота, закодированного под названием «великая пролетарская культурная революция». Цель этого переворота, по существу, заключалась в устранении политических противников Мао Цзэдуна, в разрушении народно-демократической политической системы, в утверждении военно-бюрократической диктатуры, которая была призвана закрепить маоистский политический курс, обеспечить средства превращения Китая в милитаристскую державу и реализации гегемонистской великодержавной внешней политики.

В результате руководимой лично Мао Цзэдун «культурной революции» были репрессированы многие видные партийные деятели и военачальники, многочисленные кадровые работники, устранена подавляющая часть членов ЦК КПК, разгромлены региональные бюро ЦК, провинциальные, городские, уездные партийные комитеты, прекращена деятельность всех гражданских партийных организаций, повсеместно ликвидированы органы народной власти, профсоюзы, комсомол и другие общественные организации.

«Культурная революция» нанесла тяжелый урон всему народному хозяйству и особенно промышленному производству и транспорту. Промышленное производство в 1967 г. сократилось против 1966 г. на 15—20%. Лишь к 1969 г. был восстановлен уровень производства 1966 г. Сбор зерна в 1967—1968 гг. оставался примерно на одном уровне, в результате чего в 1968 г. на душу населения приходилось зерна меньше (учитывая демографический фактор), чем в 1957 г.

Таков был итог экономического и социально-политического развала страны, с которым группировка Мао Цзэдуна приходила к IX съезду партии.

IX съезд КПК, созванный в апреле 1969 г. в условиях нарушения основных требований Устава КПК, узаконил политический переворот, совершенный «культурной революцией», и, основываясь на положении троцкистской теории «перманентной революции» о невозможности победы социализма «без торжества мировой революции», снял, по существу, вопрос о построении социализма в Китае. Антисоветизм был возведен в ранг государственной внешней политики КНР.

IX съезд, по сути дела, явился учредительным съездом новой партии — антимарксистской и антиленинской как по идеологии и организационным принципам, так и по всей своей политике.

Утверждение военно-бюрократической диктатуры в ходе и после «культурной революции» сопровождалось усилением и разрастанием репрессивного аппарата, широким распространением методов подавления и террора в отношении противников маоистского режима, да и всего населения. В период «культурной революции» и последовавших затем политических кампаний были уничтожены миллионы людей, подвергнуты различного рода репрессиям десятки миллионов.

«Большой скачок» и «культурная революция» сорвали выполнение второго пятилетнего плана, как и 12-летней программы развития сельского хозяйства КНР, предусмотревшей, в частности, увеличение производства зерна в 1967 г. до 360—375 млн. т.

«Культурная революция» привела к дезорганизации системы управления экономикой. Партийно-административный аппарат был разгромлен, деятельность Госсовета, министерств и ведомств в значительной мере была парализована. Органы военно-бюрократического режима, созданные им взамен, не могли эффективно справиться с ситуацией даже методами военного контроля над производством и распределением. Внедрение принудительных форм организации труда, консервация нищенского уровня жизни трудящихся вели к значительному снижению производственной активности трудящихся. Зато ежегодно росли военные ассигнования, составлявшие более 40% расходной части бюджета.

Система подготовки квалифицированных специалистов и кадровых работников для народного хозяйства КНР, нехватка которых ощущалась и до «культурной революции», была полностью дезорганизована. В результате «культурной революции» Китай недополучил миллионы специалистов высшей и средней квалификации. Большинство ученых, инженеров, техников, кадровых работников низшего и среднего звена подверглись репрессиям. Был прерван процесс ликвидации неграмотности. Подавляющее большинство детей школьного возраста были лишены возможности посещать школы.

В ходе «культурной революции» сложился современный китайский милитаризм, который в его сегодняшнем виде представляет собой реакционную систему, призванную путем военного принуждения и насилия обеспечить руководящей группировке политическую власть в стране и создать благоприятные внутренние условия для осуществления великодержавных замыслов на международной арене.

Разрушение политической системы, созданной в результате победы народной революции, повлекло за собой серьезные нарушения экономических законов и принципов социалистического хозяйствования, деформировало основы экономического базиса, создававшиеся в первое десятилетие КНР, поставило под угрозу социалистические завоевания китайских трудящихся.

Вследствие разрушения народно-демократической политической системы борьба за власть различных националистических группировок стала характерной чертой социально-политической ситуации в Китае. В условиях кризиса маоистской концепции развития страны борьба за власть различных группировок явилась отражением нестабильности, искусственности маоистского политического режима в целом.

Наглядным проявлением нестабильности режима военно-бюрократической диктатуры явился «сентябрьский кризис» 1971 г., когда с политической арены были устранены Линь Бяо и ряд других крупных руководителей. Открытая пекинская пропаганда долгое время хранила молчание по поводу содержания «сентябрьских событий». Только на X съезде КПК (август 1973 г.) китайское руководство представило официальную версию разгрома «контрреволюционного заговора», якобы учиненного «антипартийной группировкой Линь Бяо».

Анализ развития политической ситуации в стране свидетельствует о том, что при общей приверженности великодержавно-националистическому курсу пекинское руководство пришло в те дни к расколу в результате столкновения по целому ряду проблем, связанных с определением путей и методов консолидации режима и формирования его политической системы, направлений социально-экономического развития, кадровой политики, внешнеполитической ориентации страны.

Важнейшими из них были проблемы внешней политики Пекина. Ряд серьезных свидетельств указывает на сопричастность «сентябрьских событий» крутому сдвигу в китайско-американских, а также китайско-японских отношениях. На II пленуме ЦК КПК (август 1970 г.) были впервые оглашены сведения о давних тайных переговорах с Вашингтоном, которые велись китайскими представителями по указанию Мао Цзэдуна и Чжоу Эньлая, а также объявлено о готовящемся коренном повороте внешнеполитического курса страны в сторону сближения с США.

Поиски союза с империалистическими кругами, провозглашение руководством КНР Советского Союза врагом № 1, тогда как ранее китайский трудовой народ, его армия воспитывались в антиимпериалистическом духе, порождали недоумение и скрытое недовольство военных. В высшем командном составе НОАК выявилось противодействие. Устранение Линь Бяо и его сторонников сопровождалось новой волной террора, перетасовкой руководящего состава партии и армии.

В целях стабилизации обстановки в августе 1973 г. был проведен в условиях секретности X съезд КПК. Съезд в целом подтвердил стратегический курс китайского руководства в области внутренней и внешней политики, который в основных чертах был сформулирован на предыдущем съезде партии в 1969 г.

X съезд прошел под знаком апологии и возвеличения «культурной революции». Более того, в новом Уставе КПК, принятом съездом, она именуется «великой политической революцией... которая будет проводиться много раз». Подобная оценка «культурной революции» явилась свидетельством усиления позиций тех руководящих деятелей КПК, которые пришли к власти во время «культурной революции».

X съезд КПК, подобно предыдущему, обошел стороной актуальные проблемы социально-экономического и культурного развития Китая. Он ограничился простым перечислением некоторых прежних установок Мао Цзэдуна, зафиксированных и в документах IX съезда: политика «трех красных знамен» («большой скачок», «народная коммуна», «строить социализм по принципу: больше, быстрее, лучше, экономнее»), «сельское хозяйство — основа народного хозяйства, а промышленность — его ведущая сила», «опора на собственные силы», «ставить на командное место пролетарскую политику» и др. Эти и подобные им установки объединены генеральным курсом «Готовиться к войне и стихийным бедствиям».

Целям закрепления антисоциалистической платформы маонистского политического курса служил и пересмотр Устава КПК. Новый Устав партии по своим программным положениям принципиально не отличается от принятого IX съездом КПК. Главным в нем оставалась попытка увековечить «идеи» Мао Цзэдуна как теоретическую основу партии,

закрепить основные моменты маоистского политического курса в качестве долговременных программных установок КПК.

Развернутая после X съезда новая общенациональная политико-идеологическая кампания «критики Линь Бяо и Конфуция» по сути своей явилась своеобразным рецидивом «культурной революции», осуществляемой в рамках установившегося маоистского режима. Развернувшаяся в начале 1974 г. кампания сопровождалась усиленным формированием отрядов ополчения — миньбин (своеобразных штурмовых отрядов маоистов), организацией массовых выступлений рабочих, крестьян, солдат, студентов с требованием продолжения «революции в области надстройки», «в защиту культурной революции».

За критикой Линь Бяо и Конфуция стояли актуальные проблемы идеологической и политической борьбы маоистского руководства за упрочение созданного режима и реализацию его политического курса, за дальнейшее и всестороннее внедрение маоизма в общественное сознание, против всех недовольных и инакомыслящих в партии, армии и госаппарате, объявленных «последователями Линь Бяо и Конфуция».

С помощью новой кампании группировка Цзян Цин рассчитывала занять доминирующие позиции в партийно-государственном аппарате и в армии еще при жизни Мао Цзэдуна. Это, надо полагать, отвечало и замыслам самого Мао Цзэдуна, ориентировавшегося на эту группировку в руководстве, наиболее ортодоксальную в проведении маоизма и потому наиболее способную воспреемствовать «идеи» и установки Мао после его смерти. Целям закрепления положения ортодоксальных сторонников Мао Цзэдуна в высшем руководстве страны служили и другие политические кампании, развернувшиеся в последние годы жизни Мао. Одновременно эти кампании были отражением резко обострившейся борьбы различных маоистских группировок за власть.

Во внешней политике КНР с конца 50-х годов все более определенно осуществлялась линия на разрыв дружественных связей с СССР и другими социалистическими странами. По инициативе Китая произошло свертывание научно-технического сотрудничества, культурных связей, резко сократился объем торговли между СССР и КНР. Росло количество вызванных китайской стороной инцидентов на границе. Маоистами были выдвинуты претензии на территории Советского Союза и других стран. Все более выявлялся великодержавный, националистический характер политики руководителей КНР. Население Китая обрабатывалось во враждебном советскому народу духе.

Китайские руководители пытались добиться отказа международного коммунистического движения от установок, выработанных московскими совещаниями коммунистических и рабочих партий 1957 и 1960 гг. относительно характера современной эпохи, борьбы против идеологии и практики культа личности, путей и методов революционной борьбы, характера связи между основными силами мирового революционного процесса.

В период «культурной революции» совершались враждебные Советскому Союзу акции вплоть до бесчинств хунвэйбинов на территории советского посольства в Пекине (1967 г.), крупных антисоветских вооруженных провокаций на советско-китайской границе в марте и августе 1969 г.

С начала 70-х годов КНР все более ориентировалась на сближение с империалистическими и реакционными силами.

Оценивая качественные изменения, которые претерпела внешняя политика КНР, Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев в 1969 г. на Московском совещании коммунистических и рабочих партий отметил: «Практическая деятельность Пекина на международной арене все более убеждает нас в том, что внешняя политика Китая факти-

чески порвала с пролетарским интернационализмом, утратила классовое социалистическое содержание... Факты свидетельствуют о том, что китайское руководство только говорит о борьбе против империализма, на деле же оно прямо или косвенно ему помогает».

Попытки выхода из кризиса на пути смыкания с империализмом

Мао Цзэдун, скончавшийся 9 сентября 1976 г., оставил страну в состоянии глубокого социально-экономического и политического кризиса. Народное хозяйство КНР, по признанию нынешнего китайского руководства, к концу 1976 г. находилось на «границе катастрофы». Резко снизилось производство важнейших видов промышленной продукции. Производство зерна на душу населения едва достигало уровня 1955 г. Было официально заявлено, что страна в своем материально-техническом развитии отстала примерно на двадцать лет. В целом тяжелое положение в экономике сохраняется и в настоящее время, и производство продукции при непрерывном росте населения (958 млн. человек) не возрастает, а в отдельных случаях продолжает падать. Необычайно острой остается проблема обеспечения населения работой, питанием и одеждой. В мае 1979 г. заместитель премьера Госсовета Ли Сяньнянь вынужден был признать, что в КНР имеется 20 млн. безработных, «продуктов питания в стране недостаточно.., не произошло никакого реального изменения жизненного уровня населения... Продовольственного зерна не хватает — 100 миллионов человек в стране недоедают».

Китайская пресса единодушно утверждает, что и политический режим, существовавший при Мао Цзэдуне, являлся «феодалной фашистской диктатурой».

(«Жэньминь жибао» от 16 апреля 1979 г.).

Одной из причин сохранения крайне низкого жизненного уровня является непомерное бремя военных расходов. КНР, занимающая примерно сотое место в мире по размерам национального продукта на душу населения, вышла на одно из первых мест по объему военных затрат. Таково соотношение между масштабами нерешенных социальных и экономических проблем и концентрацией имеющихся национальных ресурсов на неразумные с точки зрения интересов широких масс трудящихся военные приготовления, поглощающие по-прежнему свыше 40% государственного бюджета.

Другим отражением кризисного состояния маоистского режима явилась непрекращающаяся борьба различных группировок высшего руководства за власть.

И наконец, важнейшим проявлением социального кризиса явился рост недовольства народных масс политикой Мао Цзэдуна и его сторонников, отражением которого были апрельские волнения 1976 г. и другие выступления.

Анализ ситуации в Китае позволяет сделать вывод о том, что наблюдается падение авторитета маоизма, причем не только среди руководящих кадров, но и в глубинах китайского общества. Происходит нарастание недовольства в широких массах китайского народа теми порядками, которые насаждались Мао Цзэдунем и которые в главных чертах были сохранены нынешними руководителями КПК.

Таким образом, маоизм в практическом и теоретическом плане оказался в глубоком кризисе, осуществление великоханьских стратегических замыслов «кормчего» становилось невозможным. В маоистском руководстве КНР резко обострилась борьба за верховную власть в стране, выявились разногласия в определении путей и методов реального осуществления стратегии маоизма. В октябре 1976 г. от власти

была устранена группа наиболее преданных сторонников Мао Цзэдуна — Цзян Цин, Ван Хунвэнь, Чжан Чуньцяо, Яо Вэньюань, отстаивавшие маоцзэдуновские постулаты: «политика — командная сила», «материальное стимулирование народа в производстве ведет к реставрации капитализма», «опора на собственные силы» и др. Устраненные от власти, эти последователи Мао были названы «бандой четырех» и на них была возложена ответственность за кризисное состояние страны, за произвол и насилие, учиненные в ходе культурной революции».

Пришедшее к власти руководство во главе с Хуа Гофэном, ставшим председателем ЦК КПК и премьером Госсовета КНР, в которое вошел и реабилитированный Дэн Сяопин (вторично устраненный от власти по личному указанию Мао Цзэдуна после событий 5 апреля 1976 г. на площади Тяньаньмэнь), объявило себя наследником Мао Цзэдуна.

Выдвижение на первый план экономических задач, поощрение материального стимулирования в народном хозяйстве явно входило в противоречие с «идеями» Мао и тем самым подрывало его авторитет. Это вынудило нынешнее руководство прибегнуть к фальсификации маоизма, утверждать, что в «идеях» Мао содержались указанные положения, но они были искажены «бандой четырех». Эти вынужденные отступления во внутренней политике, однако, не коснулись внешнеполитического маоистского курса, более того, внешняя политика КНР приняла совершенно откровенную антисоциалистическую направленность. Союз с империализмом и создание мирового антисоветского фронта стали ее главными целями. XI съезд КПК (август 1977 г.) и состоявшаяся на основе его решений 1-я сессия ВСНП третьего созыва (февраль 1978 г.) подтвердили верность маоистскому великоханьскому курсу. Антимарксистская концепция Мао Цзэдуна «о трех мирах» составила основу внешней политики КНР.

Выделяя антисоветизм как главное направление внешней политики КНР, Хуа Гофэн, ссылаясь на съезде на Мао Цзэдуна, утверждал, что США в настоящее время занимают «оборонительную» позицию и только «другая великая держава» — СССР несет угрозу и, следовательно, является «врагом № 1».

Кризисное состояние экономики и попытки успокоить народ посулами улучшить благосостояние страны обусловили выдвижение нынешним руководством КНР явно нереальной программы превращения Китая в передовую страну мира путем «четырёх модернизаций» (промышленности, сельского хозяйства, армии, науки и техники). Необходимость модернизации экономики объективно является неизбежной для Китая, но нынешнее руководство КПК по-прежнему старается использовать ее для наращивания военно-экономического потенциала, создания материальной базы для осуществления гегемонистских целей.

Китайские руководители игнорируют и тот факт, что в стране имеются сотни миллионов людей, не находящихся простой работы, и то, что стране необходимо привлечение в первую очередь внутренних ресурсов, они направили свои усилия на выпрашивание многомиллиардных займов для «сверхиндустриализации», для закупки дорогостоящего современного оружия. Не прошло и нескольких месяцев, как правительство КНР под влиянием возрастающей оппозиции такому авантюристическому курсу со стороны общественного мнения вынуждено было признать нереальность намеченных планов, аннулировав многие заказы на зарубежное оборудование, хотя, как это видно из информации, это не касается закупок вооружения.

Столкнувшись с тем, что Китай не будет располагать и в ближайшем будущем денежными средствами для оплаты дорогостоящих кредитов (7%) и не имеет технических кадров для освоения новой техники, китайское руководство приняло закон о широком доступе в страну

иностранный капитал. Участие капитала крупных стран Запада и Японии непосредственно в экономике КНР создает угрозу буржуазного перерождения и вставания КНР в капиталистическую систему.

Все это ставит китайский народ перед угрозой полной утраты завоеваний народно-демократической революции.

У мировой прогрессивной общественности нет никаких сомнений, что в лице нынешнего Китая, хотя и остающегося еще экономически слабым, мы имеем опасного поджигателя мировой войны. Агрессия Пекина против социалистического Вьетнама явилась наглядным выражением этого. Пекинские агрессоры грубо и бесцеремонно растоптали элементарные нормы международного права, попрали основные положения Устава ООН и попытались ввести в практику международных отношений концепцию, согласно которой они могут «наказывать» другие государства, если их политика не отвечает требованиям Пекина.

Агрессия Пекина против Вьетнама имеет широкий международный аспект. Она явилась акцией, на проведение которой было заранее получено согласие американской стороны. Вместе с тем она обнажила проникнутую духом высокомерия и великоханьского шовинизма политику грубого давления на соседние страны. Видимо, агрессия против Вьетнама явилась также своеобразным средством платежа за те услуги, которые Пекин получает от реакционных сил Запада.

Страны социализма, международное рабочее и национально-освободительное движение, все миролюбивые силы борются за упрочение мира и международной безопасности. Благодаря их неустанной деятельности произошли огромные перемены в международной обстановке, выразившиеся в том, что разрядка превратилась в доминирующую тенденцию международных отношений нашего времени. Сейчас человечество стоит перед лицом многих трудных и острых проблем. Обеспечить дальнейшее оздоровление международного политического климата, сделать необратимым процесс разрядки, укрепления дела мира и социального прогресса — благородная задача всех прогрессивных общественных движений. Для осуществления этой задачи не жалеют усилий передовые силы всего мира и прежде всего страны социалистического содружества.

Член Политбюро ЦК КПСС, секретарь ЦК КПСС К. У. Черненко, выступая 15 августа в столице Киргизии, подчеркнул: «Давая отпор политике китайского руководства, которая способствует нагнетанию напряженности, мы вместе с тем, как заявил XXV съезд нашей партии, готовы к тому, чтобы наши отношения с Китаем строились на принципах мирного сосуществования».

Бесспорно, большой вклад в дело укрепления мира могла бы внести Китайская Народная Республика, как одна из крупнейших держав, как постоянный член Совета Безопасности ООН. Деятельность КНР на этом поприще, ее активное участие в решении кардинальных проблем современности, в налаживании добрососедского сотрудничества между всеми странами и народами можно было бы только приветствовать.

Социалистические страны с полным пониманием относятся к законному стремлению китайского народа покончить с отсталостью, построить действительно социалистическое государство. Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР товарищ Л. И. Брежнев сказал по этому поводу: «Мы глубоко убеждены, что не на путях борьбы против СССР и других стран социализма, против всего коммунистического движения, а на путях союза и братского сотрудничества с ними может быть достигнуто подлинное национальное возрождение Китая, обеспечено его социалистическое развитие».

Фальсификаторы всемирной истории

НА ПРОТЯЖЕНИИ РЯДА ЛЕТ В КНР ВЕДЕТСЯ КАМПАНИЯ ПО ПЕРЕСМОТРУ — ФАКТИЧЕСКИ ЖЕ ПО ФАЛЬСИФИКАЦИИ — ВСЕМИРНОЙ ИСТОРИИ. ОНА ПРОВОДИТСЯ МАОИСТСКИМ РУКОВОДСТВОМ ПО ЧЕТКО ОЧЕРЧЕННОМУ ПОЛИТИЧЕСКОМУ ПЛАНУ И ПРЕСЛЕДУЕТ ВПОЛНЕ ОПРЕДЕЛЕННУЮ ЦЕЛЬ — СОЗДАТЬ ИСТОРИКО-ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ «ОБОСНОВАНИЕ» ВЕЛИКОХАНЬСКОЙ, ГЕГЕМОНИСТСКОЙ ЭКСПАНСИИ КИТАЯ. В ДАННОЙ КАМПАНИИ ИСПОЛЬЗУЮТСЯ ЛИШЬ ТЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ ФАКТЫ, СОБЫТИЯ, КОТОРЫЕ «ОПРАВДЫВАЮТ» ВЕЛИКОДЕРЖАВНЫЕ ПЛАНЫ МАОИСТОВ, ПРИЧЕМ ЭТИМ ФАКТАМ И СОБЫТИЯМ ДАЕТСЯ ЗАВЕДОМО ФАЛЬСИФИЦИРОВАННАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ. ТАКИМ ОБРАЗОМ, РАЗВЕРНУТАЯ В КНР КАМПАНИЯ ФАЛЬСИФИКАЦИИ ВСЕМИРНОЙ ИСТОРИИ ЯВЛЯЕТСЯ ОТРАЖЕНИЕМ И СЛЕДСТВИЕМ ОБЩЕЙ ЭКСПАНСИОНИСТСКОЙ ПОЛИТИКИ МАОИСТСКОГО РУКОВОДСТВА.

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ОСУЩЕСТВЛЯЕМОЙ ПЕКИНОМ КАМПАНИИ ПО ПЕРЕСМОТРУ ВСЕМИРНОЙ ИСТОРИИ БЫЛИ ПРЕДМЕТОМ ОБСУЖДЕНИЯ В РЕДАКЦИИ ЖУРНАЛА, В КОТОРОМ ПРИНЯЛИ УЧАСТИЕ: АКАДЕМИКИ А. Л. НАРОЧНИЦКИЙ, А. П. ОКЛАДНИКОВ, ЧЛЕНЫ-КОРРЕСПОНДЕНТЫ АН СССР П. А. ЖИЛИН, М. И. СЛАДКОВСКИЙ, Д. И. Н. В. Н. ВИНОГРАДОВ, А ТАКЖЕ УЧЕНЫЕ ИЗ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ СТРАН — Ш. БИРА (МНР), ДОА ЗУЙ ТУНГ (СРВ), И. ИШЖАМЦ (МНР), Д. КОСЕВ (БНР), Р. СЛАВИНСКИЙ (ПНР).

ВОПРОС: Известно, что одним из центральных направлений осуществляемого маоистами «пересмотра» истории является фальсификация истории России. В чем конкретно это выражается?

ОТВЕТ: В работах маоистских «специалистов» по истории нашей страны неизменно проводится заимствованный из западной антисоветской литературы тезис о «перерождении» СССР и продолжении им внешней политики царизма, разжигается ненависть к Советскому Союзу.

Маоистские фальсификаторы выделяют в истории дореволюционной России период самодержавно-крепостнической многонациональной монархии (с XVI в. до 1861 г.) и период капитализма, включая его империалистическую стадию. При этом народным массам и передовым силам общества маоисты не уделяют внимания. История России сводится ими в основном к истории территориальных захватов царизма, который изображается как единственная агрессивная сила и оплот реакции в Европе и Азии на всем протяжении его существования. Они полностью игнорируют вопросы о революционном движении в России, о рабочем классе, ленинизме и Великой Октябрьской социалистической революции.

Характеризуя роль России в Европе в XVII—XIX вв., пекинские фальсификаторы используют лишь одну тему «завоеваний», пытаясь свести к этому все содержание истории нашей страны. Они широко заимствуют всякого рода враждебные версии, которые выдвигались против России западными державами в XVIII—XIX вв. В частности, политика Петра I и вообще вся внешняя политика России в XVIII—XIX вв. в Европе и Азии освещается в соответствии с известной фальшивкой — подложным «завещанием» Петра Великого. Эта фальшивка, которая приписывает России планы захвата всей Европы и завоевания мирового господства, широко использовалась для оправдания войн против России при Наполеоне I, во время Крымской войны, Русско-турецкой войны 1877—1878 гг., в период первой мировой войны. Советские историки в своих работах достаточно убедительно доказали подложность этого завещания. Попытки китайских фальсификаторов истории рассматривать всю внешнюю политику России в аспекте этой фальшивки приводят к грубейшим извращениям исторической правды.

Маоистские фальсификаторы стремятся путем извращения истории и искаженного освещения событий восстановить против нашего народа народы других стран, особенно те, с которыми русский народ издавна был связан традиционными узами дружбы и солидарности в борьбе с внешними агрессорами и угнетателями. Они, в частности, в ложном свете представляют отношения России с балканскими и закавказскими народами, отрицая объективно прогрессивную (вопреки реакционности царизма) роль России в освобождении этих народов от османского и иранского ига.

Вопреки очевидным фактам маоистские авторы отрицают добровольность вхождения в состав России Грузии, азербайджанских ханств, Казахстана, спасение Россией Армении от османского геноцида, объективно прогрессивное значение вхождения в состав России и присоединения к ней других нерусских народов, в том числе многих народов Сибири и Средней Азии. Подобные злобные и невежественные рассуждения имеют целью подвести псевдонаучную аргументацию под планы изоляции, расчленения и ликвидации Советского Союза, открыто провозглашаемые нынешними руководителями Китая.

В изображении современной китайской историографией древнейших этапов истории нашей страны отчетливо просматривается совершенно определенная тенденция — начинать историю России с Московского княжества, представлять все остальные территории, кроме Тверского княжества, объектами «несправедливых захватов», разрывать преемственную связь между древней Киевской Русью и последующим развитием Русского государства с центром в Москве.

Попытки подвести научно несостоятельную аргументацию под тезисы о «советской колониальной империи» и о территории России как о механическом конгломерате захваченных в разное время земель и народов, не имеющих между собой органической связи, изобразить все это как случайное и неправомерное нагромождение произвольных «захватов» русских царей характерны для позиции современных маоистских фальсификаторов истории.

Пример тому дает обсуждение проблем Киевской Руси на симпозиуме, устроенном Аньхойским педагогическим институтом с привлечением специалистов других вузов. Газета «Гуанмин жибао» 22 декабря 1977 г. в отчете о симпозиуме отмечала, что его участники выступили против «традиционного толкования», согласно которому истоки русской нации и государства восходят к древним восточным славянам и существует преемственная связь между Киевской Русью и Россией нового времени. Советские ученые были обвинены в фабрикации концепции о том, что Киевская Русь объединила восточных славян и явилась колыбелью, из которой вышли и сформировались русский, украинский и бе-

лорусский народы. Перепевая антинаучные версии буржуазно-националистических украинских авторов и проявляя полное невежество в области истории нашей страны, участники симпозиума заявляли, будто бы еще в VII—VIII вв. сложились три обособленные нации — русские, украинцы и белорусы, причем полностью отрицали как их происхождение из единого корня, так и наличие всякого родства и общности между ними, изображали эти братские славянские народы исконными врагами.

Во всех этих рассуждениях, фальсифицирующих историю нашей Родины, присутствует стремление измышлять концепции, противопоставляющие народы Советского Союза друг другу, модернизировать и использовать в своих интересах ветхие националистические зарубежные, в частности эмигрантские, изыскания, прежде всего националистическую «историческую схему» М. С. Грушевского. Все эти действия маоистов направлены на обоснование тезиса о существовании мнимых национальных конфликтов внутри Советского Союза, противоречий и трений между его народами. Однако реальная советская действительность, братское сплочение народов СССР, расцвет их национальной по форме, социалистической по содержанию культуры в составе новой интернациональной исторической общности людей — советского народа ярко иллюстрируют беспочвенность подобных расчетов маоистских фальсификаторов.

ВОПРОС: Как в интерпретации маоистов предстает история установления границы между Россией и Китаем, история советско-китайских отношений?

ОТВЕТ: Маоистские фальсификаторы прилагают много усилий для извращения истории отношений между Россией и Китаем. Они полностью отвергают ленинское учение о самоопределении наций как основе для решения территориальных вопросов в современную эпоху, извращают историю пограничных районов обеих стран, искажают ленинскую трактовку неравноправных договоров капиталистических стран с Китаем, объявляя все относящиеся к территориальным вопросам статьи в русско-китайских договорах «неравноправными» и будто бы отвергнутыми в свое время Лениным.

На самом деле В. И. Ленин никогда не ставил вопрос о необходимости изменения или пересмотра русско-китайской границы и не считал определяющие ее договоры «неравноправными». Еще при жизни В. И. Ленина Советское правительство указывало, что аннулирование имеет место лишь в отношении тех соглашений, которые санкционируют аннексию чужих земель, касаются «сфер влияния» в Маньчжурии и Внутренней Монголии. Ни один из пограничных договоров при этом назван не был, хотя от консульской юрисдикции и несправедливых торговых привилегий Советское правительство отказалось.

Маоистские фальсификаторы истории не только реставрируют гоминьдановские (кстати, сравнительно ограниченные) претензии 30-х — начала 40-х годов на некоторые среднеазиатские территории СССР, но и выдвигают совершенно несостоятельные требования возврата 1575 тыс. кв. км якобы «потерянных» территорий, куда в древности и в средние века иногда проникали, а чаще всего даже не проникали китайские завоеватели, торговцы и сборщики дани. Китайские фальсификаторы выдвигают тезис о праве наследования завоеваний богдыханов, то есть полностью порывают с марксистско-ленинскими принципами решения территориальных вопросов.

Поскольку линия границы между нашей страной и Китаем складывалась еще в дореволюционный период, на протяжении более чем двух с половиной столетий, маоистские фальсификаторы уделяют особое

внимание извращению всей истории отношений России с Китаем. Они публикуют множество газетных и журнальных статей, а также мнимонаучных «исследований» по вопросам, касающимся истории внешней политики России на Дальнем Востоке. Вышли в свет, например, два тома четырехтомной «Истории агрессии царской России в Китае», где откровенно идеализируется политика китайских богдыханов. При этом вся история России интерпретируется как процесс территориальных захватов и полностью игнорируются внутренние процессы развития русского государства, народной колонизации, освоения обширных просторов Сибири, Дальнего Востока. Измыскиваются несостоятельные аргументы против вполне очевидных и подтвержденных историческими документами фактов, свидетельствующих, что к царской России присоединялись территории, не заселенные китайцами и непринадлежавшие Китаю.

Маоисты даже не пытаются прикрыть свой открыто националистический, тенденциозный подход к оценке политики русских царей и китайских богдыханов. Отбросив объективную классовую оценку, они идеализируют агрессивную политику Цинского Китая, являвшегося захватнической феодальной империей. Эпизодическое появление на той или иной территории богдыханских отрядов или сборщиков податей без всяких оснований объявляется ими доказательством того, что эти территории принадлежали Китаю. Используются отрывочные данные о военных экспедициях и сборе дани в Приамурье в XIII — начале XV вв. и обходятся молчанием непреложные факты, говорящие о том, что в середине XVII в. эти территории не находились под суверенитетом Китая и не были заселены китайцами.

Советские историки-международники уже давно доказали, что китайские фальсификаторы беззастенчиво извращают сущность неравноправных договоров России с Китаем. В результате многовекового исторического процесса Россия стала соседом Китая на Дальнем Востоке, а в последующем — и на огромном протяжении нынешней сухопутной границы между обеими странами. Нелепо игнорировать этот исторический процесс и объявлять территориальные статьи договоров XVII—XIX вв. неравноправными лишь потому, что они не нравятся нынешнему китайскому руководству. В то же время установлен факт, что договор, подписанный в Нерчинске в 1689 г. и отторгавший от России левый берег Амура, был заключен в результате военного нажима и шантажа со стороны Цинского Китая.

Для правильного понимания истории отношений России с Китаем важно углублять анализ многовековых особенностей развития международных отношений в Восточной Азии. В частности, чтобы точнее оценить полную несостоятельность притязаний Цинского Китая на владычество и суверенитет над многими прилегавшими к нему территориями, следует иметь в виду, что для этой страны очень долго были характерны обособленность от других крупных государств, окруженность слабыми, раздробленными ханствами, королевствами, княжествами, султанатами, соседство ряда пустынных и малонаселенных областей, не принадлежавших ни Китаю, ни другим государствам. В результате этого на Востоке Азии территориальные отношения, история формирования границ были иными, чем в Западной Европе, с ее плотно прилегавшими друг к другу и более тесно связанными между собой государствами.

Ввиду этого вопрос о границах Китая веками не уточнялся. Только границы собственно Китая, в частности по Великой китайской стене, были определенными, да и то не во всех частях, особенно на северо-западе и юге. Что касается внешних территорий, то очертания их и размеры часто менялись. Единовременные набеги на соседние территории с целью грабежа необоснованно выдавались местными властями

ми и правительством за включение этих территорий в состав Минской и Цинской империй, владений предшествующих династий. Появление посольства с купеческим караваном и обмен подарками расценивались как сбор дани, а соответствующая территория записывалась в число данников и вассалов правящей в Китае династии, хотя речь шла о совершенно самостоятельных племенах и княжествах.

В используемой маоистами аргументации отчетливо просматривается отпечаток древней официальной китайской доктрины, согласно которой Китай будто бы занимает центральное положение на земле и должен осуществлять верховный сюзеренитет над всеми другими государствами и народами. Подобного рода аргументация используется ими для обоснования тезиса о том, что Китаю принадлежат многие соседние территории, в том числе и такие, где никогда не было ни постоянных китайских военных караулов, ни цинских властей, ни сбора Китаем податей.

Процесс заселения Сибири — это не результат царской экспансии, а освоение необжитого края русскими трудовыми людьми. Этим Россия отличалась от западноевропейских государств, которые были представлены в Азии только военными кораблями, гарнизонами отдельных фортов в захваченных прибрежных пунктах, чиновниками и миссионерами, появившимися у берегов Китая еще в начале XVI в. Освещение процесса освоения Сибири русскими трудовыми людьми является важным достижением советской историографии.

Одним из существенных аспектов маоистских фальсификаций истории России является преувеличение ее роли и «удельного веса» в колониальной политике капиталистических держав в Азии. Если ранее, в 50-х и даже начале 60-х годов, китайские историки уделяли основное внимание освещению колониальной агрессии Англии, Франции и США, которые были инициаторами и главной силой колониального закабаления Китая, то в последние 10—15 лет маоистские фальсификаторы все больше заняты только Россией, пытаясь изобразить ее врагом, и притом главным, Китая и китайского народа. Замалчиваются факты, говорящие о том, что Россия не была инициатором опиумных войн и заключения неравноправных договоров с Китаем, не занималась вывозом из Китая кули, не использовала церковные миссии и миссионерскую деятельность для закабаления Китая и не ввозила в Китай опиум. К. Маркс писал, что у России совершенно особые отношения с Китайской империей, так как она издавна имела там духовную миссию и не вела морской торговли, и что поэтому на русских не распространяется та антипатия, с какой китайцы с незапамятных времен относятся ко всем иностранцам, вторгшимся в их страну с моря¹.

Советские ученые в многочисленных исследованиях доказали полную несостоятельность тезиса о якобы особой враждебности России к Китаю и раскрыли традиции давних добрососедских отношений между нашей страной и Китаем на громадных пространствах разделяющей их границы.

ВОПРОС: Каковы основные направления маоистских фальсификаций истории СССР!

ОТВЕТ: Со времени победы революции 1949 г. до начала 60-х гг. в опубликованных в КНР исторических работах давалась в основном правильная оценка исторической роли Великой Октябрьской социалистической революции, строительства социализма в СССР. Затем стала нарастать критика исторического опыта и политики Советского Союза, а в 1962 г. было в полный голос заявлено об особой линии КПК в меж-

¹ См. К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч., т. XII, с. 158—159, 685—689.

дународном коммунистическом и рабочем движении, в современном революционном процессе.

С этого времени в китайской исторической литературе развернулась кампания нападок на Советский Союз. В частности, этим нападкам подвергались тезис о перерастании диктатуры пролетариата во всенародное государство, непринятие положения о «непрерывном нарастании классовой борьбы при социализме». Были выдвинуты несостоятельные утверждения о превращении СССР в «ревизионистское государство». Из троцкистской и другой зарубежной антикоммунистической литературы в китайскую историографию перекочевал тезис о создании в СССР «нового класса буржуазии» в лице технократии, получила развитие и широкое использование троцкистская идея «перерождения социалистического строя» и «реставрации капитализма в СССР». Применительно к советской экономике стал использоваться термин «государственный капитализм». И в этом случае проявилась упомянутая тенденция усвоить и использовать клеветнические по отношению к Советскому Союзу версии западной троцкистской и социал-демократической советологии.

С конца 60-х годов в маоистской исторической и политической литературе усиливаются грубые нападки на партийное и советское руководство СССР, вплоть до беспардонного сравнения советской системы с фашизмом. Можно ли сомневаться, что эти нападки прежде всего преследуют цель отвлечь внимание населения КНР от его тяжелого и бесправного положения?

Особенно яростным нападкам маоистских фальсификаторов подвергаются развитой социализм в СССР, его теоретическая концепция и положительный опыт. Замалчивалась, а затем подверглась грубым нападкам новая Советская Конституция, распространяются вымыслы о том, что она была неблагоприятно встречена нашим народом, что не были учтены предложения, присланные в Конституционную комиссию. Разумеется, это лишь попытки ввести в заблуждение китайский народ, чтобы отвлечь его внимание от его угнетенного положения и нищенского существования.

В последние годы в исторической и экономической литературе Китая распространяется оценка советской экономической системы как высококонцентрированного «государственно-монополистического капитализма». При этом замалчиваются отсутствие частной собственности на средства производства, социалистический характер советской экономической системы, экономическая стратегия и социальная политика КПСС.

Статьи в китайской печати приняли еще более ожесточенный антисоветский характер во время и после празднования 60-летия Великой Октябрьской социалистической революции. Одним из важнейших направлений маоистских фальсификаций советского периода истории нашей страны является грубое извращение в исторической и политической литературе и печати внешней миролюбивой политики Советского Союза и попытки обосновать совершенно несостоятельные притязания на советские территории.

Еще в 50-х годах в КНР проявились признаки возвращения к богдыханским и буржуазно-националистическим гоминьдановским концепциям возврата «утраченных территорий», издавались учебники истории и карты, включающие эти территории в состав Китая. В 60-е годы такая пропаганда усилилась и стала связываться с расчетами на новую мировую войну, в ходе которой, как надеялись маоистские руководители, Китай должен был стать господствующей страной мира.

Во время «культурной революции» Советский Союз был объявлен «врагом № 1». Как известно, в 1977—1978 гг. китайская пресса, в том числе и научные журналы, открыто выдвинула идею мирового контр-

революционного союза всех государств и народов против СССР во главе с Пекином. Появилось немало статей о том, что в случае войны с СССР необходимо поднять против него все народы Европы, Азии, Африки и Америки.

В последние годы усилилась пропаганда тезиса о том, что СССР будто бы борется за мировое господство и продолжает колониальную политику царской России. Интенсифицируются попытки дискредитировать мировое социалистическое содружество, публикуются статьи, в которых говорится, что для стран СЭВ экономическая интеграция с СССР невыгодна, исторический опыт взаимовыгодного сотрудничества членов СЭВ на основе социалистического интернационализма замалчивается и искажается.

Пекинская пропаганда распространяет басни о «советском колониализме», небывлицы об угнетении в СССР национальных республик. Эти подстрекательства имеют целью столкнуть народы Советского Союза с русским народом, разрушить, расколоть нерушимую новую, интернациональную историческую общность — советский народ. Выдвигаются всякого рода лжепророчества о мнимом обострении национальных и классовых противоречий в СССР, весьма похожие на распространяемые на Западе писания разного рода отщепенцев из числа так называемых диссидентов. При этом китайская пропаганда не брезгает самой грубой ложью и дезинформацией.

В последние годы китайские фальсификаторы истории выдвинули в журнале Академии общественных наук КНР «Шицзе лиши» концепцию трех периодов новейшей истории, имеющую целью в извращенном виде представить место нашей страны в современном всемирно-историческом процессе. 1917—1949 гг., то есть период между Великой Октябрьской социалистической революцией и победой революции в Китае, объявляется первым этапом новейшей истории — периодом начала противостояния социализма и капитализма. При этом делается попытка умалить роль Великой Октябрьской социалистической революции и раздувается значение победы революции в Китае. Успехи СССР и других стран социализма замалчиваются, выдвигается тезис о том, что с 1949 г. до начала 60-х годов имел место второй этап новейшей истории, когда возник перевес сил социализма над силами империализма. Третий этап — после начала 60-х годов — рассматривается как период существования и борьбы трех миров, который якобы сменил существование и борьбу двух лагерей — социалистического и империалистического — после «перерождения СССР». Тезис этот явно имеет своей целью замаскировать превращение современного Китая в резерв, а затем и в союзника империализма, в опаснейший очаг новой войны. Эта концепция связана с отрицанием существования в современную эпоху мировой социалистической системы.

ВОПРОС: Как трактуется в современной китайской историографии победа СССР над фашистской Германией и милитаристской Японией во второй мировой войне?

ОТВЕТ: Остановимся на основных направлениях маоистской фальсификации истории мировой войны.

Прежде всего маоистские фальсификаторы извращают причины и дату начала второй мировой войны.

Как хорошо известно, вторая мировая война началась 1 сентября 1939 г. нападением фашистской Германии на Польшу. И вот теперь, спустя почти 40 лет, пекинские «исследователи» сделали сенсационное «открытие», заявив, что вторая мировая война началась не 1 сентября 1939 г. и не в Польше, а 7 июля 1937 г. в Китае. Именно об этом возве-

стила газета «Гуанмин жибао» в июле 1978 г., опубликовав статью Ван Чжэньдэ и Хоу Чэньдэ «О начале второй мировой войны», в которой содержится призыв пересмотреть «сложившиеся представления» и «восстановить подлинный облик» второй мировой войны. В чем же, по мнению авторов, состоит этот «подлинный облик»? В статье утверждается: 1) вторая мировая война началась в Китае; 2) не советско-германский, а китайский фронт был основным фронтом борьбы с агрессорами; 3) не Советский Союз, а Китай «защитил мировую демократию и цивилизацию» от фашистских варваров, оказавшись «на самой передовой линии главного фронта» антифашистской борьбы.

Ознакомимся с аргументацией авторов. Говоря о дате начала второй мировой войны, они пишут: «Инцидент у моста Марко Поло в районе Лугоцзяо 7 июля 1937 г. ознаменовал собой начало крупного вторжения империалистической Японии на территорию Китая. Это привело к образованию широкого фронта боевых действий Китая против фашизма, сразу же ознаменовало официальное начало второй мировой войны».

Что же случилось в тот день у моста Марко Поло на реке Юньдин близ Пекина? Вечером 7 июля 1937 г. одна из японских рот начала ночные учения в этом районе. Японцы были обстреляны китайским подразделением, строившим здесь оборонительные позиции. Командир японской роты, обнаружив «отсутствие в строю одного солдата», приказал открыть огонь по китайцам. Завязавшаяся перестрелка продолжалась до утра. Почти до конца июля шли бои у моста Марко Поло, где китайские патриоты успешно отражали атаки японских войск.

Правда, японская военщина, воспользовавшись инцидентом, развернула более активные боевые действия, продолжавшиеся уже много лет на китайской территории. Японские войска вторглись в центральные провинции Китая. Но это был очередной этап вооруженной борьбы, и не более. После инцидента у моста Марко Поло ни одна из «третьих» держав, интересы которых затрагивались в Китае, не объявила войну Японии, как это было в случае с Польшей. Японо-китайская война не переросла в мировую.

В качестве основной причины второй мировой войны указанные выше китайские историки выдвигают тезис о том, что Япония, вторгнувшись в Китай, «также вторглась и в сферы влияния империалистических государств — Англии, Франции и Америки, а это означало, что империалистическая война за гегемонию началась». Но сводить причины второй мировой войны к борьбе лишь за «сферы влияния» — значит не понимать сложности и особенностей этой войны.

Вторая мировая война, в отличие от первой, велась не просто за передел мира. Фашистская группировка, возглавлявшаяся гитлеровской Германией, ставила своей целью завоевание мирового господства, порабощение и даже уничтожение целых народов. Важно также учитывать, что вторая мировая война вызревала и разрасталась в новой исторической обстановке, в новую эпоху всемирной истории, открытую Великой Октябрьской социалистической революцией, в эпоху, основным противоречием которой было и остается противоречие между социализмом и капитализмом. Поэтому милитаристские замыслы обеих империалистических группировок вынашивались и осуществлялись на идеологической, классово-антисоветской основе.

Что же касается японо-китайских противоречий и противоречий между Японией и западными империалистическими державами «из-за Китая», то они не были решающими, не они предопределили возникновение мировой войны. Известно, что США, Англия и Франция не только не препятствовали японской агрессии в Китае, но и, руководствуясь антисоветскими целями, оказывали всяческое содействие Японии, надеясь на создание с ее помощью плацдарма войны против СССР.

Маоистские фальсификаторы всячески стремятся умалить роль советско-германского фронта и Советского Союза и преувеличить роль японо-китайского фронта и Китая во второй мировой войне.

В уже упоминавшейся статье в «Гуанмин жибао» ее авторы утверждают, что с образованием театра боевых действий в Китае (июль 1937 г.) он стал «составной частью второй мировой войны», а Китай оказался «на самой передовой линии главного фронта антифашистской борьбы, борьбы в защиту мировой демократии и цивилизации». В связи с этим утверждением следует уточнить действительную роль «китайского фронта» во второй мировой войне, вклад Китая в общую победу над фашистскими агрессорами.

Относительно «главного фронта» войны, или иначе — «главного театра военных действий», следует напомнить, что в ходе сражений, происходивших между двумя противостоящими группировками государств, сложилось два основных театра войны — Европейский (Западный) и Азиатский (Восточный), каждый из которых охватывал несколько районов военных действий. Главную роль во второй мировой войне вплоть до разгрома гитлеровской Германии в мае 1945 г. играл Европейский театр, а на нем — советско-германский фронт, где происходили величайшие сражения второй мировой войны и где решался исход войны не только с гитлеровской Германией, но и с ее союзниками, агрессивным фашистским блоком в целом.

Азиатский театр войны имел второстепенное, подчиненное значение по отношению к Европейскому, так как в глобальной стратегии фашистской коалиции действовавшей здесь Японии отводилась вспомогательная роль. Не только среди всех районов военных действий, но даже среди районов военных действий в Азии «китайский фронт» не играл главенствующей, определяющей роли. Фактически в течение всей войны в Китае китайские войска не провели ни одной крупной стратегической операции.

С начала образования «регулярного» фронта в Китае гоминьдановская армия, составлявшая основу войск, противостоящих японским захватчикам, ни разу не предприняла по своей инициативе крупных наступательных операций. А после нападения гитлеровской Германии на Советский Союз и первых успехов немецко-фашистской армии гоминьдановские войска впали в особую пассивность. Так было вплоть до победы советских войск в одной из решающих и крупнейших битв второй мировой войны — Курской. Национально-освободительные силы Китая, в частности 8-я армия, после нападения фашистской Германии на Советский Союз тоже заметно уменьшили свою активность в тылах и на коммуникациях противника. Китайские руководители мечтали в ту пору только об одном: отсидеться в Яньани, накопить силы, чтобы в подходящий момент начать бороться за власть.

Советский народ, наши историки отдают должное многолетней героической борьбе китайского народа против японских агрессоров, высоко оценивают вклад Китая в антифашистскую борьбу народов и жертвы, которые он понес в ходе этой борьбы. Тем не менее китайский фронт был своеобразным как по напряженности боевых действий, так и по их направленности.

Исторические факты таковы, что китайский театр боевых действий не только не был «передовой линией главного фронта антифашистской борьбы», но не был и основным фронтом в борьбе с Японией. Без вмешательства внешних сил Китай не мог освободить себя, какими бы измышлениями ни занимались ныне в Пекине.

Общеизвестно, что именно вокруг нашей страны, сыгравшей решающую роль в разгроме фашистской Германии и милитаристской Японии, объединились все силы, противостоявшие фашизму, что Советский Союз, возглавив справедливую, освободительную войну против импе-

риалистической агрессии, принял на себя основную тяжесть борьбы с главной ударной силой агрессивного блока — фашистской Германией, что на советской земле был прегражден путь фашистской агрессии. Здесь были уничтожены основные силы фашистских завоевателей, была сожжена и уничтожена основная масса боевой техники и оружия агрессоров. Именно Советский Союз и его Вооруженные Силы выполнили свою освободительную миссию и довели борьбу до победного конца. В результате человечество было спасено от фашистского порабощения.

Советский Союз не только сыграл решающую роль в освобождении ряда стран Европы, но и оказал решающую помощь китайскому и другим народам Азии в разгроме японских захватчиков. Обстановка, сложившаяся в Китае даже на заключительном этапе второй мировой войны, когда над Берлином уже развевался алый стяг победы, не оставляла никаких надежд на скорое изгнание японцев из страны собственными китайскими силами. Не рассчитывали быстро справиться с японцами также США и Великобритания. Только вступление СССР в войну с Японией сразу изменило всю обстановку на дальневосточном театре войны и ускорило ее окончание.

Китайские историки всячески стремятся умалить значение помощи Советского Союза китайскому народу в годы второй мировой войны. В связи с этим следует напомнить некоторые исторические факты. Когда вооруженная до зубов японская армия предприняла наступление на Китай в 1937 г., гоминьдановские силы и войска КПК оказались в тяжелом положении. Плохо вооруженные, слабо обученные, они не могли противостоять агрессору и вынуждены были отступить.

В это трудное для Китая время Советский Союз оказал ему большую дипломатическую и военную поддержку. 21 августа 1937 г. по предложению СССР был подписан советско-китайский договор о ненападении. Лига Наций по настоянию Советского Союза выразила моральную поддержку Китаю и осудила японскую агрессию. Советское правительство приняло срочные меры по оказанию помощи Китаю поставками вооружения, боеприпасов и горючего. Первые 225 самолетов были доставлены в Китай уже в ноябре 1937 г. В 1938 г. Советский Союз предоставил Китаю два кредита по 50 млн. долл. и направил в счет кредита самолеты, танки, орудия и боеприпасы. Из СССР в Китай прибыли военные советники, которые приняли активное участие в организации вооруженной борьбы китайского народа против японских захватчиков.

Советская военная помощь продолжалась и в последующие годы. 16 июня 1939 г. был подписан договор о торговле между СССР и Китаем. Советское правительство увеличило поставки оружия, боевой техники, боеприпасов и горючего. В начале 1941 г., несмотря на возросшую опасность для нашей страны со стороны фашистской Германии, Советское правительство направило Китаю 200 бомбардировщиков и истребителей. Все это позволило китайскому руководству, в том числе руководству КПК, укрепить свои вооруженные силы и активизировать борьбу против японской агрессии.

Советское командование уже в конце войны по просьбе КПК передало НОАК большое количество вооружения и боевой техники, захваченных Советской Армией в Маньчжурии при разгроме Квантунской армии Японии. Это дало возможность перевооружить войска НОАК, сформировать и оснастить новые части и соединения. А ведь именно соединения НОАК, сформированные в Маньчжурии с помощью Советского Союза, сыграли решающую роль в ходе гражданской войны в Китае (1946—1949), закончившейся созданием Китайской Народной Республики.

Советский Союз, несмотря на огромные трудности, связанные с послевоенным восстановлением страны, предпринял эффективные усилия для укрепления народно-демократического района Маньчжурии, возникшего в результате разгрома Квантунской армии Японии. Именно Маньчжурская революционная база стала тем стратегическим плацдармом, опираясь на который войска КПК смогли развернуть наступление и освободить в конечном счете всю страну от чанкайшистов и их империалистических покровителей.

Эти факты теперь всячески замалчиваются или фальсифицируются в Китае.

Маоистские историки и пропагандисты, переделывая на свой лад историю и грубо извращая ее в интересах проводимой в Китае антисоветской политики, стремятся заставить китайский народ, особенно молодежь, вычеркнуть из памяти все то, что связано с бескорыстной помощью советского народа в борьбе за свободу и независимость Китая.

ВОПРОС: Чем объясняется стремление маоистской историографии фальсифицировать историю второй мировой войны, переделать ее на пекинский лад!

ОТВЕТ: Маоисты особенно усердствуют в пересмотре итогов второй мировой войны, в подстрекательстве к новой войне. Еще в 1964 г. Мао Цзэдун выступил против послевоенного территориального статус-кво в Европе, против границы по Одере — Нейсе и призвал к «пересмотру» этой границы. Не так давно заместитель председателя Госсовета КНР Ли Сяньнянь в беседе с делегацией японских деловых кругов ратовал за реализацию территориальных претензий Японии к СССР. Эта реваншистская идея, призывающая «переиграть войну» на новой коалиционной основе, назойливо пропагандируется последователями Мао.

Маоисты выдвинули тезис о неизбежности новой, третьей мировой войны. Они утверждают, что «каждое поколение должно иметь свою войну», что после второй мировой войны прошло уже более 30 лет и настало время начать третью мировую войну. Нынешние пекинские лидеры, проповедуя теорию неизбежности войны, стремятся ускорить ее, создать против СССР единый фронт империалистических государств. По сути дела, авантюра против Социалистической Республики Вьетнам есть попытка спровоцировать новую мировую войну.

Извращая события второй мировой войны, принижая решающую роль Советского Союза в достижении победы, пекинские политики и идеологи, смыкаясь с силами мировой реакции, стремятся подорвать международный авторитет, завоеванный советским народом и его Вооруженными Силами в результате победы над фашистской Германией и милитаристской Японией, внести разлад в содружество социалистических стран, идейно оправдать подготовку новой мировой войны против Советского Союза и других социалистических государств.

ВОПРОС: Какое место в фальсификации маоистами истории занимает такая историческая дисциплина, как археология?

ОТВЕТ: Археологии и археологическим памятникам издавна придавалось особое значение в Китае. Еще в сунские времена эта наука привлекала внимание видных ученых эпохи феодализма. Пристально изучались тексты далекого прошлого, древние монеты, ритуальная бронза, бронзовое оружие. Уже тогда издавались специальные каталоги бронзовых сосудов эпохи Инь и Чжоу, бронзовых мечей и кинжалов, особенно с надписями. В этом смысле китайская археология предшествует

возникновению европейской археологической науки. Однако, отдавая должное раннему развитию археологической науки в Китае и ее значительным для эпохи феодализма достижениям, следует иметь в виду и ее специфику.

Интерес к вещественным памятникам старины в древнем и средневековом Китае имел широкую идеологическую основу, определенную мировоззренческую и политическую ориентацию. Его классовой основой была идеология господствующих классов феодального общества Китая, стремившихся сохранить и упрочить силу классовых традиций, унаследованных от рабовладельческого общества, закрепить господство феодальной бюрократии, политической верхушки над социальными низами народа — крестьянством. В повышенном интересе к памятникам древней культуры сказывалось и традиционное шовинистическое стремление противопоставлять все китайское не китайскому. Китай представлялся как единственный центр и источник культуры всего человечества. «Срединная империя» противопоставлялась остальному миру — миру «варваров», обреченных на извечную культурную, политическую и экономическую зависимость от Китая. На базе этого зарождался и веками развивался китайский идеологический и политический гегемонизм, выражавшийся в подчеркнутом внимании к археологии как «национальной» науке.

Политическая направленность трудов китайских археологов неизбежно приводила к различного рода фальсификациям в интересах «обоснования» определенных политических идей и целей. Таковой уже в ранние времена была, например, история с бронзовыми треножниками, «случайно» выловленными в Хуанхэ, на которых были обнаружены «исторические» тексты, якобы относящиеся к начальному периоду истории Китая. Тенденции к фальсификации исторических памятников стали устойчивыми в китайской археологии последующих времен.

Известный сдвиг в китайской исторической науке и археологии в сторону от этих традиций прошлого произошел после образования КНР под влиянием марксизма-ленинизма, под воздействием советской археологии. Наблюдалось также и влияние прогрессивно настроенных представителей западной археологической науки.

С захватом власти маоистами и утверждением маоистской идеологии этому прогрессивному влиянию был поставлен заслон. Археология в Китае полностью превратилась в отравленное шовинизмом орудие идеологической борьбы, стала средством гегемонистской агрессивной политики маоистов, направленной в первую очередь против Советского Союза, против марксизма-ленинизма, ленинской теории национальных отношений, против ленинской концепции всемирной истории.

Китайские археологи усилили свои раскопки в районах, непосредственно прилегающих к границам Советского Союза, и начали их именно там, где имели место вооруженные провокации маоистов. Примером служит район у острова Даманского, где, как сообщалось в китайских газетах, велись раскопки, имевшие неприкрытую политическую цель — «обосновать» захват исконно русских территорий. Об агрессивности намерений и антисоветизме китайских археологов свидетельствует их лженаучная деятельность и в районах, пограничных с Монгольской Народной Республикой, во Внутренней Монголии.

Что же касается общих проблем археологии, то они решаются на основе маоистской установки об исключительности ханьцев и их культуры. Этой установке подчинены все исследования по истории Китая, начиная с палеолита. Еще в начале 60-х годов китайскими археологами была предпринята попытка обосновать утверждение о том, что синантроп является древнейшим предком человека, а Китай, следовательно, — прародиной человечества. Эта попытка опиралась на необоснованные рассуждения об исключительной древности и уникальности

синантропа, с одной стороны, и на тенденциозное толкование, замалчивание или фальсификацию места в истории человечества питекантропа, австралопитека, а также ряда известных и общепризнанных фактов — с другой. Националистические тенденции в трактовке вопроса о синантропе усилились в 70-е годы, когда маоисты выступили против результатов исследований советских ученых, доказавших, что территории Монголии и Советского Дальнего Востока входили в ту часть Азиатского материка, где существовали древнейшие люди и развивалась их культура.

Стремясь любыми средствами доказать исключительную древность синантропа, искажая характер конкретно-исторических связей палеолита Китая с другими палеолитическими культурами, представляя Китай в качестве единственного древнейшего центра культуры, из которого происходило распространение культуры в другие районы мира, китайские археологи пропагандируют тезис об извечном господстве Китая в мире, обслуживают гегемонистские устремления пекинских руководителей. Тезис об исключительности и необыкновенной древности китайской культуры, ее превосходстве над культурой «варварских» народов служит одним из аргументов, с помощью которых маоистская историография оправдывает территориальные захваты Китая в прошлом и обосновывает «законность» территориальных притязаний к соседним странам нынешнего пекинского руководства.

ВОПРОС: Многие ученые-историки отмечают, что традиционное для китайской историографии невнимание к истории народов, удаленных от сферы непосредственных интересов Китая, ныне сменяется острым интересом к некоторым из них. В чем это выражается?

ОТВЕТ: В последнее время в Китае заметно усилилось внимание к истории стран Центральной и Юго-Восточной Европы. Однако этот «интерес» проявляется крайне однобоко: он концентрируется главным образом на проблеме отношений этих государств с Россией. Внимание маоистских «историков» привлекает только одна, и притом далеко не главная черта в отношениях России с народами Балкан и Центральной Европы, а именно политика царского правительства в этом регионе. Маоисты видят в этом средство для еще одной попытки создать трещину в социалистическом содружестве, отравить отношения СССР и европейских социалистических стран ядом былых обид, по большей части мнимых. Ради этого маоисты, предав принципы марксистского исторического анализа, клеветнически представляют Советский Союз преемником внешней политики дореволюционной России.

Примером может служить выпущенный в 1977 г. в Пекине сборник «Критика исторических взглядов советских ревизионистов». В сборнике был помещен и материал под заглавием «Ответ на абсурдную теорию советских ревизионистов о так называемой освободительной роли России». В нем пекинские историки ставят задачу «разоблачить» советскую историческую науку, которая, как они пишут, по приказу «новых царей — советских ревизионистов — всячески извращает и фальсифицирует историю, восхваляет и воспеваает агрессивную политику старых русских царей», проповедует «различные абсурдные теории для оправдания агрессии и экспансии». Одновременно пекинские историки дают «новое освещение» освободительной борьбы балканских народов против османского ига и поучают их, какие выводы они должны сделать из уроков своей истории.

В чем, по мнению пекинских историков, состоит «абсурдная теория» советской исторической науки по вопросам балканской политики России в XVIII и особенно в XIX вв.? В течение нескольких поколений, утверждали пекинские историки, русские цари неизменно стремились к

захвату Балканских стран насильственным путем, прикрывая свою «варварскую агрессию и экспансию» лозунгами об «освобождении народов» и о «помощи славянским братьям».

Политика России на Балканах, ее отношение к национально-освободительному движению балканских народов и ее роль в их освобождении от османского ига — это обширная и серьезная тема. Она была и остается предметом исследований не только советских, но и болгарских, югославских, румынских, греческих и западных историков. На эту тему опубликовано множество работ, в которых на основании многочисленных фактов подробно исследованы политика России на Балканах, отношение угнетенных Османской империей народов к русско-турецким войнам, их значение для освобождения этих народов и пр. Однако все это не интересует пекинских историков. Их не интересует положение балканских народов под турецким игом и то, что эти народы думали о России, как относились к ее балканской политике. Для того чтобы «разгромить» «абсурдную теорию» об освободительной роли России, пекинские историки считают достаточным подобрать «подходящие» цитаты из произведений Маркса и Энгельса.

Как известно, Маркс и Энгельс тщательно изучали положение Османской империи, освободительное движение народов, находившихся под османским игом, противоречия и борьбу великих государств, главным образом России, Англии и Франции, за влияние на Балканах. Еще в середине XIX в., накануне Крымской войны, Маркс и Энгельс с поразительной точностью раскрыли причины, по которым турецкая военно-феодалная система неудержимо разлагалась вопреки всем усилиям со стороны западных государств, заинтересованных в ее существовании.

Пекинские историки берут из работ Маркса и Энгельса лишь то, что «работает» на сконструированную ими концепцию «гегемонистских устремлений» России в Юго-Восточной Европе. Они «пропустили» важные оценки Марксом и Энгельсом балканской политики России, их выводы об отношении к ней балканских народов. Как известно, разоблачая реакционную политику царизма, Маркс и Энгельс показали также и надежду угнетенных балканских народов на освободительную миссию России, ее роль в их освобождении и восстановлении самостоятельной государственности.

Применяя тот же метод подбора «нужных» цитат, пекинские историки грубо извращают оценки советской исторической науки, относящиеся к политике царской России на Балканском полуострове в XVIII и XIX вв., к ее роли в освободительном движении народов Европейской Турции. Любой добросовестный читатель, даже при самом беглом рассмотрении указанных пекинскими историками работ советских авторов, легко убедится, что там нет никаких восхвалений царизма и его политики. Советские историки в соответствии с исторической правдой объективно показывают положительную роль политики России в освободительном движении балканских народов, ее помощь в освобождении их от чужеземного ига, в восстановлении их государственности. Независимо от реакционной сущности царизма и его завоевательной внешней политики Россия объективно оказала балканским народам содействие и решительную помощь в их освобождении от турецкого ига.

Однако пекинские историки обходят молчанием данную в советской исторической литературе верную характеристику царизма и его политики, выбирают из советской исторической литературы отдельные высказывания о роли русской политики на Балканах, в освободительном движении балканских народов и на основании нескольких таких изолированно цитируемых положений объявляют советских историков ревизионистами, приписывают им «хвалебные песни» русским царям.

Советские историки никогда не закрывали глаза на реакционную сущность внешней политики царизма. Однако было бы вопиющим нарушением принципов марксистского анализа за планами царизма не видеть совокупности явлений на Балканах во всей их глубине, противоречивости и диалектическом единстве. С этой точки зрения неоспоримо, что в решающую эпоху своей истории, эпоху национального освобождения и становления государственности, балканские народы опирались на сотрудничество и помощь народов России. Вычеркнуть эти страницы из памяти народной нельзя. Конъюнктурный, спекулятивно-политический замысел публикуемых ныне в Китае исторических работ ясен. Маоисты в злостных целях совершают двойную фальсификацию: во-первых, подгоняют исторические события под сфабрикованную ими схему «извечного» стремления России к гегемонии; во-вторых, ставят знак равенства между политикой старой России и политикой Советского Союза.

ВОПРОС: Пекинские фальсификаторы искажают и историю русско-польских отношений. Как и с какой целью это делается?

ОТВЕТ: Начиная с 1976 г. в Китае стали появляться разнообразные публикации, касающиеся истории Польши. Они, как правило, относятся к ее определенному аспекту и, естественно, соответствуют требованиям маоистской пропаганды. Эти публикации призваны выполнить определенную подсобную роль по отношению к совокупным маоистским взглядам на прошлое и настоящее мира.

Например, в 1976 г. появилась разработка Чэнь Жэньцзяня «Освободительная борьба польского народа в XIX в. против России». Уже по самому своему замыслу эта публикация преднамеренно сводила весь вопрос только к одной из трех аннексированных частей Польши. В этой публикации, как и во многих других, лишь мимоходом упоминается роль Пруссии и Австрии в осуществлении разделов Польши, а на первый план выдвигаются действия царской России. В то же время обходится молчанием вопрос о союзе польских революционеров с русскими демократами, а затем с русским рабочим движением. Зато подробно представлены территориальные приобретения царской России в результате разделов Польши.

Чэнь Жэньцзянь излагает ход польских восстаний 1846, 1848 и 1863 гг., уделяя особое внимание значению последнего из них. Автор подчеркивает данную Энгельсом высокую оценку программы этого восстания. Однако у читателя не создается впечатления, что пекинский историк ставит себе целью напомнить о героическом порыве польского народа или проанализировать характер программных установок восстания. Описание исторических событий, приводимые отрывки из революционных и повстанческих песен являются лишь канвой, на которой упорно вьется основная нить едкой антирусской пропаганды. Подчеркивается экономическая отсталость России и аннексированной ею части Польши по сравнению с районами, аннексированными другими государствами. Постоянно муссируется положение о том, что национальное восстание 1863 г. нанесло удар по главным резервным силам европейской реакции. Ссылки на мнения классиков марксизма о международном значении этого восстания делаются вовсе не для того, чтобы показать подлинный характер восстания 1863 г., а с целью подчеркнуть отрицательную роль царской России в Европе.

Тенденциозно подобранные таким путем факты и оценки должны подвести читателя к нужным маоистам выводам. Заключительный раздел этой характерной брошюры озаглавлен: «Великое значение борьбы движения сопротивления польского народа против России, за независимость». Автор усматривает значение этой борьбы отнюдь не в

том, что она поддерживала национальное самосознание польского народа во времена, когда Польши не существовало на политической карте Европы. Он видит его прежде всего в том, что эта борьба протекала на территории Центральной Европы, имевшей важное стратегическое значение. Но это еще не все. Чэнь Жэньцзянь делает странный вывод — будто история этой борьбы в XIX в. подтверждает правильность маоцзэдуновского тезиса о бумажном тигре, ибо эта борьба польского народа в XIX в., хотя и кончалась поражениями, привела к крупным «потрясениям».

И, словно этого еще недостаточно, автор, пренебрегая даже видимостью логики, переходит к следующему тезису, якобы вытекающему из отрывочных описаний истории Польши и являющемуся прямым выпадом против СССР: он без обиняков заявляет, что у СССР «аппетиты еще больше» и что он «являет собой еще большую угрозу народам Европы и всего мира, чем царская Россия». Тем самым маоистский историк показал, в чем состояла подлинная цель обращения к истории борьбы польского народа в XIX в.: это попытка протащить тезис о якобы угрожающей Европе опасности со стороны СССР. И хотя автор не в состоянии определить, в чем состоит и где теперь протекает «борьба народов Восточной Европы, и в том числе польского народа... против новых царей», он утверждает, что она «увенчается окончательным успехом». Этим недостойным способом у китайского читателя хотят создать впечатление, будто такое явление имеет место, а ссылка на историю Польши должна придать этому правдоподобие. Такое тенденциозное использование фрагмента истории Польши служит «обоснованию» гегемонистских целей китайского руководства. Совершенно очевидно, что оно не имеет ничего общего ни с популяризацией знаний об истории Польши, ни с методологией истории.

Вышеприведенный пример работы, претендующей на статус исторического труда, отнюдь не единственный образец такого подхода к всеобщей истории, в данном случае к истории Польши. В 1978 г. на страницах «Жэньминь жибао» появилась серия статей по истории Европы, предназначенных для широкого круга читателей. В них был применен тот же метод — использовались тенденциозно подобранные примеры из всеобщей истории в целях, не имеющих ничего общего ни с исторической наукой, ни с теорией марксизма-ленинизма. 21 января 1978 г. в «Жэньминь жибао» была опубликована статья Ли Юаньмина, озаглавленная «Исторический пример анализа политических сил в Европе, сделанного Марксом и Энгельсом». Автор статьи, жонглируя цитатами из произведений классиков марксизма на тему о роли царской России в XIX в. в Европе, стремится придать видимость научности маоистской «теории трех миров». Ли Юаньмин пытается доказать, будто произвольно проводимое маоистами распределение отдельных стран по «трем мирам» не противоречит классовому анализу и имеет аналогию в работах классиков марксизма и даже является его развитием.

Эта статья представляет собой подборку «примеров» агрессивности России в XVIII и XIX вв. в отношении Европы, «подкрепленную» высказываниями классиков марксизма. Все это служит, по мысли маоистского историка, для обоснования тезиса о мнимой угрозе Европе со стороны Советского Союза и необходимости в связи с этим поощрить Западную Европу и Японию на борьбу против «сверхдержав», то есть против СССР. Таким образом, искусственно переносит ситуацию из прошлого в наше время, маоисты предпринимают попытки опорочить Советский Союз и «обосновать», а вернее, оправдать поворот во внешней политике КНР по отношению к Западной Европе и Японии и курс на сотрудничество с американским империализмом. Применяя антиисторический метод «перенесения» политической ситуации из прошлого в наши дни, маоисты пытаются убедить читателя в том, что антисоветская политика

Мао Цзэдуна и нынешнего руководства КНР якобы вытекает из последовательного развития истории и что уже существовали примеры именно такого анализа политических сил в Европе. А для китайского читателя, как известно, прецедент в истории имеет, по традиции и китайским обычаям, действительно большое значение. Этот прием пускается в ход, чтобы как-то «легализовать» нынешнее изменение внешнеполитического курса КНР. Таким образом, это также двойная фальсификация: не только фальсификация истории путем перенесения оценки фактов и событий прошлого в другую эпоху, но также попытка обмануть своих собственных граждан, внушая им, что противоречащая марксизму-ленинизму «теория трех миров» якобы ему соответствует, является его продолжением и развитием.

ВОПРОС: Пекинские гегемонисты, пытаясь скрыть агрессивную сущность нападения на социалистический Вьетнам, всячески искажают историю китайско-вьетнамских отношений, стремятся представить дело так, будто Китай «наказал» Вьетнам на правах «старшего брата». Какова была действительная позиция Пекина по отношению к Вьетнаму на протяжении долгих лет борьбы вьетнамского народа за свободу и независимость?

ОТВЕТ: С того времени когда пекинские руководители пошли по пути экспансионизма и великодержавного гегемонизма, предательства марксизма-ленинизма, социалистического содружества и мирового революционного движения, все более тесного смыкания с империализмом и международной реакцией, они всеми силами пытались втянуть Вьетнам в свою реакционную орбиту, а убедившись в бесплодности этих попыток, пошли на подрыв дружественных отношений между двумя странами, не стесняясь в выборе средств и методов. Однако вину за подрыв вьетнамо-китайской дружбы Пекин свалил на Вьетнам.

Изложим некоторые главные события, уточняющие правду об отношениях между Вьетнамом и Китаем.

В 1954 г., после девяти лет войны сопротивления второй агрессии французских колонизаторов, победы под Дьен Бьен Фу и заключения Женевских соглашений, вьетнамский народ освободил половину территории Вьетнама к северу от 17-й параллели. Север пошел по пути социализма, а Югу пришлось продолжать народно-демократическую революцию.

Вскоре американский империализм, пришедший на смену французскому колониализму, захватил Южный Вьетнам, стремясь надолго разделить страну, превратить Южный Вьетнам в военную базу и колонию США нового типа. Для южновьетнамского народа не было иного пути, кроме пути борьбы за свое освобождение. В то время китайские руководители советовали ДРВ «затаиться на длительное время в ожидании благоприятного момента» и не подниматься на вооруженную борьбу. Они пытались затормозить строительство вооруженных сил Северного Вьетнама, заставить Демократический Вьетнам отказаться от вооруженной поддержки борьбы южновьетнамского народа. В Лаосе они оказывали давление на Патет Лао с тем, чтобы тот включил свою армию сопротивления в состав вооруженных сил правительства правого крыла, одновременно делая все для того, чтобы изолировать Лаос от Вьетнама.

В 1963 г. руководители КПК предложили ПТВ созвать конференцию 11-ти партий (КПК, Трудовая партия Кореи, ПТВ, НП Лаоса, НРП Кампучии, КП Таиланда, КП Бирмы, КП Малайзии, КП Индонезии, КП Японии, Албанская партия труда), чтобы образовать отдельный блок, возглавляемый маоистами и направленный против Советского Союза,

социалистических стран, других компартий. ПТВ не одобрила это предложение маоистов и выступила против раскола международного коммунистического движения.

В разгар американской агрессии Китай потребовал от Вьетнама отказа от советской помощи, обещая только в этом случае оказывать ему помощь. Но Вьетнам занимал твердую позицию солидарности со всеми социалистическими странами, поэтому он отверг требование маоистов. С момента, когда США начали бомбить Северный Вьетнам (август 1964), распространили войну на Юге на всю страну, китайские руководители заявили: «Меня не тронешь — тебя не трону», «Китай не пойдет на войну вне своих границ». Фактически такие заявления поощряли американский империализм на продолжение агрессии против Вьетнама.

В 1966 г. Вьетнам предложил создать Фронт народов мира в поддержку борьбы Вьетнама за национальное спасение, против США, включив в этот фронт Советский Союз и Китай. Но Китай отверг это предложение. Затем пекинские руководители стали создавать многочисленные трудности в перевозках через китайскую территорию грузов помощи Вьетнаму из Советского Союза и других социалистических стран. Оказывая помощь Вьетнаму и Лаосу в строительстве стратегических дорог, Китай в действительности вынашивал планы установления своего контроля над этими районами.

В течение 1966—1969 гг. в Китае под личным руководством Мао Цзэдуна проводилась «великая пролетарская культурная революция». Вьетнам не поддержал эту кампанию, хорошо понимая, что основным содержанием «культурной революции» является борьба за власть между различными фракциями, ликвидация компартии, государственного аппарата и пр. В то время посольство КНР в Ханое, организовав группы из китайских эмигрантов, попыталось развернуть «культурную революцию» в столице Вьетнама и в ряде провинций, направив ее против линии партии и правительства страны. ДРВ была вынуждена принять решительные ответные меры для защиты своего суверенитета.

Китайские руководители во главе с Мао Цзэдуном выступили против парижских переговоров, угрожая прекратить помощь и повлечь все отношения с Вьетнамом. Они были заинтересованы в дальнейшем разрушении Вьетнама Соединенными Штатами, в продолжении войны с тем, чтобы Вьетнам был полностью зависим от Китая, а китайские руководители могли бы использовать вьетнамскую карту в игре с США.

В 1971—1972 гг., когда парижские переговоры между Вьетнамом и США вошли в завершающую стадию, Китай поспешно протянул руку США. В 1971 г. китайские руководители приняли в Пекине Киссинджера, а в начале 1972 г. — Никсона. В Совместном коммюнике США и КНР согласились в том, что, если КНР «внесет свой вклад» в стабилизацию положения в Южном Вьетнаме (то есть не будет содействовать свержению марионеточного режима Тхиеу), США могли бы вывести войска с Тайваня и наладить отношения с Китаем.

После китайской поездки Никсона Белый дом предпринял жестокие действия по разрушению Северного Вьетнама: были блокированы Хайфонский порт и морское побережье Вьетнама, бомбардировщики крепости Б-52 в конце декабря 1972 г. в течение двенадцати дней разрушали Ханой, Хайфон и многие другие города, нанося Вьетнаму тяжелые потери. Однако США потерпели поражение. Американское правительство было вынуждено подписать Парижское соглашение от 27 января 1973 г. на основе уважения независимости, суверенитета, единства и территориальной целостности Вьетнама.

После подписания Парижского соглашения Китай сразу прекратил военную помощь Вьетнаму. Не спешил Пекин и с выполнением ранее подписанных экономических соглашений.

В 1974 г. при одобрении США Китай силой захватил принадлежащие Вьетнаму Парасельские острова и предъявил претензии на острова Спратли. С тех пор он открыто создавал напряженную обстановку на вьетнамо-китайской границе. Одновременно китайское руководство оказывало давление на Вьетнам с тем, чтобы он отказался от свержения режима Тхиеу.

Все вышеупомянутое ясно показывает, что китайские руководители отнюдь не придерживались бескорыстной позиции в деле помощи вьетнамской революции, как они пытаются это представить. Наоборот, на всем протяжении борьбы вьетнамского народа против американского империализма, за национальное спасение они вынашивали коварные замыслы, с каждым днем все теснее и теснее смыкались с американскими агрессорами и применяли грязные действия в отношении Вьетнама.

Сразу же после 30 апреля 1975 г. пекинские лидеры использовали клику Пол Пота — Иенг Сари, чтобы силой захватить вьетнамские острова Тхо Тю и Фу Куок. Одновременно по команде из Пекина реакционеры среди вьетнамцев китайского происхождения стали провоцировать беспорядки и саботировать социалистические преобразования в Южном Вьетнаме. 30 апреля 1977 г. при непосредственной помощи Пекина реакционная клика Пол Пота — Иенг Сари послала крупные военные соединения для внезапного нападения на вьетнамские районы, расположенные вдоль границы с Кампучией, уничтожая тысячи вьетнамцев, их дома, сады, поля.

С марта 1978 г., координируя свои действия с ходом кампучийско-вьетнамской пограничной войны, китайская сторона организовала нелегальное массовое переселение китайских эмигрантов из Вьетнама в Китай, затем цинично обвинила Вьетнам в «дискриминации, репрессиях и изгнании хуацяо», прекратив под этим предлогом всю помощь, отозвав специалистов, закрыв три вьетнамских консульства в Китае. Китайская сторона односторонне аннулировала соглашения о строительстве сотен объектов, подписанных с Вьетнамом до 1975 г.

17 февраля 1979 г. Пекин развернул агрессивную войну против Вьетнама, использовав 600-тысячную армию, более 500 танков и бронемашин, более 700 самолетов разных типов. Получив сильный ответный удар армии и народа Вьетнама, пользующегося поддержкой и помощью Советского Союза и братских социалистических стран, столкнувшись с мощным осуждением мировой общественности, Пекин был вынужден частично вывести свои войска, предварительно разграбив часть вьетнамской территории и уничтожив множество мирных вьетнамских жителей.

Китайские руководители всеми силами искажают историю, заявляя, что «Вьетнам захватил Кампучию», «Вьетнам осуществляет политику регионального тегемонизма», «Вьетнам совершает военные провокации и захватывает китайские территории» и поэтому, мол, Китай «вынужден ответить в целях самообороны», вынужден «наказать Вьетнам» и «преподать Вьетнаму урок». Это — ложь, призванная ввести в заблуждение мировое общественное мнение, скрыть от него экспансионистскую сущность политики Пекина. Факты же, историческая правда говорят о том, что вьетнамский народ полностью отразил агрессию американского империализма, отстоял свободу и независимость своей родины и создал единое социалистическое отечество, которое стало ныне объектом открытого военного давления со стороны Пекина. Политика агрессии, осуществляемая нынешними руководителями Китая, является следствием того, что единый социалистический Вьетнам проводит на международном арене миролюбивый, суверенный курс, направленный на равноправное сотрудничество со всеми странами, курс, который полностью лишает Пекин каких бы то ни было надежд на превращение СРВ

в послушное орудие реализации гегемонистских планов маоистов в Юго-Восточной Азии.

ВОПРОС: Как известно, в современных «исследованиях» маоистов видное место занимает так называемая теория «единства китайской нации». В чем она состоит и как «соизмеряется» с политической практикой современного китайского руководства, в частности с курсом Пекина в отношении Монголии?

ОТВЕТ: Вкратце содержание теории «единства китайской нации» сводится к утверждению, что в Китае на протяжении уже многих тысячелетий существует только одна нация — «китайская», а все другие народности являются лишь «ветвями» этой единой нации. На это утверждение «нанизываются» далеко идущие политические выводы. Концепция «единой китайской нации» широко используется маоистской историографией как основа доказательства «законности» территориальных притязаний современного китайского руководства в отношении соседних стран. Аннексию же Монгольской Народной Республики маоисты рассматривают как неперемное условие утверждения великоханьского гегемонизма в Азии.

Усиленно пропагандируемая маоистами теория «единой китайской нации», «извечной гармонии и братства» между отдельными народностями, населяющими территорию современного Китая, не является каким-то новым открытием. Ярким приверженцем этой теории был, например, Чан Кайши, всегда стоявший на позициях великоханьского национализма и расизма. Антинаучная, антимарксистская суть этой подхваченной маоистами теории состоит в попытке доказать, что не материальные средства производства, орудия труда, обусловившие в своем развитии разделение труда, а этническое расовое сходство и культурное общение лежат в основе образования «на протяжении последних пяти тысяч лет» китайской нации, якобы извечно монолитной и единой. Между тем хорошо известно принципиальное отличие характера хозяйственной деятельности и уклада всей жизни северных кочевых народов от ханьцев, основу хозяйственной деятельности которых составляли земледелие и выделившееся из него ремесло. В результате отношения между Китаем и соседними кочевыми народами определялись вопреки утверждениям маоистской историографии, вовсе не их этническими и расовыми тождеством или отличиями, а способом материального производства и материальными потребностями. Именно это и обусловило в древности и средневековье незатухающую борьбу между Китаем и его северными соседями. Утверждения маоистских историков о том, что отношения между Китаем и народами, ныне населяющими территорию Китая, а в прошлом имевшими свою суверенную государственность, всегда оставались «дружественными» и «гармоничными», полностью противоречат историческим фактам. Народы Монголии, Джунгарии, Восточного Туркестана и Тибета постоянно вели национально-освободительную борьбу против агрессии Цинского Китая. Эти факты пытаются теперь отрицать и осуждать в Пекине. На практике теория «извечного единства китайской нации» лишает неханьские народности своей самобытности, национальной истории, затушевывает их многовековую борьбу за сохранение независимости, умаляет их культуру, язык, традиции; она ставит своей целью утверждение господствующих позиций ханьцев. Эта теория, по замыслам маоистского руководства, должна «идеологически» обосновать и внешнюю великоханьскую гегемонистскую политику, проводимую им в наши дни. В политической практике современного маоистского руководства КНР теория «единой китайской нации», «гармонии и братства» народов, населяющих Китай, и всех других этнически близких к Китаю является важнейшим внешнеполитиче-

ским инструментом, положенным в обоснование территориальных притязаний к соседним с КНР странам.

Национально-освободительная борьба монгольского народа имеет давние и славные традиции. Она началась еще в первой половине XVII в., когда на территорию Внутренней Монголии вторглись полчища завоевателей-маньчжур. В 1636 г. им удалось покорить Внутреннюю Монголию. Маньчжурское завоевание означало утрату монголами национальной государственности, монгольский народ стал жертвой угнетения и эксплуатации со стороны цинского правительства, китайских купцов и ростовщиков. В течение почти трех столетий господства Цинского Китая монгольский народ неоднократно поднимался на борьбу. Борьба монгольского народа за национальное освобождение привела к свержению маньчжурского господства во Внешней Монголии в 1911 г. и завершилась победой Народной революции в 1921 г. Ныне маоисты в своих великоханьских целях всячески пытаются выхолостить ярковыраженное антикитайское, национально-освободительное содержание революции в 1921 г.

Как чанкайшисты, так и маоисты вынашивали планы включения в состав Китая территории суверенной Монгольской Народной Республики. Например, еще в 1936 г. в одной из бесед с американским журналистом Э. Сноу Мао Цзэдун заявил, что после победы китайской революции Монголия автоматически войдет в состав Китая. Притязания на МНР Мао Цзэдун неоднократно выражал и впоследствии. «Подтвердить» эти притязания, научно их «обосновать» ныне призвана маоистская историческая наука, представляющая в искаженном свете прошлое монгольского народа, его этногенезис, отношения с Цинским Китаем и т. д. Например, в изданной в 1976 г. в Хух-Хото книге «Краткое исследование древних следов материальной культуры во Внутренней Монголии» на основе археологических данных проводится мысль о том, что якобы монгольские народности издревле являлись неотъемлемой составной частью китайской нации. С научной точки зрения явно ложное, это провокационное по своей сути утверждение служит маоистам для далеко идущих политических выводов. Аннексионистские утверждения маоистов в отношении МНР ярко выражены и в книге «Краткая история агрессии царской России в Китае». В этом издании постоянно проводится мысль, что Внешняя Монголия «искони являлась частью Китая», и утверждается: «Как только вспыхнула синхайская революция, правительство царской России подтолкнуло горстку монгольских князей на провозглашение в декабре 1911 г. «независимости Внешней Монголии». Все эти утверждения представляют собой нагромождение злонамеренной лжи, призванной подвести читателя к нужным маоистам выводам. Монголия не являлась частью собственно Китая, на ее территории издревле жили не китайские, а протомонгольские, древнетюркские и другие племена, а в период маньчжурского господства Монголия, находясь под цинской властью, далеко не была частью Китая. В 1911 г. отнюдь не царское правительство инспирировало выступление монгольских феодалов против китайского суверенитета над Монголией, а монгольский народ по своей воле поднялся на борьбу против маньчжуро-китайского ига, за свою независимость.

Пекин пытается извратить не только прошлое, но и настоящее монгольского народа. Осуществляя «пропагандистскую агрессию» против МНР, маоисты отрицают значение опыта некапиталистического пути развития Монголии, клеветают на ее достижения, нападают на положение о постепенном сближении стран социалистического содружества в интересах национального экономического прогресса и выравнивания уровня развития общества. В этом также выражается великоханьская, великодержавная суть политики Пекина.

Разгром японских милитаристов на Халхин-Голе (к 40-летию событий на Халхин-Голе)

*В. А. Судец,
маршал авиации, Герой Советского Союза,
Герой Монгольской Народной Республики*

В сентябре этого года исполняется сорок лет со дня окончания совместных боевых действий советских и монгольских войск на восточной границе МНР, в районе реки Халхин-Гол, со времени решительного разгрома войск японских милитаристов, напавших на Монгольскую Народную Республику.

Империалистические круги Японии многие годы вынашивали планы захвата Монголии, рассматривая ее как важный плацдарм для своей экспансии на Азиатском континенте, а затем и для завоевания мирового господства. В 1927 г. генерал Танака, тогдашний премьер-министр, в меморандуме, представленном императору Японии, писал:

«Согласно завету Меджи, наш первый шаг должен был заключаться в завоевании Формозы, а второй — в аннексии Кореи. Теперь должен быть сделан третий шаг, заключающийся в завоевании Маньчжурии, Монголии и Китая. Когда это будет сделано, у наших ног будет вся остальная Азия, включая и острова Южного моря...»¹

В меморандуме Танака сообщалось также, что руководящие деятели Англии, Франции и Италии не возражали, при некоторых условиях, против экспансии Японии в Маньчжурии и Монголии.

Еще в годы гражданской войны в России, во время оккупации Восточной Сибири, японцы пытались овладеть территорией Монголии и создать подвластную им колонию — «великое Монгольское государство» от Байкала до Тибета и от Маньчжурии до Восточного Туркестана. Этот план обсуждался в 1919 г. на инсценированной Японией так называемой всемонгольской конференции в Чите, участниками которой были 15 белогвардейцев-семеновцев и японские агенты.

В октябре 1920 г. с помощью японского ставленника барона Унгерна, сподвижника атамана Семенова, было осуществлено вторжение белогвардейских войск на территорию Монголии из района Даурии. Захватив военно-политическую власть в свои руки, он создал антинародное, так называемое автономное правительство и восстановил власть богдо-гегена.

Монгольскому народу пришлось вести борьбу не только с китайскими захватчиками, но и с белогвардейскими бандами. Ее повели монгольские революционеры во главе с национальным героем и вождем монгольского народа Д. Сухэ-Батором и его соратником Х. Чойбалсаном.

¹ «Коммунистический интернационал», 1931, № 33—34, с. 54.

Монгольские революционеры приняли историческое решение направить в Советскую Россию делегацию, чтобы установить связь с РКП(б), Советским правительством и Коминтерном и обратиться к ним с просьбой об оказании помощи монгольскому народу в освободительной борьбе. Летом 1920 г. в Иркутск прибыла делегация монгольских революционеров, в составе которой были Д. Сухэ-Батор, Х. Чойбалсан и другие товарищи. Делегация направила правительству РСФСР официальное письмо с изложением своей политической платформы и просьбой оказать помощь в революционной освободительной борьбе монгольского народа. Члены делегации встречались с партийными и советскими руководителями РСФСР и ДВР, членами Дальневосточного секретариата Исполкома Коминтерна, руководящими деятелями Красной Армии, трудящимися Восточной Сибири. Они ознакомились с идеями и достижениями Октябрьской революции, с вдохновляющим опытом борьбы и деятельности партийных, советских и военных органов по защите завоеваний Октября.

Во время пребывания в Советской России, на совещании, состоявшемся в сентябре 1920 г. в Иркутске, монгольские революционеры приняли решение о проведении непосредственной подготовки к созданию в Монголии Народной партии, которая возглавила бы борьбу народа за освобождение от иноземных захватчиков и феодальных князей.

В конце ноября делегация монгольских революционеров вернулась из поездки в Советскую Россию. Под руководством Д. Сухэ-Батора, Х. Чойбалсана и других членов делегации, прибывших в район Троицкосавска, была развернута большая работа среди населения по подготовке к вооруженному восстанию, организации партизанских отрядов в северных районах страны и подготовке к созыву учредительного съезда Монгольской Народной партии (МНП).

В канун решающих боев за освобождение Монголии, 1 марта 1921 г., в Троицкосавске открылся I, учредительный съезд МНП. Съездом был одобрен доклад делегации, ездившей в Советскую Россию, принята программа партии под названием «Воззвание Народной партии к народу Внешней Монголии» и избран ее Центральный Комитет.

Программа партии выдвинула главной задачей завоевание национальной независимости и установление народной власти. Съезд принял решение о всесторонней подготовке к вооруженному восстанию и создании штаба народных партизанских войск. Главкомом вооруженных сил и военным министром был назначен Д. Сухэ-Батор, заместителем главкома — Х. Чойбалсан. Было также принято решение пригласить для связи с ЦК МНП представителя Коминтерна.

На заседании ЦК МНП 6 марта 1921 г. был рассмотрен вопрос о подготовке к вооруженному восстанию. ЦК Народной партии провел 13 марта в Троицкосавске широкое совещание представителей партии, партизанских отрядов и трудящихся — аратов (скотоводов) приграничных районов. На этом совещании было образовано Временное революционное народное правительство Монголии, которому было поручено руководить созданием вооруженных сил, подготовкой и проведением вооруженного восстания, добиться освобождения Монголии от иноземных и других захватчиков и подготовить созыв Великого Хурала представителей народа для принятия конституции, выборов постоянного Народного правительства Монголии, «способного защищать интересы народа и развивать культуру монгольского народа»².

К началу 1921 г. в Монголии резко обострились национальные и социальные противоречия. На территории страны находились два окку-

² Исторический опыт братского содружества КПСС и МНРП в борьбе за социализм. М., 1971, с. 37—40.

панта — китайские милитаристы и русские белогвардейцы. Унгерновские оккупанты и другие белогвардейские банды, находившиеся на содержании у японской военщины, в разных районах страны не уступали в зверствах китайским милитаристам, грабили и убивали мирное население.

Выражая непреклонную волю к совместной борьбе против общего врага, 16 марта 1921 г. Временное народное правительство Монголии обратилось к Советскому правительству с настоятельной просьбой незамедлительно помочь Временному народному правительству энергичными мерами по ликвидации бесчинств и разбоев, чинимых белогвардейцами на территории страны³.

15 марта 1921 г. в соответствии с решением ЦК МНП Д. Сухэ-Батор направил китайским захватчикам ультиматум: сложить оружие и сдать революционным войскам город Маймачен (город Кяхта, ныне — Алтан-Булак). Китайское командование ультиматум не приняло. 18 марта 1921 г. начались бои монгольских партизанских войск с китайскими оккупантами. Кавалерийский отряд, руководимый Д. Сухэ-Батором, разгромил крупный, превосходящий по силам отряд китайских милитаристов и овладел Маймаченом. Эта дата считается в МНР днем основания Монгольской народно-революционной армии.

Освобождение Кяхты привело к изгнанию из Монголии китайских оккупантов, положило начало антиимпериалистической и антифеодальной народной революции 1921 г. и создало условия для борьбы совместно с войсками Красной Армии против общего врага — унгерновцев и других белогвардейских банд.

ЦК МНП и Временное народное правительство, прибывшие 19 марта из Троицкосавска в Кяхту, обратились к монгольскому народу, ламам и князьям с манифестом, объявившим переход власти в руки трудящихся и призвавшим к вооруженной борьбе с иностранными захватчиками и белогвардейцами. Аналогичное письмо было послано в Ургу правительству богдо-гегена.

После захвата восточной части страны и города Урги унгерновские войска в апреле 1921 г. начали наступление на север, к Троицкосавску, Верхнеудинску (Улан-Удэ) и Иркутску. Это наступление явилось частью широкого плана японских милитаристов по осуществлению нового наступления на территорию ДВР и Советской России. Так, в мае 1921 г. японцы организовали восстания и захват власти местными контрреволюционными силами в Хабаровске, Уссурийске и других городах Дальнего Востока⁴.

В связи с осложнившейся обстановкой 10 апреля 1921 г. Временное народное правительство обратилось к командованию Красной Армии с просьбой об оказании военной помощи Монголии.

16 июня в Москве состоялось заседание Политбюро ЦК РКП(б) с участием В. И. Ленина, на котором по докладу Главкома Красной Армии С. С. Каменева и в соответствии с просьбой Временного народного правительства было принято решение ввести на территорию Монголии войска Красной Армии для совместных действий с МНРА по уничтожению белогвардейских банд Унгерна и его приспешников.

Со второй половины июня советское командование совместно с руководством Народной армии начало подготовку операции по освобождению столицы Монголии города Урги. С войсками и населением северных районов страны ЦК МНП, командование МНРА и советское командование провели большую политическую, агитационную и разъяснительную работу. ЦК МНП, Временное правительство и командование Красной Армии обратились к народу с воззваниями, призывавшими

³ См. Документы внешней политики СССР, т. IV. М., 1960, с. 780.

⁴ См. Исторический опыт братского содружества КПСС и МНРП., с. 219.

к борьбе с белогвардейцами и разъяснявшими освободительную, интернациональную роль Красной Армии в борьбе народа Монголии.

Наступление советско-монгольских войск с целью освобождения северных районов Монголии и города Урги началось 28 июня 1921 г. после совместного заседания ЦК МНП, Временного народного правительства с участием командования советских войск. Пройдя с боями за 10 суток более 400 км, 6 июля кавалерийские отряды Народной армии и части Красной Армии освободили город Ургу.

Через два дня в Ургу вместе с главными силами Красной Армии и МНРА прибыли члены ЦК МНП и Временного народного правительства. 11 июля 1921 г. здесь было создано постоянное Народное правительство Монголии. В тот же день на центральной площади столицы Д. Сухэ-Батор торжественно от имени Народного правительства объявил монгольскому народу о провозглашении независимости Монголии и создании Народного правительства.

Освобождение Урги и северных районов Монголии не было еще окончанием борьбы с белогвардейцами. После освобождения Урги Народное правительство Монголии обратилось к Советскому правительству с просьбой оставить войска Красной Армии до полной ликвидации на территории Монголии унгерновцев и других белогвардейских банд. Просьба правительства Монголии была удовлетворена. 18 июля у Ухай—Гуны—Хурэ (на реке Селенге, северо-западнее Урги) начались бои войск Красной Армии с унгерновцами, объединившимися с белогвардейской бригадой Резухина.

Унгерн, пополнив свои войска отрядами князей-феодалов, зная, что главные силы советских войск находились в районе Урги, прорвался в начале августа 1921 г. из района Ван-Курена на советскую территорию к озеру Гусиное, занял 3 августа город Ново-Селенгинск и продолжал наступать на Верхнеудинск, рассчитывая поднять восстание казаков и совместно с белогвардейскими частями атамана Семенова и японскими интервентами нанести удар в тыл советским войскам, действовавшим в Монголии. Банды Унгерна и Резухина, попав под удар войск, возвращавшихся к этому времени после освобождения Урги из Монголии 5-й кавдивизии, 104 и 105-й стрелковых бригад 35-й дивизии и с севера — войск 5-й армии и партизанского отряда Щетинкина, вынуждены были отойти на территорию Монголии. В связи с поражениями в боях в рядах белогвардейцев началось разложение. В августе Резухин был убит своими же солдатами, а Унгерн спасся бегством. 22 августа 1921 г. монгольский отряд из состава унгерновских войск выдал Унгерна разведчикам 35-го кавалерийского полка К. К. Рокоссовского у реки Орхон.

По предложению В. И. Ленина Политбюро ЦК РКП(б) вынесло 29 августа 1921 г. решение о предании Унгерна суду за контрреволюционные злодеяния, совершенные против советского и монгольского народов. Сибирское отделение Верховного трибунала РСФСР 15 сентября 1921 г. в Новониколаевске (ныне Новосибирск) в открытом заседании рассмотрело дело Унгерна и его подручных, установило его преступные связи с японскими оккупантами и китайскими милитаристами и приговорило его к расстрелу. Так бесславно завершил свою контрреволюционную карьеру Унгерн, лютей враг советского и монгольского народов, наемник японского империализма.

За мужество и героизм в совместной борьбе наших народов против иностранных интервентов, белогвардейцев и внутренней контрреволюции выдающиеся руководители Монгольской Народной армии и правительства Сухэ-Батор, Чойбалсан, Хатан-Батор, Максаржав и др. в 1922 г. были награждены Советским правительством орденами Красного Знамени.

К концу 1924 г. после разгрома остатков белогвардейских банд основная часть войск Красной Армии была выведена на территорию Советской России. По просьбе Народного правительства Монголии ввиду неустойчивого международного положения и опасности вторжения белогвардейцев из Маньчжурии в Урге было оставлено небольшое количество советских войск.

Боевое содружество советского и монгольского народов с честью выдержало исторические испытания. Сотрудничество между рабочим классом Советской России, ДВР и монгольскими аратами организовали и вдохновляли братские партии — РКП(б) и МНП.

После разгрома и изгнания из страны иностранных интервентов, белогвардейцев разных мастей и контрреволюционных банд, учреждения революционного народного правительства политическая власть перешла полностью в руки народа.

Монгольская народная революция 1921 г. по задачам и характеру — антиимпериалистическая, антифеодалная, народная. Она открыла новую эру в истории монгольского народа.

Народная революция в Монголии явилась частью мирового революционного процесса. Под непосредственным влиянием Великой Октябрьской социалистической революции, при братской помощи советского народа и его Красной Армии Монголия отпала от колониальной системы империализма и примкнула к новому миру — миру социализма.

Перед Народным правительством Монголии возникло много задач, и в первую очередь задача обороны и закрепления завоеваний революции, ликвидации многовековой отсталости, экономического и культурного переустройства страны.

В октябре 1921 г. в Москву была направлена Монгольская правительственная делегация, в составе которой был Д. Сухэ-Батор. 5 ноября состоялась историческая встреча монгольской делегации с В. И. Лениным. В продолжительной беседе с делегацией В. И. Ленин изложил свою точку зрения на особенности международного и внутреннего положения Монголии, на трудности, стоящие перед Монгольской Народной партией и правительством, на перспективы развития отсталой Монголии к социализму, минуя стадию капиталистического развития.

Огромное значение имело принятое тогда соглашение об установлении дружественных взаимоотношений между Советской Россией и Монголией, необходимость которых подчеркивал В. И. Ленин. Это был первый в истории Монголии равноправный договор с иностранной державой, положивший начало политическому, экономическому и культурному сотрудничеству двух братских партий и народов.

За короткий срок со времени создания Народного правительства и провозглашения независимости Монголии были проведены революционные реформы, которые осуществили вековые чаяния монгольского аратства.

Еще в марте 1921 г. Временное народное правительство приняло закон об отмене княжеской собственности на землю и отстранении от власти князей, боровшихся против народной революции. В январе 1922 г. было отменено крепостное право, а в марте 1923 г. принят закон о демократизации местной власти, ликвидировавший наследственную власть князей над их хошунами и установивший выборность всех органов власти.

После смерти богдо-гегена в июне 1924 г. был принят указ о ликвидации монархии и учреждении Монгольской Народной Республики (МНР).

В августе 1924 г. на III съезде Монгольская Народная партия была переименована в Монгольскую народно-революционную партию

(МНРП). Съезд провозгласил курс на развитие страны к социализму, минуя стадию капиталистического развития, при братской помощи Советского социалистического государства. Съезд разгромил группу правых уклонистов — японских агентов, пытавшихся направить развитие страны по капиталистическому пути и организовать вооруженный контрреволюционный мятеж.

В ноябре 1924 г. в Улан-Баторе был созван 1-й Великий Народный Хурал, который утвердил первую конституцию Монгольской Народной Республики.

По предложению Советского правительства в связи с укреплением политического, экономического положения и обороноспособности МНР к концу 1924 г. с территории Монголии были выведены советские войска. Правительство МНР, труженики-араты тепло проводили войска Красной Армии, оказавшие неоценимую помощь монгольскому народу в ту пору, когда ему угрожало иноземное порабощение и велась борьба за установление народной власти. В послании правительства МНР руководителям Советского государства говорилось, что народ и правительство республики твердо верят в помощь Советского Союза и его Красной Армии, если вновь возникнет угроза безопасности Монголии.

Период относительного спокойствия длился сравнительно недолго. В начале 30-х годов вновь начались вооруженные провокации милитаристской Японии против молодой республики.

Ко второй половине 30-х годов на Дальнем Востоке сложилась весьма сложная международная обстановка, чреватая опасностью для мира. Фашистские агрессоры — гитлеровская Германия, фашистская Италия и империалистическая Япония — подписали в 1936 г. «антикоминтерновский» пакт, создали агрессивный военно-политический альянс, направленный на подготовку большой войны с целью превращения СССР в их колонию.

Вследствие попустительства и прямой поддержки руководящих правительственных кругов Англии, США, Франции и междуусобицы, царившей в правящих кругах Гоминьдана, империалисты Японии смогли осуществить в 1931—1932 гг. оккупацию Маньчжурии, создать на ее территории в 1932 г. марионеточное государство Маньчжоу-Го во главе с «императором» Пу-И, последним отпрыском китайской Цинской династии. Японская военщина, готовясь к агрессии против Советского Союза и Монголии и осуществляя захватническую войну в Китае, превратила оккупированную ею Маньчжурию в основной военно-экономический и стратегический плацдарм для нападения на СССР и МНР. В конце 1934 г. в связи с прямой угрозой военного нападения Японии по предложению правительства МНР было заключено советско-монгольское соглашение, имевшее целью взаимную помощь и поддержку при угрозе и в случае военного нападения какой-либо третьей страны на МНР или СССР.

Японо-маньчжуры претендовали на отторжение от МНР важного в стратегическом отношении Тамцак-Булакского района, так называемого восточного выступа. По инициативе правительства МНР, стремившегося к мирному урегулированию вопроса, была создана смешанная комиссия. На ее заседании 4 июля 1935 г. представители Японии и марионеточного правительства Маньчжоу-Го предъявили наглые требования о допуске в Монголию военных наблюдателей и строительстве линии японского телеграфа, которые были отвергнуты монгольской стороной. В конце 1935 и весной 1936 г. японская военщина организовала ряд вооруженных нарушений монгольской границы у Халхин-Суме и в других районах, которые были отражены монгольскими войсками.

Президиум ЦК МНРП и правительство МНР приняли меры для укрепления обороноспособности страны. 23 января 1936 г. правительство МНР обратилось к Советскому правительству с просьбой об ока-

зании военной помощи. 1 февраля 1936 г. Советское правительство, верное своим договорным и союзническим обязательствам, ответило на эту просьбу согласием и направило в Монголию войска Красной Армии, объединенные к концу 1937 г. в 57-й особый корпус.

21 февраля 1936 г. Народный комиссариат по иностранным делам СССР вручил заявление японскому послу в Москве Ота, в котором было указано, что учащающиеся столкновения на границах Монгольской Народной Республики и Маньчжоу-Го представляют еще один очаг опасности для мира на Дальнем Востоке и вызывают серьезное беспокойство у правительства СССР, а 1 марта в печати было опубликовано заявление Советского правительства, предостерегавшее правительство Японии против вооруженных провокаций на монголо-маньчжурской границе.

Несмотря на сделанные предупреждения, провокации японской военщины не прекращались. В начале марта 1936 г. японцы организовали провокацию у озера Буир-Нур. Рота японцев из состава 1-й гвардейской Токийской императорской пехотной дивизии при поддержке танков и артиллерии совершила нападение на пограничную заставу у Булун-Дэресу. Благодаря мужеству монгольских пограничников и находчивости командира эскадрильи монгольских ВВС полковника Д. Дэмбэрэла японцы получили должный отпор. Пограничнику Гонгору и полковнику Дэмбэрэлу за героические подвиги было первым присвоено учрежденное в 1936 г. правительством МНР звание Героя Монгольской Народной Республики.

Японские самуран в середине марта вторглись перед рассветом на территорию МНР в районе этой же погранзаставы, у южной части озера Буир-Нур. Усиленный полк пехоты на автомашинах с артиллерией, батальоном танков, зенитно-пулеметной ротой при поддержке нескольких самолетов намеревался быстро выдвинуться к Тамцак-Булаку, ударом с запада разгромить дислоцировавшуюся там 6-ю кавалерийскую дивизию МНРА и овладеть территорией Тамцак-Булакского выступа. Эта провокация также потерпела провал. По просьбе правительства МНР 12 марта 1936 г. в Улан-Баторе был подписан Протокол о взаимной помощи между СССР и МНР, в котором предусматривалось оказание друг другу всяческой, в том числе и военной, помощи в случае угрозы нападения на СССР или МНР со стороны третьего государства⁵.

Монголия занимала важное место в экспансионистских планах японских милитаристов. В 1936 г. начальник штаба Квантунской армии (с января 1939 г. военный министр Японии) генерал Итагаки заявил в беседе с японским послом в Китае Аригой: МНР «является очень важной с точки зрения японо-маньчжурского влияния сегодняшнего дня, ибо она является флангом обороны Сибирской железной дороги, соединяющей советские территории на Дальнем Востоке и в Европе. Если Внешняя Монголия будет объединена с Японией и Маньчжоу-Го, то советские территории на Дальнем Востоке окажутся в очень тяжелом положении и можно будет уничтожить влияние Советского Союза на Дальнем Востоке без военных действий. Поэтому целью армии должно быть распространение японо-маньчжурского господства на Внешнюю Монголию любыми средствами, имеющимися в распоряжении»⁶.

В середине 1937 г. правительству МНР и советскому командованию в Улан-Баторе стало известно, что японская военщина готовит крупное вторжение на территорию МНР в сентябре 1937 г. и одновременно контрреволюционное восстание в стране. Однако правительства СССР и МНР сорвали этот замысел.

⁵ См. «Военно-исторический журнал», 1969, № 8, с. 32—33.

На территорию МНР в 1935—1937 гг. были введены три бронеполки и авиационная группа ВВС в составе трех отдельных эскадрилий. Советские войска возглавлял Л. Я. Вайнер, главный советник главкома МНРА, авиагруппу — В. А. Судец. Были значительно усилены бронетанковой техникой и самолетами и войска МНРА.

Квантунская армия оказалась не способной выступить тогда против крупной группировки советско-монгольских войск, а контрреволюционная агентура японцев в МНР была разгромлена.

Еще готовясь к оккупации Маньчжурии, штаб Квантунской армии разработал оперативные планы: «Хэй» — по захвату Китая и «Оцу» — для нападения на СССР. Планом «Оцу» предусматривалась оккупация советского Приморья.

На 1938—1939 гг. японским генштабом план войны против СССР был уточнен и расширен. Вначале намечался захват Приморья и в последующем — Хабаровска и всей Амурской области. Одновременно с этим планировалось и вторжение в МНР⁷.

В 1937 г. японская армия развернула боевые действия против Китая, но ее наиболее боеспособная Квантунская армия продолжала оставаться в Маньчжурии, у границ СССР и МНР. Это значительно облегчило борьбу китайского народа с оккупантами.

В конце июля 1938 г. японская военщина, используя напряженную обстановку в Европе в связи с подготовкой фашистской Германии к нападению на Чехословакию, решила ускорить нападение на СССР и МНР и организовала крупное вооруженное вторжение в советском Приморье, у озера Хасан.

Потерпев в ходе двухнедельных боев жестокое поражение от войск Дальневосточного фронта, руководимых Маршалом Советского Союза В. К. Блюхером, интервенты к 11 августа были изгнаны с большими потерями с территории СССР. Правительство Японии вынуждено было просить правительство СССР о прекращении военных действий и начать переговоры о мире⁸.

Вооруженное вторжение японских войск у озера Хасан не являлось пограничным инцидентом. Оно было запланировано генеральным штабом, санкционировано правительством и императором Японии.

Разгром японских милитаристов у озера Хасан продемонстрировал всему миру военное могущество Советской страны. Первое крупное поражение японской армии на Дальнем Востоке было и серьезным предупреждением западным империалистическим агрессорам, и в первую очередь фашистским режимам Германии и Италии.

Осенью 1938 г., после поражения у озера Хасан, японский генеральный штаб начал разработку плана войны против СССР под кодовым названием «План операции № 8». План разрабатывался в двух вариантах: вариантом «А» главный удар предусматривался по советскому Приморью, вариантом «Б» — через территорию МНР по Забайкалью. С весны 1939 г. развернулась активная подготовка к агрессии против МНР и СССР (по варианту «Б»). Численность Квантунской армии к середине 1939 г. составила 350 тыс. человек. Эта армия имела на вооружении более 1 тыс. орудий, 385 танков, 355 самолетов. Кроме того, в Корее японцы имели 60 тыс. солдат и офицеров, 264 орудия, 34 танка и 90 самолетов⁹. Эти агрессивные силы представляли серьезнейшую угрозу безопасности Монголии и СССР.

С января 1939 г. вновь участились вооруженные провокации на границе Монголии. За первые три с половиной месяца японцами было

⁶ История второй мировой войны 1939—1945, т. 2. М., 1974, с. 41—42.

⁷ См. там же, с. 38, 210—211.

⁸ См. там же.

⁹ См. там же, с. 38, 41.

совершено более 30 нарушений границы.

Для нападения на МНР японцы выбрали выступ территории на востоке Монголии, в районе северо-восточнее Тамцак-Булака. Первоначально планировался захват местности с господствующими высотами на правом берегу реки Халхин-Гол, в 20 км к востоку от которой проходила государственная граница. В дальнейшем планировался захват территории всего Тамцак-Булакского выступа и уничтожение оборонявших его войск, а в случае успеха — оккупация советского Забайкалья и Транссибирской железной дороги от Маньчжурии до Байкала.

Протяженность выбранного участка вторжения по фронту составляла около 75 км, наибольшая глубина — до 20 км. Ширина реки Халхин-Гол на этом участке от 40 до 130 м, глубина в некоторых местах — до 2,5 м. В период дождей уровень реки, ширина ее и скорость течения резко колеблются. Долина реки — глубокая впадина шириной 2—3 км, местами с заболоченными берегами и лугами, покрытыми редким кустарником. Правый берег обрывистый, с крутыми, до 30°, склонами. Местность восточней берега реки и до границы с Маньчжурией значительно выше западного, весьма пересеченная, пустынная и безводная, с крутыми песчаными холмами высотой до 50 м, долинами глубиной до 40 м и многочисленными оврагами. Вдоль западного берега реки на много километров от нее простирается пустынная, безводная равнина с небольшими пологими возвышенностями, покрытая редким мелким кустарником.

Примерно по середине участка вторжения, намеченного японцами, в реку Халхин-Гол с востока впадает небольшая речка Хайластын-Гол, шириной до 10 м и глубиной до одного метра, с узкой заболоченной и с крутыми склонами долиной.

Применение танков, бронемашин и автотранспорта на правом берегу Халхин-Гола было весьма затруднено, а на некоторых участках и вовсе невозможно.

С середины января 1939 г. подготовка к нападению на МНР заметно активизировалась, начались многочисленные вооруженные нападения японских и марионеточных баргутских войск на пограничные заставы МНР. Осуществлялись многократные вторжения японских военных разведывательных самолетов на значительную глубину территории Монголии.

Генеральным штабом японской армии были заранее изготовлены топографические карты этого района, искажающие действительную линию границы МНР. Офицерским составом воинских частей, соединений и штабов Квантунской армии проводились рекогносцировки вблизи границы и на приграничной территории МНР.

В марте 1939 г. генерал Исихара с группой высших офицеров совершил инспекционную поездку по Маньчжурии с целью проверки боеготовности войск Квантунской армии и баргутских войск князя Дэвана.

Военные провокации японских войск на территории МНР прикрывались крикливой провокационной кампанией в газетах Японии и Маньчжоу-Го в адрес МНР и СССР. Монгольских пограничников обвиняли в нарушении границы Маньчжоу-Го и нападениях на маньчжурские пограничные заставы.

На аэродромах Хайлара и Цицикара базировались части 12-й японской авиагруппы, имевшие до 120 боевых самолетов, из них большая часть истребителей новой конструкции — И-97. Все авиачасти были укомплектованы отборным летным составом, имевшим опыт боевой работы в Китае, где они встречались в боях и с советскими летчиками-

¹⁰ История второй мировой войны 1939—1945, т. 2, с. 42, 215; «Военно-исторический журнал», 1969, № 8, с. 32—33.

добровольцами, помогавшими борьбе китайского народа с японскими захватчиками.

В ответ на агрессивные действия Японии Советское правительство в начале 1939 г. еще раз официально заявило: «...границу Монгольской Народной Республики... мы будем защищать так же решительно, как и свою собственную».

К весне 1939 г. на некотором удалении от восточной границы МНР были сосредоточены наиболее боеспособные войска и авиация Квантунской армии: пять пехотных дивизий и кавалерийская бригада 4-й японской армии и до трех кавалерийских баргутских дивизий князя Дэвана на калганском направлении; две пехотные дивизии, кавалерийская бригада японцев и два кавалерийских полка маньчжур на хайларском направлении. Все войска были укомплектованы личным составом и вооружением по штатам военного времени.

В приграничный район у реки Халхин-Гола были выдвинуты войска 23-й пехотной дивизии японцев и несколько полков баргутской кавалерии. Эту группировку возглавлял командир 23-й дивизии, генерал-лейтенант Камацубара.

Основная группировка советских войск 57-го особого корпуса войск МНРА, советской и монгольской авиации находилась к западу от Халхин-Гола в 400—500 км в районе Банн-Тумэна (город Чойбалсан) и Ундурхана. В составе 57-го особого корпуса к весне 1939 г. состояли 36-я мотострелковая дивизия, 11-я танковая, 7, 8, 9-я мотоброневые, 6-я танковая бригады и другие (инженерные, связи) части специальных войск.

Всеми видами снабжения советские войска обеспечивались автотранспортом по грунтовым путям из Забайкалья (станция Борзя), на расстоянии более 300 км, а до реки Халхин-Гол — более 750 км. Это вызывало в дальнейшем большие сложности в переброске войск и обеспечении их всеми видами довольствия.

Выбранный японцами для вторжения на территорию МНР район на правобережье реки Халхин-Гола, юго-восточнее озера Буир-Нур, имел для них существенные преимущества. Неподалеку от реки Халхин-Гол они имели две железные дороги: в 125 км Цицкар — Хайлар — станция Маньчжурия (бывшая КВЖД) и в 50 км Солунь — Халун — Аршан — Хандогай (на Ганьчжур) и два грунтовых тракта из Хайлара.

4 мая перебежавший на монгольскую погранзаставу баргут сообщил, что японцы в апреле отселили всех жителей из пограничных с МНР районов Барги в глубь Маньчжурии и в ближайшие дни готовятся к нападению на МНР. До этого времени японцы вели в этих районах крупные работы по строительству укреплений и сооружению передовых аэродромов. Для «обеспечения секретности» японцы тщательно охраняли работавших там баргутов, а по окончании работ расстреливали их.

С 8 по 26 мая японские и маньчжурские войска вели разведку боем на правом и левом берегах реки Халхин-Гол и ее притока Хайластын-Гола, вторгаясь подразделениями и полками при поддержке танков и авиации на территорию МНР.

О готовящемся крупном вторжении японских войск в районе Халхин-Гола советскому военному руководству стало известно за несколько недель до начала боев. В связи с этим, а также ввиду непрекращавшихся провокаций японских войск на восточной границе МНР в соответствии с протоколом 1936 г. о взаимной помощи в район Тамцак-Булак были выдвинуты в помощь пограничным войскам МНРА некоторые части 57-го особого корпуса.

11 мая отряд японцев на автомашинах вторгся на территорию МНР вдоль северного берега реки Хайластын-Гол. 12 мая японцы ввели в бой пехотный полк и при поддержке авиации, оттеснив мало-

численную пограничную заставу МНРА, вышли к реке Халхин-Гол. Подошедшие подкрепления отбросили нарушителей с большими для них потерями к маньчжурской границе.

14 мая кавалерийский отряд японо-маньчжур, нарушив границу, углубился до 20 км и овладел высотой Дунгур-Обо на левом берегу Хайластын-Гола. С 14 мая начала активные боевые действия авиация японцев, наносившая удары по монгольским пограничным войскам.

В помощь пограничникам 17 мая на правобережье Халхин-Гола были выдвинуты из Тамцак-Булака стрелково-пулеметный батальон, саперная рота и батареи 76-миллиметровых орудий 11-й танковой бригады 57-го корпуса. Туда же выдвигалась 6-я кавалерийская дивизия МНРА с дивизионом бронемашин. К исходу 22 мая, перейдя через Халхин-Гол, советско-монгольские войска отбросили нарушителей за границу МНР.

Так началась необъявленная война, навязанная МНР и СССР японскими милитаристами и длившаяся более четырех месяцев.

Японцы к 27 мая сосредоточили значительные силы у границы МНР в районе Номон-Хан и озера Узур-Нур. Японская группировка превосходила советско-монгольские войска в 2,5 раза по пехоте, в 3,5 раза — по коннице, в 2 раза — по противотанковой артиллерии и в 1,3 раза — по пулеметам. Советско-монгольские войска имели преимущество по орудиям полевой артиллерии в 1,5 раза и в 5—6 раз — по бронемашинам.

С рассветом 28 мая после бомбардировочных ударов по двум нашим аэродромам и по мосту, построенному саперами 11-й танковой бригады, а также по позициям советско-монгольских войск на западном берегу Халхин-Гола японцы перешли в наступление. Они намеревались ударами по флангам советско-монгольских войск выйти к мосту, окружить и уничтожить их на правом берегу Халхин-Гола.

В ходе ожесточенных боев 28—29 мая, продолжавшихся днем и ночью, противник, потеряв только убитыми более 400 солдат и офицеров, был отброшен с территории МНР.

5 июня 1939 г. по приказу Наркома обороны СССР в Тамцак-Булак в штаб 57-го особого корпуса прибыл комдив¹¹ Г. К. Жуков, на следующий день вступивший в командование корпусом. Г. К. Жуков доложил в Москву данные обстановки и предложил прочно удерживать плацдарм на правом берегу Халхин-Гола и одновременно подготовить контрудар из глубины. Г. К. Жуков также доложил Наркому обороны, что сил 57-го особого корпуса будет недостаточно, если японцы одновременно начнут вооруженное вторжение в других районах и с других направлений. С предложенным планом и дополнительным усилением корпуса Нарком обороны СССР К. Е. Ворошилов согласился.

В течение июня противник активных боевых действий на земле не вел. По данным разведки, штаб Квантунской армии готовил новую крупную военную авантюру в районе Халхин-Гола.

В начале июня в Монголию из Москвы прилетела группа советских летчиков, имевших опыт воздушных боев в Испании и Китае. В их числе было 17 Героев Советского Союза во главе с заместителем командующего ВВС Красной Армии комкором Я. В. Смушкевичем, сражавшимся в рядах добровольцев в республиканской Испании в 1937 г. старшим советником по авиации и возглавлявшим там группу советских летчиков-добровольцев.

К 22 июня 1939 г. наша истребительная авиация была рассредоточена на передовые аэродромы и вела одиночными самолетами воздушную разведку. Прибывшие из Москвы летчики были распределены по боевым частям нашей истребительной авиации и в течение июня про-

¹¹ В июле 1939 г., Г. К. Жукову было присвоено воинское звание комкора.

водили с летным составом напряженную летную подготовку и тренировку в ведении воздушных боев.

Вторая половина июня характерна особенно ожесточенными воздушными боями. 22 июня в районе Халхин-Гола произошел беспрецедентный в истории авиации воздушный бой, который продолжался более 2,5 часа. В нем участвовало 95 советских и 120 японских самолетов. Противник потерял более 30 самолетов, потери советской авиации составили 14 самолетов, 11 летчиков. Это была первая крупная победа наших истребителей над отборным летным составом истребительной авиации ВВС Японии, летавшим на самолетах последней конструкции.

24 июня в двух воздушных боях советские летчики сбили 16 японских истребителей, потеряв лишь два своих самолета.

26 июня над пограничным с Маньчжурией озером Буур-Нур произошел ожесточенный воздушный бой 60 японских с 50 советскими истребителями. После двухчасового боя японцы потеряли 10 самолетов, потери советских летчиков составили 3 самолета. В этом бою совершил беспрецедентный подвиг Герой Советского Союза майор С. И. Грицевец. В бою был подожжен самолет командира 70-го истребительного полка майора В. М. Забалуева, который выбросился из горящего самолета на парашюте и приземлился на маньчжурской территории. С. И. Грицевец произвел посадку и на одноместном истребителе вывез на глазах у японцев своего раненого командира. За успешные боевые действия в ходе боевых операций на Халхин-Голе и совершенный героический подвиг ему было присвоено первому в СССР звание дважды Героя Советского Союза¹².

Вследствие понесенных тяжелых потерь в воздухе командующий японской авиацией генерал Мориги издал 22 июня приказ, который позднее попал к нашему командованию. В приказе ставилась задача внезапным нападением уничтожить самолеты противника на аэродромах в районе Тамцак-Булак, Баин-Тумэн и озера Баин-Бурду-Нур.

Рано утром 27 июня группа японских самолетов — 23 бомбардировщика и около 70 истребителей — нанесла удар по аэродрому 22-го истребительного полка в районе Тамцак-Булака. Из-за плохого оповещения полк вступил в бой неорганизованно. Было сбито 5 японских самолетов, наши потери — три самолета, два летчика. Не вернулся на аэродром после боя командир полка Герой Советского Союза майор Г. П. Кравченко. Преследуя японский самолет, он сбил его на территории Маньчжурии и, израсходовав в бою горючее, совершил вынужденную посадку в 60 км от аэродрома. Возвратился он на свою территорию через трое суток, добираясь пешком по безлюдной местности без воды и пищи.

Вторая группа — до 70 японских истребителей — нанесла удар в это же утро по аэродрому 70-го истребительного полка. Линия связи к постам наблюдения была нарушена диверсантами, и наши летчики вынуждены были взлетать под огнем противника. Полк потерял 14 самолетов в воздушном бою и два — на земле.

Возросшая во второй половине июня активность японской авиации по завоеванию господства в воздухе свидетельствовала о подготовке японцами крупной операции против советско-монгольских войск.

К началу июля в составе войск противника насчитывалось до 38 тыс. солдат и офицеров, до 160 пулеметов, 186 легких и тяжелых и 124 противотанковых орудия, 135 танков и 10 бронемашин. С воздуха японскую группировку поддерживали более 200 самолетов.

Противник превосходил советско-монгольские войска по живой

¹² С. И. Грицевец в воздушных боях на фронтах республиканской Испании и на Халхин-Голе сбил 40 самолетов противника. Погиб 16 сентября 1939 г. при авиационной катастрофе.

силе, по артиллерии — в 2,5 раза и по противотанковым орудиям — в 6 раз. По танкам и бронемашинам он уступал нашим войскам более чем в 3 раза.

2 июля в 21 час японцы начали артиллерийскую подготовку и вслед за ней ночную атаку танков и пехоты из района высоты Номун-Хан, вдоль северного берега реки Хайластын-Гол.

Главный удар противник наносил правым флангом — главной группировкой генерал-лейтенанта Кобаяси, имевшего задачу скрытно выйти к реке Халхин-Гол, форсировать ее и из района горы Банн-Цаган нанести вдоль левого берега Халхин-Гола удар на юг, отрезав советско-монгольским войскам отход с правобережья. (О выходе этой группы и форсировании ею Халхин-Гола советско-монгольскому командованию стало известно лишь утром 3 июля.)

Вторая группа, под командованием генерал-лейтенанта Ясуока, обеспечивала 1 и 2 июля своим правым флангом выдвижение и сосредоточение группы Кобаяси к переправам через Халхин-Гол. Перейдя 2 июля первой в наступление, она имела задачу стремительным продвижением охватить с флангов и окружить советско-монгольские войска на правом берегу Халхин-Гола и, прижав к реке, совместно с главной группировкой генерала Кобаяси уничтожить их.

3 июля, скрытно выдвинувшись на машинах к Халхин-Голу и наведя понтонную переправу, к 10 часам группа вышла в район горы Банн-Цаган. Отбросив на северо-запад передовые дозоры 6-й кавдивизии МНРА, японцы продолжали стремительно продвигаться передовыми частями на юг, по западному берегу Халхин-Гола.

Командир 57-го корпуса Г. К. Жуков, получив утром 3 июля данные о выходе крупной группировки противника на левый берег реки в район горы Банн-Цаган, решил нанести удар по этой группировке выдвигавшимися резервами из Тамцак-Булака. 11-й танковой бригаде комбрига М. П. Яковлева была поставлена задача нанести удар по противнику, не ожидая подхода 7-й мотоброневой бригады майора А. Л. Лесового и 24-го мотострелкового полка майора И. И. Федюнинского.

Первыми нанесли массированный удар по войскам японцев и переправе советские бомбардировщики, впервые введенные в бой за время вооруженного конфликта на Халхин-Голе. Они 3—5 июля нанесли еще несколько ударов по войскам японцев в этом районе. В ходе боев 3—5 июля противник оставил на поле боя тысячи убитых, более 50 танков и большое количество боевой техники и снаряжения¹³.

Главную роль в этом сражении сыграли 11-я танковая, 7-я мотоброневая бригады, бронедивизион 8-й кавалерийской дивизии МНРА, артиллерия и авиация, которая надежно прикрывала район боев, успешно громил подходившие резервы и уничтожила в воздушных боях 45 самолетов противника.

Сокрушительный разгром в банн-цаганском сражении внес смятение в войска Квантунской армии и правительственные круги Японии.

После поражения японское командование решило повторить удар по советско-монгольским войскам на восточном берегу Халхин-Гола, не пытаясь больше переправляться на левый берег реки. В ночь на 7 июля японцы снова начали ожесточенные атаки, продолжавшиеся днем и ночью до 13 июля. Тяжелые бои вела в эти дни и наша авиация. 8 июля летчики сбили 21 самолет противника, потеряв два своих. 10 июля 70 наших истребителей штурмовали японские войска на правом берегу реки. Около 100 истребителей противника завязали с ними воздушный бой. В район боя было направлено еще 30 советских истребителей. В ожесточенном воздушном сражении участвовало одновре-

¹³ См. История второй мировой войны 1939—1945, т. 2, с. 216.

менно до 200 самолетов. Потери японцев составили 11 самолетов, советской стороны — 1 самолет.

Позднее, 21 июля, японцы, получив новое подкрепление из опытного летного состава, пытались нанести массированный удар силами 150 истребителей по нашим аэродромам. В воздух было своевременно поднято около 150 советских истребителей. В упорных боях победа осталась за советскими летчиками, сбившими 12 самолетов и потерявшими 5 своих самолетов.

После десятидневной паузы с рассветом 23 июля японцы, восполнив потери и усилив свою группировку войск на правобережье Халхин-Гола, перешли в наступление. Не добившись успеха и понеся тяжелые потери, противник прекратил атаки и перешел к обороне.

В дни этих тяжелых боев советско-монгольская группировка на правом берегу значительно уступала противнику по численности войск, и особенно по пехоте. Однако благодаря высокому героизму всего личного состава советских и монгольских войск удалось отстоять правобережный плацдарм. Этому не в малой степени помогли активные действия нашей авиации, надежно прикрывавшей с воздуха район боевых действий и оказавшей большую поддержку войскам ударами бомбардировщиков и штурмовыми действиями на поле боя и по подходившим из глубины резервам.

Так бесславно завершилось для японо-маньчжурских войск в июле баин-цаганское сражение на земле и в воздухе, длившееся около трех недель. Оно вошло в историю как баин-цаганское побоище.

После провала июльского наступления указом японского императора 10 августа была сформирована 6-я японская армия под командованием генерала Огисы Риппо. В течение месяца в нее включались новые части и соединения. В ее составе были: пополненная личным составом 23-я и 7-я пехотные дивизии, пехотная и механизированная бригады, два отдельных пехотных, семь артиллерийских, два танковых и два инженерных полка, шесть баргутских кавалерийских полков и отдельные зенитные и противотанковые части. В 6-й армии имелось 75 тыс. солдат и офицеров, 1283 пулемета, более 500 орудий и минометов, 182 танка и более 300 самолетов¹⁴. Японская группировка войск анимала оборону в 2—10 км восточнее реки Халхин-Гол.

Ей была поставлена задача взять реванш «генеральным наступлением», завлечь на восточном берегу Халхин-Гола в долину реки Хайтастын-Гол советско-монгольские войска и, нанеся главный удар по их правому флангу, окружить и уничтожить их.

Японское командование, уверенное в победе, пригласило в район боевых действий иностранных корреспондентов и военных атташе, в том числе германских и итальянских.

Учитывая крупное сосредоточение японо-маньчжурских сил в районе Халхин-Гола, правительство СССР своевременно оказало большую дополнительную военную помощь братской МНР. К району Халхин-Гола были выдвинуты из Сибири 82-я и 57-я стрелковые дивизии, 6-я танковая бригада, артиллерийские, огнеметные части и другие силы и средства усиления.

К середине августа преимущество в силах в пользу советско-монгольских войск составило: по пехоте — в 1,5 раза, по артиллерии и пулеметам — около 2 раз, по танкам и бронемашинам — в 4 раза, по авиации — более чем в 1,7 раза. Артиллерии в этой операции было недостаточно¹⁵.

Кроме того, наша авиация получила и мощное качественное уси-

¹⁴ См. там же.

¹⁵ В июле 1939 г. для усиления войск МНР в район Улан-Батора прибыла из Забайкалья 114-я стрелковая дивизия (ЦАМО СССР, ф. 1314, оп. 1, д. 3, лл. 1—3).

ление, особенно за счет истребителей И-16, имевших значительно улучшенные летно-тактические данные, мощное пушечное и ракетно-реактивное вооружение (впервые в мире), а также самолетов И-153 с четырьмя крупнокалиберными пулеметами на каждом из них и улучшенными скоростными и маневренными данными.

Приказом Наркома обороны СССР для руководства группировкой советских войск была сформирована 1-я армейская группа, которую возглавил комкор Г. К. Жуков (член Военного совета — дивизионный комиссар М. С. Никишев, начальник штаба — комбриг М. А. Богданов). Артиллерию армейской группы возглавлял комкор Н. Н. Воронов. Группировку монгольских войск возглавлял главком МНРА Маршал МНР Х. Чойбалсан с оперативной группой — комдивом Ж. Цэрэном, полковниками Б. Цогом и Г. Эрендо. Командовал войсками МНРА комкор Ж. Лхагвасурэн. Для координации боевых действий советских и монгольских войск на базе Забайкальского военного округа была образована фронтовая группа во главе с командармом 2-го ранга Г. М. Штерном, членом Военного совета дивизионным комиссаром Н. И. Бирюковым, начальником штаба комдивом М. А. Кузнецовым.

Армейской группе была поставлена задача совместно с войсками МНРА провести операцию по окружению и полному уничтожению группировки японо-маньчжурских войск, вторгшихся на территорию МНР, и восстановить государственную границу братской страны.

Сосредоточение советских войск проводилось в невероятно трудных условиях, за 750 км от ближайшей железнодорожной станции, по грунтовым дорогам, в условиях пустынной, малонаселенной, безводной местности. Для обеспечения боевых действий на огромное расстояние было подвезено автотранспортом до 25 тыс. т боеприпасов, 4 тыс. т продовольствия и более 10,5 тыс. т других грузов.

Около 6 тыс. автомашин, не считая большого количества гужевого транспорта Монголии, было привлечено для переброски войск, боеприпасов, горючего и других грузов. Большую помощь в организации перевозок и обеспечения войск, в первую очередь водой и питанием, оказали ЦК МНРП и правительство МНР. Непосредственно руководил этой огромной работой товарищ Ю. Цеденбал, ныне Первый секретарь ЦК МНРП, Председатель Президиума Великого Народного Хурала МНР.

В ходе сосредоточения войск и перевозок боеприпасов, которые проводились в основном ночью, подготовки войск к предстоящему наступлению были искусно осуществлены мероприятия оперативной маскировки, дезинформации противника и разведки всех видов.

Выход танков в исходные районы заглушался шумом, создаваемым ночными бомбардировщиками ТБ-3, которые в июле вместе с бомбардировщиками МНРА были привлечены к ночным боевым действиям. Шумом тракторов и мощной звуковещательной радиостанцией имитировались крупные оборонительные инженерные работы на правом берегу реки. Открытым текстом и простым кодом по радио передавались дезинформационные распоряжения — заявки на зимнее обмундирование и др. Всеми этими мерами командование японской группировки было введено в заблуждение.

Советско-монгольскому командованию стало известно о готовившемся японцами генеральном наступлении, назначенном на 24 августа. Было решено опередить противника и назначить наступление наших войск на несколько суток раньше — на 20 августа, в воскресный день.

Планом операции намечался охватывающий удар и окружение японской группировки действиями Южной и Северной войсковых групп и в последующем уничтожение их всеми силами советско-монгольских войск.

Для осуществления этого замысла было создано три группы войск.

Южная группа (командир — полковник М. И. Потапов) — в составе 57-й стрелковой, 6-й танковой и 8-й мотоброневой бригад, части сил 11-й танковой бригады, усиленных противотанковой, самоходной артиллерией, огнемётными танками, и 8-й кавалерийской дивизии МНРА полковника Нянтайсурэна. Южная группа предназначалась для нанесения главного удара в направлении Номон-Хан, окружения противника во взаимодействии с Центральной и Северной группами войск, уничтожения его и обеспечения нашей группировки от наступления резервов противника из Маньчжурии. Центральная группа комбрига Д. Е. Петрова — 82-я стрелковая и 36-я мотострелковая дивизии, 5-я стрелково-пулеметная бригада. Эта группа предназначалась для сковывания группировки японских войск и воспреещения маневра ими на фланги. Северная группа (командир — полковник И. В. Шевников) имела в своем составе 11-ю танковую, 7-ю мотоброневою бригады, полк 82-й дивизии и 6-ю кавалерийскую дивизию МНРА полковник Л. Дандара. Ее задачей был выход во фланг и тыл японской группировки, окружение и уничтожение ее совместно с войсками Южной и Центральной групп войск.

20 августа в 5 час 15 мин над правобережной группировкой японо-маньчжурских войск появилась эскадрилья пушечных самолетов И-16 и выше их — группа скоростных бомбардировщиков СБ. Зенитная артиллерия противника открыла по самолетам огонь, чем и выдала свое расположение. Для этой цели и были посланы советские самолеты. По зенитным батареям открыла огонь наша артиллерия и пушечные самолеты И-16, нанесли удар бомбардировщики. В короткий срок зенитная оборона противника была разгромлена. Вслед за этим по оборонительным сооружениям и группировке японцев в течение 30 мин нанесли последовательные удары 150 наших бомбардировщиков в сопровождении около 150 истребителей. В 6 час 45 мин началась мощная артиллерийская подготовка по оборонительным позициям японцев. В 8 час 45 мин бомбардировщики повторили массированный удар.

В 9 час под звуки «Интернационала», передаваемого мощной громкоговорящей установкой, началась атака советско-монгольских войск. По всему 74-километровому фронту перешли в наступление наши танки, бронемашины, пехота и конница, надежно прикрываемые и поддерживаемые авиацией.

С 20 по 23 августа шло ожесточенное сражение днем и ночью. Уже в первый день сражения Южная группа, сломив сопротивление противника, продвинулась до 12 км и 21 августа вышла на пути отхода южной группировки противника. 8-я кавалерийская дивизия на правом фланге, отбросив части Хинганской кавалерийской дивизии, вышла на границу МНР. Выход наших войск за границы МНР был запрещен командованием.

Центральная группа 20 августа продвигалась незначительно, сковывая силы противника, преодолевая ожесточенное сопротивление и блокируя его узлы обороны.

Тяжелые бои вела Северная группа войск. На левом фланге ее 6-я кавалерийская дивизия полковника Л. Дандара в конной атаке разгромила два кавалерийских полка маньчжуров и вышла у озера Яньху на границу МНР, захватив много пленных и вооружения.

22 августа на участке Северной группы перешло с оружием на сторону советско-монгольских войск до батальона маньчжур и китайцев, которые предварительно перебили командовавших ими японских офицеров.

Успеху сухопутных войск во многом помогли активные действия нашей авиации. Около 240 вылетов совершили в первый день бомбардировщики. Истребители надежно прикрывали группировку наших войск с воздуха, сбив лишь 20 августа 24 истребителя И-97. В первый

день наступления были впервые в мире применены истребители-ракетоносцы И-16¹⁶.

В ходе боев в июле и августе летчики-истребители Г. Ф. Скобарихин и А. Ф. Мошин впервые повторили бессмертный подвиг русского летчика П. Нестерова, первым в мире совершившего в воздушном бою таран. Такой же подвиг совершил летчик В. П. Кустов. Всем троем было присвоено высокое звание Героя Советского Союза.

Почувствовав угрозу на флангах, противник 21 августа начал перегруппировку войск, усиливая свой правый фланг, полагая, что там наносится главный удар наших войск. На самом же деле главный удар наносился против его левого фланга. Установив разведкой перегруппировку противника, командующий 1-й армейской группой выдвинул из резерва на усиление Северной группы 9-ю мотоброневую бригаду и батальон 6-й танковой бригады, объединив все войска резерва в маневренную группу, которую возглавил полковник И. П. Алексеенко. Эта группа, обойдя 22 августа узлы сопротивления, вышла к озеру Узур-Нур и разгромила базу снабжения японской группировки. 24 августа 9-я мотоброневая бригада соединилась у Номон-Хана с 8-й мотоброневой бригадой Южной группы, завершив полное окружение группировки противника.

К утру 24 августа основные силы японцев были окружены и расчленены на отдельные группировки. Попытка японского командования нанести 24 и 25 августа контрудары с востока с целью разорвать кольцо окружения своих войск была сорвана ударами наших пехоты, танков, артиллерии и авиации.

К 25 августа на обеспечение внешнего фронта окружения к границе МНР были выдвинуты 8-я и 9-я мотоброневые и 212-я авиадесантная бригады и на левом фланге — 6-я кавалерийская дивизия. Эти войска до 28 августа успешно отбили контрудары врага со стороны Маньчжурии. Остальные войска начали уничтожение окруженных в опорных пунктах группировок японцев в районе долины реки Хайластын-Гол, на высотах Ремезова, Песчаная и Зеленая. На участке Северной группы противник упорно оборонялся на высоте Палец.

27 августа сопротивление и попытка японцев вырваться из окружения на южном берегу реки Хайластын-Гол были сломлены. Основные усилия наших войск были перенесены на уничтожение противника северней реки и в других районах. Утром 31 августа территория МНР была полностью очищена от японских захватчиков.

С 1 сентября советско-монгольские войска приступили к укреплению оборонительных позиций вдоль государственной границы МНР.

Утром 4 сентября, подтянув свежие части 2-й пехотной дивизии на южном крыле нашей группировки, японцы пытались захватить высоту Эрис-Улыин-Обо. Их атака была отбита частями 8-й кавалерийской дивизии, подразделениями 57-й стрелковой дивизии, 6-й танковой бригады и 603-го полка. Противник оставил на поле боя более 350 солдат и офицеров только убитыми. В бою особенно отличились монгольские кавалеристы, преследовавшие японцев в конном строю. В ночь на 8 сентября японцы вновь пытались наступать на этом же участке. Потеряв на поле боя около пятисот убитыми и значительное количество вооружения, они были отброшены на восток, за границу МНР.

В августовской операции в составе 6-й японской армии на Халхин-Голе имелось до 200 танков. Однако несмотря на сокрушительное поражение японских войск, эта танковая группировка не была использована командованием 6-й армии в сражении. Это также является свидетельством бездарности и военной неграмотности высшего коман-

¹⁶ Эту группу возглавлял летчик-испытатель капитан Н. И. Звонарев.

дования Квантунской армии, как и многие другие промахи, приведшие японские войска к потрясающему разгрому и огромным потерям.

После разгрома наземных частей японцев воздушные сражения достигли особого напряжения.

До середины сентября продолжались активные боевые действия нашей авиации, отражавшей попытку вторжения на территорию МНР японских ВВС. За это время произошло семь групповых боев, в которых японская авиация потеряла 71 самолет, советские летчики — 18 истребителей. 15 сентября 120 японских самолетов пытались нанести удары по нашим аэродромам. Противник потерял 20 самолетов, советские летчики — 6, при этом 4 человека спаслись на парашютах¹⁷.

Блестящими результатами закончилась халхингольская операция советско-монгольских войск. Группировка войск Квантунской армии была разгромлена и перестала существовать.

16 сентября боевые действия были прекращены. Японское правительство вследствие сокрушительных поражений на Халхин-Голе обратилось к Советскому правительству с предложением о перемирии.

В ходе боевых действий с мая по сентябрь японцы потеряли до 61 тыс. убитыми, ранеными и пленными, 660 самолетов, большое количество военной техники, снаряжения и боеприпасов¹⁸.

В боях на Халхин-Голе советские воины проявили массовый героизм, высокое воинское мастерство и беспредельную преданность Родине и Коммунистической партии. Примером в боях всему личному составу войск были командиры, политработники, коммунисты, вдохновлявшие своим мужеством и отвагой людей на подвиги. В ряде соединений до одиннадцати процентов личного состава были членами и кандидатами партии. Свыше 3,5 тыс. воинов были приняты в ходе боев в ряды партии, а всего до 10 тыс. человек за это время подали заявления о приеме в партию.

За образцовое выполнение боевых задач, героизм и отвагу Советское правительство наградило двадцать четыре особо отличившихся в боях соединения и части орденами Ленина и Красного Знамени. Орденом Красной Звезды была награждена газета армейской группы «Героическая красноармейская», военными корреспондентами которой были видные советские писатели В. Ставский, Б. Лапин, Л. Славин, К. Симонов, З. Хацревин.

Около 17 тыс. советских воинов были награждены орденами и медалями Советского Союза.

Семьдесят наиболее отважных были удостоены высшей награды — звания Героя Советского Союза. Героями Советского Союза стали командор Г. К. Жуков, командарм 2-го ранга Г. М. Штерн, полковник И. И. Федюнинский, майор М. И. Ремизов (посмертно) и многие другие. Среди получивших это высокое отличие — 33 танкиста, 26 летчиков, 10 пехотинцев, 3 артиллериста, 1 связист. Майоры С. И. Грицевец, Г. П. Кравченко и в ноябре командор Я. В. Смушкевич стали первыми дважды Героями Советского Союза.

На Халхин-Голе плечом к плечу с советскими воинами сражались воины МНРА, проявляя высокую отвагу и массовый героизм. Президиум Великого Народного Хурала наградил 878 цириков, красноармейцев, командиров и политработников орденами и медалями МНР. 12 воинов МНРА были удостоены звания Героя Монгольской Народной Республики.

В военных конфликтах у озера Хасан в 1938 г. и на Халхин-Голе

¹⁷ С 7 сентября 1939 г. командующим ВВС 1-й армейской группы был назначен Т. Ф. Куцевалов, бывший командир 56-го истребительного авиаполка, 29 ноября 1939 г. указом Президиума Верховного Совета СССР полковнику Т. Ф. Куцевалову было присвоено звание Героя Советского Союза.

¹⁸ См. История второй мировой войны 1939—1945, т. 2, с. 219.

в 1939 г. Советские Вооруженные Силы впервые после гражданской войны столкнулись с современной, хорошо вооруженной и имеющей большой боевой опыт армией японских милитаристов.

Империалисты Англии, США и Германии оказывали всяческую помощь Японии, поощряя ее на развязывание войны против СССР и Китая. Так, в разгар «необъявленной войны» на Халхин-Голе, в июле 1939 г., между Англией и Японией было заключено соглашение, которым признавалась японская оккупация в Китае.

В 1937 г. США экспортировали в Японию более 5,5 млн. т нефти, а в 1937—1939 гг. поставили Японии военные материалы более чем на 500 млн. долл. и увеличили во много раз поставки металла. Не меньшую помощь оказывали Японии Англия, Германия и Италия.

Империалисты рассчитывали на скорую победу Японии в Китае и на высвобождение ее армии для расширения агрессии против СССР и МНР. Как известно, их политика завершилась полным провалом.

В результате этого поражения почти на 2,5 года было оттянуто наступление Японии во вторую мировую войну. Япония во второй мировой войне выступила против США, Англии и других стран в Юго-Восточной Азии и на Тихом океане, выжидая подходящую ситуацию для нападения на СССР.

В апреле 1943 г. японский посол в гитлеровской Германии Осима заявил Риббентропу: «Одно неоспоримо, что уже 20 лет все планы генерального штаба разрабатывались для наступления на Россию»¹⁹.

Огромный резонанс вызвало в Японии поражение на Халхин-Голе. Лишь 3 октября 1939 г. военное министерство опубликовало заявление, сообщавшее о крупных потерях императорской армии. Газета «Асахи» в передовой статье от 4 октября писала: «Происшедшие события по размеру и серьезности настолько велики, что в один день всего не рассказать... Нам нужно твердо усвоить урок, полученный в районе Номон-Хана!» В таком же духе были высказывания и других влиятельных газет Японии. Бывший командующий Квантунской армией генерал Уэда, давая показания Международному военному трибуналу в Токио, заявил, что в результате разгрома и гибели группировки японских войск на Халхин-Голе все руководство Квантунской армией было снято.

Как известно, вследствие провала внешней политики Японии 28 августа 1939 г. вынуждено было подать в отставку и правительство Хиранума.

В 1946 г. Международный военный трибунал в Токио признал доказанным предъявленное главным японским военным преступникам обвинение в нападении на МНР и СССР в районе Халхин-Гола. В его приговоре записано: «Это были действия широкого масштаба... целью их было уничтожение противостоящего противника... Трибунал считает, что военные действия явились агрессивной войной, проводившейся японцами...»²⁰.

Сокрушительный разгром японской армии на Халхин-Голе имел огромные международные последствия.

Он еще раз продемонстрировал всему миру мощь СССР и его Красной Армии, оказал большое влияние на внешнюю политику и стратегические планы японского правительства, заставив их отказаться от участия в нападении вместе с фашистской Германией на Советский Союз в 1941 г.

Поражение Квантунской армии у Халхин-Гола сорвало планы вражеских кругов Англии, США, Франции, как и партнеров Японии по

¹⁹ Цит. по: История Коммунистической партии Советского Союза. Т. 5, кн. 1. М., 1970, с. 622.

²⁰ Цит. по: М. Новиков. Победа на Халхин-Голе. М., 1971, с. 99—106.

«антикоминтерновскому пакту» развязать войну Японии против Советского Союза. Не оправдались и надежды гитлеровского руководства на военное поражение Китая и привлечение его после этого с помощью Чан Кайши в «антикоминтерновский пакт».

Фашистская Германия, развязавшая 1 сентября 1939 г. нападением на Польшу вторую мировую войну, вынуждена была пересмотреть планы и сроки нападения на Советский Союз и направила свою агрессию против Англии, США и Франции.

Потерпела крах провокационная политика империалистических кругов Англии, США и Франции, стремившихся развязать большую войну фашистской Германии и милитаристской Японии против СССР.

Это должно послужить сегодня предупреждением агрессивным кругам некоторых империалистических стран, а также пекинским руководителям, противодействующим процессу разрядки напряженности и мечтающим развязать новую мировую войну.

В боях на Халхин-Голе прошла испытание советско-монгольская дружба, основы которой были заложены в 1921 г. В. И. Лениным и Д. Сухэ-Батором. Советский Союз, верный договорным обязательствам, достойно выполнил свой интернациональный, союзнический долг.

О значении дружбы и взаимопомощи между нашими народами товарищ Ю. Цеденбал писал: «Одержанная советскими и монгольскими войсками на Халхин-Голе победа имела огромное военно-политическое значение... Халхингольские события вновь показали силу, жизнеспособность и величие монголо-советской дружбы, основанной на незыблемых принципах пролетарского интернационализма... Вместе с тем наша общая победа еще больше вдохновила угнетенные народы Азии в их национально-освободительной борьбе против империалистической агрессии»²¹.

Эта дружба была с большой убедительностью продемонстрирована в годы Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. и при разгроме советско-монгольскими войсками империалистической Японии, капитулировавшей осенью 1945 г.

Конкретным претворением в жизнь принципов взаимоотношений между нашими народами является Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между СССР и МНР, подписанный в Улан-Баторе 1 января 1966 г. в период визита в Монголию Советской партийно-правительственной делегации во главе с товарищем Л. И. Брежневым, а также последующие межправительственные соглашения. Они являются ярким примером нерушимой братской интернациональной дружбы, плодотворного сотрудничества и взаимной помощи, проверенных на протяжении почти шести десятилетий.

Выступая в Улан-Баторе на совместном торжественном заседании ЦК МНРП и Великого Народного Хурала МНР, посвященном 50-летию III съезда МНРП и провозглашения Монгольской Народной Республики 26 ноября 1974 г., Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев говорил: «Летопись нашей дружбы насчитывает много славных страниц...»

Никогда не изгладятся из памяти совместные битвы в монгольских степях против белогвардейских банд барона Унгерна. Не забыть нам и героическую эпопею Халхин-Гола, когда советские и монгольские воины дали сокрушительный отпор японским милитаристам, попытавшимся посягнуть на монгольскую землю»²².

²¹ «Правда», 20.VIII.1969.

²² Л. И. Брежнев. Ленинским курсом. Статьи и речи, т. 5. М., 1976, с. 204, 205.

Международные аспекты развития Сибири

В. А. Александров

В динамике социально-экономического развития советской страны все более заметное место приобретает бурный рост Сибири — огромного региона, с которым отождествляются богатство недр, романтика первооткрытий и героические усилия людей, преодолевающих трудности суровой природы.

Природные ресурсы, разместившиеся на 10 миллионах квадратных километров Сибири, уникальны по своим размерам и концентрации, значение их выходит за рамки государственных границ СССР. Уже сейчас она дает третью часть всего каменного угля, добываемого в Советском Союзе, более половины нефти, значительную часть природного газа и много других важнейших полезных ископаемых. Именно благодаря раскрытию кладовых Сибири Советский Союз стал единственным в мире индустриально развитым государством, экономика которого полностью опирается на собственную топливно-энергетическую базу.

Прокладывая железнодорожные магистрали и трубопроводы, строя новые города в Сибири, осваивая богатства ее земли, советские люди работают не только на сегодняшний, но и на завтрашний день страны, укрепляют базу для дальнейшего роста народного хозяйства Советского Союза, упрочения его обороноспособности, повышения народного благосостояния.

Вместе с тем наращивание политического, экономического, культурного потенциала Советского Союза за счет развития Сибири способствует увеличению веса в международных делах всего мирового социалистического содружества.

Развитие производительных сил Сибири открывает дополнительные возможности для взаимовыгодного сотрудничества Советского Союза с другими странами на двусторонней и многосторонней основе. Сибирь стала поставщиком многих видов сырья и готовой продукции — нефти, газа, леса, цветных металлов, машин, оборудования. Одновременно Сибирь утвердилась в системе международных связей СССР и как емкий рынок для самых различных поставок — от товаров массового потребления до комплектов целых заводов.

Участие Сибири в международном социалистическом разделении труда, в культурном обмене Советского Союза с братскими странами способствует упрочению мирового социалистического содружества, расширяет сферу кооперированного труда в соответствии с общими направлениями социалистической экономической интеграции.

Немаловажное значение имеет включение возможностей Сибири во внешнеэкономический оборот СССР и с точки зрения материализации политики разрядки, закрепления отношений мирного сосуществования со странами противоположной социальной системы. Во многих районах Сибири, в частности, получил распространение такой прогрессивный вид долговременного экономического партнерства, как реализация компенсационных сделок. Встречные потоки товаров помогают де-

лать более прочной ткань международного политического взаимопонимания.

Наконец, существенно и то, что быстрое и разностороннее развитие Сибири, подъем всех наций и народностей этого региона, сплоченных в дружной советской семье, давно уже служат примером для народов развивающихся стран.

Опыт Сибири показывает, каких высот экономического, социально-культурного развития могут добиться все народы, вне зависимости от численности населения, ставшие в условиях социализма хозяевами своей судьбы.

Крепкие узы братства

В системе международного общения самые крепкие связи трудящиеся советской Сибири имеют со своими друзьями из других стран социализма. Эти отношения сложились давно, и они в равной степени дороги как советским людям, так и нашим друзьям из государств социалистического содружества.

Немало борцов-интернационалистов — венгров, поляков, чехов, словаков, немцев, сербов, хорватов, болгар — сражалось за власть Советов на сибирской земле в первые годы Октября. Точно так же большое число сибиряков ценою крови, а подчас и жизни отстаивало правое народное дело за рубежами своей Родины. Свидетельства тех времен — памятники борцам-интернационалистам в Новосибирске, Омске и многих других сибирских городах.

Вместе со всем советским народом сибиряки рассматривали как свой интернациональный долг участие в борьбе против гитлеровского фашизма и японского милитаризма, содействие освобождению поработанных народов Европы и Азии. Наполнены глубоким интернационалистским смыслом слова гвардейцев из сибирского города Омска, начертанные ими в День Победы в мае 1945 г. на здании германского рейхстага: «Мы, сибиряки, в Берлине. Мы пришли в Берлин, чтобы он оставался свободным».

С победой социализма в освобожденных странах Европы и Азии появились новые черты и новые вехи в участии сибиряков в интернационалистическом сотрудничестве Советского Союза с государствами социалистического содружества.

Проспект Карл-Маркс-штадт в Иркутске и микрорайон Кемерово в венгерском городе Шальгодарьян — это свидетельства прочных связей городов-побратимов, находящихся за тысячи километров друг от друга.

Интернационализм социалистических международных отношений, в которых широкое участие принимает Сибирь, выражается ныне в кооперированном труде миллионов людей, в их совместных заботах о строительстве новой жизни и обеспечении для этого мирных условий. Иштван Ханец, руководитель венгерской группы строителей на совместной стройке братских социалистических стран — целлюлозном заводе в сибирском городе Усть-Илимске, заявил: «Мы счастливы быть сегодня на сибирской земле, где наши соотечественники-интернационалисты плечом к плечу с бойцами Красной Армии защищали завоевания Великой Октябрьской социалистической революции. Мы постараемся быть достойными великого братства интернационалистов»¹.

Развитие Сибири становится приметой времени, в равной степени близкой и советским людям, и друзьям из стран социализма. «В Сибири, — писал журналист из ГДР Хартмут Морайке, — со всей силой вы-

¹ «Известия», 4.X.1976.

ражена великая преобразующая сила социализма. Сверяя сибирское время с другими городами, я вижу в этом некий символический смысл. Сибирское время в наши дни стало синонимом стремительности и прогресса. Там, на Востоке, за Уралом, четко предстают силуэты будущего»².

Сибирь являет собой прекрасный плацдарм сотрудничества братских стран. Здесь широко используется техника с фирменными знаками всех участников Совета Экономической Взаимопомощи. Вместе с тем отсюда берет начало путь для многих товаров, жизненно необходимых для экономики других стран социализма. В Сибири находятся те источники, которые питают ценнейшим сырьем нефтепровод «Дружба».

С открытием и началом разработок нефтяных и газовых месторождений Сибири самым непосредственным образом связано наращивание поставок этих энергоносителей из СССР в страны СЭВ. С 1950 по 1976 г. поставки советской нефти возросли с 0,8 млн. т до 77 млн. т. Около 10 млн. т нефти направляется во Вьетнам, в Монголию, на Кубу. Экспорт природного газа в страны СЭВ, начавшийся в 60-х годах, достиг 13,4 млрд. куб. м в 1976 г.

Введение на полную мощность газопровода «Союз», берущего начало в прилегающих к Сибири районах Оренбуржья, позволит увеличить еще на 15,5 млрд куб. м поставки газа в Болгарию, Венгрию, ГДР, Польшу, Румынию и Чехословакию, то есть в те страны, которые участвовали в этой стройке.

Вдоль трассы трубопроводов, но в обратном направлении, поставляются товары, необходимые для сибиряков. Так, из ГДР по заказу тюменских, а точнее, сургутских нефтяников поставляются химические установки, комплексы сушильных, подготовительных и очистных аппаратов.

Интернациональное сотрудничество социалистических стран породило в Сибири немало современныхстроек, впитавших в себя высшие достижения технического прогресса. В соответствии с положениями Комплексной программы социалистической экономической интеграции между странами — членами СЭВ осуществлялось сотрудничество при сооружении крупнейшего в мире среднесортного стана «450» по производству новых эффективных видов проката на Западно-Сибирском металлургическом заводе в Кузбассе. Этот стан был спроектирован и построен советскими рабочими совместно со специалистами машиностроительных предприятий Чехословакии и ГДР.

Тесное сотрудничество социалистических стран осуществляется в развитии транспортной сети Сибири. На Лене, Оби, Иртыше и других сибирских реках нередко можно встретить суда, созданные в Чехословакии и Венгрии. Венгерские «Икарусы» обслуживают туристические линии в городах Сибири. Все страны — члены СЭВ в том или ином плане участвуют в сооружении Байкало-Амурской железнодорожной магистрали.

Более 30 лет осуществляется сотрудничество сибиряков с автомобилестроителями Чехословакии в обеспечении перевозок на одной из самых трудных трасс Евразии — дороге от Магадана к центральной Колыме. В Магаданской области создан специальный центр подготовки водителей для работы на большегрузных автомобилях чехословацкой марки «Татра». Эти машины поставляются сюда в северном исполнении, и они заслужили у сибиряков добрую славу. Не случайно в знак благодарности друзьям из Чехословакии на одном из перегонов Колымской трассы на постаменте установлен необычный монумент — «Татра III», первый автомобиль, прибывший более четверти века назад из далекой страны для развития этого края. Колымская «Татра»

² «Правда», 24.I.1979.

стала памятником трудового сотрудничества, соединяющего народы социалистических стран на ниве развития Сибири.

Как и в других восточных районах Советского Союза, в Сибири получили широкое распространение наиболее совершенные и сложные формы многостороннего сотрудничества социалистических стран. Интернациональной стройкой, расположившейся в одном из самых глубоких районов Сибири, стал Усть-Илимский целлюлозный комбинат. В его сооружении участвуют Болгария, Венгрия, ГДР, Польша, Румыния и Советский Союз.

Зарубежные участники стройки поставляют сюда металлические конструкции, оборудование, взяв на себя в общей сложности 40 процентов затрат по сооружению предприятия. Взамен пять братских стран в течение ряда лет будут получать целлюлозу в количестве, пропорциональном внесенному вкладу. Комплекс ежегодно станет выпускать полмиллиона тонн беленой целлюлозы, 1,2 млн. куб. м пиломатериалов, четверть миллиона кубометров древесно-стружечных плит, а также кормовые дрожжи, скипидар, канифоль и другую продукцию.

Первая очередь целлюлозного завода в Усть-Илимске должна вступить в действие в текущем году. Для этого страны-участницы принимают энергичные меры, выполняют заказы стройки точно по графику и на самом высоком качественном уровне. Так, в Венгрии на заводе «Феммункаш» в городе Кечкемете изготавливались металлические конструкции для сооружения цехов в Усть-Илимске. Главный инженер этого завода Имре Надь отмечал, что конструкции рассчитаны с таким запасом прочности, чтобы выдержать любую нагрузку в условиях 50-градусного мороза и 40-градусной жары. «При этом, — говорил венгерский инженер, — мы большое внимание уделили возможности быстрой сборки, чтобы на месте не нужно было бы сверлить ни одного дополнительного отверстия для болтов».

Для того чтобы обеспечить ввод этого предприятия точно в намеченный срок, ряд стран направил сюда своих рабочих, отличившихся на родине и изъявивших желание потрудиться в международном коллективе. Высокое уважение товарищей завоевали отряд первоклассных водителей имени Георгия Димитрова, прибывший из Болгарии, венгерский отряд строителей имени Бела Куна, отряд рабочих ГДР, носящий имя Эрнста Тельмана.

Командир отряда болгарских рабочих имени Георгия Димитрова Стефан Станев подчеркнул в беседе с журналистами, что здесь, на международной стройке, болгарские представители не только перенимают производственный опыт. «Учимся и масштабы развития народного хозяйства, смелости замыслов, упорству в их осуществлении. Наша стройка — отличная школа закалки характеров»³.

Как отмечают участники стройки, технические требования здесь переходят в моральные нормы и органически сочетаются с интернационалистическими принципами: работа в сложных условиях требует высокой ответственности не только за себя, но и за всю стройку в целом, ответственности перед товарищами, перед своей страной, перед рабочими, прибывшими из других братских стран.

Совместная международная стройка дает немало примеров самоотверженности и сердечной товарищеской взаимопомощи. В Усть-Илимске был такой случай. В больнице от потери крови оказалась в тяжелом состоянии советская женщина. Положение могло спасти только срочное переливание крови. Об этом объявили по городскому радио. Был уже поздний вечер, и город замирал после нелегкого трудового дня. Но через несколько минут к городской больнице подкатил автобус. Первым пришел на помощь болгарин Виктор Простоев. Человек был

³ «Правда», 16.II.1979.

спасен. Это одно из многих проявлений братства людей, соединенных общностью целей, интересов, идеалов, единством судеб своих народов.

Примеры международного социалистического сотрудничества можно видеть и на других крупных предприятиях и стройках Сибири. В Тюмени и Сургуте представители братской Болгарии участвуют в сооружении жилых домов для нефтяников. «Мы помогаем покорителям Западной Сибири рабочими руками, — говорил в беседе с журналистами руководитель группы болгарских строителей, Герой Социалистического Труда Народной Республики Болгарии Х. Захариев. — В Тюменскую область приехали лучшие специалисты, мастера своего дела»⁴.

Стало замечательной традицией создание интернациональных молодежных студенческих строительных отрядов. Руками молодых строителей возводятся животноводческие комплексы, промышленные предприятия, школы, здания и общежития высших учебных заведений. Так, объединенный отряд молодых строителей СССР, ГДР, Венгрии, Польши и Чехословакии на протяжении длительного времени работал на строительстве научного городка Сибирского отделения ВАСХНИЛ под Новосибирском. Монгольская молодежь, студенты Улан-Баторского государственного университета трудились на ряде строек в Мегино-Кангаласком районе Якутской АССР. В то же самое время отряд студентов Якутского государственного университета участвовал в одной из народных строек в Улан-Баторе. Такой обмен студенческими строительными отрядами получил широкое распространение и между другими учебными заведениями.

Интернациональный строительный отряд с участием студентов ГДР, Венгрии, Чехословакии и Советского Союза принял активное участие в сооружении вторых путей железнодорожной линии Тайшет — Лена, одного из звеньев Байкало-Амурской магистрали.

Стройка БАМа в целом является важным объектом сотрудничества социалистических стран. Здесь, так же как и на других сибирских стройках, широкое применение находят машины, оборудование и материалы из стран социализма. Но наряду с этим существует и множество других форм личных и общественных контактов, которые позволяют формировать новое отношение к труду, крепить социалистическое содружество.

Характерно в этом плане взаимодействие строителей Советского Союза и Кубы — двух стран, разделенных океанами. В конце 1977 г. был заключен договор о социалистическом соревновании между строителями БАМа и строителями железной дороги Сантьяго-де-Куба — Гавана, стального пути, который должен пройти через весь Остров Свободы. Этот договор предусматривает обмен опытом и ударный труд на своих рабочих местах. Участвовавший в заключении договора строитель западного участка БАМа Иван Машков говорил, что эта форма соревнования служит важным средством стимулирования труда молодых строителей сибирской магистрали. Много полезного для себя почерпнули в практике строителей БАМа и кубинские друзья. При встречах с бамовцами их интересовали условия труда, быта и отдыха, вопросы организации соревнования между различными бригадами и участками стройки.

Два раза в год, 4 апреля (в день рождения Союза молодых коммунистов Кубы) и 29 октября (день создания ВЛКСМ), подводятся итоги соревнования. Передовикам строительства БАМа вручаются переходящие вымпелы Союза молодых коммунистов Кубы, а кубинским строителям, отличившимся в труде, — вымпелы штаба ВЛКСМ на БАМе. В ознаменование этого сотрудничества в Гаване создается музей

⁴ «Известия», 25.XII.1976.

дружбы двух строек. Во многих городах по трассе БАМа развернуты экспозиции, иллюстрирующие советско-кубинские дружеские связи.

Наряду с многочисленными производственными и общественными связями сибиряки поддерживают и индивидуальные связи, они являются частыми гостями в странах социализма. Так, с первого года строительства Байкало-Амурской магистрали молодые строители стали выезжать в зарубежные страны по линии бюро международного молодежного туризма «Спутник». В 1975 г. была организована поездка в ГДР, в следующем году в Венгрию, затем в Болгарию и т. д. Участвовали бамовцы и в поездках по социалистическим странам в составе традиционных поездов дружбы.

Сообща строить новую жизнь, помогать друг другу в труде и открывать двери своего дома для отдыха друзей — это вполне логично для образа жизни, который формируется на одинаковых принципах в странах социалистического содружества. А благодаря высокому жизненному уровню сибиряков и развитой системе современных средств сообщения большие расстояния не препятствия.

Советский Союз — часть социалистического содружества, а Сибирь — часть Советского Союза, живущая интересами и заботами общего. Она участвует в социалистическом международном разделении труда, в общей жизни братских стран и их общей борьбе за построение социализма и коммунизма.

Перспективы сотрудничества: взгляд со стороны

Возрастает удельный вес Сибири в экономическом и научно-техническом сотрудничестве Советского Союза со странами противоположной системы. Меняются и оценки перспектив участия Запада и Японии в осуществлении сибирских проектов.

В этом отношении характерна эволюция взглядов, выраженных газетой «Вашингтон пост». В мае 1974 г. газета, помещая развернутый анализ экономического развития Сибири, сочла возможным сделать в конце концов такой вывод: «Экономические доводы в пользу проекта добычи природного газа и нефти в Сибири в лучшем случае сомнительны».

А спустя 4 года эта же газета отмечала, что районы Сибири — один из последних крупных нетронутых бассейнов природного газа. «Нефтяники из Техаса уже давно приглядываются к советским запасам нефти, — подчеркивала «Вашингтон пост», — и это — не туристы, симпатизирующие коммунистам, а серьезные бизнесмены». Газета довольно определенно указала, что представители американского бизнеса были бы не прочь оказаться в роли поставщиков оборудования для нефтепромыслов, и прежде всего нефтяных буров. Для оправдания такого сотрудничества газета даже пустилась в рассуждения, будто Советский Союз все еще не овладел искусством бурения в условиях Севера.

Не стоит вступать в спор о том, что умеют, а что не умеют делать советские нефтяники, где и как они проводят буровые работы. Через какое-то время, может быть еще через четыре года, «Вашингтон пост» будет писать иное о советских возможностях нефтедобычи, как уже изменила свою точку зрения относительно перспективности сибирских недр. Существенно признание значительности сибирских ресурсов. При чем это признание принадлежит уже не только представителям прессы.

В августе 1978 г., буквально за несколько дней до приведенной публикации «Вашингтон пост», агентство Юнайтед Пресс Интернейшнл распространило сообщение, согласно которому Центральное разведывательное управление США подготовило специальный доклад, озаглавленный «СССР: развитие газовой промышленности». По мнению авто-

ров доклада, советские запасы природного газа, вероятно, являются крупнейшими в мире, а самыми богатыми месторождениями природного газа названы кладовые Западной Сибири. В докладе делается вывод о том, что этих запасов хватит на много десятилетий.

Оставим в стороне прогнозы американских разведчиков о сроках, на которые хватит сибирских запасов. Публичные оценки ЦРУ всегда сводятся к попыткам как-то принизить то, чем располагает наша страна. В любом случае показательно, что нефть, газ и другие энергоносители Сибири составляют предмет пристального внимания за океаном. И это внимание, конечно, отражает не радость по поводу открытий советских геологов, а некоторое смятение, вызванное тем, что в мировом балансе энергоресурсов преимущественные позиции принадлежат не капиталистическому, а социалистическому миру.

Выходящий в Париже журнал «Ревю д'этюд компаратив Эст-Уэст» опубликовал статью американских экономистов Дж. Бернхейма и Р. Фуртмайера «Перспективы экономического развития Сибири». «Цель этой статьи, — отмечали ее авторы, — проанализировать возможности развития Сибири как в контексте экономического развития СССР, так и с точки зрения экономического сотрудничества между Западом и Востоком и продолжения политической разрядки».

Предполагаемые общие запасы угля в Сибири, указывают эти авторы, равны приблизительно 2,3 млрд. т, залежи железной руды — в 2 раза больше, чем в США, Великобритании и Франции, вместе взятых, нефти — больше, чем на Ближнем Востоке. В Сибири самые большие в мире месторождения природного газа и огромное количество редких металлов.

Конечно, и в этом исследовании цифровые выкладки авторов не учитывают всего, чем располагает Сибирь. Возможна и какая-то ошибка в их расчетах, ведь только в Канско-Ачинском бассейне общегеологические запасы угля оцениваются в 600 млрд. т. Следует напомнить, что в целом запасы каменного угля в СССР определяются в 8,6 триллиона т, это — 57% всех разведанных в мире каменноугольных залежей⁵. Важно признание весомости Сибири и, естественно, всего Советского Союза в соотношении мировых природных ресурсов. Как и доклад ЦРУ, это исследование отражает озабоченность истощением природных запасов на Западе в противоположность открытию все новых и новых месторождений в советской Сибири.

В исследовании приводятся интересные расчеты экономической выгоды, которую может дать закупка добываемых в Сибири энергоносителей. Так, перевозка угля из США обходится Японии в 18 долл. за тонну, а из Сибири — 3 долл.; стоимость тонны неочищенной нефти со Среднего Востока равна тысяче иен, а нефть, доставленная из советского порта Находка, была бы в 5 раз дешевле. По сравнению с неевропейскими источниками поставки советского природного газа оказываются чрезвычайно выгодны Западной Германии, так как его можно транспортировать наиболее дешевым трубопроводным транспортом. С учетом этого и других факторов, отмечается в статье, экономические интересы будут подталкивать ФРГ к более активному участию в освоении сибирских ресурсов. Что же касается Японии, то она, по мнению авторов исследования, будет стремиться участвовать в освоении Сибири несравненно в большей мере, чем другие капиталистические партнеры, несмотря на отрицательное отношение Китая и необходимость считаться с США.

Проблемы сибирского развития стали постоянной темой работ многих ученых и публицистов капиталистических стран.

⁵ См. «Советский экспорт», 1978, № 6, с. 78.

Их суждения, как правило, также однозначны — признаются огромные перспективы Сибири и большой смысл сотрудничества с Советским Союзом как в плане поставок необходимых товаров, так и в плане закупок всего, чем славен этот край.

Естественно, что зарубежные партнеры могут лишь предлагать свое участие в разработке сибирских ресурсов, не претендуя на то, чтобы их слово являлось единственно определяющим перспективы сотрудничества.

К сожалению, на Западе, особенно в США, не прочь еще выдать желаемое за действительное: подчас наблюдаются попытки представить дело так, будто без использования западной техники и технологии Советский Союз не справится с освоением нефтяных, газовых и других месторождений Сибири, расположенных в труднодоступных местах.

Как отмечал товарищ Л. И. Брежнев в ответах на вопросы японской газеты «Асахи» в июне 1977 г., беспочвенны утверждения, «что Советский Союз своими силами не сможет освоить богатейшие ресурсы Сибири и Дальнего Востока. Совершенно очевидно, и это показывает вся история нашего государства, что мы имеем все возможности справиться с этой задачей»⁶.

Действительно, никто не помогал Советскому Союзу в разведке нефти в районе Тюмени, а советские геологи нашли там нефть, и притом в невиданных количествах. Никто не помогал Советскому Союзу и в разработке этих месторождений, тем не менее здесь за короткий срок нефтедобыча достигла уровня 300 млн. т в год. Нарращивание добычи нефти и газа в СССР осуществляется такими темпами, которые не имеют precedентов. Достаточно указать, что за период с 1966 г. по 1978 г. среднегодовой прирост добычи нефти в стране составил 25,3 млн. т и газа — 18,8 млрд. куб. м. Вполне естествен вывод: если Советский Союз развил до таких масштабов добывающую индустрию, то что же ему помешает двигаться ускоренным темпом и дальше?

Не переоценивают значения сотрудничества фирм капиталистических стран для развития Сибири и наиболее компетентные зарубежные исследователи. Как отмечал профессор канадского университета Р. Норт в статье, опубликованной в журнале «Каррент истори», при осуществлении сибирских проектов иностранный капитал будет финансировать, но не контролировать эксплуатацию природных ресурсов и транспортных возможностей. Авторы приводившейся выше статьи «Перспективы экономического развития Сибири» также признают, что участие Запада, хотя и важное с точки зрения эффективности, скорости и дешевизны разработок, не является жизненно необходимым для СССР.

Советский Союз, признавая большую позитивную роль международных экономических связей как с точки зрения хозяйственных интересов, так и с учетом роли этого фактора в общем комплексе политики мирного сосуществования, неоднократно подчеркивал хорошие перспективы развития торгово-экономических отношений с капиталистическими странами на базе взаимовыгодного сотрудничества в разработке природных богатств Дальнего Востока и Сибири. Не случайно во время встречи в Крыму товарища Л. И. Брежнева с делегацией Федерации экономических организаций Японии (Кэйданрэн) в августе 1976 г. затрагивался вопрос о возможной долгосрочной программе экономического сотрудничества, рассчитанной на 10—15 лет, главным образом за счет более интенсивного использования ресурсов Сибири и Дальнего Востока. Сотрудничество СССР с другими государствами призвано ускорить осуществление советских планов по развитию этих районов.

⁶ «Правда», 7.VI.1977.

Советский Союз давно уже зарекомендовал себя как стабильный и ответственный партнер. Чистосердечное сотрудничество без каких-либо попыток дискриминации и политического вымогательства отвечает взаимным интересам всех участвующих в нем сторон. Развитие Сибири в этом плане открывает дополнительные широкие возможности.

На компенсационной основе

Деловые люди капиталистических стран в свою очередь не скрывают большую заинтересованность в углублении экономического сотрудничества с Советским Союзом, в том числе и на почве реализации сибирских проектов. Как отмечал председатель Федерации экономических организаций Японии Тосио Доко во время встречи с Л. И. Брежневым летом 1976 г., экономические круги Японии придают большое значение деловому сотрудничеству с Советским Союзом на долговременной основе, они выступают за дальнейшее развитие дружественных связей с СССР⁷. Отражая, видимо, эту же точку зрения, многие японские газеты указывали, что сотрудничество с Советским Союзом в освоении Сибири весьма желательно с точки зрения развития японской экономики.

Нефть, нефтепродукты и газ составляют существенную часть советского экспорта. В возрастающих количествах эти важные виды сырья и топлива поставляются в страны Совета Экономической Взаимопомощи. Экспортируются они также в Италию, Финляндию, ФРГ, Францию и другие капиталистические страны.

Однако наряду с торговыми операциями возрастает важность долгосрочного международного сотрудничества в разработке сибирских природных ресурсов. Одной из форм решения этой задачи, значение которой особенно подчеркивал товарищ Л. И. Брежнев, стала реализация так называемого Якутского газового проекта. Речь идет о взаимодействии трех стран — СССР, США и Японии, которое отличается как масштабностью экономических контрактов, так и значительной их долговременностью.

Конечная цель проекта — добыча якутского газа как для использования его в СССР, так и для поставок в США и Японию. Для достижения этой цели предстоит еще многое сделать: завершить геолого-разведочные работы в Якутии, оснастить газодобытчиков техникой, протянуть газопровод из районов разработки месторождений к Тихоокеанскому побережью СССР и построить в конечном пункте этого газопровода завод по сжижению газа.

Американская и японская стороны участвуют в проекте в форме предоставления кредитов, а также поставок необходимых материалов и оборудования, которые будут в дальнейшем компенсированы поставками газа. Это один из примеров компенсационных сделок, которые получают все более широкое распространение в практике советских внешнеэкономических связей.

Летом 1978 г. в Токио состоялось совещание советской, японской и американской делегации, итогом которого стал трехсторонний меморандум. В этом документе определены конкретные задачи в освоении газовых кладовых Якутии и реальные шаги по превращению Якутского проекта в действительность.

«Энергетическая проблема, — отмечал в беседе с журналистами один из участников совещания, председатель Совета директоров японской газовой компании «Токио газу» А. Андзай, — одна из серьезнейших общенациональных проблем, стоящих перед нашей страной, и значи-

⁷ См. «Правда», 14.VIII.1976.

тельные надежды мы возлагаем на реализацию Якутского газового проекта»⁸.

Согласно этому проекту, поставки сибирского газа его иностранным участникам будут производиться не только в этом, но и в начале будущего столетия. Естественно, что его осуществление требует глубокой и всесторонней подготовки. Подписанный в Токио меморандум, другие документы, встречи и совещания, связанные с Якутским газовым проектом, — все это шаги в направлении крупномасштабного сотрудничества, но шаги реальные, отражающие взвешенный и ответственный подход участников к долгосрочному многостороннему сотрудничеству. Этот проект показывает, насколько серьезно и вдумчиво Советский Союз подходит к развитию связей с другими странами, как твердо его слово и каким высоким доверием наша страна пользуется у своих партнеров.

Сибирь является активным участником международного сотрудничества и в использовании каменного угля, этого «самого выгодного топлива», как называют его энергетики во всем мире. Запасы каменного угля Сибири огромны — они исчисляются цифрами с 12 нолями. Как свидетельствуют исследователи, если в одном Канско-Ачинском бассейне на юге Красноярского края добыча угля будет доведена до миллиарда тонн в год, то в таком ритме бассейн может отдавать горючее более 100 лет. Но Канско-Ачинский — не единственный каменноугольный бассейн в Сибири.

Издавна на мировом рынке доброй славой пользуется каменный уголь, добываемый в Кузнецком бассейне. Коксующийся уголь, обогащенный на местных предприятиях, известен как отличное сырье для доменного производства. И металлургические фирмы Японии являются его традиционными потребителями.

В ближайшее время на мировой рынок выходит коксующийся уголь еще одного угледобывающего района Сибири. С прокладкой меридианального ответвления Байкало-Амурской магистрали — так называемой «малой БАМ» — получают дорогу в большой мир коксующиеся угли Южной Якутии. Об уникальных качествах этого бассейна уже достаточно много писала мировая печать. Дело в том, что угли залегают здесь не в глубине земли, а на верхней части сопки, причем мощным слоем, достигающим в некоторых местах толщины 80 метров.

Здесь создается уникальный по производительности комплекс, используется самая совершенная техника. Емкость ковшей экскаваторов составляет 20 т, для перевозки угля используются самосвалы, берущие до 180 т груза. Погрузочный узел будет действовать с производительностью 4 тыс. т угля в час.

Эти цифры не только характеризуют масштабы стройки, начатой на «чистом» месте, но и показывают другое, не менее важное обстоятельство социального плана: что Сибирь идет в авангарде технического прогресса, обеспечивая занятым здесь людям наивысшую производительность труда.

Первые эшелоны с каменным углем пошли из Южно-Якутского бассейна по Байкало-Амурской железнодорожной магистрали уже в 1978 г. Пока еще вывозятся энергетические угли, залегающие в верхних горизонтах месторождений. Когда они будут сняты, очередь дойдет до коксующихся, и тогда начнется реализация генерального соглашения с Японией о поставках в эту страну южноякутского каменного угля. Соглашение об этом было подписано в Москве в июне 1975 г. Оно предусматривает поставки угля из якутского города Нерюнгри в Японию в возрастающих количествах и в течение длительного срока. К 1986 г. эти поставки должны превысить 5 млн. т угля в год. Согла-

⁸ «Известия», 21.VI.1978.

шение предусматривает компенсационные расчеты. Японская сторона предоставила кредит в сумме 450 млн. долл. для закупки машин и оборудования. Соглашение представляет безусловный взаимный интерес, обе стороны выступают поставщиками и покупателями тех товаров, в которых они испытывают потребность.

Успешное осуществление названных проектов и других соглашений важно не только для решения энергетических проблем Советского Союза и его торговых партнеров. Реализация заключенных контрактов станет существенным вкладом в расширение и упрочение материально-технической базы политики мирного сосуществования государств с различными социальными системами, будет способствовать углублению процесса разрядки международной напряженности. Так проблемы развития Сибири и участия в нем различных стран вписываются в общий курс мирной политики Советского Союза, в его усилия, направленные на упрочение разрядки, придание ей устойчивого, необратимого характера.

Технический прогресс и международные связи

Было бы, конечно, ошибочно полагать, будто Советская Сибирь участвует в международном разделении труда только как поставщик энергоносителей и другого сырья. Развиваясь вместе со всем Советским Союзом, Сибирь является важным индустриальным районом, в промышленность которого широко внедряются достижения современной научно-технической революции. Не случайно и продукция многих сибирских предприятий отвечает самым высоким требованиям и стандартам.

Примером современно поставленного производства служит, в частности, Братский алюминиевый завод. Его продукция широко известна в мире. Венгрия и ГДР, Болгария и Польша, Чехословакия и Югославия, Италия и Англия, Франция, ФРГ, Япония — вот далеко не полный круг тех стран, которые значатся как адресаты поставок продукции с маркой БрАЗ.

Такой диапазон международных связей не случаен: завод выпускает алюминий чистотой минимум 99,5%. В металле нет трещин, шлаковых включений и других примесей. И это неудивительно: в процессе производства технические контролеры берут 2500 проб металла. Одновременно контролируется состояние воздушной среды, чистота которой влияет на качество алюминия.

Этот крупнейший в мире алюминиевый завод славится не только своей основной продукцией. Автоматизированная система управления производством позволила довести до высокой степени совершенства весь технологический цикл, свести до минимума участие в нем человека. Высокий уровень технического прогресса, который виден здесь повсюду, создал условия для выпуска «продукции» совершенно неожиданного направления: завод экспортирует научно-техническую мысль, облаченную в патенты и лицензии.

Внедрение совершенных методов производства превратило и угледобывающую промышленность Сибири в одну из отраслей, экспортирующих наряду с прямым продуктом своего производства также и идеи, двигающие вперед технический прогресс. Так, в Кузнецком бассейне, помимо подземного и открытого способов добычи угля, широкое применение получила подземная газификация углей. Сибиряки добились наилучших показателей в развитии этого метода. «Советский Союз — единственная страна, которая поставила дело подземной газификации на широкую ногу, — заявил по этому поводу президент американской фирмы «Тексас ютилитис» Б. Клеменс. — Никто в мире не поднялся до

уровня, достигнутого СССР». Компания, которую представляет Б. Клеменс, закупила у СССР лицензию на передовую технологию, разработанную в Кузбассе.

Представители канадского и японского бизнеса увидели для себя большие выгоды в распространении гидравлического способа добычи угля, также принятого в Кузнецком бассейне. Они заключили несколько сублицензионных соглашений на применение советского метода в других странах.

Ряд фирм закупил разработанную на Новокузнецком алюминиевом заводе методику разлива алюминия в электромагнитном поле. Представители делового мира Италии и Японии приобрели лицензию на конструкцию доменной печи с повышенным давлением газа под колошником, впервые примененную на Кузнецком металлургическом комбинате и Западно-Сибирском металлургическом заводе. Только благодаря применению советской методики металлургии японского города Нагоя смогли установить два мировых рекорда в доменном производстве.

Примечателен тот интерес, с которым был воспринят за рубежом разработанный в Новокузнецке метод сухого тушения кокса. Довольно быстро лицензия на этот метод была куплена Японией, Италией, Великобританией, Испанией и рядом других стран. Его прогрессивные черты неоспоримы. Английский бизнесмен Ж. Симбсон заявил по этому поводу: «Наша фирма «Ньютон Чемберс инжиниринг», существующая с 1793 г., приобрела очень важную лицензию. Этот метод важен потому, что позволяет экономить энергию. Нехватка энергии грозит если не нам, то будущим поколениям. Мы должны заботиться о тех, которые будут жить после нас».

Приведенные примеры — лишь частица тех международных контактов в области обмена достижениями научно-технического прогресса между сибирскими учеными, производственниками и их коллегами, представителями делового мира других стран в рамках общего международного сотрудничества с участием СССР. Была когда-то Сибирь дикой стороной, «медвежьим углом». Ныне дело коренным образом изменилось. Не экзотика непроходимых топей и не встреча с медведем определяют интерес к сегодняшней Сибири, а возможность приобщиться к высшим достижениям цивилизации XX в., к вершинам технического и научного прогресса. И этот новый интерес свидетельствует о коренном преобразовании Сибири в условиях социалистического развития.

Сибирский рынок: большие возможности и высокие требования

До Великой Октябрьской социалистической революции в Сибири не производилось ни станков, ни промышленных товаров потребления. Из европейской части страны сюда привозили даже гвозди. Сейчас Сибирь сама производит товары в широком ассортименте и высокого качества.

Вместе с тем за этим регионом сохраняется репутация одного из самых емких рынков Советского Союза. А собственный высокий уровень производства сибирских предприятий дает сибирякам основание предъявлять к поставщикам требования в полном соответствии с современными стандартами технического прогресса.

О той и другой стороне сибирского рынка свидетельствуют такие факты. В июле 1976 г. в Токио были подписаны межправительственные документы о закупке в Японии комплектов оборудования для трех заводов по переработке попутного нефтяного газа, добываемого в Тюменской области Сибири. В реализации этого контракта на сумму, ис-

числяемую сотнями миллионов долларов, приняли участие около 800 японских фирм. Одним из основных условий соглашения было обязательство фирм поставить высокопроизводительное оборудование, соответствующее совершенной технологии.

Оправданность столь крупных закупок вызывалась быстрым ростом добычи нефти в Сибири. Наряду с нефтью появилось большое количество попутного газа. Встал вопрос о его рациональном использовании. Во многих развивающихся нефтедобывающих странах иностранные компании не хотят тратить средства на переработку попутного газа и просто сжигают его. В Советском Союзе к богатствам недр отношение всегда было и остается рачительным, бережливым. Однако загруженность индустрии СССР другими заказами не позволяла быстро создать заводы для утилизации попутного газа. В этих условиях были эффективно использованы возможности внешней торговли. Покупка за рубежом необходимого оборудования, быстрый ввод его в действие позволяют с большой пользой включить в народнохозяйственный оборот 10 млрд. куб. м природного газа в год, что по своей теплотворной способности эквивалентно 10 млн. т нефти⁹.

Крупномасштабность сибирских проектов создает условия для разветвления самого широкого международного сотрудничества. Ведь общие расходы только на создание Западно-Сибирского нефтедобывающего комплекса исчисляются в 70—90 млрд. руб. Естественно, что основная масса оборудования на таком гигантском строительстве будет отечественного производства. Но там, где иностранные фирмы предлагают совершенное оборудование или передовую технологию, которые могут значительно повысить эффективность труда, открывается широкое поле для взаимовыгодного сотрудничества.

Так, для тюменских нефтяных промыслов в Канаде с 1970 г. закупается оборудование так называемого газолифта, при помощи которого часть попутного газа снова закачивается в нефтяные пласты и выталкивает нефть из земли. Для нефтепромыслов Тюмени также были закуплены в Японии химические реагенты для обессоливания и обезвоживания нефти. Из США в Сибирь прибыли реагенты для борьбы с отложением солей на подземном оборудовании.

С английским консорциумом «Коверроу» заключен контракт на поставку 42 газоперекачивающих агрегатов для газопровода Тюмень — Челябинск. Всемирно известная компания «Роллз-ройс», ставшая участницей консорциума, обеспечивает стройку своими двигателями. Существенной стороной этого контракта является его длительный характер: английские фирмы подрядились не только поставлять оборудование, но и осуществлять его техническое обслуживание, поставлять запасные части.

Соглашение было охарактеризовано в печати Англии как одно из крупнейших в истории отношений этой страны с СССР.

Если зарубежные фирмы предлагают современную продукцию, значительно повышающую эффективность производства, советская Сибирь становится надежным и долговременным партнером.

Деловой мир капиталистических стран хорошо понимает это и учитывает в своем производстве. Характерен такой пример. Летом 1977 г. группа советских представителей посетила только что реконструированный завод по производству труб большого диаметра фирмы «Маннесманн» близ Дюссельдорфа в ФРГ. Реконструкция была настолько глубокой, что от предыдущего предприятия остался практически только кадровый состав.

Обращало на себя внимание то, что гигантские обжимные станы формировали трубы явно меньшего размера, чем позволяли их техни-

⁹ См. «Правда», 29.VII.1976.

ческие возможности. На соответствующий вопрос один из технических директоров компании сказал: «Действительно, станы рассчитаны на изготовление труб длиной до 18 м, а выпускают трубы на 6 м короче». На вопрос, зачем же создавалась такая избыточная мощность, ответ был несколько неожиданным. «Фирма,— сказал технический директор,— поставляет трубы в СССР. Пропускная способность железных дорог ограничивает длину труб двенадцатью метрами. Но со временем найдется способ перевозить трубы и большей длины, может быть используя Северный морской путь и сибирские реки. Применение труб повышенной длины очень выгодно Советскому Союзу, так как на треть сокращает число сварных швов». Конечно, представителя западногерманского бизнеса заботили не экономические выгоды СССР, а стремление опередить конкурирующие фирмы. «Если удастся обойтись без железных дорог,— продолжал директор свои рассуждения,— то наши трубы окажутся вне конкуренции, потому что пока это единственный в Европе завод, способный выпускать трубы в полтора раза длиннее сложившегося стандарта».

Нельзя не признать логичности этих расчетов, учитывающих интересы и поставщиков и покупателей.

Примечателен еще один пример, который вызывает в памяти приведенный выше разговор. Для электрохимического комбината в городе Зима Иркутской области были заказаны в ФРГ крупные реакторы. Фирма, работавшая по заказу сибирских химиков, выдвинула условие: оборудование должно доставляться в неразобранном виде. Поскольку габариты реакторов превышали возможности железнодорожных составов, было решено их перевезти вокруг Скандинавии по Северному морскому пути, Енисею и Ангаре. Таким образом, мысль, высказанная одним из руководителей фирмы «Маннесманн», в должной мере учитывает сибирские условия, включая транспортную сеть.

От такого сотрудничества выигрывают обе стороны. Советский Союз стремится как можно экономнее расходовать средства на освоение сибирских недр, тем более что это немалые средства. Ведь только оборудование одной нити газопровода диаметром 142 см вместе с компрессорными станциями из Тюменской области в центральные районы страны обходится в 2,5 млрд. руб.

Зарубежные партнеры Советского Союза хорошо понимают, что сотрудничество не ограничивается уже развернувшимися стройками. С годами откроются новые области взаимодействия. Так, в перспективе стоит вопрос о прокладке труб для транспортировки не только нефти и газа, но и измельченного каменного угля из Кузнецкого бассейна на Урал и в центр страны. Подобные эксперименты уже проводятся. В таких трубах должно создаваться давление до 100 атмосфер, потребуется металл с новыми прочностными характеристиками. Ученые подсчитали, что гидротранспортировка каменного угля наполовину, а то и больше снижает транспортные расходы. Кто знает, может быть, и в этом деле Сибирь станет пионером международного сотрудничества.

Есть и еще одна сторона деловых связей. Советские организации выступают не пассивными потребителями иностранной продукции. Технический уровень подготовки инженеров, рабочих, занятых на большинстве новостроек, позволяет им активно включаться в процесс усовершенствования новой техники, обогащать зарубежных конструкторов своими идеями, опытом.

Например, когда стали прокладывать по Западной Сибири трубопроводы и началось обустройство мест добычи нефти и газа, потребовалось преодолевать болота, глубина которых достигала 10—12 м. Эти топи не замерзали даже в 50-градусные морозы. Строителям стало известно, что канадские фирмы разработали достаточно удобные снегоболотоходы. Вскоре такие машины были закуплены и с их помощью

на болотах установлены линии передачи электроэнергии с Урала. Это позволило перевести буровые установки на электротягу, а следовательно, резко повысить скорости проходки скважин. Вместе с тем советские нефтяники провели квалифицированные испытания вездеходов, выявили некоторые их слабые стороны, высказали предложения по их устранению. Канадские фирмы реализовали предложения советских специалистов, в результате повысилось качество машин. Выигрыш от сотрудничества, таким образом, был двусторонний.

Транссибирские маршруты

Современные средства сообщения превратили огромные пространства Сибири в невиданный по протяженности коридор, соединяющий Европу с Дальним Востоком. Наряду с такими устоявшимися в международном лексиконе понятиями, как трансконтинентальный, трансатлантический, панамериканский, устойчиво вошел в обращение и новый термин — транссибирский маршрут.

Именно этот маршрут дал путевку в жизнь в международном масштабе новому виду гражданской авиации — турбореактивному. В сибирском небе в сентябре 1956 г. впервые в мире были начаты регулярные пассажирские полеты на турбореактивных самолетах ТУ-104.

В настоящее время к советскому «Аэрофлоту», к японской компании «Джал», французской «Эр Франс» присоединились и многие другие авиакомпании мира, соединившие воздушными линиями Париж, Лондон, Рим, Копенгаген, Франкфурт-на-Майне и другие города Западной Европы с Японскими островами и далее с Юго-Восточной Азией. 40 тыс. человек — таков примерно поток пассажиров, ежегодно совершающих полеты через Сибирь по маршруту Токио — Москва.

Принять межконтинентальные самолеты, обслужить их, осуществить проверку всех агрегатов, обеспечить надежность полетов — это по плечу только высококвалифицированным наземным службам. Именно такой квалификацией отличаются сибирские авиаторы и закономерно гордятся этим.

Решение транспортных вопросов для развития каждого района представляет первостепенную важность. В полной мере это относится и к Сибири. Транспортная сеть Сибири имеет немало своеобразных черт. В ней активную роль играют железные дороги и речной флот, авиация и морской транспорт, автомобильное сообщение.

До недавнего времени все эти виды транспорта, работая в тесной координации и с немалой нагрузкой, обеспечивали потребности сибирского развития. Однако бурный прогресс индустрии постепенно вступал в конфликт с транспортными возможностями. Перевозка, особенно в широтном направлении, становилась, что называется, узким местом, сдерживающим рост промышленности, добычу полезных ископаемых. Более развитая железнодорожная сеть Западной Сибири постепенно сжималась при продвижении к востоку, а от Байкала до Тихого океана струилась единственная транссибирская железнодорожная линия. Разветвленная сеть трубопроводов не решала вопросов транспортировки грузов, которые не поддаются перекачке по трубе.

Выход мог быть только один: реализация выношенного еще в годы первых пятилеток проекта строительства Байкало-Амурской железнодорожной магистрали. О начале этой стройки было объявлено в 1974 г., и кажется почти невероятным, что в условиях необжитой тайги и вечной мерзлоты к настоящему времени проложено уже свыше одной трети этого стального пути, общая протяженность которого составит 3200 км.

Наряду с частью дороги, проложенной в широтном направлении, начала действовать и так называемая Малая БАМ, проложенная по мери-

днану, соединяющему старую транссибирскую дорогу с угольным бассейном в Южной Якутии. Этот отрезок весьма наглядно показывает, сколь сложные строительные задачи приходится решать при сооружении магистралей. Линия Малой БАМ длиной 397 км имеет 303 моста и один протяженный тоннель. Почти на каждом километре пути возводятся инженерные сооружения — подпорные стенки, мосты, эстакады, требующие высокоразвитой инженерной мысли и современной техники.

Сооружение БАМа в большой мере использовало плоды международного сотрудничества Советского Союза. На этой стройке широко применяется техника не только из государств — членов Совета Экономической Взаимопомощи, но также из США, Канады, ФРГ, Японии и других стран: автомобили (прежде всего большегрузные самосвалы), бульдозеры, экскаваторы, разнообразные строительные машины, аппаратура для телекоммуникаций.

В то же время БАМ создает дополнительную и немалую перспективу развития советских внешнеэкономических связей с активным участием в них сибиряков. Именно по трассе БАМа пойдет уголь из района Нерюнгри к Тихоокеанскому побережью и оттуда зарубежным импортерам.

Одновременно со строительством БАМа осуществляется сооружение и конечного пункта этой магистрали — порта Восточный в Приморском крае. Порт Восточный призван обеспечить быструю погрузку кораблей, прибывающих сюда за сибирскими грузами, и разгрузку тех судов, которые привозят сюда товары. В январе нынешнего года здесь вступил в действие угольный комплекс ежегодной производительностью 5 млн. т. Его справедливо называют перегрузочной площадкой Южно-Якутского угольного бассейна.

Ввод в действие первой очереди порта Восточный существенно улучшает транспортные связи Северо-Восточных районов, создает благоприятные условия для дальнейшего развития внешнеэкономических связей страны. Так охарактеризовал значение этой стройки товарищ Л. И. Брежнев в приветственном послании ее участникам¹⁰.

Строительство БАМа привлекает к себе огромное внимание за рубежом. Было немало пересудов и спекуляций, но в то же время немало и серьезных исследований, высказывалось много интересных соображений о роли второго транссибирского пути для Советского Союза и его зарубежных партнеров.

Примером соединения разноречивых суждений, в которых уважительное восприятие масштабов стройки соседствует с доводами, взятыми из арсенала «холодной войны», является вышедшая в Нью-Йорке в 1977 г. книга «Ворота к сибирским ресурсам (БАМ)». Один из ее авторов, сотрудник Хьюстонского университета В. Моут, отмечает, что с точки зрения темпов развития, затрат человеческого труда и денег БАМ не имеет в мире соперника. По его мнению, последняя крупная стройка Северной Америки — Трансаяскинский нефтепровод не может сравниться с БАМом ни по транспортной эффективности, ни по сложности строительных задач.

Примечательно содержащееся в исследовании признание огромного экономического значения Байкало-Амурской железной дороги. Если, согласно плану, пишет В. Моут, в 1983 г. строительство будет закончено, то БАМ займет место среди величайших железных дорог мира, магистраль сделает доступными тысячи квадратных миль богатой сырьем территории, сыграет важную роль в формировании будущего облика прилежащих регионов.

Решившись на такое признание, американский автор, как бы раскаиваясь, спешит выплеснуть на страницы книги и немалую долю сомнений

¹⁰ См. «Правда», 9.I.1979.

в реальности советских планов. «В этом прогнозе, — пишет далее В. Моут, — можно усомниться, так как неясно, будет ли строительство БАМа экономически эффективным и смогут ли советские рабочие и специалисты преодолеть гигантские физические трудности. Ответ на этот вопрос мы получим через 10 лет».

Однако такой скептицизм напрасен. Да и десятилетний срок для проверки реальности советских планов не нужен. 1200 км путей на БАМе уже построено, а работа меридионального ответвления подтвердила высокую эффективность всей стройки.

В. Моут, как и ряд других западных исследователей проблем развития Советской Сибири, не смог обойтись и без того, чтобы не порассуждать о некоей «опасности», которую будто бы таит сооружение БАМа для США. Серьезных аргументов на этот счет найти невозможно, поэтому для убедительности один американский автор ссылается на другого — на своего коллегу из Гавайского университета Дж. Стефана, который еще в 1975 г. утверждал: «Если сохранится нынешняя тенденция (имеется в виду развитие восточных районов СССР), Советский Союз сможет заменить США в качестве ведущей силы в Тихоокеанском бассейне».

Более позднее сочинение, естественно, включает в себя и более далеко идущие посылки, поэтому В. Моут уже не довольствуется категорией «ведущая сила», а вводит модное понятие «гегемония на Тихом океане», расшаркиваясь тем самым перед крикливой пропагандой из-за китайской стены.

Что греха таить, политики, пытающиеся смастерить ось Пекин — Вашингтон, хотели бы видеть Советскую Сибирь неменяющейся безлюдной целиной, мечтают, чтобы заглохли в своем развитии не только восточные, но и все другие районы СССР. Но так распоряжаться советской землей никому не дано.

Нет таких заклинаний в языках ни с буквенным, ни с нероглифическим письмом, которые остановили бы строительство БАМа, как и весь процесс индустриального подъема Сибири и Советского Дальнего Востока. Но вместе с тем нет ни у кого оснований видеть в этом угрозу своим интересам. Советский Союз не делал проблемы из строительства нефтепроводов от Северного предгорья до порта Валdez на юге Аляски или от промыслов Дацина до побережья Желтого моря.

Развитие транссибирских коммуникаций, включая БАМ, конечно, будет иметь большое международное значение. Но смысл его прежде всего в развитии производительных сил обширной зоны СССР во имя мирного труда советских людей, во имя дальнейшего подъема их жизненного уровня, во имя расширения сферы международного экономического сотрудничества.

В орбите научного прогресса

Одним из важнейших достижений современной Сибири, одним из предметов гордости сибиряков является развитие сибирской науки. Эта сторона интеллектуальной деятельности в Сибири имеет давние корни. На ее зарождение влияли революционные идеи ссыльных декабристов, отбывавших здесь наказание по царскому приговору в начале прошлого века. В ее становлении принимали участие сосланные в дальние края польские революционеры. И те и другие оставили глубокий след в формировании мировоззрения сибиряков, в пробуждении стремлений к научным поискам. И недаром имена многих из них живут и поныне в наименованиях исследованных ими гор, долин, перевалов.

Однако до победы социализма в Советском Союзе наука в Сибири была представлена лишь отдельными учеными, вокруг которых группи-

ровалось небольшое число подвижников научной мысли. Лишь в годы Советской власти здесь появились первые крупные научные центры. Особенно бурное развитие наука в Сибири получила в последние два десятка лет, когда было создано и развернуло активную деятельность Сибирское отделение Академии наук СССР.

Сейчас Сибирское отделение представляет собой мощный научный центр, известный далеко за пределами Советского Союза. В целом Сибирское отделение объединяет 48 научно-исследовательских и опытно-конструкторских учреждений, в которых представлены практически все основные направления естественных и общественных наук. Эти учреждения объединены в пять региональных центров — в Новосибирске, Томске, Иркутске, Улан-Удэ и Якутске. В общей сложности в научных учреждениях Сибири в настоящее время работают около 35 тыс. человек, в том числе много людей, заслуги которых перед мировой наукой широко признаны как у нас в стране, так и за рубежом. С Сибирским отделением Академии наук связана деятельность таких крупных ученых, как академики М. А. Лаврентьев, С. А. Соболев, С. А. Христианович и многие другие.

Примечательно, что наряду с представителями старшего поколения на местной почве сформировалось не одно поколение ученых, для которых Сибирь стала и объектом исследований, и благодатной средой для раскрытия научных и организаторских талантов, накопления знаний, внедрения результатов их исследований в жизнь. Это академики Г. И. Марчук — вице-президент Академии наук СССР и председатель Сибирского отделения, директор Института геологии и геофизики А. А. Трофимук, директор Института экономики и организации промышленного производства А. Г. Аганбегян, директор Института цитологии и генетики Г. К. Беляев и другие ученые.

Достаточно указать некоторые темы, над которыми работают сибирские ученые, чтобы представить себе их глубину и, можно сказать, глобальную значимость: программа «Вибрационное просвечивание земли», программа «Использование аэрокосмических методов информации для оценки природных явлений и ресурсов», работы по созданию каталитических генераторов тепла, разработка методов повышения продуктивности растений с помощью ростовых веществ.

Характерной особенностью деятельности сибирских ученых является ее комплексность и концентрация на нескольких основных направлениях, объединение усилий представителей различных областей науки. Научные учреждения Сибирского отделения разрабатывают долгосрочные программы — региональные, отраслевые и межотраслевые, например: «Нефть и газ Западной Сибири», «Уголь Кузбасса», «Нефтяная и газовая база в районах Восточной Сибири», «Программа хозяйственного освоения зоны БАМа», «Экология, охрана окружающей среды». Эти и другие программы, обширные сами по себе, объединены в единую крупную комплексную программу, которая называется «Комплексное освоение природных ресурсов Сибири» или коротко: «Сибирь».

Немаловажно и то, что научная деятельность Сибирского отделения Академии наук СССР тесно связана со многими хозяйственными организациями и нацелена на быстрое внедрение в производство научных разработок. Сибирские ученые называют такой свой подход «выходом на отрасль». С этой целью, в частности, руководство Сибирского отделения заключило долгосрочные — до пяти лет — соглашения о сотрудничестве с рядом министерств СССР, крупными промышленными предприятиями. Выход на отрасль позволяет повышать эффективность производства, быстро внедрять в него достижения науки и техники.

Интересные исследования ученые Сибири проводят в области экономики и социального развития. Ими накоплен богатый опыт планирования и моделирования новых территориально-производственных образо-

ваний — комплексов. С их участием складывались Саянский комплекс, Братско-Усть-Илимский, Западно-Сибирский, сейчас формируются комплексы в районах Байкало-Амурской магистрали. Идея комплексов, объединяющих на одной территории большую группу производств, связанную с добычей и переработкой полезных ископаемых, чрезвычайно продуктивна. Не случайно изучением эффективности сибирских комплексов заняты ученые и многих других стран, они рассматривались и в международных организациях с целью применения накопленного в Сибири опыта. Канадский исследователь Р. Норд назвал в своих трудах сибирский город Братск примером регионального развития, основанного на комплексном использовании местных ресурсов.

Сибирская наука имеет обширные международные связи, которые представляют большой практический смысл как для советских, так и для зарубежных участников этих контактов. Показательно, что находящийся в глубине Сибири город Якутск был в свое время избран местом проведения Второй международной конференции по мерзлотоведению с участием представителей 14 стран. И дело не в том, что Якутск находится на вечной мерзлоте, таких городов немало, но именно здесь находится единственный в мире Научно-исследовательский институт мерзлотоведения, исследования которого с уважением воспринимаются зарубежными учеными и строителями.

Широкий контакт с зарубежными коллегами имеют научные центры Сибирского отделения Академии наук, многие его институты.

Нормой деятельности ученых Сибири стал обмен опытом с представителями братских социалистических стран. Например, с участием сибирских специалистов почвоведения и агрохимии составлялась государственная почвенная карта Монгольской Народной Республики. Они также подготовили рекомендации по агрохимическому районированию земельных районов этой страны. На базе института катализа еще в начале 70-х годов был создан координационный центр Совета Экономической Взаимопомощи по промышленным катализам. В его работе участвуют научные учреждения почти всех государств — участников СЭВ, а также Югославии. Здесь осуществляется обмен научной информацией, налаживается обмен стажерами, научными работниками. У этого же института есть постоянные контакты с институтом аналогичного профиля во Франции, с исследовательскими учреждениями США. Ученым Сибири принадлежит немало изобретений, запатентованных в США, Англии, Японии и других странах.

Не удивительно, что повсеместно за рубежом проявляется большой интерес к информации о развитии сибирской науки, о жизни и труде ученых этого района СССР. С огромным успехом в США, например, проходила выставка «Сибирь научная», которая демонстрировалась в Вашингтоне и Чикаго. Специалистов и широкую общественность интересовали как содержание научной работы сибирских исследовательских центров, так и организация научной деятельности в СССР.

Эта последняя сторона привлекает к себе особенно пристальное внимание не только в развитых, но и в развивающихся странах. И далеко не случайно местечко Бумердес, где стал формироваться новый научный центр Алжира, наряду со своим официальным названием получило у алжирских ученых и другое — Академгородок, в честь его, как говорят алжирцы, старшего брата — Академгородка под Новосибирском.

Широкую известность во всем мире приобрели работы сибирских историков, этнографов, археологов. С их участием исследовались наскальные изображения VI в. до н. э. в районе Хархад в Монголии. Результаты этих исследований позволили сделать вывод, что культура древней Монголии должна быть включена в число других восточных цивилизаций древности.

Интересное совместное исследование было проведено советскими и американскими учеными в 1974 г. по проблеме древней миграции народов из Евразии через Алеутские острова на север Америки. «Нас всех интересовал вопрос переселения человека из Сибири в Новый свет, — писал руководитель американской группы доктор У. Лафлин. — Советские ученые знали, откуда пришли первые жители Америки, и хотели больше узнать о том, куда они продвинулись дальше. Американцы же знали пути их дальнейшего продвижения и хотели побольше узнать об их древней родине». От Советского Союза в экспедиции участвовало несколько ученых во главе с сибирским исследователем академиком А. П. Окладниковым.

Эта экспедиция позволила устранить некоторые белые пятна в сложившейся концепции о том, что первые жители «Нового света» пришли сюда из Сибири по древнему перешейку в Беринговом море. Совместными усилиями ученых двух стран оказалось легче заглянуть в историю, отделенную от наших дней на расстояние по крайней мере в 10 тысяч лет, отмечал в связи с этим журнал «Америка»¹¹.

Внимание к научным разработкам истории Сибири — это также внимание к Сибири вообще. Примечателен такой эпизод. Несколько лет назад советские представители, участвовавшие в открытии выставки «Советская социалистическая Сибирь» встретились в Токио с президентом университета Токаи С. Мацумаэ. В конце беседы профессор С. Мацумаэ сказал, что у него есть подарок, и презентовал гостям только что отпечатанный том «Истории Сибири» на японском языке. Это был перевод одного из наиболее капитальных трудов советских историков, подготовленного коллективом сибирских ученых под руководством академика А. П. Окладникова. Японские издатели начали выпуск пятитомника не с первой, а с заключительной, пятой книги, так как последние десятилетия в истории Сибири их интересовали, видимо, больше, чем «седая старина».

Когда по возвращении советских участников выставки в Москву они связались с Новосибирском, чтобы передать японский перевод книги ее сибирским авторам, академик А. П. Окладников выразил удивление заключительной оперативностью издателей Японии: на перевод и издание книги в полторы тысячи страниц ушло не более двух лет. Интерес к развитию Сибири у японских читателей был настолько велик, что академическому изданию был придан характер, можно сказать, политической экстренности.

Внимание зарубежной общественности обращено к науке о Сибири и к самой сибирской науке в силу многих обстоятельств. Если выкристаллизовать главные побудительные мотивы этого интереса, то они, пожалуй, составили бы такую логическую последовательность: Сибирь — это часть социалистического государства, впервые построенного в соответствии с наукой о развитии человеческого общества — марксизмом-ленинизмом; социалистическое общество в своем прогрессе опирается на сумму всех накопленных человечеством знаний; помноженные на возможности социализма, эти знания становятся таким магнитом, который отовсюду притягивает к себе пытлиую мысль.

Сибирь и культурная революция

Развитие Сибири имеет еще одну черту, представляющую далеко не местный интерес: это быстрый культурный подъем бывших «медвежьих углов», которые раньше имели только одно определение — глухомань.

Культурная революция, развернувшаяся в России с победой Совет-

¹¹ См. «Америка», 1976, № 235, с. 28.

ской власти, преобразила Сибирь, подняла образованность людей до уровня центральных районов страны, создала условия для формирования здесь таких мастеров, творчество которых ныне составляет гордость советского народа, входит в сокровищницу культурных ценностей нашего времени.

Для подтверждения достаточно назвать имена только некоторых выросших и сложившихся в Сибири литераторов — таких, как Василий Шукшин и Александр Вампилов, Георгий Марков и Виктор Астафьев, Валентин Распутин и Евгений Евтушенко. Их произведения известны далеко на запад и на восток от Ангары, Иртыша или Енисея. Романы и поэмы, пьесы и сценарии этих и других авторов, имеющих кровную связь с Сибирью, хорошо известны зарубежным читателям и зрителям.

Широким международным признанием отмечено не только творчество писателей, родившихся и живших в Сибири, оно пришло и к мастерам сцены, чье искусство до революции вообще было неизвестно жителям этих мест. Для подтверждения этого можно было бы сказать о заграничных гастролях коллективов Новосибирска, Омска, Красноярска и других крупных городов. Но, пожалуй, наиболее показательным будет другой пример.

В марте нынешнего года в Академическом театре оперы и балета Новосибирска с большим успехом прошла премьера балета «Сильфида» композитора Жана Шнейцгоффера. Впервые этот балет был показан в Париже в 1832 г., и хореография тех времен считается непревзойденной. Несколько лет назад старая постановка была возрождена балетмейстером парижской Гранд-опера П. Лаккотом. Теперь мастер парижской сцены поставил возрожденный спектакль и в Новосибирске. Не случайно здешний театр оперы и балета носит почетное наименование «академический».

Широко известен своим разнообразными музыкальными программами Новосибирский симфонический оркестр. В его репертуаре произведения классиков, а также советских музыкантов, включая таких композиторов-сибиряков, как А. Новиков, А. Муров, Г. Иванов и другие. Следует отметить, что музыкальная жизнь Новосибирска впитала в себя многие черты музыкальной культуры прославленного советского культурного центра — Ленинграда. В годы второй мировой войны в Новосибирске находилась большая группа артистов и музыкантов, эвакуированных из Ленинграда, который в то время был в кольце вражеской блокады. В Новосибирске действовала и Ленинградская филармония. Активное участие ленинградцев в культурной жизни Новосибирска во многом способствовало формированию здесь высокопрофессиональных творческих коллективов и отдельных исполнителей.

Знакомясь сейчас с богатой и разнообразной культурной жизнью Сибири, невольно задумываешься над вопросом, как далеко в своем развитии продвинулся этот район, его люди.

В 1921 г. В. И. Ленин писал, что в Сибири — необъятнейшие пространства, на которых уместилась бы десятки грамотных культурных государств. И на всех этих пространствах царят «патриархальщина, полудикость и самая настоящая дикость»¹². Могучая энергия Великой Октябрьской социалистической революции привела в движение огромные силы Сибири, послужила поворотным моментом в развитии этого региона, дала ему совершенно новую жизнь.

Еще более разительный контраст между прошлым и настоящим представляет жизнь коренных народов Сибири — якутов, бурятов, алтайцев, ханты, манси, ненцев и многих других.

Когда знакомишься с документами прошлого, содрогаешься от картин бедственного положения, в котором находились эти люди, задавлен-

¹² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 43, с. 228.

ные местными феодалами, шаманами, приезжими купцами-вымогателями.

В докладной записке отряда по борьбе с трахомой, направленного в Горный Алтай после победы Октября, говорилось, что большое число случаев неизлечимой слепоты среди алтайцев «указывает на крайнюю недостаточность или, вернее сказать, на полное отсутствие» медицинской помощи населению. «Культура, — подчеркивалось в документе, — туземцев совершенно не коснулась: живут как первобытные люди. Хозяйства совершенно разорены, в некоторых юртах дети совершенно голые... Они молча страдают, молча слепнут». На 100 хозяйств здесь приходилось две сохи, одна борона, 15 плугов. В документе делается главный вывод: жителям Горного Алтая нужно просвещение, нужна медицинская помощь; деятельность первых врачей и учителей показывает горным алтайцам, что «они не забыты трудовым народом, который пошлет им посильную необходимую трудовую помощь».

И вот теперь Горный Алтай представляет автономную область с развитой горнорудной, лесозаготовительной и пищевой промышленностью. Из недавних кочевников сформировался крепкий рабочий класс. Здесь действуют педагогический институт, пять других специальных учебных заведений, сложилась местная интеллигенция. Колхозы и совхозы располагают орошаемыми землями, на которых выращиваются высокие урожаи. Число специалистов различных профессий достигло 12 тысяч. Болезни, нищета, невежество вспоминаются как проклятое прошлое, как страшный кошмар, к которому нет возврата.

Таким же прогрессом отмечено развитие других национальных районов Сибири. Это можно проследить на показателях роста экономики, социального обеспечения, жизненного уровня людей. Но можно видеть динамику общего развития и на примерах отдельных человеческих судеб.

В Якутской АССР есть далекое от крупных центров селение — поселок Уллахан-Чистай. В местном совхозе «Искра» работает бригадиром оленеводов якутка Д. Корякина. Как и другие советские женщины, родившие и воспитавшие не менее десяти детей, она удостоена почетного звания «Мать-героиня». Вот что она говорит о себе и своей семье: «Одиннадцать детей я родила. Советская власть помогла вырастить их здоровыми, сильными, образованными. Старший, Гавриил, закончил институт имени Герцена в Ленинграде, Володя на летчика выучился, Фаина стала врачом и теперь лечит оленеводов нашего совхоза, Дима — эхотник пушного промысла, в отца пошел, Коля в моей бригаде пастухом работает, Зина — санитарка поселковой больницы, в институт поступать собирается. Ну а остальные еще школьники»¹³.

Д. Корякина вспоминает, что, когда на стойбища стали приходиться уполномоченные Советской власти, якуты говорили: это люди Ленина. Мы еще мало понимали, что происходит, вспоминает женщина свои давние годы, но чувствовали: ниже становятся горы, которые отделяли нас от людей, от России, и дышится легче.

И невольно опять напрашиваются сопоставления. Корреспондент газеты «Нью-Йорк геральд» У. Гилдер, совершивший поездку по Сибири в поисках американского экспедиционного судна «Жаннета», которым командовал капитан Де-Лонг, писал в конце прошлого века: «Из якутов только при помощи ударов можно сделать себе друзей». В этом подходе нашли отражение и рабовладельческое отношение к неграм, и война на истребление индейского населения, и система безжалостной эксплуатации эскимосов Аляски, отголоски чего и до сих пор присутствуют в практике решения национальных проблем в США.

¹³ Цит. по «Известия», 6.III.1977.

Что касается современной Якутии, то это — процветающая автономная советская социалистическая республика. В школах, техникумах, вузах республики учится каждый третий житель. На 10 тыс. жителей некогда поголовно безграмотного населения в среднем приходится сегодня 105 студентов. Это намного больше, чем во многих сложившихся развитых странах Запада.

Огромные изменения в жизни коренного населения происходят в районах активной разработки нефтяных и газовых месторождений на севере Сибири. Местное население — ханты, манси, эвенки — не стоит в стороне от этого дела. Наряду с традиционными промыслами и занятиями, которые сохраняют до сих пор свою ценность, все большее число людей включается в индустриальный труд. Юноши и девушки — северяне поступают в профтехучилища, в индустриальный институт Тюмени. Для детей коренных национальностей каждый год оставляется значительное число внеконкурсных мест. Некоторые становятся рабочими на трассах нефтегазопроводов.

Особенно значительные изменения происходят в поселках, расположенных в районах добычи нефти и газа. Здесь увеличивается сеть школ, больниц, клубов. Большое внимание уделяется тому, чтобы все дети были охвачены учебой. Корреспондент газеты «Правда» Б. Стрельников привел в одной из своих корреспонденций такие слова пилота вертолета, работающего в районе Сургута: «В конце августа летаем от озера к озеру, от избушки к избушке, собираем ребятшек ханты и манси в школы-интернаты. Ни одного нельзя забыть. Это колоссальное ЧП было бы».

Конечно, жизнь преобразается не сразу. Но радикальное, качественное изменение в ней произошло с победой Октябрьской революции.

Если вернуться к прошлому, скажем на 40—50 лет назад, будет отчетливо видно, как проходили социальные изменения, вносимые в жизнь Советской властью. В ноябре 1936 г. на заседании III Чрезвычайного съезда Советов Западно-Сибирского края выступал председатель одного из сельских Советов в районе Нарыма Карелин. Его выступление — свидетельство человека, который мог на основании собственного опыта сравнить дореволюционное прошлое с современностью и думой о будущем.

Вот что он говорил: «Как жилось при капитализме в Нарыме? Очень плохо. Никакой культуры и грамоты не было. Только ездили купцы да грабили туземцев. Ездили они два раза в год и брали ценную пушнину. За шкурку белки давали 15—17 копеек. Свои товары ставили по высоким ценам. Если купец проехал 10—15 верст, он на каждый аршин накидывал копейку-две. И получались высокие цены. Особенно они накидывали цену на муку, сахар. Сколько сахара покупали крепкие охотники, зажиточные? Брали 2—3 фунта в год. Вот так жилось. Грамотных у нас всего было два человека, да и то они умели писать потому, что их учили на попов. Брали с нас налог — ясак. А если кто из бедняков не мог уплатить, его отправляли к купцам, чтобы там проработал 1—2 года. Вымирали целыми юртами, целыми деревнями. А теперь у нас больница. Вместо церкви построили школу-интернат, неграмотных не осталось, обучаются в техникумах, вузах. Несколько человек окончили Ленинградский институт народов Севера. Раньше мы не знали, что такое сеять овощи. К этому делу надо было приучать народ. А теперь мы собственными семенами обеспечили посев овощей — репы, моркови, капусты, картофеля, которые необходимы для здоровья человека. Вот такое улучшение жизни имеется у нас. Все это мы имеем благодаря политике партии и правительства, направленной на то, чтобы восстановить местное население, о котором раньше говорили, что это туземное население вымирает, что ему пришла точка, что иной возможности нет, так как это народы темные, отсталые и т. д.»

Развитая культура соседствует и с высоким жизненным уровнем малых народов, населяющих земли Сибири. Видный партийный работник и исследователь В. Н. Увачан приводил в книге «Народы Севера в условиях развитого социализма» такие факты: в 1974 г. зарплата рабочих и служащих в Красноярском крае составила 172 руб., а в совхозах Эвенкии — 214, в том числе заработок пастухов-оленьеводов (одни из основных видов работы эвенков) — 280 руб. в месяц. Население северных национальных округов пользуется всеми льготами, установленными для рабочих и служащих Крайнего Севера. Это коэффициенты заработной платы, надбавки за выслугу лет, увеличенные трудовые отпуска. Показательно, что объем товарооборота, стоимость товаров, приходящихся на душу населения, здесь примерно на пятую часть больше, чем в других районах страны.

Высокий жизненный уровень, материальный достаток, хорошо поставленная система охраны здоровья способствуют тому, что здесь стали не редкостью, а обычным явлением многодетные семьи. Например, в автономной республике Туве с ее сравнительно немногочисленным населением насчитывается 1100 матерей-героинь и свыше 17 тыс. женщин, воспитавших не менее пяти детей.

Всесторонний подъем народов Сибири имеет под собой прочную основу. Этой основой является советский социалистический строй, крепкая дружба народов СССР.

Много лет назад, отвечая на вопрос о том, при каких условиях отсталые народы могут избежать мучительного пути капиталистического развития, В. И. Ленин отмечал: «Если революционный победоносный пролетариат проведет среди них систематическую пропаганду, а советские правительства придут им на помощь всеми имеющимися в их распоряжении средствами, тогда неправильно полагать, что капиталистическая стадия развития неизбежна для отсталых народностей»¹⁴.

Глубоко символичен поставленный несколько лет назад в Абакане, центре Хакасской автономной области, памятник, изображающий двух советских воинов — русского и хакаса. Оба они в едином порыве устремляются вперед, как стремились к победе в едином строю бойцы многонационального Советского Союза в борьбе против фашистских полчищ.

Великое братство народов выковалось в Советском Союзе за годы социализма. Это братство явилось важной силой, обеспечившей стремительное и разностороннее развитие Сибири за сравнительно короткий срок. Не случаен и так же глубоко символичен тот факт, что первая радиодиаграмма из северных районов Тюмени о том, что найдена нефть, была составлена не только на русском, но и на азербайджанском языке. В этих изысканиях принимали участие представители разных республик. И эстафета самого богатого нефтью района, переданная в свое время из Азербайджана, Татарии, затем Башкирии, наконец оказалась в Сибири.

Подлинным достоянием мировой культуры стали многие достижения национальных республик, областей и округов Сибири. Далеко за пределами Советского Союза известно искусство мастеров театра оперы и балета Улан-Удэ — столицы Бурятской АССР. На подмостках различных театров мира выступал корякский национальный ансамбль «Мэнго». На многих языках за рубежом изданы литературные произведения таких замечательных писателей, как бурят Николай Дамдинов, чукча Юрий Рытхэу, манси Юван Шесталов, нивх Владимир Сауги, и других поэтов, прозаиков, представителей коренных народов Сибири, вышедших из глубин этого таежного края.

Под влиянием нынешних достижений культуры сибирских народов переосмысливается и культурное наследие прошлого. Исследователи открывают для себя все новые и новые высокохудожественные произведе-

¹⁴ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 41, с. 246.

ния. В 1978 г., например, группа ученых-этнографов из Франции совершила специальную поездку в столицу Бурятии Улан-Удэ для работы над переводом на французский язык героического бурятского эпоса «Гэсер». Это эпическое сказание, передаваясь из поколения в поколение, донесло до наших дней прекрасный рассказ о подвигах легендарного народного героя.

Планомерное, динамичное развитие ранее отсталых окраин, подъем на уровень высших достижений современной цивилизации народов, в недалеком прошлом обреченных на вымирание, — все это можно было бы рассматривать как внутреннее дело Советской страны. Однако в наш век, когда неделимость мира проявляется в бесчисленных связях различных стран и народов, жизнь Сибири, как и других районов СССР, оказывается в фокусе внимания людей далеко за пределами советских границ.

Стремительный подъем экономики, культуры Сибири, национальное возрождение ее народов показывают, какими огромными возможностями располагает социализм, превративший холодную таежную пустыню в процветающий край, как быстро этот строй способен на базе планового общественного производства поднять производительные силы, поставить их на службу человека.

Развитие Сибири показывает, что мало иметь природные богатства, важно также, чтобы они служили интересам трудовых людей. И в этом видят для себя пример многие народы развивающихся стран, стремящиеся поставить свои природные богатства на службу национальному возрождению.

Развитие Сибири показывает силу интернациональной солидарности народов, объединенных великим учением марксизма-ленинизма, стремлением построить общество, на знамени которого начертаны великие цели: Мир, Труд, Свобода, Равенство, Братство и Счастье всем народам.

* * *

Сибирь — органическая часть Страны Советов, она живет общими интересами государства. И это касается не только задач созидания нового общества, но и обеспечения благоприятных мирных условий для его развития.

Во время поездки по районам Сибири и Дальнего Востока весной 1978 г. Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнев отметил высокие моральные качества, глубокий патриотизм советских людей, которые живут и трудятся на рубежах Советского Союза. Говоря о тружениках Комсомольска-на-Амуре, товарищ Л. И. Брежнев подчеркнул: «Хорошо понимая, что их город находится в пограничном крае, они трудятся с большой настойчивостью, не жалеют своих сил, энергии, знаний во имя высокой цели — укрепления экономического и оборонного могущества дальневосточных рубежей социалистической Отчизны, самоотверженно несут трудовую вахту, проявляя высокую политическую бдительность, ответственность и организованность». Эти слова, конечно, в полной мере относятся к жителям других краев, областей и автономных республик советской Сибири и Дальнего Востока.

Во многие формы выливаются интернациональная солидарность сибиряков, их стремление содействовать укреплению мира. Этими чувствами они руководствовались, когда различным географическим точкам, станциям и поселкам давали наименования в честь зарубежных друзей Советского Союза. Эти чувства находят трогательное проявление и в том, что уникальные алмазы, найденные в городе Мирном, получают такие названия, как алмаз «Уинта» в честь газеты итальянских коммунистов, алмаз «Альенде» по имени героя чилийского народа.

Свою озабоченность судьбами мира сибиряки, как и все советские лю-

ди, выражают в стремлении принять непосредственное участие в тех мероприятиях, которые призваны содействовать упрочению разрядки международной напряженности. Широкое распространение, например, получило участие — индивидуальное и коллективное — в финансировании советского Фонда мира. Так, в Академгородке под Новосибирском был организован фестиваль политической песни с участием ансамблей и солистов из ряда городов Сибири. Сбор средств от этого фестиваля был перечислен в советский Фонд мира. Из поселка Шушенское, где в годы царизма В. И. Ленин отбывал сибирскую ссылку, в адрес Фонда мира пришло письмо от учащихся школы-техникума. Они пишут: «Посылаем вам очередной взнос — 250 рублей, собранных учащимися агрономического отделения. Мы стремимся жить и учиться по-ленински, хотим быть настоящими интернационалистами».

Активными членами Фонда мира стали многие коллективы и строители Байкало-Амурской железнодорожной магистрали. И не случайно одна из прославленных организаций, занятых на стройке, «Ангарстрой», была награждена Почетной грамотой советского Фонда мира. Так был отмечен вклад строителей БАМа в большое дело упрочения мира, в котором сливаются воедино общие и индивидуальные интересы советских граждан.

Заботясь о прочном мире, сибиряки вместе со всем советским народом пристально следят за развитием международной обстановки, горячо реагируют на происходящие события. Как и по всему Советскому Союзу, по городам и селам Сибири прокатилась мощная волна протестов против вероломной политики китайских агрессоров, посягнувших на мирный труд народа Социалистической Республики Вьетнам. Выступая на одном из митингов в Читинской области, диспетчер И. Войтенко, например, заявил: «В минувшую войну я перенес все ее страдания, и сегодня, когда маоисты разжигают новый очаг мировой войны, я решительно протестую против китайской агрессии, целиком поддерживаю заявление Советского Правительства и призываю вас, товарищи, трудиться еще лучше, крепить мощь нашей могучей страны — нерушимого оплота мира на планете».

«Мы, преподаватели, сотрудники и студенты технологического института в Улан-Удэ, — отмечали другие участники этого широкого движения протеста, — осуждаем пекинских агрессоров, требуем немедленного и безоговорочного вывода китайских войск из Вьетнама. Присоединяем свои голоса к протестам всего прогрессивного человечества».

«С глубокой тревогой мы следим за развитием событий в Индокитае, — писали в газету «Правда» труженики морского порта Ванино. — Нам не раз приходилось отправлять теплоходы с грузами для вьетнамских друзей. Заверяем, что и впредь будем трудиться с полным напряжением сил. Пусть помнят агрессоры, что мы всегда на стороне социалистического Вьетнама».

Так трудящиеся Сибири, развивая свой край, возводя новые города, поднимая целинные земли, прокладывая железные дороги и трубопроводные линии, живут общими заботами со всем советским народом в многонациональной советской семье. Они вносят свой материальный и духовный вклад в прогресс человечества. Его весомость будет возрастать и впредь, как динамично возрастает воздействие на мир Советского Союза, мирового социализма.

Китай и Западная Европа

С. Г. Юрков

Политика правящей верхушки Китая в отношении Западной Европы вытекает из общих внешнеполитических задач и внутренних потребностей Пекина. Делая ставку на войну между СССР и США, между странами НАТО и государствами — членами Организации Варшавского Договора, китайские руководители всеми силами стараются помешать разрядке напряженности в Европе, вернуть ее ко временам «холодной войны». В то же время китайские власти, раздувая миф о «советской угрозе» и подчеркивая совпадение интересов Китая и стран Западной Европы, пытаются добиться их помощи и поддержки в проведении «четырех модернизаций» в Китае, чтобы создать прежде всего мощный военный потенциал, используя который, можно было бы осуществлять захватнические, гегемонистские цели.

Противодействие разрядке в Европе

Пекин активно противодействует усилиям стран социалистического содружества, направленным на практическое осуществление европейского урегулирования, на обеспечение реальных предпосылок для создания системы коллективной безопасности в Европе и развития сотрудничества стран континента. Так, решения встречи представителей коммунистических и рабочих партий в Карловых Варах (апрель 1967 г.) китайская пропаганда представила как попытку «сколотить контрреволюционный «священный союз», подавить революционное движение в Европе, стабилизировать порядок в капиталистическом мире»¹. Выступление против программы европейского урегулирования «оправдывалось» демагогическими и клеветническими рассуждениями о стремлении Советского Союза, других социалистических стран «выкинуть в дальнейшем антикитайскую, антикоммунистическую и антинародную комбинацию»².

Китайское руководство приложило немало усилий, чтобы опорочить саму идею созыва общеевропейского совещания по вопросам безопасности и сотрудничества, с которой выступили Советский Союз и его союзники — социалистические государства. В 1969 г. заместитель премьера Госсовета КНР Ли Сяньнянь представил инициативу социалистических стран как попытку «разделить с американским империализмом сферы влияния, контролировать и поработать Восточную Европу». Пекин стремился сорвать созыв общеевропейского совещания, клеветнически называя его «совещанием по небезопасности в Европе», как это, например, сделал глава делегации КНР на XXVII сессии Генеральной Ассамблеи ООН в 1972 г.

¹ «Жэньминь жибао», 11.IX.1969.

² См. там же.

В ходе реализации разработанной XXIV съездом КПСС Программы мира в ряде двусторонних договоров между будущими участниками общеевропейского совещания, принадлежащими к различным социально-экономическим системам, были закреплены такие принципы, как нерушимость границ и полное исключение территориальных претензий одних государств к другим; неприменение силы или угрозы ею, решение межгосударственных споров исключительно мирными политическими средствами; мирное сосуществование государств двух социальных систем и др. На очередь встала задача закрепления этих принципов в международно-правовом порядке на многосторонней, общеевропейской основе. Вот это-то и раздражало маоистов, поскольку еще более подрывало позиции Пекина в его попытках раздуть в провокационных целях, ради обострения напряженности территориальные споры в Европе и за ее пределами. Еще в 1964 г. в беседе с группой японских социалистов Мао Цзэдун откровенно высказал сомнение относительно границ, сложившихся в Европе в результате второй мировой войны, и призвал к их изменению. В декабре 1969 г. «Жэньминь жибао» сокрушалась по поводу того, что идея европейской безопасности имеет целью «сохранение статус-кво в Европе».

Такая позиция явилась одной из важнейших причин нападков Пекина на договор между СССР и ФРГ, который содержит, в частности, положения об обязательном в международно-правовом плане признании существующих в Европе границ, прежде всего границы по Одере — Нейсе и границы между ГДР и ФРГ. «Жэньминь жибао» поместила статью, в которой этот договор изображается как «предательство интересов германского народа, советского народа и народов всей Европы», «величайший обман», «поощрение западногерманского милитаризма»³ и т. д. Аналогичным образом Пекин «расценил» и четырехстороннее соглашение по Западному Берлину⁴.

Занимая негативную позицию в отношении договоров СССР, Польши и ЧССР с ФРГ, между ГДР и ФРГ, в отношении четырехстороннего соглашения по Западному Берлину, китайское руководство, потерпев неудачу в попытках их срыва, стало выискивать другие вопросы для осложнения отношений социалистических стран с ФРГ, для создания новых завалов на пути к международно-правовой фиксации принципа нерушимости границ. Маоисты акцентировали внимание на «ненормальности» разделения Германии, подпевая тем, кто выступает за «единую немецкую нацию». В октябре 1972 г. министр иностранных дел КНР Цзи Пэнфэй на приеме в честь В. Шееля, занимавшего в то время пост министра иностранных дел ФРГ, заявил: «Несмотря на то что уже прошло 27 лет после завершения второй мировой войны, все еще не подписан мирный договор с Германией, и два германских государства продолжают существовать в ненормальных условиях». Тезис о «единой германской нации», которую якобы олицетворяет Западная Германия, был высказан заместителем премьера Государственного совета КНР Дэн Сяопином во время приема в Пекине в начале сентября 1974 г. лидера западногерманской оппозиции Г. Коля.

В Пекине учитывали, что наличие в ФРГ и на Западе определенных сил, исходящих из «нерешенности» германской проблемы, таит в себе возможность возникновения взрывоопасной ситуации, которая может привести к резкому усилению международной напряженности, отвечающей долговременной антисоциалистической стратегии Пекина. При этом маоисты старались активизировать деятельность откровенно ревизионистских кругов Западной Германии, требующих пересмотра итогов второй мировой войны, и в частности послевоенных границ в Европе,

³ См. «Жэньминь жибао». 13.IX.1970.

⁴ См. там же, 9.IX.1971.

уверяли в поддержке их надежд на восстановление германской империи в границах 1937 г. «...В то время, когда живущие прошлым круги ФРГ упорно оспаривают реальность существования двух суверенных независимых друг от друга германских государств, — подчеркивал Первый секретарь ЦК СЕПГ Э. Хонеккер, — китайские руководители подхватывают реваншистские лозунги о так называемом дальнейшем существовании «единой германской нации», о якобы имеющейся «необходимости заключения мирного договора с Германией» и «воссоединении германского народа». В Пекине поют в унисон с теми, кто хотел бы «держаться германский вопрос открытым», чтобы использовать его в качестве запала для новых конфликтов в Европе»⁵.

Китай форсировал процесс установления дипломатических отношений с теми западноевропейскими государствами, с которыми не было таких отношений. В 1971 г. были установлены отношения с Австрией, Бельгией, Исландией, в 1972 г. — с Грецией, Люксембургом, Мальтой, ФРГ и в 1973 г. — с Испанией. В 1972 г. был повышен до уровня посольств статус дипломатических представительств Англии и Голландии.

Поворот китайского руководства в сторону сближения с Западной Европой выходил далеко за рамки обычного процесса развития межгосударственных отношений между странами. Если раньше Пекин рассматривал Западную Европу как «объект угнетения со стороны США», а затем стал ставить знак равенства между политикой США и СССР, то с 1970 г. его усилия концентрировались только на том, чтобы вызвать противоборство Западной Европы с СССР. Конечно, как всегда, пекинские правители и в этом случае преувеличивали свои возможности.

Пекинские лидеры выступили теперь за сохранение военного присутствия США в Европе и усиление военного союза Западной Европы с США. О желательности того, чтобы американские войска остались в Европе, недвусмысленно сказал Чжоу Эньлай в июле 1972 г. при встрече с американскими сенаторами Х. Богсом и Д. Фордом.

Пытаясь с присущей маоистам неуклюжестью обосновать тезис о необходимости «сдерживания» СССР на Западе, китайские правители до поры до времени использовали вымысел об «угрозе Китаю с Севера». Тема «советской угрозы» присутствовала на всех переговорах китайских руководителей с представителями западных стран. Китайские руководители утверждали, будто в случае разрядки напряженности между Востоком и Западом «советские войска придут на северную границу Китая» и даже нанесут «превентивный удар». Поскольку в западноевропейских странах ни одна из этих лживых версий не была воспринята серьезно, Чжоу Эньлай, явно теряя самообладание, упрекнул их, что «Запад только и думает, как бы повернуть советский ревизионизм на Восток, обратить это зло в сторону Китая, чтобы на Западе было спокойно»⁶.

Пекинские лидеры настолько запутались в своих измышлениях, что, забывая, о чем они говорили вчера, выступали каждый раз с новыми версиями. Сначала в Пекине заявляли, что Советский Союз «угрожает» Китаю, затем — что он готовится «нанести удар в двух направлениях» — по Китаю и Западной Европе, и, наконец, маоисты заговорили о том, что СССР «угрожает больше Западной Европе, чем Китаю»⁷.

Маоисты предупреждали капиталистические страны о необходимости быть «сильными» и «бдительными», советовали не принимать предложений социалистических стран, направленных на разрядку напряженности на Европейском континенте. По сообщению английской газеты «Таймс», Дэн Сяопин заявил делегации западногерманской молодежи,

⁵ См. «Правда», 7.X.1973.

⁶ X Всекитайский съезд КПК. Документы. Пекин, 1973, с. 26.

⁷ In «Times», 6.IX.1973.

посетившей КНР в апреле 1974 г., что «война в Европе неизбежна», что «она только временно откладывается»⁸. В мае 1975 г. Дэн Сяопин отправился во Францию, чтобы выяснить настроения в Западной Европе, а заодно попытаться затруднить созыв общеевропейского совещания. Однако рассуждения о положении в Европе, выдержанные в антисоветском духе, не были поддержаны его собеседниками; правительство Франции подтвердило свой курс на разрядку в Европе.

В превращении Западной Европы в самодовлеющую политическую, экономическую и военную единицу китайские лидеры видели альтернативу общеевропейскому сотрудничеству. Подхватив реакционный лозунг «Европа — для европейцев»⁹, они солидаризировались с тезисом определенных кругов на Западе «о создании Европы для европейцев, независимой от двух сверхдержав — Соединенных Штатов и Советского Союза»¹⁰, и тем самым хотели противопоставить одни европейские государства другим.

Целям сохранения раскола Европы была подчинена и активно протаскивавшаяся Пекином идея создания микроевропейских объединений, различных группировок в виде «средиземноморского альянса», «балканской группировки» и т. д. Попытки создания балканского квазиблока натолкнулись на отпор Болгарии; не нашел Пекин общего языка с Албанией, которая в конечном счете порвала с Китаем.

Пекин по враждебным социалистическому содружеству мотивам изменил свое критическое отношение к ЕЭС. «„Общий рынок“ как первый шаг на пути к самостоятельности Европы, возможно, является положительным фактом», — заявил премьер Госсовета КНР в конце 1971 г.¹¹ Пожалуй, нигде так не переживали в связи с вопросом, вступит или не вступит Англия в ЕЭС, как в Пекине. «Новая обстановка в Западной Европе, — писал журнал «Пекин ревью» в связи с вступлением Англии в ЕЭС, — явится серьезным препятствием для Соединенных Штатов и Советского Союза в проведении их политики гегемонии в Европе». В «сплоченной» вокруг «Общего рынка» Западной Европе китайское руководство хотело видеть силу, противостоящую СССР, социалистическим странам, рычаг, с помощью которого можно было бы подорвать борьбу за оздоровление обстановки в Европе и во всем мире.

Став вдруг поклонником ЕЭС, правящая верхушка в Пекине стремилась помешать странам «Общего рынка» развивать взаимовыгодное сотрудничество с социалистическими государствами. Сообщая о том, что Китай скоро признает ЕЭС, югославская газета «Политика» констатировала, что он делает это «из-за стремления использовать ЕЭС в качестве противовеса» Советскому Союзу.

Китайские власти в свойственной им манере внушали западноевропейским странам мысль о том, что Европа не добьется своих целей, если будет ограничиваться сотрудничеством только в экономической и политической областях, что «тенденция к укреплению сотрудничества и единства Западной Европы» должна распространяться и на военную область. Чжоу Эньлай в октябре 1973 г. открыто высказался за то, чтобы «НАТО и Западная Европа оставались сильными», объявив, что НАТО — это «оборонительный союз против ставшего агрессивным Варшавского Договора». В ходе визита лидера английских консерваторов Хита в КНР в мае 1974 г. Чжоу Эньлай торопил с реализацией идеи о «совместной организации обороны Западной Европы в рамках НАТО»¹². «Философия китайской внешней политики до грубости про-

⁸ In «Times», 3.V.1974.

⁹ См. «Жэньминь жибао», 16.VII.1971.

¹⁰ См. там же, 25.VI.1971.

¹¹ In «Avanti», 20.XI.1971.

¹² In «Daily Telegraph», 30.V.1974.

ста, — отмечала западногерманская газета «Нойе Рейн-цайтунг». — То, что полезно русским, плохо, а то, что им вредит, хорошо. Значит, согласно этой схеме, НАТО — это хорошо».

Успешное завершение общеевропейского форума означало полный провал усилий пекинских лидеров. Маоистское руководство ответило наращиванием подрывной пропагандистской кампании, поставив своей задачей опорочить итоги совещания, вызвать у европейской и мировой общественности скептическое отношение к новым перспективам, воспрепятствовать дальнейшему углублению разрядки на основе принятых в Хельсинки решений. «Жэньминь жибао» утверждала: «Советскому Союзу нужны не безопасность и сотрудничество в Европе, а документ, который облегчил бы ему сокрытие его замыслов агрессии и экспансии... реализацию планов установления гегемонии в Европе»¹³. Пекинская пропаганда заявляла, будто Заключительный акт не обладает юридической силой, является не более чем «пустой бумажкой», «макулатурой», «фиктивным документом», а потому совещание по безопасности (его название неизменно заключалось в кавычки) может дать Европе лишь мнимую безопасность, «безопасность на бумаге»¹⁴.

Под обстрелом прежде всего оказались десять принципов, которыми государства-участники обязались руководствоваться во взаимных отношениях. Не решаясь открыто возражать против этих принципов, китайская пропаганда попыталась умалить значение самого факта принятия их в качестве основополагающего межгосударственного «кодекса поведения». С точки зрения Пекина включение этих принципов в Заключительный акт было «излишним», поскольку, мол, их выполнение и без того вытекает из соблюдения Устава ООН¹⁵. Вместо разработки принципов, поучали маоисты, совещанию следовало бы заняться обсуждением вопроса об «ожесточенной схватке сверхдержав в Европе и во всем мире».

Особенно грубым нападкам китайского руководства подвергся принцип нерушимости границ — ключевой принцип в проблеме недопущения войны в Европе, закрепляющий в интересах мира итоги победы над фашизмом во второй мировой войне. Принятие такого принципа нанесло сильнейший удар по милитаристско-реваншистским силам, мечтающим о возрождении «германского рейха» в довоенных границах, а также и по тем, кто хотел бы использовать эти силы в целях нагнетания напряженности в Европе. Это и разозлило маоистов. Пекин заявил, что включение этого принципа в Заключительный документ закрепляет якобы превращение Восточной Европы в «сферу влияния», «сферу владычества» Советского Союза¹⁶. Такая позиция была воспринята как прямой выпад против социалистического содружества, свидетельствующий о поспешии китайским руководством принципов социалистического интернационализма.

Одновременно с нападками на принцип нерушимости границ Пекин возражал и против того, что Заключительный акт оставил открытой возможность изменения границ мирными средствами, путем переговоров. По утверждению китайской пропаганды, это опять-таки позволяет «сверхдержавам», «получая все, чего они хотят, продолжать схватку за Европу»¹⁷. Между тем представители как Запада, так и Востока отмечали на совещании, что осуществление провозглашенных в Заключительном акте принципов послужит залогом прочного мира на континенте. «Соблюдая эти принципы, мы можем изгнать с нашего континента войну, вооруженные конфликты», — отметил в своем выступлении

¹³ «Жэньминь жибао», 31.VII.1975.

¹⁴ См. там же.

¹⁵ См. там же, 4.VIII.1975.

¹⁶ См. там же.

¹⁷ См. там же.

в Хельсинки Первый секретарь ЦК Венгерской социалистической рабочей партии Я. Кадар.

Столь враждебное отношение Пекина к перспективам углубления разрядки в Европе объяснялось, помимо всего прочего, боязнью, что «дух Хельсинки» может оказать благоприятное воздействие на решение проблем безопасности и в других регионах мира, в частности в Азии.

«Четыре модернизации» и надежды на Западную Европу

После общеевропейского совещания и особенно после прихода к власти в Китае нового руководства Пекин старается, с одной стороны, сеять семена подозрений в Западной Европе в отношении намерений СССР, поощрять гонку вооружений и препятствовать соглашениям, направленным на разрядку между странами НАТО и государствами — членами Организации Варшавского Договора, а с другой стороны, стремится добиться максимального расширения возможностей использования кредитов западноевропейских держав, заимствования современной технологии и закупок новых видов вооружения.

Страна		1970 г.	1975 г.	1976 г.	1977 г.
Западная Европа	оборот	1892,9	5656,4	5032,2	5205,2
	экспорт	649,4	2040,4	2196,6	2285,4
	импорт	1243,5	3616,0	2835,6	2919,8
ФРГ	оборот	226,5	541,5	671,6	588,0
	экспорт	76,0	162,5	202,9	210,0
	импорт	150,5	379,0	468,7	378,0
Англия	оборот	168,7	220,9	212,6	213,0
	экспорт	72,4	93,9	119,2	133,4
	импорт	96,3	127,0	93,4	79,6
Франция	оборот	136,9	396,6	402,3	213,0
	экспорт	63,6	125,0	147,5	143,0
	импорт	73,4	271,6	254,8	70,0
Италия	оборот	108,3	201,4	215,1	173,0
	экспорт	56,9	94,3	119,2	114,0
	импорт	51,4	107,1	95,9	59,0

В ходе борьбы в руководстве, развернувшейся после смерти Мао Цзэдуна, все более брали верх те, кто предлагал отбросить прежние демагогические декларации и обратиться к развитым капиталистическим странам за крупными кредитами, пойти на строительство предприятий на компенсационной основе, взять на вооружение передовую технологию, которую удастся раздобыть, послать на обучение в капиталистические страны тысячи китайцев, пригласить иностранных специалистов. В развитые капиталистические страны были направлены заместители премьера Госсовета Дэн Сяопин, Гу Му, Фан И, министры Ли Цян, Хуан Хуа, которые стали рассказывать о фантастических планах строительства и огромных возможностях для выгодного вложения капитала. Рассчитывая заработать на экономических связях с КНР, а заодно использовать Китай в качестве противовеса Советскому Союзу и другим странам социализма, западноевропейские монополии стали наперсбой предлагать Китаю кредиты, экономические сделки и т. п. В значительной степени под влиянием этих факторов правящие круги

стран НАТО, за исключением, пожалуй, ФРГ и в известной степени Франции, заняли примиренческую позицию в отношении агрессии Китая против Вьетнама, а некоторые круги ожидали даже военного конфликта между СССР и КНР.

С 1977 г. стал увеличиваться объем торговли КНР со странами Западной Европы. Динамику торговли можно проследить по приведенной выше таблице (в млн. руб.).

В 1978 г. объем торговли Китая с рядом стран Западной Европы возрос и составил: с ФРГ — 867 млн. руб. (экспорт — свыше 233, импорт — свыше 633), с Англией — 267 (экспорт — 133,5, импорт — 133,5), с Францией — 294 (экспорт — 154, импорт — 140), с Италией — 300 (экспорт — 133,5, импорт — 166,5).

КНР закупает металлорежущие станки, электрооборудование, оборудование для горнодобывающей промышленности, контрольно-измерительные приборы, суда, стальной прокат, рассчитываясь продукцией сельского хозяйства и горнодобывающей промышленности.

Наблюдается паломничество делегаций: в 1977 г. в страны Западной Европы приезжала 71 китайская делегация, а в 1978 г. — 188, а из стран Западной Европы в Китае побывало соответственно 233 и 307 делегаций.

Стремясь расширить для себя возможности торговли и экономического сотрудничества, Пекин давно добивался сближения с Европейским экономическим сообществом. Западноевропейские монополии в свою очередь хотят получить экономические преимущества в Китае. 3 апреля 1978 г. в Брюсселе было заключено соглашение между Китаем и «Общим рынком». Соглашение, подписанное на пять лет, предусматривает, в частности, предоставление сторонами друг другу режима наибольшего благоприятствования, создание смешанной комиссии для проверки его выполнения, рассмотрения возникающих проблем, выработки рекомендаций. Важным и выгодным для ЕЭС является включение в соглашение положения о «благоприятном» отношении КНР к импорту товаров из стран ЕЭС; за это «Общий рынок» туманно обещал, что «будет стремиться ко все расширяющейся либерализации» ввоза товаров китайского происхождения путем постепенного увеличения списка товаров, импортируемых из КНР, и расширения их ассортимента. Анализ соглашения показывает, что Пекину не удалось включить в него выдвинутое в ходе переговоров положение о создании «корректирующего механизма» (с целью уменьшения или сокращения пассивного платежного баланса в торговле с ЕЭС) и причислении КНР к категории развивающихся стран, что дало бы ей некоторые дополнительные льготы. ЕЭС настояло на защитной формулировке; она гласит, что в случае срочной необходимости стороны могут «принять меры для ограничения или прекращения ввоза товаров».

Во время поездки в Китай делегации ЕЭС были согласованы вопросы об открытии в Пекине представительств «Общего рынка» и западноевропейских фирм, о проведении в КНР первой сессии смешанной торгово-экономической комиссии. Делегация «девятки» выразила заинтересованность в получении китайского урана, титана, цветных металлов. Пекин настаивал на расширении поставок своих текстильных товаров на рынки стран сообщества. Хуа Гофэн, по сведениям западногерманской печати, в беседе с вице-президентом ЕЭС Хаферкампом высказал «опасение» по поводу безопасности маршрутов транспортировки нефти и сырья в Западную Европу и призвал к объединению усилий по сдерживанию «советского проникновения» в Африку и на Ближний Восток.

21—24 февраля 1979 г., несмотря на то что Китай в это время осуществлял агрессию против Вьетнама, в КНР гостил председатель комиссии ЕЭС Р. Дженкинс. Обсуждался широкий круг политических и

экономических проблем и была достигнута договоренность о создании смешанного комитета, который будет следить за реализацией соглашения между «Общим рынком» и Китаем и разработкой рекомендаций о развитии торговли. Вскоре, однако, возникли трудности в связи с тем, что «Общий рынок» ввел ограничения на импорт китайского текстиля, и это замедлило весь процесс налаживания отношений между ЕЭС и КНР.

Наибольшие надежды Пекин возлагал на Федеративную Республику Германии. В расчете на скорейший приход к власти в ФРГ правых сил китайские руководители дважды (в январе и сентябре 1975 г.) приглашали Штрауса в Китай, но эти визиты принесли мало пользы: бывший боннский министр мог лишь критиковать правительство, но реального влияния на политику не имел. После отставки В. Брандта с поста канцлера в мае 1974 г. Пекин предпринял настойчивые усилия, чтобы приблизить к себе правительство ФРГ. Он активно добивался поездки в Китай канцлера Г. Шмидта. В день приезда канцлера в Пекин «Жэньминь жибао» писала, что совещание по безопасности и сотрудничеству было «совещанием опасности», что «не наступил новый этап разрядки, а, напротив, растет опасность возникновения новой мировой войны». Подыгрывая реваншистским настроениям определенных сил в ФРГ, газета также выразила поддержку «выступлениям против увековечения раскола немецкой нации»¹⁸. Главный китайский собеседник канцлера Дэн Сяопин твердил о неизбежности новой мировой войны, ратовал за «умножение сил» НАТО; Мао Цзэдун предрекал войну с Советским Союзом в ближайшие десять лет, если западноевропейские государства не объединятся¹⁹.

Правительство Г. Шмидта не проявило желания солидаризоваться с авантюристической политикой китайского руководства. В Пекине вызвали раздражение высказывания канцлера в пользу создания в Европе атмосферы доверия и разрядки, положительная оценка договоров ФРГ с СССР, другими социалистическими государствами. Поэтому с такой помпой китайские лидеры приняли в феврале 1976 г. представителей оппозиционного блока А. Дреггера и В. Маркса. На приеме тогдашний министр иностранных дел КНР Цяо Гуаньхуа вновь ратовал за «объединение немецкой нации», призывал к сплочению стран Западной Европы, расхваливал западногерманских реваншистов и неонацистов²⁰.

Между тем торговые и экономические связи двух стран расширялись. В сентябре 1978 г. председатель Восточного комитета немецкой промышленности ФРГ Хуфнагель (он же президент западногерманского Объединения тяжелого машиностроения) подписал в Пекине протокол, предусматривающий передачу западным немцам крупного пакета заказов на строительство предприятий угольной промышленности КНР. Стоимость запланированных сделок — около 8 млрд. марок. В протоколе зафиксировано предложение западногерманским фирмам поставить оборудование и оказать содействие в строительстве в КНР двух разработок угля открытым способом (производственная мощность каждой — 20 млн. т угля в год), пяти подземных разработок общей производственной мощностью 23 млн. т угля в год, крупной фабрики шахтного оборудования; расширить и модернизировать существующую шахту (намечается довести ее производственную мощность до 22 млн. т угля в год) и семь фабрик шахтного оборудования. Договоренности, содержащиеся в протоколе (его называют также «рамочным соглашением»), получают юридическую силу только после заключения соответствующих контрактов с фирмами ФРГ.

¹⁸ См. «Жэньминь жибао», 29.X.1975.

¹⁹ См. Б. Колосков. Внешняя политика Китая. 1969—1976. М., 1977, с. 300.

²⁰ См. «Жэньминь жибао», 14.II.1976.

Заметное оживление в западногерманских деловых кругах вызвали сообщения о возможности получения заказа на строительство крупного металлургического комбината проектной мощностью до 10 млн. т стали в год в провинции Хэбэй. Как заявил 12 сентября 1978 г. председатель правления фирмы «Шлеман — Зимаг» Вайс, Пекин предложил его компании организовать консорциум фирм и в сжатые сроки представить проект строительства такого предприятия. Аналогичные предложения, по сообщению западногерманской печати, были направлены французам и англичанам. В возглавляемый фирмой «Шлеман — Зимаг» консорциум вошли также концерны «Гутехофнунгсхютте — Штеркраде» (выполнение металлургической части проекта), «Сименс» (электротехника) и «Тиссен» (все вспомогательные и параллельные предприятия, подготовка специалистов). Конкретно проект предусматривает возведение металлургического комбината с производственным процессом от доменной выплавки стали до выпуска продукции (преимущественно листовой стали) и строительство ряда предприятий, которые будут обеспечивать работу завода, включая электростанцию мощностью 1 млн. кВт. Первую очередь предприятия намечается пустить до 1985 г.

«Дрезденер банк» по заданию Пекина организовал консорциум банков, который наметил выделить на цели финансирования строительства указанного комбината крупный кредит сроком на 10 лет. Печать ФРГ указывала, что в случае предоставления этого кредита китайские выплаты по нему составят около 28 млрд. марок (включая проценты).

Объясняя отношение правительства ФРГ к этим крупным сделкам с Китаем, канцлер Г. Шмидт в интервью газете «Зюддойче цайтунг» в середине октября 1978 г. сказал: «У нас нет намерения использовать дипломатические отношения с КНР как некий побочный инструмент в развитии германо-советских отношений. С географической точки зрения СССР для нас — непосредственный сосед. В политическом и военном плане он также является непосредственным соседом, исключительно важным фактором мировой политики. Я заявил в Токио то, что неоднократно и открыто высказывал в Бонне: федеральное правительство не может чувствовать себя связанным тем, что нынешние разногласия между Москвой и Пекином обострились». Отвечая на вопрос о «совместимости боннской концепции разрядки и пекинского тезиса о неизбежности новой мировой войны», канцлер заявил в ходе бесед с руководящими деятелями КНР: «Мы постоянно возражали их утверждениям относительно неизбежности третьей мировой войны... Я считаю их тезис неверным, более того — опасным».

Китайское руководство настойчиво зондировало возможность закупки оружия в ФРГ. Канцлер Г. Шмидт заявил по этому поводу: «Один из принципов нашей внешней политики состоит в отказе от поставок вооружений какой-либо стране за пределами блока НАТО. Мы не собираемся менять свою позицию в этом вопросе»²¹.

Правительство ФРГ и лично канцлер Г. Шмидт весьма критически отнеслись к нападению Китая на Вьетнам, и это нашло широкое отражение в печати. «Пекин играет с огнем», — писала 23 февраля 1979 г. «Франкфуртер альгемайне». «Китаю еще далеко до понимания того, какой должна быть великая держава, — отмечала в тот же день «Штутгартер цайтунг». — ...На этой неделе он продемонстрировал миру, сколь опасно заключать с ним тесные пакты». Утверждения китайских руководителей, что агрессия против Вьетнама не более чем «ограниченная акция», председатель фракции СДПГ в бундестаге Г. Венер охарактеризовал как «провокацию, жизненно опасную для всех сторон»²².

²¹ «Christian Science Monitor», 1.XI.1978.

²² In «Westfälische Rundschau», 7.III.1979.

Тори, пришедшие к власти в Англии весной 1979 г.*, явно торопятся с продажей военной техники Пекину, в частности истребителей «Харриер» с вертикальным взлетом. Они питают иллюзии, будто с помощью такой сделки Лондону удастся закрепить свои позиции на китайском рынке, а заодно и как-то сыграть на «китайской карте». Характерно, однако, что ни одна из стран Западной Европы не последовала пока примеру Англии, а в самой Великобритании целый ряд видных политических деятелей подвергают резкой критике намерения правительства в этом вопросе.

Пекин пытался оказать воздействие на Францию. В мае 1975 г. там побывал заместитель премьера Госсовета КНР Дэн Сяопин в сопровождении министра иностранных дел Цяо Гуаньхуа. Париж отмежевался от курса КНР на противодействие разрядке и международному сотрудничеству. Президент Жискард д'Эстен после встречи с Дэном заявил, что не разделяет китайскую точку зрения относительно «советской угрозы» Западной Европе. Не смогли китайские руководители навязать свою оценку обстановки в Европе и министру иностранных дел Франции Ж. Сованьяргу, посетившему Китай в ноябре 1975 г.

Новое руководство Китая, подбрасывая Парижу все те же тезисы об «угрозе» Западной Европе, стало пытаться расширить военные и экономические связи с Францией. Во время визита в Китай в июле 1976 г. начальника генерального штаба вооруженных сил Франции генерала Ги Мери пекинские власти ставили вопрос о расширении военных связей с Францией. В сентябре последовал ответный визит во Францию китайской делегации во главе с заместителем начальника генерального штаба вооруженных сил Китая Ян Чэнъю, ей были показаны военные объекты, некоторые виды нового оружия. В октябре 1977 г. в Париж по пути из Нью-Йорка заехал министр иностранных дел Хуан Хуа, между сторонами была достигнута договоренность о расширении экономических связей.

В январе 1978 г. в Китае находился премьер-министр Франции Р. Барр. Стороны изложили свои позиции по международным проблемам. При этом, как и следовало ожидать, различный подход был продемонстрирован к разрядке. Дэн Сяопин называл политику Запада «безумной», призывал к повсеместному противодействию «экспансионистской политике» СССР. Р. Барр подчеркнул значение, которое придает Франция разрядке; он отметил, что стремление к разрядке выражено в совместном франко-советском документе, подписанном во время визита Л. И. Брежнева во Францию; в Париже удовлетворены развитием сотрудничества с СССР. Премьер-министр добавил, что Франция приемлет такую разрядку, которая не противоречит ее концепции национальной обороны. В то же время стороны подтвердили приверженность планам создания «сильной (Западной) Европы», но при этом французский лидер не согласился с утверждением, будто Европа является «центром соперничества двух сверхдержав», и указал, что европейское сотрудничество должно в первую очередь служить смягчению международной напряженности и устранению политических барьеров. Китайская сторона заявила о своем желании значительно расширить закупки промышленного оборудования и технологии. Франция согласилась участвовать в модернизации промышленности КНР; были обсуждены основные направления сотрудничества в этой области не менее чем на 20 лет.

Консорциум банков приступил к переговорам о предоставлении КНР займа в 12 млрд. долл., который должен быть погашен в течение 10 лет; Франция предлагает 7,5% годовых, китайская сторона согла-

* О позиции Пекина в отношении Англии см.: А. Г. Ларин. Англия во внешней политике Пекина. — «Проблемы Дальнего Востока» 1979, № 2.

шается на 6,5%. Во время визита в Париж в мае 1978 г. заместитель премьера Госсовета КНР Гу Му заявил Жискара д'Эстэну: «Франция станет одним из главных партнеров Китая»²³.

Франция дала согласие на продажу Китаю двух атомных электростанций типа PWR-900 (на легкой воде, мощностью 900 тыс. кВт каждая). Однако в июле 1979 г. Пекин отказался от покупки станций из-за нехватки средств. В декабре 1978 г. подписано китайско-французское соглашение о развитии экономических отношений и сотрудничестве на 1979—1985 гг. Франция будет содействовать в развитии черной металлургии, электроники, нефтяной промышленности, в проведении геологической разведки, в добыче цветных металлов, строительстве гостиниц, производстве автомобилей и самолетов, оборудовании портов, в развитии транспорта и связи и использовании космоса. Кроме того, стороны договорились о том, что Китай разместит во Франции заказы на 11 крупных предприятий «при условии соблюдения цен и мирового технического уровня». Речь идет о реконструкции крупного металлургического комбината с доведением его производственной мощности до 10 млн. т стали, о строительстве двух теплоэлектростанций, завода по производству труб и проката, алюминиевого комбината, о заказах на спутники связи. Обе стороны будут стремиться к тому, чтобы довести объем торговли к 1985 г. до 12 млрд. долл.

Французские монополии выразили готовность поставить Китаю переносные снаряды «Милан» и противотанковые ракеты «Хот», большие вертолеты «Сюпер-Фрелон» и истребители «Мираж». «Однако нынешние переговоры между Францией и Китаем — это лишь первая фаза целой серии более крупных гражданских и военных сделок, которые приведут на втором этапе к закупке гораздо более сложной и совершенной и даже наступательной военной техники»²⁴. Переговоры о поставках оружия Китаю с весны 1979 г. застопорились в связи с возражением Советского Союза и протестами общественности Франции. Отказано в продаже истребителей «Мираж-2000» и «Мираж-4000».

Как утверждали «осведомленные наблюдатели в Париже», «Соединенные Штаты, очевидно, решили, что они сами не будут продавать вооружения Китаю, чтобы избежать конфронтации с Советским Союзом. Но американские должностные лица, по-видимому, одобряют европейский экспорт как средство расширения китайского военного потенциала, благодаря которому китайцы смогут отвлечь на себя внимание русских на восточном фронте»²⁵.

При встречах с представителями стран НАТО, особенно Италии, китайские руководители подчеркивали, что Италия — «самое слабое звено в Североатлантическом союзе», что там возможен приход коммунистов к власти и что необходимо сплотить силы правых, чтобы этого не допустить. Итальянская коммунистическая партия была названа «ревизионистской», она обвинялась в том, что ответственна за кризис в стране²⁶.

В июне 1977 г. Пекин посетил министр иностранных дел Италии А. Форлани. Гость из Италии, а с китайской стороны Ли Сяньнянь и Хуан Хуа констатировали близость взглядов по проблемам Ближнего Востока, Средиземного моря и Южной Африки. Итальянский государственный деятель не откликнулся на призывы к «единому фронту» против «сверхдержав».

Италию прежде всего интересовали и интересуют возможности более активного выхода на китайский рынок. Поэтому итальянцы, посещавшие Китай, в первую очередь старались выяснить, каковы планы индустрии

²³ «Figaro», 16.X.1978.

²⁴ «Monde», 20.X.1978.

²⁵ «Christian Science Monitor», 25.X.1978.

²⁶ См. «Жэньминь жибао», 28.VI.1976.

стриализации Китая, как и в каких масштабах КНР предполагает привлечь иностранный капитал и западную технологию.

Во время визита Хуан Хуа в Рим в октябре 1978 г. и переговоров министра внешней торговли Италии Р. Оссола в Китае в ноябре того же года обсуждался вопрос о предоставлении КНР кредита в размере 1 млрд. долл. Италия рассчитывает на участие в развитии машиностроения, включая сельскохозяйственное, химического и нефтяного производства, в строительстве дорог, а также на поставки оборудования для предприятий, производящих вооружение, тракторы, грузовые автомобили, железнодорожный подвижной состав и электротехнику.

23 апреля 1979 г. в Риме было подписано соглашение об экономическом сотрудничестве между Китаем и Италией. Оно предусматривает развитие сотрудничества в области черной металлургии, машиностроения, химии, электроники, судостроения, сельского хозяйства. Создается смешанная межправительственная комиссия по экономическому сотрудничеству. Италия согласилась предоставить Китаю кредит в размере около 1 млрд. долл. Итальянские бизнесмены считают, что преобладает сильная конкуренция с Японией, ФРГ, Францией. «Конечно, — писала газета «Стампа», — положение было бы идеальным, если бы европейские страны, вместо того чтобы пытаться поделить между собой — зачастую в условиях конкуренции друг с другом — китайский рынок, попытались объединиться, выступить единым фронтом в отношениях с китайским собеседником как в области производства, так и главным образом в области финансовых кредитов, которые должны быть предоставлены. Необходимо создать, как предлагал Оссола, Европейский экспортный банк, единственный орган для всех стран сообщества, который предоставлял бы внешние займы; это было бы другое средство европейской интеграции, способное выдержать, может быть, успешнее, чем другие, конкуренцию на более крупном мировом рынке 80-х годов с Японией и Соединенными Штатами²⁷.

В конфронтацию с Советским Союзом, с социалистическим сотрудничеством китайские руководители старались и стараются вовлечь также малые страны Западной Европы. Пекин проявляет интерес и к техническим возможностям государств этой группы.

Бельгией Китай интересуется прежде всего потому, что там размещены штаб-квартиры НАТО и ЕЭС; Брюссель — место активных контактов с ЕЭС и встреч с представителями деловых кругов. В политике Нидерландов Пекину импонирует то, что по многим международным вопросам они вместе с Англией наиболее активно поддерживают политику США. Голландия приняла на учебу около 500 китайских студентов и научных работников, пытается договориться о контракте на строительство порта и углубление реки Янцзы, в январе 1979 г. достигнута договоренность о воздушном сообщении между двумя странами. С Люксембургом имеется небольшая торговля; банки Люксембурга и металлургический концерн «Арбед» готовы предоставить Китаю на реконструкцию сталелитейных заводов кредит на сумму до 5 млрд. франков, который был бы возмещен цветными металлами.

Пекин симпатизировал режиму «черных полковников» в Греции, именно этот режим в апреле 1972 г. установил с КНР дипломатические отношения. Китайские руководители без энтузиазма восприняли падение военного режима, особенно их расстроило заявление о намерении Греции выйти из военной организации НАТО. Хуан Хуа, посетившему Грецию в сентябре 1978 г. и пытавшемуся «воспитывать» греков в духе пекинских концепций, в Афинах было дано понять, что Китаю нечего делать на Балканах и он не может рассчитывать, что Греция

²⁷ In «Stampa», 24.IV.1979.

²⁸ См. «Жэньминь жибао», 19.V.1974.

вступит в его «политическую игру». В связи с агрессивной Китая против Вьетнама греческое правительство еще более отрицательно относится к попыткам Пекина проникнуть на Балканы.

Пекин не возражал против давления «черных полковников» на Кипр, не осудил он и бандитских действий отрядов генерала Гриваса, пытавшихся навязать Кипру присоединение к Греции. Президенту Макариосу, посетившему Китай в мае 1974 г., китайские официальные лица говорили, что КНР выступает за сохранение независимости и суверенитета страны²⁸, но на практике Пекин ничего не сделал для содействия урегулированию кипрской проблемы. Он хочет, чтобы этот вопрос решался в рамках НАТО и в интересах расширения зоны действия этого блока.

Правители Китая в течение почти пяти лет отказывались признать новую власть в Португалии после свержения там фашистского режима, они с неприязнью отнеслись к демократическим процессам, происходившим в стране. Пекин опасался, как бы развитие событий в Португалии не отразилось на ее участии в НАТО²⁹. Постоянным мотивом пекинской пропаганды были обвинения СССР во «вмешательстве» во внутренние дела Португалии³⁰. Пекин пошел на установление отношений с Португалией только в феврале 1979 г., видимо, заключив, что левые силы в этой стране оттеснены от власти.

Стремление сохранить еще один источник валюты, а заодно не колебать позиций КНР в Гонконге определило и отношение китайских властей к Макао, более 400 лет являющемуся колонией Португалии на территории Китая. Новое португальское правительство, отказываясь от прежних колоний, с удивлением обнаружило, что Пекин не проявил интереса к переходу Макао под суверенитет КНР. Как писала 1 апреля 1975 г. «Нью-Йорк таймс», китайские власти отклонили предложение португальского правительства о возвращении Макао Китаю. «Пекин, — отмечала газета, — не испытывает желания изменить статус этой территории».

Отношения между КНР и Испанией были установлены еще при франкистском режиме, что вызвало возмущение Албании и смутило многие маоистские группы. После ликвидации фашистского режима Пекин активно подключился к тем западным кругам, которые пытаются втянуть Испанию в НАТО и «Общий рынок». При встречах с государственными деятелями Испании, в том числе с королем Хуаном Карлосом, посетившим Китай в июле 1978 г., китайские представители рекомендовали Испании полностью интегрироваться в НАТО и ЕЭС.

Пекин пытался подтолкнуть Швейцарию к военно-политическому блокированию с НАТО. Упражнялся в этом бывший министр иностранных дел Цзи Пэнфэй, посетивший страну в августе 1974 г.³¹, что, однако, не дало желаемых результатов. В марте 1979 г. в Китае вела переговоры экономическая делегация Швейцарии. Обсуждались перспективы расширения ввоза в Китай швейцарской машиностроительной технологии, пути финансирования торговли. Китай обещал привлечь швейцарские фирмы к участию в строительстве металлургической базы в Шанхае, выяснял возможность получения кредитов.

Китайские руководители, добиваясь признания КНР Австрией, обещали ей выгоды от торговли с Китаем, но австрийцы нашли китайский рынок «очень трудным». Маоисты утверждали, что Австрия расположена «в прифронтовой полосе схватки между двумя сверхдержавами за Европу»³², но на Вену это не произвело впечатления. Чжоу Эньлай при встрече с министром иностранных дел Австрии Киршлеге-

²⁸ In «Times», 25.II.1975.

²⁹ См. «Жэньминь жибао», 23.VII.1975.

³¹ Там же, 4.VIII.1974.

³² Там же, 2.III.1975.

ром «остро критиковал» Австрию за «слишком слабые усилия» в военном отношении; австрийский государственный деятель сослался на то, что Австрия являет собой убедительный пример жизнестойкости принципов мирного сосуществования³³. Деловые круги Австрии опасаются упустить свою долю в торгово-экономических связях с Китаем. Торговля растет, но ее объем все же незначительный (в 1977 г. — 482 млн., а в 1978 г. — 793 млн. шилл.).

КНР долго не могла завязать отношений с Ирландией. Министр иностранных дел О'Кеннеди заявил в феврале 1979 г., что Ирландия отказывалась от установления дипломатических отношений с Пекином из-за осложнений между Китаем и СССР. Отношения были установлены только в июне 1979 г. Стороны договорились расширить торговлю и планируют довести ее объем в 1981 г. до 20 млн. долл.

Не обошел своим вниманием Пекин и Скандинавские страны, тем более что они находятся в непосредственной близости к СССР. Пропагандисты из Пекина уверяли, будто Советский Союз рассматривает Скандинавию как стратегический плацдарм для осуществления «экспансионистских планов» в отношении Европейского континента, и заявили, что «именно Скандинавские страны должны будут особенно пострадать», поскольку планы СССР строятся-де на охвате Европы с флангов³⁴. Кроме того, Швеция интересуется Китай как партнер с высокоразвитой металлургической промышленностью; Швеция согласилась принять китайских студентов, но отклонила предложение о продаже военных самолетов и танков. Норвегию Пекин призывает активно действовать в рамках НАТО и поскорее вступить в «Общий рынок». Дания расположена к себе китайских правителей участием в ЕЭС и НАТО, они советуют ей идти на более тесное военное сотрудничество. Дания готова увеличить торговлю с Китаем, предлагает реконструировать ряд его портов, но исходит из того, что поставка оружия ему противоречила бы политике страны. Финляндию маоисты тшатаются поссорить с СССР, изображая ее как страну, якобы попавшую в экономическую и политическую зависимость от Советского Союза. Скандинавские страны, соглашаясь на расширение экономических контактов с Китаем, весьма настороженно относятся к политике пекинской верхушки; там остро реагировали на вторжение китайских войск во Вьетнам.

Из малых стран наибольший объем торговли с Китаем имеют Голландия (в 1977 г. — 102 млн. руб.), Испания (в 1977 г. — 45 млн., в 1978 г. — 100 млн. руб.), Швеция (в 1977 г. — 74 млн. руб.), Швейцария (в 1977 г. — 67,8 млн. руб.), Бельгия — Люксембург (в 1977 г. — 59 млн. руб.). С другими странами торговля Китая незначительна.

В атмосфере «золотой лихорадки», когда развитые капиталистические страны ищут китайских заказов, некоторые спрашивают: как и чем будет рассчитываться Китай? Китайские эмиссары отвечают: нефтью, ураном, титаном, кобальтом, марганцем, вольфрамом, бокситами, наладить добычу которых должен помочь иностранный капитал. Вот что писал по этому поводу лондонский «Экономист» в середине октября 1978 г.: «Китай, бывший столь замкнутым и изолированным при Мао Цзэдуэ, начинает при Хуа Гофэне и Дэн Сяопине сближаться с внешним миром и подумывать о своем экономическом росте. Все это сулит поистине «манну небесную» для западных компаний по производству средств производства, которые страдают от вялых темпов роста на своих собственных рынках... Насколько долговечна эта благодать? На протяжении последних двух лет Китай имел активное сальдо торгового баланса и, таким образом, был в состоянии пополнять свои резервы (соответствующая сумма, вероятно, составляет 3 млрд. долл., в том числе

³³ «Wochenpresse», 18.IV.1974.

³⁴ См. «Жэньминь жибао», 10.VIII, 18.IX, 25.IX.1976.

1 млрд. долл. золотом). Однако очень скоро у китайцев вместо активного сальдо образуется дефицит...»

Разочарование охватило западногерманские монополии, которые обнаружили, что китайские авансы в значительной степени оказались явно недействительными. «Армия китайских экономических делегаций, которая буквально наводнила в прошлом году наши промышленные предприятия, — констатировала «Франкфуртер альгемайне», — дала обществу повод для чрезмерных надежд. Между тем наступает отрезвление... Можно сделать следующий вывод из недавнего опыта, полученного в ходе сделок с Китаем: имеется немало шансов для расширения экономического сотрудничества ФРГ с Китаем. При этом, однако, не следует возлагать слишком больших надежд, особенно на темпы, которыми все будет происходить»³⁵.

Президент промышленно-торгового объединения ФРГ Амсронген в заявлении, опубликованном в бюллетене «Дихтнахрихтен» в конце апреля 1979 г., призвал оставаться на реальной почве в торговле с Китаем. Немецким предпринимателям Китай нужен как еще более активный торговый партнер, чем прежде, но следует также рассматривать в правильном ракурсе возможности этой страны. Для дальнейшего развития торговли ФРГ с Китаем решающее значение будет иметь вопрос о том, какие товары Китай может поставлять ФРГ, чтобы в этой торговле, для которой характерно активное сальдо ФРГ, усилились тенденции к равновесию. В этом заключается одна из главных проблем товарного обмена.

Авантюра Пекина во Вьетнаме, преступная безответственность, с какой она была предпринята, в свою очередь заставляют усомниться в надежности китайского партнера. «Файнэншл таймс» указывала, что вторжение во Вьетнам «вызывает сомнение в постоянстве и предсказуемости действий китайских руководителей. У банкиров будет достаточно оснований, чтобы более осторожно подходить к стране, которая столь легко прибегает к войне»³⁶.

* * *

Пекинские руководители, не одолев ни одну из крупных внутриполитических проблем и загнав страну в тупик перманентной стагнации, охотно советуют другим, например странам Европы (хотя к этому континенту они не имеют никакого отношения), как им поступать, какую политику проводить. Что же они предлагают Европе? Возвращение к «холодной войне», возрождение обстановки постоянной конфронтации, вражды и конфликтов и, наконец, ракетно-ядерную войну. Советы, явно рассчитанные на маньяков и политических недорослей.

Западноевропейские деятели, стремящиеся использовать авантюризм и антисоветизм китайских руководителей, проявляют политическую близорукость: в конечном итоге они так же просчитаются, как те лидеры, которые накануне второй мировой войны пошли на мюнхенский договор и пытались толкнуть гитлеровскую Германию против СССР, поскольку Пекин может поставить под угрозу всеобщий мир и ввергнуть их страны в ракетно-ядерную войну.

³⁵ «Frankfurter Allgemeine», 20.IV.1979.

³⁶ «Financial Times», 6.III.1979.

От антиимпериализма к союзу с империализмом и реакцией

А. Г. Кручинин

П риблизжающаяся 30-я годовщина Китайской Народной Республики — законный повод с высоты истекших десятилетий оглянуться на пройденный ею поистине извилистый путь. На фоне крупных поворотов и попятного движения в этой стране с особой четкостью становится видна непреходящая ценность идеалов и целей, которые долгие годы вдохновляли китайских трудящихся на борьбу и привели их к великой победе в 1949 г., к созданию народного государства, к коренным социальным переменам, к выдающимся успехам экономического и культурного строительства в 50-е годы.

Китайская Народная Республика появилась на политической карте мира в период, когда произошло самое крупное после победы Октябрьской революции в России событие всемирной истории — выход социализма за рамки одной страны, превращение его в мировую систему государств.

Перед новым китайским государством с первых же дней возник целый ряд трудных задач, успешное решение которых было невысказимо без широкой и всесторонней поддержки извне, лишь при опоре на собственные силы. Прежде всего речь шла о предотвращении прямой агрессии империализма против него.

Будучи сразу же официально признана всеми странами социалистической системы, КНР с самого начала предстала перед лицом враждебных империалистических сил как часть противостоящего им сплоченного мирового лагеря. Решающей гарантией закрепления народного Китая на политической карте мира явилось заключение 14 февраля 1950 г. советско-китайского Договора о дружбе, союзе и взаимной помощи. Оформление военно-политического союза с СССР имело для КНР тем большее значение, что именно на рубеже 40—50-х годов американский империализм резко активизировал свои агрессивные действия у границ КНР. В конце июня 1950 г. он развязал войну в Корее и фактически оккупировал Тайвань. Укрепление обороноспособности стало для Китая актуальнейшей задачей.

Советский Союз во исполнение своего интернационального долга и в соответствии с духом договора 1950 г. незамедлительно оказал КНР всевозможную помощь в решении этой задачи.

В конце концов Соединенным Штатам пришлось отказаться от планов перенесения войны на территорию КНР. «Если бы мы решили распространить войну на Китай, — признавал в своих мемуарах президент США Г. Трумэн, — то должны были бы ожидать возмездия. Бэйпин и Москва как идеологически, так и в соответствии с договором являлись союзниками. Если бы мы начали атаковать коммунистический Китай, мы должны были бы ожидать русского вмешательства»¹.

¹ Н. С. Труман. *Memoirs*, vol. 2. *Years of Trial and Hope*. New York, 1956, p. 382.

Об огромной, решающей роли сплочения КНР с мировым социалистическим лагерем, военно-политического союза с СССР именно для самого сохранения нового китайского государства в свое время вынужден был говорить и Мао Цзэдун. Выступая 14 ноября 1957 г. на Совещании представителей коммунистических и рабочих партий в Москве, он заявил: «Если бы не было Советского Союза, то империалисты нас могли бы проглотить»².

Наряду с задачей отражения империалистической агрессии и упрочения международного положения острейшей проблемой для КНР в первый период ее существования была проблема создания общенациональной системы управления, особенно системы управления народным хозяйством. Как признавал Мао Цзэдун в своем выступлении в марте 1958 г. на закрытом совещании в Чэнду, у новой власти в Китае вначале не было ни опыта, ни специалистов, «министры были профаны». Однако уже в июле 1951 г. КНР располагала годовым государственным планом восстановления и развития народного хозяйства, составленным при содействии советских специалистов. На том же совещании Мао признавал, что Китай был не способен «проектировать, строить и оборудовать предприятия тяжелой промышленности». Между тем уже в восстановительный период эта отрасль экономики КНР не только была поднята из руин, но и сделала большой шаг вперед. При содействии СССР в стране были восстановлены, реконструировались и строились более 50 крупных предприятий и других объектов тяжелой индустрии. Советские специалисты помогали восстанавливать и строить, помимо этих, определенных межправительственным соглашением, также и ряд других промышленных объектов. Многие были сделаны советской стороной для восстановления и налаживания работы железнодорожного транспорта в Северо-Восточном и Северном Китае.

Как и экономическая помощь, торговые поставки в Китай из СССР и других социалистических стран уже в восстановительный период были целенаправленными — подчинены задаче обеспечения экономической самостоятельности КНР, способствовали закладке краеугольных камней фундамента целостной народнохозяйственной системы КНР.

В целом сплочение и сотрудничество КНР с миром социализма в этот период не только были решающим фактором укрепления международного положения нового Китая, но и во многом предопределили прочность режима народной власти в этой стране, способствовали созданию предпосылок для перехода к широкому плановому строительству основ социализма уже всего через три года после провозглашения КНР.

Документы КПК и народного государства, формулировавшие внешнеполитические принципы в 1953—1957 гг., вполне четко отражали социалистическую тенденцию развития китайского общества в эти годы, хотя процесс формирования социалистических основ внешней политики КНР проходил в острой борьбе двух линий в КПК. Генеральным направлением политики КНР на международной арене было определено первоочередное сплочение со странами социалистической системы не только во имя борьбы за мир, независимость и суверенитет нового Китая, против империалистической агрессии, но и во имя строительства социализма на китайской земле. Сплочение с социалистической системой, всесторонняя поддержка с ее стороны только и могли сделать реальным успешное и здоровое развитие по социалистическому пути такой отсталой, не прошедшей стадии капитализма страны, как Китай. Решающее значение курса на это сплочение для судеб социализма в Китае и подобных ему по характеру и уровню социально-экономического развития странах давно выявлено марксистско-ленинской теорией и подтверждено практикой, включая и практику КНР.

² Цит. по: О чем умалчивают в Пекине? М., 1972, с. 18.

Действуя в духе требований пролетарского, социалистического интернационализма, братские страны, в первую очередь СССР, содействовали перестройке китайского общества на принципах научного социализма, прежде всего осуществлению социалистической индустриализации, отнюдь не «по возможности», а именно в максимальной степени. В годы первой пятилетки в КНР фактически не было ни одного сколько-нибудь крупного и важного промышленного объекта, строительство которого не оказалось бы прямо или косвенно связано с сотрудничеством и помощью социалистических стран, в особенности СССР. Достаточно сказать, что только Советский Союз практически безвозмездно передал китайской стороне более 1400 проектов крупных промышленных предприятий и свыше 24 тыс. комплектов различной научно-технической документации, стоимость которой оценивается в миллиарды долларов. Социалистические страны были для КНР не только единственным доступным, но и широко открытым источником передового технического и научного опыта. Именно они проложили путь в Китай научно-технической революции.

Только при непосредственном участии СССР в Китае было построено более 250 наиболее крупных промышленных предприятий, а также отдельных цехов и других важных народнохозяйственных объектов. Касаясь их значения для индустриализации КНР, член Политбюро ЦК КПК, заместитель премьера КНР Ли Фучунь говорил: «Наша оценка, причем это твердая оценка, такова: предприятия, запроектированные и построенные у нас при помощи Советского Союза, действительно являются воплощением всего современного и всего лучшего, чем располагает Советский Союз. Эти предприятия — костяк нашей промышленности, костяк не только по объему, но и по уровню современной передовой техники»³.

В дело индустриализации КНР, создания целостной системы промышленности в Китае большой вклад внесли европейские страны социализма. С помощью этой группы стран в КНР было полностью построено 85 предприятий (кроме того, 10 частично), а также 172 отдельных цеха и установки. Как и Советский Союз, другие социалистические страны оказали содействие Китаю главным образом в развитии тяжелой промышленности, особенно энергетики, промышленности строительных материалов.

Период первой пятилетки, характеризовавшийся чрезвычайно интенсивным всесторонним сотрудничеством КНР с братскими странами, остался в ее 30-летней истории периодом действительно глубокой и всеобъемлющей модернизации, эффективной закладки базы для превращения Китая в экономически самостоятельное социалистическое государство. Именно прочность и целостность заложенной в то время индустриальной базы обеспечила Китаю возможность в дальнейшем так или иначе развивать свою экономику, несмотря на поистине катастрофические последствия антисоциалистической политики маоистов, их волюнтаристских экономических и социальных экспериментов, их разрыва с международными социалистическими силами.

Действуя на международной арене в основном в рамках общей линии социалистических стран, КНР в годы первой пятилетки и сама выступала с инициативами в интересах мира на земле и неизменно поддерживала все аналогичные инициативы социалистических и других миролюбивых государств. Отдавая беспспорный приоритет сближению и сотрудничеству со странами социализма, КНР в ходе первой пятилетки добилась выдающихся успехов в решении коренных проблем социалистического строительства, существенно расширила свои связи с внеш-

³ Цит. по: Ленинская политика СССР в отношении Китая. М., 1968, с. 202.

ним миром, упрочила свое международное положение. Эти успехи, с одной стороны, вдохновляли и активизировали подлинно социалистические силы китайского общества на дальнейшее сплочение и развитие братского сотрудничества с миром социализма, а с другой — все более настораживали и побуждали к подрывным действиям группировку Мао Цзэдуна, стремившуюся отбросить социалистические принципы внешней политики КНР, сбить КПК на путь мелкобуржуазно-националистического ревизионизма, навязать ей великодержавно-гегемонистские идеалы. Именно в последние годы первой пятилетки Мао Цзэдун особенно настойчиво стал внедрять эти идеалы в сознание кадровых работников.

Подменяя ими классовые цели КПК, Мао Цзэдун в ноябре 1957 г. впервые предпринял попытку склонить социалистические международные силы к отказу от ленинской политики борьбы за мир. На Совещании представителей коммунистических и рабочих партий в Москве он предложил помериться с империализмом силами⁴, то есть фактически начать против него превентивную войну.

Однако группа Мао Цзэдуна в период и сразу после московского совещания воздержалась от открытой пропаганды этой своей антигуманистической позиции, предпочла и дальше изображать себя представителем марксистско-ленинских сил в КПК. Тогда еще не вполне определился ее перевес внутри руководства партии, а попытка Мао Цзэдуна навязать социалистическому миру провокационную идею превентивного удара по империализму, по существу, была осуждена международным коммунистическим движением. Поэтому, хотя Мао Цзэдун отбыл из Москвы с намерением добиваться осуществления своих гегемонистских целей в отношении социалистических сил мира, возглавлявшая им делегация КПК присоединилась к выводам, стратегическим и тактическим установкам, коллективно выработанным московским форумом коммунистов мира. Кроме того, во время пребывания в Москве сам Мао Цзэдун сделал ряд публичных заявлений о международном значении опыта КПСС, подчеркнув, что «выдающимся образцом служит программа борьбы за построение коммунизма в СССР, выдвинутая XX съездом КПСС». Он заявил также, что «правительство любой страны, если оно откажется жить в дружбе с Советским Союзом, лишь нанесет ущерб подлинным интересам народа своей страны»⁵.

Создав видимость своей верности научному социализму, генеральной линии международного коммунистического движения, идеалам социалистического лагеря, группа Мао Цзэдуна усилила подготовку наступления на социалистические силы как внутри страны, так и на международной арене.

Выдающиеся успехи КНР в строительстве социализма на научной основе в годы первой пятилетки — исторический факт. Эти успехи социалистического строительства и социалистической внешней политики Китая группировка Мао Цзэдуна приписала себе, широко использовала для упрочения своего положения в партии и государстве, для закрепления своего авторитета как якобы борца за дело международного рабочего класса. Этим во многом была предопределена та легкость, с которой группировка сумела вскоре навязать КПК несовместимую с марксизмом-ленинизмом социальную программу, авангардистско-гегемонистскую линию в отношении социалистических стран и международного коммунистического движения, стратегию достижения великодержавных целей путем провоцирования глобального военного столкновения двух мировых систем.

⁴ См. Заявление Советского правительства. — «Правда», 21—22.IX.1963.

⁵ Советско-китайские отношения. 1917—1957. Сб. документов. М., 1959, с. 364—365.

Происшедшие в 1958 г. перемены в расстановке сил внутри китайского руководства не замедлили сказаться и на внешней политике КНР. Группа Мао Цзэдуна сочла обстановку подходящей для постепенного перехода к борьбе за великодержавные цели.

Первоочередным объектом гегемонистских устремлений Пекина стала мировая социалистическая система. К тому времени она еще более окрепла, возросла активность всего международного антиимпериалистического фронта. И если коммунистическое движение увидело в этом благоприятные предпосылки для углубления мирового освободительного процесса, для обуздания агрессивных кругов империализма и предотвращения мировой войны, то группа Мао Цзэдуна усмотрела в этом лишь выгодное условие для активизации борьбы за гегемонистские цели путем провоцирования напряженности между двумя мировыми системами под ширмой левацко-экстремистских призывов.

Уже в 1958—1959 гг. группировка Мао Цзэдуна предприняла попытку навязать социалистическому лагерю свою внешнеполитическую линию. Именно эту цель преследовал спровоцированный Пекином летом — осенью 1958 г. острый кризис в Тайваньском проливе, чреватый опасностью перерастания в конфликт глобального характера. Откровенным гегемонизмом, стремлением вынудить социалистический лагерь следовать за Пекином в международных делах была пронизана и позиция руководства КНР, занятая им в 1959 г. в пограничном конфликте с Индией.

Однако к концу 1959 г. маоисты в основном убедились в том, что им не удастся подчинить своему диктату социалистический лагерь. По-прежнему исходя из авангардистских расчетов в отношении международных антиимпериалистических сил, они попытались создать под своей эгидой отдельную группировку социалистических государств. Таким образом, борьба маоистов за подчинение своему влиянию социалистической системы начала трансформироваться в конце 50-х годов в борьбу за раскол системы, за подрыв ее сплоченности, которая в силу исторических причин сложилась вокруг первой и самой могущественной социалистической державы — вокруг СССР. С тех пор антисоветизм стал быстро превращаться в стержень курса Китая в отношении социалистической системы, в стержень всей его внешней политики.

Что касается заявки маоистов на идейное главенство в отношении международного коммунистического движения, сделанной совершенно открыто в апреле 1960 г. в статьях известного сборника «Да здравствует ленинизм!», содержавших маоистский провокационный план борьбы против империализма «острием против острия», то эта заявка была решительно отвергнута. Свидетельством тому явились результаты состоявшихся 24—26 июня 1960 г. в Бухаресте двух международных совещаний — встречи компартий социалистических стран и встречи 51 компартии социалистических и капиталистических стран, а затем итоги Совещания представителей коммунистических и рабочих партий в ноябре 1960 г. в Москве.

Наряду с попытками воздействовать в своих гегемонистских интересах на социалистические силы мира китайское руководство одновременно усилило активность в зоне национально-освободительного движения.

Добиваясь того, чтобы хотя бы часть революционных сил мира признала главенство Китая над собой, пекинское руководство в 1958—1959 гг. всячески демонстрировало жесткость своей линии в отношении империализма. «Ультрареволюционное» давление Пекина на империалистические державы уже в 1960 г. стало сопровождаться, однако, маневрами, которые отражали изначально державную подоплеку внешне-

политических устремлений маоизма. В августе 1960 г. КНР взяла курс на восстановление торговых и иных отношений с Японией. В беседах с некоторыми посетившими Пекин в конце 50-х годов деятелями либерально-демократической партии китайские лидеры подчеркивали свою готовность крепить отношения с Японией на откровенно расистской основе. В конце 1960 г. на встрече с американским журналистом Э. Сноу, издавна выполнявшим роль связного между Вашингтоном и маоистским руководством КПК, Чжоу Эньлай подчеркнул, что существует база для нормализации китайско-американских отношений.

Все это были первые попытки прозондировать реакцию Запада на новую роль КНР в глобальном противоборстве сил прогресса и реакции, на ее переход к раскольнической деятельности против мирового антиимпериалистического движения. И хотя это зондирование практически осталось безрезультатным, симптомы националистического прагматизма, и в особенности антисоветские аспекты, проявившиеся в «ультрареволюционной» позиции китайского руководства на рубеже 50—60-х годов, все же не прошли мимо внимания Запада. Они уже тогда дали сильный импульс к выявлению реальной подосновы, действительных двигательных пружин «особой» позиции Пекина. Наиболее опытные лозманы антикоммунизма увидели обнадеживающие для Запада перспективы именно в антисоветских аспектах этой позиции. За десятки лет борьбы против коммунизма после Октябрьской революции в России они твердо усвоили, что антисоветчики с любым, даже с самым ярким революционным прошлым и с любой, даже самой экстремистской антиимпериалистической платформой неизбежно в конечном счете приходят в стан врагов международного пролетариата, врагов социального и национального освобождения трудящихся.

Будучи переходным в истории внешней политики КНР, период 1958—1960 гг., естественно, сохранял многие черты предыдущего периода. Более того, эти черты внешне даже представлялись доминирующими. Но фактически к концу 1960 г. социалистическая основа внешнеполитической ориентации Китая была отброшена, и ее место заняла маоистская версия великодержавно-гегемонистской китаецентристской концепции.

* * *

60-е годы во внешней политике КНР стали периодом нарастающей борьбы маоистской группировки за раскол международных социалистических сил, всего мирового революционного фронта под ширмой экстремистских антиимпериалистических призывов. Концентрируя удары прежде всего на подрыве сплоченности реального мирового социализма и международного коммунистического движения, она целенаправленно вела дело к разрыву с ними.

Интенсивно развивавшийся с 1960 г. процесс размежевания руководства КПК с международным коммунистическим движением фактически завершился к 1966 г. К этому времени группировка Мао Цзэдуна провела соответствующую идеологическую и политическую подготовку, чтобы объявить реальный мировой социализм и компартии мира... врагами социализма, а Китай — единственной его цитаделью, центром мировой революции.

Предпринятое группировкой Мао Цзэдуна в 1966—1969 гг. фронтальное наступление на оппозиционные силы внутри страны — «культурная революция» — сопровождалось демонстрацией враждебности Китая обеим мировым социальным системам. Однако при всей кажущейся равной враждебности к двум мирам со стороны Пекина, объявившего, что КНР якобы оказалась в «кольце враждебного окружения», и провозгласившего стратегию борьбы на два фронта — против империали-

лизма и так называемого современного ревизионизма, то есть социалистических стран и компартий, во внешнеполитическом курсе КНР в 1966—1969 гг. совершенно явственно доминировала антисоциалистическая направленность.

В рамках борьбы против пресловутого «враждебного окружения» Пекин в 1966—1969 гг. еще более сократил экономические связи и практически прекратил отношения по другим линиям с большинством стран социалистической системы. В экономической области эта борьба привела к весьма любопытному итогу: 76,2% внешнеторгового оборота КНР в 1969 г. приходилось на страны капиталистической системы и лишь 23,8% — на страны социализма. (В 1960 г. доля первой группы стран составляла 35,6%, а второй — 64,4%.) Это был кардинальный элемент маоистского курса на враждебную изоляцию страны от социалистического мира.

Многозначительными были и итоги маоистской борьбы против «враждебного окружения» в сфере политических отношений с двумя мирами. В 1965—1969 гг., когда США демонстрировали свою военную мощь во Вьетнаме, Пекин отнюдь не изъявлял желания помериться с ними силами, действовать «острием против острия». Между тем именно в это время он не только в небывалых масштабах и с большой интенсивностью вел враждебную пропаганду против социалистических стран, но и предпринимал самые разнообразные подрывные действия против них, стремился отвлечь на себя их внимание и тем самым ослабить их позиции в противостоянии империализму.

В 60-е годы группировка Мао Цзэдуна с колоссальным размахом развернула пропаганду войны как якобы наиболее эффективного и, по существу, единственного способа революционных действий международного пролетариата. Гимн войне был лейтмотивом всех наиболее крупных программных документов маоизма, появившихся в 1960—1969 гг.

Надежду на создание «вселенского хаоса» Пекин связывал в основном с национально-освободительным движением, с зоной развивающихся стран. Протекавшая в ряде случаев в самых острых формах антиимпериалистическая борьба на колониальной периферии Запада представлялась группировке Мао Цзэдуна способной вовлечь в прямой военный конфликт главные противоборствующие силы — мировой социализм и империализм.

Расчеты пекинского руководства на возможность манипулирования в своих гегемонистских интересах растущим антиимпериалистическим потенциалом зоны национально-освободительного движения оказались, однако, построенными на песке. На исходе первого десятилетия открытой борьбы Пекина с социалистическими силами мира истекло и время маоистских иллюзий относительно возможности завоевания значительной сферы влияния в мировом освободительном процессе с левацких позиций и использования национально-освободительного движения для провоцирования глобального конфликта («народные войны», несмотря на все призывы Пекина, отнюдь не охватили страны Азии, Африки и Латинской Америки, в мире не возникли «десятки Вьетнамов», то есть локальных войн, а те, что имели место, не привели к столь желанному для пекинских гегемонистов «великому хаосу в Поднебесной»). Крах упомянутых иллюзий ускорил сдвиг маоистской позиции вправо, превращение ставки на провоцирование активности воинствующих кругов империализма и реакции в главный элемент гегемонистской стратегии маоизма. Маоистская внешнеполитическая позиция все быстрее обретала адекватную ее изначальному основному великодержавно-гегемонистскому содержанию форму правонационалистического социалшовинизма, который по своей социально-политической функции является частью мировой реакции, пособником империализма и всех других сил контрреволюции.

Соответственно этому происходила глубокая трансформация места и роли антиамериканизма в маоистской внешнеполитической стратегии. К концу 60-х годов маоистские лидеры окончательно выхолостили прежнее социальное содержание антиамериканизма, подменив его националистическим державным подходом к США как одному из крупнейших соперников китайского государства на мировой арене. При наличии же у Китая более важного с точки зрения маоистского социал-шовинизма глобального противника в лице СССР, социалистического содружества антиамериканизм закономерно трансформировался в специфическую внешнеполитическую тактику, направленную в конечном счете на достижение взаимопонимания с Соединенными Штатами, а следовательно, с империализмом в целом, поскольку большинство развитых стран капиталистической системы в основном остается в фарватере мировой стратегии американского монополистического капитала.

Характер и итоги внешнеполитической деятельности маоистского руководства Китая на протяжении 60-х годов, и особенно во второй половине десятилетия, свидетельствовали о том, что оно подошло к черте, за которой начинается открытое и прямое блокирование с империализмом, за которой неизбежно превращение антиамериканизма в откровенный проамериканизм, ложного антиимпериализма — в стопроцентный практический проимпериализм.

Предсказанная международным коммунистическим движением еще в начале 60-х годов возможность смыкания великодержавно-милитаристской группировки китайского руководства с самыми воинственными кругами империализма становилась фактом. Участники Совещания коммунистических и рабочих партий, состоявшегося в июне 1969 г. в Москве, вынуждены были констатировать этот факт. Представители большинства коммунистических и рабочих партий глубоко и предметно раскрыли ложный антиимпериализм Пекина, его великодержавно-гегемонистские устремления, решительно осудили враждебные действия руководства Китая против международных сил мира, демократии и социализма. Выступая на совещании, Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев говорил: «Практическая деятельность Пекина на международной арене все более убеждает нас в том, что внешняя политика Китая фактически порвала с пролетарским интернационализмом, утратила классовое социалистическое содержание... Факты свидетельствуют о том, что китайское руководство только говорит о борьбе против империализма, на деле же оно прямо или косвенно ему помогает»⁶.

* * *

Удары по подлинно патриотическим и социалистическим силам в КПК, нанесенные маоистами в 60-е годы, особенно в период «культурной революции», формирование системы военно-бюрократической власти в Китае открыли небывало широкий простор для борьбы группировки Мао Цзэдуна за великодержавные цели. Кроме того, продемонстрированная в те годы враждебность пекинских социал-шовинистов реальному социализму, который они с полным основанием рассматривали в качестве самого решительного противника своих великодержавно-гегемонистских планов, в основном оказалась достаточной, чтобы побудить Запад позитивно ответить на призывы Пекина к взаимодействию на международной арене в борьбе против сил мира, демократии и социализма.

Однако на рубеже 60—70-х годов в мировом развитии начались перемены большей исторической важности. Впервые стала приобретать доминирующее значение тенденция к многообразному сотрудничеству

⁶ Л. И. Брежнев. О внешней политике КПСС и Советского государства. Речь и статьи. М., 1978, с. 82.

двух мировых социальных систем, к разрядке напряженности между ними, явившаяся прежде всего результатом роста экономического и оборонного могущества социалистического содружества и возросшего влияния его миролюбивой политики на всю международную атмосферу. Решающий вклад СССР, социалистического мира, лично товарища Л. И. Брежнева в развитие разрядки ныне вполне определенно признает весь мир. Признают это и ответственные руководители стран Запада. В частности, президент США Дж. Картер, обращаясь в одной из речей к Л. И. Брежневу в дни переговоров в Вене в июне 1979 г., сказал: «Я надеюсь, г-н Председатель, что разрядка, которая развивается в Европе в результате проделанной Вами огромной работы, сможет охватить и другие районы мира»⁷.

Процесс разрядки явно путал карты пекинского руководства, заставлял его спешить с установлением прямых и более тесных контактов с империализмом в целом, в особенности с его наиболее экстремистскими силами, с тем чтобы остановить формирование неблагоприятного для борьбы за гегемонистские цели климата в международных отношениях. Империализм стал последней надеждой китайских социал-шовинистов в этой борьбе. Блокированию с ним уже в первой половине 70-х годов они в основном подчинили все аспекты своей внешнеполитической позиции, все направления своей внешней политики.

Демонстративная враждебность миру социализма осталась главным козырем в расчетах Пекина на политическое сближение и смыкание с Западом. В условиях первой половины 70-х годов она особенно широко и всесторонне проявлялась в сфере глобального противоборства сил социализма, мира и прогресса с силами империализма, войны и реакции.

Преследуя собственные великодержавно-гегемонистские цели и подыгрывая империалистическим силам агрессии и войны, китайское руководство в эти годы договорилось до того, что объявило войну не зависящей от воли людей, а потому неотвратимой. Для вящей убедительности этого тезиса Пекин отказался от зафиксированного в документах IX съезда КПК определения современной эпохи как эпохи, «когда империализм идет к всеобщему краху, а социализм — к победе во всем мире»⁸. На X съезде КПК было заявлено, что-де наше время по-прежнему остается эпохой империализма и пролетарской революции⁹. Этим «теоретическим» вывертом маоисты, несомненно, хотели в чисто гегемонистском духе подчеркнуть свое непризнание реально существующего мирового социализма, оправдать любые враждебные действия против него. Дело в том, что специфика маоистского социал-шовинизма с самого начала состояла в стремлении изображать себя ведущей силой мирового прогресса. Коль скоро уж мир объективно идет к социализму, то, согласно китаецентристской концепции, подлинный путь к нему и его наиболее совершенную форму может указать только Китай. Поэтому-то все достижения международного пролетариата в борьбе за социализм высокомерно перечеркиваются маоистами. Однако, вернувшись к определению современной эпохи как эпохи империализма, Пекин хотел прежде всего подчеркнуть, что война в наше время объективно неизбежна, ибо она неотделима от господства империализма в мире, которое будто бы сохраняется по сей день. При этом главным, самым опасным очагом военной опасности Пекин объявил реальный социализм, социалистическое содружество, чем оказал неоценимую услугу мировому антикоммунизму. X съезд КПК в августе 1973 г. и сессия ВСНП в январе 1975 г. придали законодательный характер курсу пекинского социал-шовинизма на подготовку к войне, главным образом

⁷ См. «Правда», 18.VI.1979.

⁸ См. IX Всекитайский съезд Коммунистической партии Китая (Документы). Пекин, 1969, с. 150.

⁹ См. «Жэньминь жибао», 1.X.1973.

к войне против «северного соседа». Это в особенности сделало позицию Пекина привлекательной для экстремистских кругов империализма и реакции: по существу, он представал перед последними не только как активный политический партнер в то время, но и как военный союзник в перспективе.

Параллельно с общим усилением враждебности к миру социализма и на основе ее Пекин в первой половине 70-х годов активизировал поиски путей к взаимопониманию с Соединенными Штатами. К лету 1971 г. этап взаимного зондирования завершился. 9 июля 1971 г. в Пекин прибыл специальный советник американского президента по вопросам национальной безопасности Г. Киссинджер, который договорился с китайским руководством о визите президента Никсона в КНР.

На крутой поворот в китайско-американских отношениях капиталистический мир, большинство стран которого два десятилетия третировало КНР как агрессора и отказывало ей в законном праве представлять китайский народ в международных организациях, отреагировал быстро и вполне определенно: начался бум дипломатического признания Китая. Уже 26 октября 1971 г. XXVI сессия Генеральной Ассамблеи ООН приняла решение о восстановлении прав КНР в этой организации и одновременном исключении представителей чанкайшистского режима из всех ее органов (за это решение голосовало 76 государств, в том числе все социалистические страны; против голосовало 35, воздержалось 17).

В феврале 1972 г. состоялся официальный визит президента Соединенных Штатов Америки Р. Никсона в Китай. В заключение визита 28 февраля 1972 г. в Шанхае было опубликовано совместное американо-китайское коммюнике. Несмотря на нарочитую расплывчатость формулировок коммюнике, антисоветская направленность договоренностей, нашедших отражение в нем, была вполне очевидна. Как писала позже, 21 августа 1973 г. «Нью-Йорк таймс», «по существу, была заложена политическая основа возможного будущего китайско-американского союза против СССР».

Фактический отказ от антиамериканизма открыл перед пекинскими социал-шовинистами новые возможности для сближения со всей капиталистической системой (уже в первой половине 70-х годов между большинством государств этой системы и КНР были установлены официальные отношения), со всей мировой реакцией на антисоветской, антисоциалистической основе. Как сообщала «Нью-Йорк таймс» 10 октября 1972 г., Чжоу Эньлай признавал, например, что нормализация японо-китайских отношений была бы невозможна, если бы ей не предшествовал сдвиг в китайско-американских отношениях.

Стремясь подтвердить перед США свою надежность как политического партнера, Пекин оказал американскому империализму после визита Никсона немало услуг. В частности, помогая Вашингтону выпутаться из безнадежной грязной войны во Вьетнаме, он начал оказывать давление на ДРВ и Национальный фронт освобождения Южного Вьетнама, с тем чтобы они свернули борьбу против американской агрессии, согласились на сохранение реакционного проимпериалистического режима на юге страны. Уже в 1973 г. Пекин прекратил оказание военной помощи Вьетнаму. Историческая победа вьетнамского народа, неизменно опиравшегося на поддержку социалистического содружества, воссоединение Севера и Юга страны, достигнутое вопреки «советам» Пекина, продемонстрированная в самых критических ситуациях воля вьетнамского руководства проводить независимую политику — все это шло вразрез с великодержавными и проимпериалистическими планами группировки Мао Цзэдуна. И менее чем через неделю после освобождения Сайгона по указке из Пекина войска кампучийского режима совершили нападение на вьетнамские острова Фукуок и Тхочу. Китайские

социал-шовинисты, таким образом, начинали новый тур попыток подчинить своему диктату Вьетнам, открывали фронт непосредственной борьбы против еще одной страны социалистической системы.

В ходе переговоров с президентом Дж. Фордом, находившимся с визитом в Пекине с 1 по 4 декабря 1975 г., китайская сторона усиленно демонстрировала свой антисоветизм, яростно выступала против разрядки, старалась обострить американо-советские отношения. Хотя в заключение визита не было опубликовано никакого совместного заявления, поскольку в тот момент у сторон оказалось слишком много противоречий, в провозглашенной президентом Дж. Фордом после поездки в КНР, Индонезию и на Филиппины новой «тихоокеанской доктрине» тем не менее подчеркивалось, что в столицах всех этих стран признавалась необходимость американского руководства в районе Тихого океана. Таким образом, в середине 70-х годов речь уже шла не об отдельном антисоциалистическом, направленном против интересов всех миролюбивых сил мира фронте маоистов, а о постепенном слиянии его со старым фронтом империализма и реакции, то есть о создании новой расстановки сил в мире, способной усилить опасные иллюзии антикоммунизма повернуть ход истории вспять.

В развернутом виде эта линия Пекина получила отражение в известной «теории трех миров», которая абсолютно игнорирует основное объективное противоречие современной исторической эпохи — противоречие между социализмом и капитализмом, определяющее ход всего мирового развития, и которая призывает к созданию «широчайшего международного единого фронта» под эгидой Китая для борьбы формально якобы против «двух сверхдержав», а фактически исключительно против СССР, против социалистического содружества.

Период 1970—1976 гг. еще более полно и последовательно, чем предыдущий, отразил во внешней политике Китая контрреволюционную суть переворота, совершенного мелкобуржуазно-националистическими силами в пекинском руководстве. Еще откровенней стремясь к великодержавно-гегемонистской цели именно на путях провоцирования международной напряженности, китайские социал-шовинисты все более реверсали Китай в политический, экономический, военный резерв империализма в его борьбе против социализма, а следовательно, и против демократии и против мира на земле. Активизации наиболее экстремистских сил империализма, являющегося главным источником агрессии и войны в современную эпоху, и должен был способствовать практически полный переход Пекина на их сторону по всем кардинальным проблемам современности.

Хотя проимпериализм внешнеполитической позиции маоистского социал-шовинизма в первой половине 70-х годов определился как всеобъемлющая тенденция курса Китая на международной арене, нельзя не отметить, что она развивалась тогда все еще достаточно противоречиво. Давали себя знать левацки-революционаристские элементы в позиции части китайского руководства, которая продолжала противиться по крайней мере полному отказу от антиамериканизма. Неторопливая реакция Запада на приглашение Пекина к альянсу, нацеленному на дестабилизацию ситуации в мире, побуждала правонационалистические силы в китайском руководстве все дальше идти по пути уступок и прислужничества перед империализмом и реакцией. Однако смерть Чжоу Эньляя в январе 1976 г., вторичное отстранение от власти Дэн Сяопина в апреле того же года заметно ослабили позиции правонационалистической группировки, усилили опасения Запада относительно направления возможного развития внутривнутриполитической обстановки в Китае под влиянием оживившейся левацкой фракции пекинского руководства. В результате процесс опасного для народов мира сближения Пекина с империализмом на время застопорился.

Смерть Мао Цзэдуна и устранение его ближайших единомышленников, так называемой левацкой «банды четырех» породили среди друзей китайского народа в мире надежду на позитивные изменения во внешней политике КНР. СССР и другие страны социалистического содружества, последовательно и инициативно проводившие с начала 60-х годов курс на восстановление дружественных отношений с Китаем, предприняли ряд новых шагов в этом направлении. Их инициативы вызвали, однако, резко отрицательную реакцию в Пекине. Более того, преемники Мао Цзэдуна, следуя логике его шовинистического курса, сделали новый, еще более крутой крен вправо, развернув бурную деятельность в целях формирования военно-политического союза с империализмом и реакцией.

Новое руководство Китая еще более усилило акцент на пропаганду тезиса о неизбежности, о неотвратимом приближении глобального термоядерного конфликта. На XI съезде КПК подчеркивалось, что «никакому прочному миру не быть». Новое руководство отбросило все лицемерные отговорки Мао Цзэдуна относительно возможности предотвращения мировой войны с помощью революции. Самое большее, что допускают в Пекине, — это возможность несколько отсрочить войну. Причем такую возможность китайские лидеры еще более откровенно, чем прежде, связывают с борьбой Китая и империалистического лагеря против СССР.

Китайское руководство не только «обосновывает» неизбежность новой мировой войны, но и активнейшим образом работает на нее, усиливает материальную подготовку к войне. Именно в этой связи следует рассматривать сформулированную на XI съезде КПК и I сессии ВСНП 5-го созыва задачу превратить Китай к 2000 г. в могучее государство, которое займет ведущее место в мире. Эту цель намечено достигнуть путем осуществления «четырех модернизаций». Журнал «Хунци» писал по этому поводу: «Мы должны стремиться к тому, чтобы до начала войны закончить всю подготовку к ней. Самой лучшей и наиболее полной подготовкой является осуществление четырех модернизаций»¹⁰.

Поджигательская, провокационная суть позиции пекинского руководства отнюдь не перестала быть таковой из-за того, что в последнее время китайская пропаганда заговорила о мире, о разоружении, а пекинское руководство стало считать приемлемыми для себя переговоры об общем улучшении отношений с СССР. Пекин упорно продолжает распространять империалистическую ложь о мнимой угрозе для капиталистических государств со стороны Советского Союза, Организации Варшавского Договора. При этом он призывает пролетариат капиталистических стран стать в первые ряды подготовки к войне, то есть всемерно поддерживать самые реакционные круги монополистической буржуазии. Пекинские руководители всячески приветствуют гонку вооружений НАТО. Они подвергли резким нападкам новый договор между СССР и США об ограничении стратегических наступательных вооружений, подписанный в Вене в июне 1979 г., упорно пытаются заблокировать предложение о запрещении испытаний ядерного оружия во всех средах. Китайское руководство открыто поддерживает реваншистское требование «воссоединения Германии». Переговоры по вопросам ограничения вооружений и разоружению, проходящие в Женеве и Вене, также попадают под перекрестный огонь пекинской пропаганды. На китайской территории по-прежнему проводятся испытания ядерного оружия в атмосфере. Весьма определенный свет на агрессивную политику китайского руководства проливает стремление Пекина обзавестись нейтронной бомбой.

¹⁰ «Хунци», 1978, № 10, с. 12.

Успехи, достигнутые Советским Союзом и другими государствами социалистического содружества в строительстве социализма и коммунизма, в отстранении дела мира и международной безопасности, все более ограничивают Пекину возможности для борьбы за великодержавно-гегемонистские цели. Пекин боится растущего влияния социализма на международной арене и воздействия его примера на народы мира. Поэтому он ни на минуту не прекращает своей клеветнической враждебной кампании против социалистических стран.

Особенно беспардонно китайское руководство продолжает клеветать на Советский Союз. Оно отвергло важные конструктивные инициативы советской стороны по урегулированию отношений между СССР и КНР. 9 марта 1978 г. Пекин официальной нотой отклонил предложение Президиума Верховного Совета СССР Постоянному комитету ВСНП выступить с совместным заявлением о принципах взаимоотношений между двумя странами, а в апреле 1979 г. заявил о денонсации советско-китайского Договора о дружбе, союзе и взаимной помощи от 14 февраля 1950 г.

С целью ослабить взаимные связи социалистических стран, натравить их друг на друга и отколоть от Советского Союза Пекин продолжает извращать существо углубляющихся интеграционных процессов внутри социалистического содружества, использовать пресловутый «дифференцированный подход» к странам социалистической системы. Ныне китайские лидеры готовы демонстрировать «дружбу», даже восстановить межпартийные связи с любой страной социалистической системы, лишь бы в ее позиции имелось достаточно ясно выраженное негативное отношение к подлинному и тесному сплочению, к единству действий с социалистическим содружеством. С другой стороны, все более действуя как ударная сила империализма и реакции, Пекин ныне особенно разнузданно демонстрирует жесткость своего «дифференцированного подхода» к тем странам системы, которые сравнительно недавно подключились к активной борьбе против контрреволюционной великодержавной идеологии.

В последние дни, вынужденный свертывать свои усилия по разрыву связей и объединению вьетнамских и лаосских народов, Пекин ухудшает отношения с Вьетнамом. Уже в 1978 г. Пекин отказался от помощи Вьетнаму. С 1979 г. Пекин еще шире начал проводить пограничную политику на сухопутной границе, а та

Для осложнения взаимоотношений вьетнамских настроений. Пекинское руководство организовало «массовое бегство» в Кампучию китайцев. Одновременно по указке из Пекина реакционная правящая клика Кампучии резко расширила масштабы пограничной войны против СРВ. После падения кровавого режима Пол Пота — Иенг Сари в Кампучии в январе 1979 г. Пекин еще более усилил собственное давление на Вьетнам.

Во время поездки в США и Японию в январе — феврале 1979 г. Дэн Сяопин в своих многочисленных публичных выступлениях в совершенно великодержавной манере не раз хвастливо обещал «наказать» Вьетнам. 17 февраля, через несколько дней после завершения этого вояжа, китайские войска вторглись на территорию СРВ на всем протяжении китайско-вьетнамской сухопутной границы. В течение целого месяца интервенты бесчинствовали на оккупированной территории Вьетнама.

Используя материальную помощь братских социалистических стран, героический Вьетнам с первых же дней агрессии оказал мощное сопротивление захватчикам. Запланированное в Пекине «усмирение вьетнам-

кина подвергся Вьетнам, американских империалистов. После полного освобождения КНР к нему стало быстро снижаться оказание безвозмездной помощи. Пекин отказался предоставлять кредиты, еще более усилил давление вдоль китайско-вьетнамской сухопутной границы СРВ.

Политика Пекина в СРВ и возбуждения антикитайских настроений. Пекинское руководство организовало «массовое бегство» в Кампучию китайцев.

Одновременно по указке из Пекина реакционная правящая клика Кампучии резко расширила масштабы пограничной войны против СРВ. После падения кровавого режима Пол Пота — Иенг Сари в Кампучии в январе 1979 г. Пекин еще более усилил собственное давление на Вьетнам.

цев» обернулось для него тяжелым и позорным военным и морально-политическим поражением.

Все прогрессивное человечество выступило с гневным протестом против китайской агрессии. Особенно охлаждающим образом на имперские страсти и амбиции Пекина подействовало Заявление Советского правительства от 19 февраля 1979 г. о решимости СССР выполнить свои обязательства по заключенному в ноябре 1978 г. Договору о дружбе и сотрудничестве с СРВ. Эта решимость была вновь подтверждена 1 и 2 марта в выступлениях Л. И. Брежнева и А. Н. Косыгина перед избирателями.

Проявляя добрую волю, вьетнамская сторона предложила Пекину провести переговоры. Первый тур переговоров, имевший место в Ханое в апреле — мае 1979 г., не дал позитивных результатов. Китайская сторона, продемонстрировав единственное желание — продиктовать свои условия Вьетнаму, 18 мая прервала переговоры, предложив продолжить их позже в Пекине. Второй тур переговоров начался в столице КНР в конце июня. Как и в период первого тура, пекинские деятели продолжали выступать с заявлениями о своей готовности еще раз «наказать» Вьетнам.

Ужесточение политики Китая в отношении Вьетнама и Лаоса происходило параллельно разворачиванию им кампании клеветы против Кубы, проводящей последовательную активную антиимпериалистическую политику в тесном союзе с Советским Союзом и другими социалистическими странами.

Если отбросить маоистскую словесную шелуху, то из документов XI съезда КПК и I сессии ВСНП 5-го созыва совершенно четко выступает установка на создание антисоциалистического единого фронта Китая и империалистических государств как первоочередная внешнеполитическая задача преемников Мао Цзэдуна. Главным партнером по «единому фронту» против «главного врага» — Советского Союза — они, безусловно, считают Соединенные Штаты.

Опасные планы правящих кругов США разыграть «китайскую карту» и не менее опасные расчеты Пекина использовать «американскую» и в целом «империалистическую карту» создают критическую ситуацию в мире. Конечно, Запад, включая США, надеется поживиться на китайском рынке. Но пока потенциальные, зачастую мифические возможности этого рынка обретут реальность для империалистических стран, Китай успеет стать могучей военной державой, использовав в узкой военно-промышленной сфере техническую, финансовую поддержку последних и широкие торговые связи с ними. Безответственная позиция правящих кругов Запада, их своекорыстное подыгрывание великодержавно-милитаристским амбициям Пекина чревата осложнениями не только для социалистических сил мира. Именно на это указал Л. И. Брежнев в ответах на вопросы американского журнала «Тайм» в январе 1979 г.: «...Расчеты использовать набравший силу пекинский режим как орудие политики НАТО, канализировать его воинственные устремления в угодном Западу направлении — это, простите меня, не более чем самонадеянная наивность. Достаточно вспомнить, чем закончилась для западных держав та же мюнхенская политика»¹¹.

Рассматривая империалистические державы как главную силу, которую можно использовать в борьбе за свои цели, Пекин давно уже в принципе подчинил свою политику в отношении зоны развивающихся стран стратегической задаче всестороннего сближения и тесного военно-политического блокирования с империализмом. Вполне закономерно, что следствием этого явилась великодержавная линия Пекина на преимущественную поддержку реакционных, проимпериалистических

¹¹ «Правда», 16.I.1979.

режимов в странах указанной зоны, на усиление прямых враждебных действий против национально-освободительных движений.

Проимпериалистическая линия Пекина в отношении зоны развивающихся стран, в общих чертах определившаяся еще при жизни Мао Цзэдуна и Чжоу Эньлая, приобрела в последние два-три года предельную четкость. Суть этой линии проявляется в стремлении Пекина всемерно содействовать восстановлению и развитию отношений бывших колоний и полуколоний с бывшими колониальными метрополиями, а также с Соединенными Штатами, то есть в стремлении поддержать неоколониалистские усилия империализма, действия местной проимпериалистической реакции зоны развивающихся стран.

Соответственно такой роли Пекина его собственные великодержавные амбиции реализуются в этой зоне в основном лишь как побочный результат империалистического неоколониализма. На данном этапе это, очевидно, вполне устраивает преемников Мао Цзэдуна. Они явно предпочитают весьма проблематичной, как показало время, перспективе завоевания собственной сферы влияния в так называемом «третьем мире» более реальную перспективу активного участия в едином фронте с империализмом для борьбы с силами мира, демократии и социализма. В рамках этого фронта они прежде всего надеются обеспечить более быстрое превращение Китая в мощное милитаристское государство, которое будет способно материальной силой подкрепить свое желание заполучить сферу влияния в мире, в том числе в зоне развивающихся стран.

* * *

Уроки 30-летней истории внешней политики КНР в высшей степени поучительны. Международные социалистические и другие антиимпериалистические силы не могут не сделать на их основе полезные для себя выводы.

Если в 50-е годы Китай действительно закладывал фундамент социалистического общества, руководствуясь марксизмом-ленинизмом, то и его внешняя политика была подчинена этой задаче, опиралась на социалистические принципы и цели. Сплочение и сотрудничество со странами мировой социалистической системы во имя защиты революционных завоеваний китайского народа, во имя утверждения социалистического общества на китайской земле, во имя упрочения международного фронта борьбы против империализма, за социальный прогресс и национальное освобождение народов, за мир на планете закономерно были альфой и омегой курса Китая на международной арене. В 50-е годы практически не было ни одного сколько-нибудь существенного аспекта строительства народного Китая и его борьбы за упрочение своего положения в мировой системе государств, который так или иначе, но всегда самым тесным образом не был бы связан с помощью братских стран, в первую очередь СССР, с сотрудничеством Китая с миром социализма.

На путях научного социализма коренная проблема КНР — проблема модернизации, превращения Китая в современное развитое государство, решалась весьма быстрыми темпами. Совместными усилиями Китая и братских стран под формирующимся социалистический базис успешно подводилась прочная материально-техническая основа.

С конца 50-х годов китайское руководство под влиянием идеологии маоизма предприняло попытки найти иные, противоречащие научному социализму, пути ускоренного развития экономического потенциала страны. И то, что по сей день оно все еще планирует «модернизацию», убедительно свидетельствует о порочности избранных им путей. За два десятилетия изоляции от мира социализма и враждебности к нему Пекин не сумел добиться сравнимых с успехами первой пятилетки сдвигов в экономическом строительстве.

Можно, конечно, предвидеть, что, используя связи с империализмом, нынешнее китайское руководство сумеет как-то оживить индустриальное развитие страны. Но такое развитие, определяемое взаимодействием внутренних мелкобуржуазных социал-шовинистических и внешних капиталистических сил, возникшим и крепнувшим на базе общей вражды к реальному мировому социализму, по своему социальному содержанию и последствиям противоположно интересам китайского рабочего класса, всех китайских трудящихся, духу эпохи. В указанном взаимодействии сфокусировано непримиримое противоречие между политикой маоизма и тенденцией социалистического развития Китая. Более того, в этом взаимодействии ныне очевидным становится тот факт, что идеология и политика маоизма с его великодержавно-гегемонистскими целями все шире открывает двери для неокOLONиалистской политики империализма в отношении Китая.

Внешняя политика точно и глубоко отражает характер социальных интересов, идеалов и целей государства. Любые существенные перемены в нем сразу же соответствующим образом сказываются на позиции государства в международных делах. В современных условиях, как показала эволюция внешней политики КНР, вернейшим симптомом нездорового развития страны, ставшей на социалистический путь, является нарушение ее руководством, и тем более открытое отрицание принципов интернационалистского отношения к странам развитого социализма, к социалистическому содружеству, необходимости самой последовательной солидарности с ними как высшего интернационального долга, как обязательного и в конечном счете решающего условия победы дела рабочего класса в данной стране.

Превращение внешней политики КНР из конструктивного фактора мирового развития в деструктивный фактор, все более содействующий классовым целям мировой буржуазии, протекало на протяжении последних двух десятилетий в условиях новых побед международных сил социализма, демократии и мира. Еще более окрепло и расширилось социалистическое содружество. Сплоченней стало международное коммунистическое движение, возрос накал классовых битв пролетариата в капиталистическом мире. Новые победы одержаны народами ряда стран Азии, Африки и Латинской Америки в борьбе за независимость от империализма, за социальный прогресс. Очевидны достижения борьбы за мир, за углубление процесса разрядки, чрезвычайно важным элементом которого явилось подписание советско-американского Договора ОСВ-2, способного дать новый импульс оздоровлению международной атмосферы.

Все это свидетельствует о том, что, несмотря на превращение Китая в резерв и в прямого военно-политического союзника империализма, соотношение сил в мире осталось в пользу дела прогресса и мира.

Это, однако, не дает оснований для успокоения, особенно когда речь идет о самой жгучей и актуальной проблеме наших дней — о мире. Нарушить его, поставить человечество на грань термоядерной катастрофы может не обязательно самый сильный в военном отношении враг разрядки. Опаснейшим нередко оказывается не сильнейший, а наиболее безрассудный. Гитлеровская Германия, развязывая вторую мировую войну, отнюдь не была сильнее всех среди империалистических держав. Однако именно в этой стране сложилось самое авантюристическое и безответственное руководство, действовавшее в соответствии с шовинистическими, гегемонистскими идеями гитлеризма, который закономерно вылился в политику агрессии и войны.

Маоизм, как неопровержимо показали последние два десятилетия, — это идеология и политика великодержавия, шовинистического стремления к мировому господству, а следовательно, идеология и политика агрессии и войны.

Оставаясь руководством к действию для правителей крупного государства, к тому же обладающего определенным и усиленно наращиваемым ракетно-ядерным потенциалом, маоизм все более превращает Китай в самый опасный источник угрозы миру на земле. Опасность эта может оказаться тем большей, чем теснее станет взаимодействие пекинских милитаристов с родственными им по духу империалистическими поджигателями войны. К сожалению, доказательства развития такого взаимодействия становятся все более многочисленными, все более настораживающими.

Чрезвычайная опасность, создаваемая для дела мира и социального прогресса политикой маоистского социал-шовинизма, закономерно превращает эту политику в один из главных объектов борьбы миролюбивых сил всех стран. Своими скоординированными и неустанными действиями они способны заставить Пекин занять более разумную позицию, подобно тому как сумели принудить империализм к миру, мирному сосуществованию.

Сейчас для международных сил прогресса и мира, для всех народов, в том числе китайского, для всего, что есть разумного в человечестве, не может быть задачи важнее, чем срыв заговора маоистов и воинствующих кругов империализма против мира. Самая широкая мобилизация международных сил и активизация их скоординированных действий в рамках этой задачи были бы не только гарантией ее успешного решения, но самой существенной помощью китайскому народу, уже свыше двух десятилетий вынужденному растрачивать свои колоссальные материальные и духовные потенции на чуждые его подлинным социальным и национальным интересам цели.

Япония 70-х годов: обострение внутривнутриполитической борьбы

*В. Н. Хлынов,
доктор экономических наук*

Текущие, 70-е годы положили начало не только новому этапу экономического развития Японии — этапу небывалых трудностей и потрясений в экономике страны, но и серьезным изменениям во внутривнутриполитической жизни японской нации. И это не случайно. Будучи концентрированным выражением экономики, политика вообще и внутривнутриполитическое положение в частности не могут не отражать сложные и противоречивые процессы социально-экономического развития современного буржуазного общества. Высокие темпы роста экономики сменились, как известно, самым глубоким в послевоенной истории страны экономическим кризисом 1974—1975 гг., а затем необычно затяжным периодом восстановления. Столь резкие катаклизмы в экономике не могли не вызвать обострения внутривнутриполитических проблем.

Основным фактором, определяющим внутривнутриполитическое развитие Японии в 70-е годы, является ослабление политических позиций правящей Либерально-демократической партии, представляющей интересы монополистического капитала, и рост авторитета оппозиционных сил, особенно левой оппозиции, отстаивающей интересы широких трудящихся масс. Конкретно это проявляется в серьезном обострении борьбы за политическую власть как в центре, так и на местах, в настойчивых усилиях прогрессивных сил добиться создания демократического коалиционного правительства, которое могло бы заменить нынешнее однопартийное правительство консерваторов и осуществить в стране коренные социальные преобразования. Речь идет, таким образом, о назревании качественных перемен во внутривнутриполитической структуре японского общества.

Особенности внутривнутриполитической структуры и расстановка политических сил в стране

Существующая внутривнутриполитическая структура Японии изображается правящими кругами страны как «парламентская демократия». Эксплуатируемые ими в связи с этим доктрины призваны создать у широкой общественности иллюзию надклассового характера политики. Показательны в этом отношении попытки доказать наличие в Японии некоей «диффузии политической власти», которая якобы проявляется в том, что современным японским государством правит не какая-то определенная господствующая сила, а все слои японского общества, включая и трудящиеся массы страны¹.

¹ В редакционной статье «Кто правит Японией? Структура власти без руководства» журнал «Ориентал экономист», например, утверждает: «Ответ на поставленный вопрос кажется довольно простым: Либерально-демократическая партия, правительство и крупный бизнес. Однако мы не уверены в этом. Трудность определения того, где, на каком уровне осуществляется реальная власть, представляет собой уникальную особенность Японии» («The Oriental Economist», January, 1976, p. 10).

Бесспорно, деятельность демократических сил страны, и прежде всего борьба рабочего класса, оказывает определенное, порой даже довольно существенное влияние как на выработку отдельных политических мероприятий правящих кругов, так и на общий характер внутренней политики. Однако пока страной правит монополистическая буржуазия, внутривнутриполитический курс Японии в конечном итоге определяется и будет определяться именно этой незначительной по численности, но сосредоточившей в своих руках огромную власть эксплуататорской элитой.

Непосредственным проводником политики японских монополий является Либерально-демократическая партия (ЛДП), созданная в ноябре 1955 г. в результате объединения консервативных сил. Идеологической основой ЛДП является антикоммунизм. С целью привлечь к себе трудящихся она включила в свою программу лозунг о стремлении к «государству всеобщего благосостояния».

В основе всей деятельности ЛДП лежит ее неразрывная связь с крупным бизнесом и высшей бюрократией, то есть своеобразный «тройственный союз», сцементированный общностью классовых интересов его участников. Как подчеркивают прогрессивные японские ученые, определяющим во взаимоотношениях ЛДП и монополистического капитала является предоставление ей последним огромных денежных средств в качестве так называемых политических пожертвований. Широкое распространение такого финансирования не скрывают и буржуазные ученые. «Финансовая поддержка консервативных партий со стороны большого бизнеса, — отмечают авторы вышедшего в США коллективного труда, посвященного Японии, — так же естественна, как и непреложна. Одни и те же ценности и совместные интересы объединяют бизнесменов и консервативных политиков в систему взаимопонимания, пронизывающую собой весь послевоенный период»².

Указанная «поддержка» действительно охватывает все: она простирается от финансирования выборов до выделения средств для повседневной деятельности каждого консервативного политического деятеля. Для того чтобы завуалировать этот подкуп, создана целая сеть посреднических организаций, которые официально имеют общественный характер и якобы от имени «общественности» открыто финансируют ЛДП. Крупнейшей из них является так называемая Народная политическая ассоциация, через которую в кассу партии поступает половина всех «политических пожертвований».

На протяжении более чем двух десятилетий, со времени ее основания до середины 70-х годов, ЛДП сравнительно прочно удерживала политическую власть в своих руках и практически беспрепятственно осуществляла монопольное управление государством. Относительная прочность политического господства партии монополистического капитала была обусловлена действием целого ряда благоприятно сложившихся для нее объективных и субъективных факторов. Среди наиболее важных из них необходимо отметить прежде всего долговременную высокую экономическую конъюнктуру в стране. Используя мощный аппарат массовой пропаганды, Либерально-демократическая партия могла в этих условиях неизменно выдавать себя за главного организатора ряда позитивных изменений в жизни трудящихся, что способствовало росту ее авторитета. В пользу ЛДП действовал и тот факт, что оппозиционные партии страны не располагали достаточно конкретными конструктивными экономическими программами, которые могли бы быть противопоставлены политике правящей партии. ЛДП умело использовала фракционность в своих рядах: поочередный приход к власти различных группировок создавал впечатление «учета критики», корректировки допущенных

² Asia's New Giant. Washington, 1976, p. 759.

просчетов, что приукрашивало «лик партии», приглушало недовольство масс и обеспечивало продолжение ее господства.

Однако уже во второй половине 60-х годов началось постепенное ослабление политических позиций ЛДП. Это проявилось, в частности, в неуклонном падении ее влияния как в парламенте, так и в местных органах власти. Кульминационными моментами этого процесса явились поражения ЛДП на всеобщих выборах в нижнюю палату парламента в декабре 1976 г. и в верхнюю палату в июле 1977 г., когда партия впервые за всю историю своего существования получила меньше половины депутатских мест.

Падение политического влияния ЛДП было вызвано и ухудшением экономической обстановки, и выходом из-под контроля фракционных противоречий, и беспрецедентным распространением внутри нее коррупции. Наиболее ярким проявлением последней явился разразившийся незадолго до всеобщих выборов 1976 г. грандиозный скандал, связанный с получением руководителями ЛДП крупных взяток от американской авиационной компании «Локхид» за обеспечение ей заказов в Японии. В скандале оказались замешанными тогдашний президент ЛДП и премьер-министр Японии К. Танака, генеральный секретарь Т. Хасимото и многие другие.

В такой обстановке в июне 1976 г. из ЛДП демонстративно вышла группа сравнительно молодых членов парламента во главе с Ё. Коно. Несмотря на малочисленность группы, ее откол еще больше обострил кризис ЛДП. Вышедшие образовали так называемый Новый либеральный клуб (НЛК) — политическую организацию, выступающую за «новую консервативную политику». Однако, несмотря на то, что НЛК довольно резко критикует ЛДП за коррупцию и «разрушение системы либерализма», новая политическая организация принципиально не отличается от ЛДП, ее программа близка к программе последней. Как и ЛДП, НЛК стоит на антикоммунистических позициях защиты «свободного общества» и интересов крупного капитала. «Цель НЛК, — отмечал орган японских коммунистов, журнал «Дзэнъэй», — заключается в продолжении политики ЛДП более тонкими, завуалированными средствами при определенном учете требований и настроений народных масс»³. Характерно заявление председателя НЛК Ё. Коно, сделанное им сразу же после выборов в нижнюю палату парламента: он открыто признал, что основная цель создания НЛК состояла в том, чтобы привлечь избирателей, разочаровавшихся в политике ЛДП, и не дать им перейти в лагерь левой оппозиции. Другими словами, НЛК представляет собой неотъемлемую часть консервативного лагеря.

Правящей Либерально-демократической партии противостоит далеко не однородный оппозиционный лагерь, состоящий из ряда политических партий и многочисленных политических групп самого различного направления.

Наиболее серьезный вызов ЛДП исходит от левой оппозиции. Она представлена прежде всего Коммунистической партией Японии (КПЯ). Созданная в июле 1922 г., прошедшая нелегкую школу героической борьбы против японского фашизма и империализма, эта партия длительное время находилась на нелегальном положении. Сразу же после разгрома японского милитаризма во второй мировой войне КПЯ вышла из подполья и стала в авангарде борцов за классовые интересы трудящихся.

В настоящее время КПЯ насчитывает около 400 тыс. членов. Большое значение для усиления авторитета партии среди широких трудящихся масс имеет разветвленная сеть партийной печати. Общий тираж только одного центрального печатного органа, газеты «Ака-

³ «Дзэнъэй», 1977, № 3, с. 107.

хата» (ежедневного и воскресного выпусков), превышает 3,2 млн. экземпляров.

Как указывается в Уставе КПЯ, «Коммунистическая партия Японии является передовым отрядом японского рабочего класса, высшей классовой организацией среди различных организаций рабочего класса»⁴. Отсюда вытекает и главная цель, за осуществление которой ведут борьбу японские коммунисты. «Цель Коммунистической партии Японии, — подчеркивается в Уставе, — состоит в том, чтобы освободить рабочий класс и народ Японии от эксплуатации и гнета, построить в Японии социалистическое общество и затем создать высший тип общества — коммунизм»⁵.

Стремление к этой цели подтверждено в «Декларации свободы и демократии», принятой XIII, внеочередным съездом в 1976 г. В ней, в частности, отмечается, что партия выступает за построение «независимой, демократической Японии путем осуществления антиимпериалистической демократической революции, за продвижение к социалистической Японии путем осуществления социалистической революции, а в конечном счете — за построение коммунистического общества»⁶.

Влиятельной партией левой оппозиции является Социалистическая партия Японии (СПЯ), созданная в ноябре 1945 г. В отличие от ряда других социал-демократических и рабочих партий, СПЯ стоит на позициях классовой борьбы и отстаивает принцип пролетарской солидарности. В целом политическая платформа СПЯ носит антимонаполистический и антиимпериалистический характер.

Располагая наибольшим после ЛДП числом депутатских мест в японском парламенте, СПЯ представляет собой серьезную силу в парламентской оппозиции. Как в центре, так и на местах СПЯ тесно сотрудничает с крупнейшим профцентром страны — Генеральным советом профсоюзов Японии (СОХИО). Число членов СПЯ составляет около 50 тыс. человек. Большинство из них — профсоюзные активисты.

Своей основной целью СПЯ провозглашает построение в Японии социалистического общества. В ее программе (принята в 1955 г.) говорится: «Основная задача нашей партии состоит в том, чтобы в соответствии с нынешним этапом развития японского капитализма и историческими условиями мирным демократическим путем преобразовать нынешнее капиталистическое общество и с помощью так называемой мирной революции создать социалистическое общество»⁷.

Конкретные пути и методы перехода к социализму сформулированы в программном документе — «Путь к социализму в Японии». В нем отмечается: «Имея в виду, что переход к социализму будет осуществляться постепенно, необходимо обеспечение по крайней мере следующих основных мероприятий: 1) полное овладение прогрессивными силами важнейшими органами государственного управления, подчинение административного аппарата, полиции и других органов; 2) ликвидация американского засилья; 3) социалистическая перестройка основных отраслей промышленности и 4) обеспечение руководства рабочего класса и нашей партии внутри большинства антиимпериалистических и демократических группировок и превращение демократического большинства в социалистическое большинство»⁸.

Будучи членом социалистического Интернационала и имея связи со многими социал-демократическими партиями мира, СПЯ одновременно

⁴ «VII съезд Коммунистической партии Японии». М., 1959, с. 435.

⁵ Там же.

⁶ «Дзэнъэй», 1976, № 400 (спец. вып.), с. 64.

⁷ Нихон сякайто но сандзюупэн (Тридцать лет СПЯ). Токио, 1976, с. 727.

⁸ Нихон-ни окэру сякайсюги-э-но мити (Путь к социализму в Японии). Токио, 1974, с. 50.

поддерживает контакты с КПСС и другими коммунистическими и рабочими партиями.

Промежуточное положение между консерваторами, с одной стороны, и партиями левой оппозиции — с другой, занимают политические партии так называемого среднего пути — Партия демократического социализма и Партия чистой политики.

Партия демократического социализма (ПДС), созданная в январе 1960 г. группировками, вышедшими из рядов СПЯ, объединяет правых социал-демократов. Ее социальной базой является мелкая и средняя буржуазия. Партия опирается также на правореформистский профцентр — Японскую федерацию профсоюзов (Домэй). Число членов партии — около 40 тыс. человек.

В программе ПДС утверждается, что она не является классовой партией, а представляет собой «народную партию, признающую интересы самых различных социальных групп и в то же время всей нации в целом»⁹. Отсюда — крайняя противоречивость целей, которые ставит перед собой ПДС. Провозглашая курс «на построение социалистического общества» и «преодоление капитализма», партия вместе в тем выступает «против национализации ради национализации», то есть фактически за сохранение частной собственности. Стремясь примирить интересы различных классов капиталистического общества, ПДС отрицает необходимость коренных революционных преобразований. Единственным приемлемым путем «обеспечения социального прогресса» она считает «путь реформ». При этом ПДС всячески подчеркивает, что социализм, к которому она стремится, имеет особый, «демократический» характер и отличается от существующего реального социализма «подлинным гуманизмом».

Формально ПДС находится в оппозиции к ЛДП. Фактически же, лавируя между демократическими и консервативными силами и создавая тем самым серьезные трудности в демократическом лагере страны, она по многим важным политическим вопросам поддерживает правящую партию, часто блокируется с ней. В последние годы это снискало ей незавидную славу: ПДС нередко именуют «второй ЛДП».

Партия чистой политики (Комэйто) создана в ноябре 1964 г. последователями буддийской организации Сока-гаккай (Общество установления ценностей), насчитывающей около 15 млн. членов в Японии и имеющей своих сторонников во многих странах Америки, Европы, Азии и Африки.

Костяк партии составляют члены этого общества. Созываемые ежегодно съезды, представляющие высший орган партии, проходят формально, ограничиваясь утверждением решений, подготовленных партийным руководством. Число членов партии — 141 тыс. человек.

Политические цели и лозунги Комэйто туманны, противоречивы и эклектичны. Своей главной целью партия провозглашает построение «общества благоденствия» на основе «гуманного социализма» и трех главных принципов — соблюдения прав человека, суверенитета нации и пацифизма. «Наша партия, — говорится в программе Комэйто, — на основе гуманного социализма учредит экономическую систему, которая гарантирует ответственную и свободную экономическую деятельность и справедливое распределение ее результатов, имеет целью построить общество благосостояния, в котором осуществится как процветание всего общества, так и счастье отдельной личности»¹⁰. Достижение этой цели мыслится исключительно путем социальных реформ, которые должны быть осуществлены «прогрессивной коалиционной властью среднего

⁹ This is Minshuto. Tokyo, 1972, p. 11.

¹⁰ С. Хироюки. Нихон-но сэйто корё (Программы японских политических партий). Токио, 1977, с. 293.

пути». Под «гуманным социализмом» имеется в виду такое общество, при котором каждому человеку «будет гарантировано право частной собственности, а прогрессивные налоги на недвижимость и наследство устранят неравенство при распределении богатств»¹¹. Претендуя на роль «народной партии» и учитывая рост недовольства масс капиталистическими порядками, Комэйто довольно резко обличает пороки капитализма. Однако дело ограничивается лишь обличением. Партия не выступает за коренные социальные преобразования. Предлагаемые ею реформы не затрагивают основ капиталистического строя.

Неотъемлемой частью современной внутриполитической структуры Японии являются многочисленные ультраправые и ультралевые организации. Несмотря на относительную малочисленность их членов, они играют известную роль в политической жизни страны и часто используются японской реакцией для борьбы против демократических сил.

В последние годы, стремясь преодолеть серьезные внутренние трудности, многие ультраправые и ультралевые организации, несмотря на идеологические различия, ищут пути к взаимному сближению и блокированию.

Таким образом, главными противниками правящей Либерально-демократической партии выступают партии левой оппозиции в лице КПЯ и СПЯ. Именно между ЛДП, с одной стороны, и этими партиями — с другой, разворачиваются сегодня упорные классовые бои по всем важнейшим вопросам внутриполитического развития японской нации.

Усиление конфронтации демократического и реакционного лагерей по важнейшим внутриполитическим проблемам

Пошатнувшееся влияние ЛДП и ослабление ее позиций на политической арене создало новую внутриполитическую ситуацию в Японии. В отличие от предыдущих лет, когда ЛДП прочно удерживала власть в своих руках, создалась обстановка, объективно благоприятная для широкого и интенсивного наступления демократических сил. Реальное звучание приобрел вопрос о возможности замены однопартийного правления либерал-демократов коалицией оппозиционных партий. ЛДП, оказавшись в обороне, приложила максимум усилий, чтобы сохранить свое господство. В результате конфронтация демократического и реакционного лагерей приобрела небывало острый характер. Затрагивая важнейшие вопросы внутриполитического развития японской нации, она концентрируется, в частности, вокруг таких важных проблем, как борьба за большинство в парламенте и местных органах власти и борьба против изъятия из японской конституции демократических завоеваний народа.

Представление о развитии борьбы за парламентские места дают результаты всеобщих выборов, особенно выборов в нижнюю палату — главную законодательную инстанцию страны. Если до выборов 1967 г. за ЛДП голосовало более половины всех избирателей (57,6% в 1960 г. и 54,7% в 1963 г.), то позднее она на каждых выборах получала менее 50% всех голосов. На выборах в 1976 г. за нее проголосовало лишь немногим более $\frac{2}{5}$ (41,8%) всех принимавших в них участие. Даже с учетом голосов, полученных отделившимся от ЛДП Новым либеральным клубом (4,2%), общее число избирателей, проголосовавших за консерваторов, составило 46%.

Таким образом, начиная с выборов 1967 г. более половины всех избирателей отдают свои голоса различным оппозиционным партиям стра-

¹¹ «Комэй», 1976, № 9, с. 38.

ны, противостоящим ЛДП. Особенно заметны успехи коммунистов. С 1960 по 1976 г. абсолютное число голосующих за КПЯ избирателей увеличилось более чем в 5 раз (с 1156 тыс. до 5878 тыс.), а их относительная доля — более чем в 3,6 раза (с 2,9 до 10,5%). Что касается СПЯ, то за нее голосует каждый пятый избиратель, то есть наибольшее после ЛДП число участников выборов. Абсолютный рост числа голосующих за нее избирателей (с 10 887 тыс. в 1960 г. до 11 713 тыс. в 1976 г.) не был значительным, а относительная доля поданных за партию голосов сократилась (с 27,5% в 1960 г. до 20,7% в 1976 г.).

Рассматриваемый период не принес особых успехов ПДС с ее курсом «среднего пути». С 1960 по 1976 г. число голосующих за нее избирателей практически не изменилось, замерев на уровне 3,5 млн. человек. Относительное же число завоеванных ею голосов снизилось почти в полтора раза (с 8,8 до 6,3%).

Некоторых успехов добилась вторая партия «среднего пути» — Ко-мэйто. В 1976 г. по сравнению с ее первыми выборами в 1967 г. число поданных за нее голосов увеличилось примерно в 2,5 раза (с 2472 тыс. до 6177 тыс.). Их относительная доля за указанные годы выросла вдвое (с 5,4 до 10,9%).

О резком обострении парламентской борьбы свидетельствует и динамика распределения депутатских мест в нижней палате. На протяжении рассматриваемого периода, если не считать выборы 1969 г., число депутатских мандатов, которыми располагала ЛДП, неуклонно падало. В результате всеобщих выборов 1976 г. это падение достигло критически низкого уровня. Впервые за всю послевоенную историю страны либерал-демократы, как отмечалось выше, получили здесь меньше половины всех депутатских мандатов. Напротив, влияние оппозиционных партий в нижней палате заметно возросло. В результате после выборов 1976 г. консерваторы вынуждены были серьезно потесниться в постоянных комиссиях нижней палаты, которые играют важную роль в принятии законов и формируются пропорционально числу парламентских мест, принадлежащих той или иной партии. Оппозиционные партии имеют теперь в этих комиссиях почти столько же своих представителей, сколько и либерал-демократы. В восьми из них большинство принадлежит ЛДП, а в семи, включая и крайне важную бюджетную комиссию, — оппозиции. В одной комиссии силы равны. Из 16 постоянных комиссий 4 возглавляются представителями оппозиционных партий. Это дает возможность последним оказывать определенное влияние на судьбу законопроектов, а следовательно, и на решение внутривнутриполитических проблем. Главное же заключается в том, что ЛДП уже не в состоянии обеспечить своими силами в нижней палате парламента $\frac{2}{3}$ голосов, которые необходимы для пересмотра конституции, к чему стремится реакция с целью ограничения завоеванных народом в первые послевоенные годы демократических прав и свобод. Даже с учетом отколовшихся от партии парламентариев — членов НЛК и некоторых независимых депутатов, присоединившихся к ЛДП, она может рассчитывать лишь на крайне неустойчивое большинство.

Не менее острая борьба между демократическими и реакционными силами страны развернулась и за верхнюю палату парламента. Положение ЛДП здесь заметно ухудшилось в результате серьезного поражения на выборах в июле 1977 г. Они окончательно подтвердили, что влияние партии монополистического капитала среди широких масс избирателей неуклонно падает. Если на предыдущих выборах в верхнюю палату (1974) за ЛДП проголосовало 44,3% всех избирателей, то в 1977 г. она получила лишь 35,8% всех голосов. Другими словами, почти $\frac{2}{3}$ избирателей отдали свои голоса оппозиции. Вместо прежних 126 мест либерал-демократы получили 124 мандата, то есть менее половины всех мест. Они не набрали даже минимума мандатов, необходимого для про-

ведения через эту палату какого бы то ни было законопроекта. Лишь присоединение к ЛДП после выборов трех независимых депутатов позволило сохранить ей здесь мизерное большинство.

Ухудшение парламентских позиций ЛДП вызывает серьезные опасения как в самой партии, так и у крупного бизнеса. Орган японской элиты журнал «Сэнтаку» с сожалением констатировал: «В результате выборов в нижнюю палату парламента в декабре 1976 г. и в верхнюю в июле 1977 г. эра длительного однопартийного правления ЛДП практически кончилась»¹².

Правящие круги, представители монополистического капитала заговорили о неизбежности вступления ЛДП в коалицию с оппозиционными партиями «среднего пути», и прежде всего с ПДС. Одновременно появилась идея создания при необходимости еще одной консервативной политической партии, которая бы оспаривала власть у ЛДП, то есть возможность учреждения в Японии двухпартийной системы наподобие американской. Выражая эти настроения, газета «Ёмиури» писала: «Необходимо иметь правящую и оппозиционную партии, которые, как в США, не расходясь сильно во взглядах, могли бы поочередно приходить к власти без осуществления каких-либо серьезных изменений...»¹³ Одной из попыток осуществления этих планов явилось создание в июле 1976 г. «Общества размышляющих о новой Японии», в которое вошли представители Комэйто, ПДС, а также один из правореформистских деятелей СПЯ С. Эда, который позже вышел из этой партии. В статье, посвященной характеру этой политической группы, японский ежемесячник «Гэндай-но мэ» писал: «Ни у кого нет сомнения, что эта организация имеет целью стать преемником ЛДП в случае окончательной утраты последней монополии политической власти»¹⁴. Однако эта попытка не увенчалась успехом. Вскоре после его создания указанное общество перестало существовать.

В этих условиях особенно большое значение приобретает необходимость дальнейшего укрепления и расширения влияния партий левой парламентской оппозиции в лице КПЯ и СПЯ. Располагая более чем 1/4 мест в нижней и верхней палатах парламента, эти партии, естественно, оказывают серьезное влияние на выработку внутривластного курса страны. Однако, не добившись хотя бы 1/3 всех депутатских мест, они не в состоянии противостоять наиболее реакционным маневрам ЛДП, а тем более совместным атакам консервативной коалиции в стенах парламента.

Одновременно с борьбой за парламент все более острые формы принимает соперничество демократических и реакционных сил за усиление позиций в местных органах власти. Однопартийному правлению ЛДП и здесь нанесен серьезный удар. Несмотря на то что в ходе последних объединенных выборов, состоявшихся в апреле текущего, 1979 г., ЛДП удалось привлечь на свою сторону ПДС и Комэйто и лишь в результате этого добиться известных успехов, ее позиции в местных органах власти далеки от безраздельного господства. Весьма показательны, что более 3/4 всех депутатов местных органов власти составляют независимые. Большинство избирателей на местах разуверились в правящей партии, и в этих условиях консерваторы не рискуют выступать под знаменем ЛДП, а предпочитают действовать под вывеской независимости.

Значительно расширилось в местных органах власти представительство КПЯ. В результате указанных выборов число коммунистов — депутатов муниципальных собраний выросло с 3328 до 3555 человек. В настоящее время общее число депутатов КПЯ и СПЯ во всех местных

¹² «Сэнтаку», 1978, № 2, с. 8.

¹³ «Ёмиури симбун», 10.VI.1976.

¹⁴ «Гэндай-но мэ», 1976, № 9, с. 222.

органах власти превысило 7 тыс. человек, что составляет почти 10% общего числа депутатских мест.

Обостряется борьба между силами демократии и реакции вокруг японской конституции. Принятая в 1947 г. под давлением прогрессивной японской и мировой общественности, она впервые в истории Японии провозгласила основные демократические права и свободы народа, включая всеобщее избирательное право, свободу мысли, слова, печати, собраний, демонстраций, право на труд, образование, создание организаций и т. д. Большое значение имеет ее 9-я статья, провозглашающая отказ Японии от войн и милитаризации страны.

Представляя собой главную правовую основу борьбы прогрессивных сил страны в защиту демократических порядков, ныне действующая японская конституция является серьезным препятствием на пути японской реакции, стремящейся ликвидировать значительную часть завоеваний народа. В связи с ослаблением политического влияния правящего лагеря эти стремления заметно усилились.

Основные удары японская реакция направляет против 9-й статьи, не скрывая своих намерений аннулировать ее. Силы японской демократии решительно выступают против этих опасных намерений. Прямое отношение к борьбе за сохранение 9-й статьи имеет и борьба за ликвидацию японо-американского «договора безопасности» — военно-политического союза американского империализма и японской реакции, на основе которого Япония может быть вовлечена в авантюры США в Азии и который одновременно нацелен на поддержку консервативных сил внутри страны. В рамках этой борьбы силы японской демократии решительно требуют ликвидации на территории страны американских военных баз, вывода из Японии американских войск, прекращения захода в японские порты американских атомных подводных лодок и кораблей. Они противостоят также опасным планам японской реакции, направленным на усиление так называемых сил самообороны, созданных в нарушение конституции. Одновременно с усилением «сил самообороны» японская реакция вынашивает планы введения в стране всеобщей воинской повинности, создания «резервного оборонительного корпуса» численностью 1 млн. человек, учреждения «системы гражданской обороны». Ведется также подготовка антиконституционных «законов военного времени».

Все более широкий размах приобретает движение за мир, принимающее самые разнообразные формы.

Уже более 30 лет подряд, ежегодно 6 и 9 августа японские сторонники мира проводят широкие антивоенные выступления в связи с варварскими актами недалекого прошлого — американскими атомными бомбардировками Хиросимы и Нагасаки. В 1977 и 1978 гг., в дни годовщины этих трагических событий, унесших жизни 370 тыс. японцев, указанные выступления носили особенно мощный размах и массовый характер. Это объяснялось тем, что после довольно длительного раскола в японском движении за мир японские сторонники мира объединили свои ряды и выступили единым фронтом. Накануне мемориальных дат в стране состоялись традиционные марши мира, прошедшие по дорогам подавляющего большинства японских префектур и завершившиеся в Хиросиме и Нагасаки. Чрезвычайно важное значение имела также состоявшаяся в августе 1977 г. в Хиросиме Международная конференция против атомной и водородной бомбы. В ее работе приняло участие около 5 тыс. делегатов, включая 138 делегатов из 36 стран мира.

Аналогичные антивоенные выступления состоялись в Японии и в начале августа 1979 г. — в дни 34-й годовщины трагедий Хиросимы и Нагасаки, пережитых японским народом.

Ежегодно в конце февраля — начале марта все миролюбивые силы Японии отмечают так называемый «день Бикини» (1 марта 1954 г.) — день памяти жертв испытания американской термоядерной бомбы в

районе атолла того же названия. В 1979 г. японские сторонники мира отметили 25-ю годовщину этой трагедии массовыми митингами и демонстрациями, участники которых решительно требовали прекратить гонку вооружений и запретить термоядерное оружие.

Массовыми выступлениями японских борцов за мир, против термоядерного оружия ознаменовалась и впервые проводившаяся ООН Неделя борьбы за разоружение. Она проходила с 24 по 30 октября 1978 г. и, охватив всю Японию, включала в себя самые различные мероприятия, в том числе митинги, демонстрации, симпозиумы, выставки и т. п. В дни Недели Японский совет организации жертв атомной и водородной бомбы (Хиданкё) выдвинул требование о принятии нового закона об оказании более действенной помощи жертвам атомных бомбардировок. По данным, относящимся к началу 1978 г., число таких жертв в Японии составляло 369 тыс. человек, и оно все время растет. Подавляющее большинство из них, не говоря уже о состоянии здоровья, находятся в тяжелом материальном положении. Хиданкё принял решение начать кампанию по сбору 10 млн. подписей под требованием о коренном улучшении их положения. В поддержку этой кампании была организована передвижная выставка, рассказывающая о трагической судьбе жертв атомного оружия. Ее экспозицию решено поочередно развернуть в 200 населенных пунктах страны и демонстрировать до лета 1979 г.

Весомый вклад в общую борьбу за мир, против опасности возникновения новой мировой войны вносят ежегодные антивоенные выступления японских сторонников мира, проводимые по инициативе СОХИО с 1966 г. в День единых антивоенных действий — 21 октября. В настоящее время миролюбивые силы Японии готовятся отметить очередной, 13-й День единых антивоенных действий. Он будет отмечаться 21 октября текущего, 1979 г. и будет сопровождаться массовыми выступлениями демократических сил.

Период 60—70-х годов характеризуется целым рядом правительственных акций, направленных на усиление националистических настроений в стране. Наиболее махровой из них является восстановление 11 февраля 1967 г. в качестве официального государственного праздника «дня памяти основания государства», а фактически — дня основания японской империи. Возрождение этой «черной даты японского календаря», ежегодно отмечавшейся до войны как день милитаристской Японии, вызвало бурю негодования демократических сил страны. Однако, несмотря на всенародные протесты, реакция, обладавшая тогда большинством депутатских мест, сумела протащить через парламент это позорное решение. В последние годы силы японской демократии решительно выступают против попыток правительства ввести официальные церемонии, посвященные этой дате.

Цель — раздуть националистические настроения преследуют и все более заметные усилия реакционных кругов, направленные на возвышение роли императора и расширение его прерогатив. Показательно в связи с этим то, что в июне 1977 г. кабинет министров по рекомендации министра образования принял решение превратить старый милитаристский гимн «Кими-га ё» (Да здравствует император) в государственный гимн Японии¹⁵. Об этом же свидетельствует и введение в стране особой системы летосчисления («гэнго»), в основе которой лежат годы правления японских императоров. В начале 1979 г. палата представителей одобрила законопроект о легализации этой системы¹⁶.

Возрождение националистических настроений служит правящим кругам одним из важных средств удержания в своих руках политической власти, наступления на позиции демократических организаций.

¹⁵ In: «Mainichi Daily News», 11.VI.1977.

¹⁶ См. «Акахата», 3.II.1979.

Важным внутривнутриполитическим вопросом, вокруг которого уже более двух десятилетий происходят постоянные столкновения сил демократии и реакции, является вопрос о путях дальнейшего развития системы народного образования. Решительно выступая против намерений реакции поставить эту систему на службу монополиям путем придания ей, в нарушение японской конституции, милитаристского, националистического характера, демократические силы Японии ведут упорную борьбу за ее демократизацию, за воспитание подрастающего поколения в духе гуманизма и демократии, против дискриминации в области образования в зависимости от социального положения.

Серьезные столкновения между силами демократии и реакции в этой важной области происходят также в связи с непрекращающимися попытками министерства образования пересмотреть содержание учебных программ и «обновить» учебные пособия. О сущности этих попыток американский исследователь Д. Де Вос писал: «Значительное давление оказывается, в частности, в плане возрождения «морали» (националистической. — В. Х.) в учебниках для японских школ. Те, кто в прошлом боролся против использования подобной морали в националистических целях, расценивают это как серьезное предзнаменование возможного возрождения реакции»¹⁷.

Важной составной частью общей борьбы демократических сил являются непрекращающиеся выступления японской демократии за отмену всех реакционных законов, против введения нового реакционного законодательства, противоречащего духу японской конституции.

Конфронтация двух политических лагерей на внутривнутриполитической арене Японии охватывает, таким образом, самый широкий круг проблем. Диаметрально противоположные цели реакции и демократии придают этой конфронтации особенно острые формы. Это объясняется и тем, что, пытаясь во что бы то ни стало вернуть утраченные позиции, реакционный лагерь резко усилил атаки на демократические завоевания народа. Тем не менее во многих случаях демократическим силам страны удается не только противостоять этим атакам своих политических противников, но и добиваться довольно существенных успехов. Наиболее важным из них является то, что силы японской демократии уже в течение многих лет противостоят непрекращающимся из года в год усиливающимся попыткам реакции аннулировать 9-ю статью японской конституции и тем самым открыть путь к широкой милитаризации страны. Не менее важное значение имеют также успехи демократических сил в защите существующей избирательной системы, срыв попыток реакции ввести в стране антидемократическую систему «мелких» избирательных округов, защита демократических принципов народного образования и т. п. Дальнейшие успехи этих сил в немалой степени зависят от обеспечения их действительного сотрудничества, от их усилий по достижению единства действий.

Прогрессивные силы Японии против господства монополий, за демократию и социальный прогресс

Изменение внутривнутриполитической ситуации в Японии, выразившееся в ослаблении политического влияния ЛДП, с одной стороны, и росте авторитета оппозиционных партий, особенно левой оппозиции, — с другой, создало новые, более благоприятные условия для дальнейшего развития борьбы прогрессивных сил против господства монополий, за демократию и социальный прогресс. Сложившаяся внутривнутриполитическая обстановка

¹⁷ G. De Vos. Post War Social Change in Japan. Tokyo — Berley, 1972, p. 25.

диктует необходимость объединения всех отрядов японской демократии, всех «сил обновления», выступающих против господства монополистического капитала и японской реакции.

Большое значение с этой точки зрения имеет разработка японскими коммунистами и социалистами программ демократической альтернативы нынешнему курсу правящих кругов.

Активным поборником сплочения демократических сил страны и осуществления коренных социальных преобразований выступает КПЯ. В 1970 г. с трибуны своего XI съезда японские коммунисты обратились ко всем прогрессивным организациям с призывом приложить усилия для создания в 70-х годах демократического коалиционного правительства, которое могло бы заменить собой антинародное правительство консерваторов и радикально обновить всю государственную политику¹⁸.

В 1971 г. КПЯ выдвинула три важнейшие цели демократических преобразований: 1. Ликвидация японо-американского военно-политического союза и установление подлинного нейтралитета Японии. 2. Прекращение политики в интересах монополий и осуществление политики в защиту жизни и прав народа. 3. Недопущение возрождения и усиления милитаризма, защита демократии и демократизация парламентской деятельности. Японские коммунисты считают, что борьба за достижение этих целей должна лечь в основу создания широкой и прочной антимонаполистической коалиции демократических сил.

В ноябре 1973 г. КПЯ на своем XII съезде сформулировала, исходя из этих целей, конкретную программу деятельности коалиционного демократического правительства. В докладе члена Президиума ЦК КПЯ К. Уэда «О программе демократического коалиционного правительства» подчеркивалось, что оно представляет собой «правительство защиты жизненных интересов народа и демократических реформ, которое в рамках действующей конституции проводит в жизнь на современном этапе национальные цели — три цели обновления, а именно суверенитет и безопасность Японии, мир и нейтралитет, политическая и экономическая демократия», и «не является социалистической властью, осуществляющей строительство социализма»¹⁹.

Состоявшийся в июле 1976 г. XIII, внеочередной съезд КПЯ вновь призвал к сплочению всех отрядов японской демократии. Съезд указал, что «единственный выход из кризиса — обновление всех прогрессивных сил и учреждение демократического коалиционного правительства».

Идея создания демократического коалиционного правительства и осуществления демократических преобразований была еще раз подтверждена в решениях XIV съезда КПЯ, состоявшегося в октябре 1977 г. Из резолюции съезда вытекает, что в условиях усиления реакционного курса внешней и внутренней политики правящих кругов Японии, а также активизации американского империализма в Азии организация единства действий демократических сил страны в защиту жизненных прав народа, за аннулирование японо-американского «договора безопасности», за обеспечение нейтралитета Японии, в защиту мира и демократии приобретает еще более актуальный характер. «Развитие кризиса, — говорится в резолюции, — делает политическое обновление путем создания демократического коалиционного правительства все более актуальной национальной задачей. С еще большей надеждой и уверенностью мы должны высоко нести знамя единого фронта сил обновления и демократического коалиционного правительства как единственного пути выхода из кризиса к политическому возрождению Японии»²⁰.

¹⁸ См. «Акахата», 23.X.1977.

¹⁹ In: Main Documents of the XIIth Congress of the Communist Party of Japan. Токуо, 1973, p. 268.

²⁰ «Акахата», 23.X.1977.

Призыв к объединению сил японской демократии на антимонополистической основе и осуществлению социальных реформ содержится и в документах Социалистической партии Японии. Японские социалисты разработали концепцию создания народного коалиционного правительства, которое заменило бы собой однопартийное правительство консерваторов и осуществило бы коренные социальные преобразования. Цели, пути и методы такой коалиции изложены в «Программе народного коалиционного правительства», принятой 37-м съездом СПЯ в 1974 г. В ней выдвигаются три важнейшие политические цели создания единого фронта, в общем аналогичные трем важнейшим целям демократических преобразований, выдвинутым КПЯ. Это, во-первых, отмена японо-американского «договора безопасности» и развитие Японии по мирному демократическому пути, борьба против возрождения империализма и милитаризма; во-вторых, борьба в защиту жизни и прав народа, против антинародной политики монополий; в-третьих, борьба за человеческое достоинство путем защиты демократических прав, гарантируемых конституцией, возрождения демократии и преобразования общества, образования и культуры²¹.

Основу правительства народной коалиции, по замыслу СПЯ, должен составить антимонополистический народный фронт. Такое правительство будет представлять собой «демократическое правительство, поддерживаемое народным фронтом. Оно создается из представителей демократических организаций и движений, объединенных в народный фронт, основу которого составляют прогрессивные партии и группировки. Это правительство, опираясь на народный фронт и руководствуясь «Основами политики народного единства» или программой народного фронта, составленной на основе мнений входящих в блок организаций, разрешит насущные политические, экономические и социальные противоречия, с которыми сталкиваются трудящиеся слои Японии, и осуществит в стране преобразования, направленные на достижение мира и демократии. Хотя это правительство не будет непосредственно проводить социалистическую политику, оно будет полностью выполнять положения конституции и на него будет возложена роль подготовить мирный переход к социализму»²².

В ходе повседневной борьбы за создание единого антимонополистического фронта и осуществление коренных социальных преобразований КПЯ и СПЯ проводят различные кампании диалогов и бесед с самым широким кругом демократических организаций, политиков, общественных деятелей и частных лиц. Эти кампании, преследующие цель сплотить всех сторонников политики обновления страны, проводятся как в общенациональном масштабе, так и на региональных уровнях. Первостепенное внимание уделяется достижению единства рабочего фронта на классовой основе, как основе объединения всех демократических сил страны.

Дальнейшее усиление борьбы за демократию и социальный прогресс должны обеспечить разработанные в последние годы КПЯ и СПЯ конкретные программы экономического развития Японии, представляющие собой основу демократической альтернативы господству монополий. Отражая реальные планы перестройки японской экономики в условиях капитализма, они предусматривают осуществление целого комплекса демократических преобразований, направленных на ограничение власти монополий и улучшение положения трудящихся масс.

Наличие конкретных и во многом схожих программ социально-экономических преобразований, выдвинутых КПЯ и СПЯ, их периодические совместные выступления в защиту подлинных интересов японской нации

²¹ Нихон сякайто-но сандзюэн, с. 870—871.

²² Там же, с. 871.

свидетельствуют о существовании благоприятных объективных условий для развертывания более мощной борьбы демократических сил страны, объединения их усилий в борьбе против господства монополий, за демократию и социальный прогресс. Вместе с тем на пути достижения единства демократических сил существуют немалые трудности. Внутренняя и международная реакция стремятся не допустить сплочения рядов японского демократического движения. Реакция прибегает прежде всего к старому излюбленному методу действия — к запугиванию масс так называемой угрозой коммунизма. Именно поэтому она направляет свои основные удары против японских коммунистов.

С целью подорвать влияние КПЯ в массах и опорочить идею борьбы за создание широкого единого анtimoнополистического фронта с участием в нем коммунистов японская реакция инспирирует и организует различные антикоммунистические кампании, обвиняя коммунистов в антидемократизме, насилии, стремлении к «кровавому перевороту» и т. п. Находящиеся в руках монополистического капитала средства массовой пропаганды всячески раздувают идею необходимости сплочения сил «среднего пути» на антикоммунистической основе. Рассчитанные на привлечение ПДС и Комэйто на сторону ЛДП, эти усилия японской реакции приносят свои плоды.

Весьма показательна в связи с этим трансформация политических позиций партий «среднего пути». Еще в начале 70-х годов как ПДС, так и Комэйто, правда, с различными оговорками, но по некоторым проблемам участвовали в совместных выступлениях демократических сил против реакционной политики ЛДП. Однако реверансы японской реакции в сторону этих партий и надежды получить министерские посты в консервативном правительстве стали причиной резкого поворота в их политическом курсе. С начала 1978 г. случаи поддержки ЛДП центристскими партиями резко участились, для ПДС это становится чуть ли не нормой.

Принятие подобных решений означало не только открытую демонстрацию партиями «среднего пути» антикоммунистического и антисоциалистического кредо их политики, но и поддержку ими опасных планов японской реакции.

Жупел антикоммунизма, которым размахивает реакция, оказывает определенное воздействие и на некоторую часть японских социалистов при решении ими вопросов организации совместных с КПЯ выступлений.

Все это серьезно затрудняет повседневную борьбу демократических сил Японии за демократию и социальный прогресс. Однако, несмотря на многочисленные трудности и препятствия как объективного, так и субъективного порядка, силы японской демократии полны решимости продолжать эту борьбу, твердо веря в ее успех. Выражая настроения подавляющего большинства участников этой борьбы, заместитель Председателя Президиума ЦК КПЯ К. Уэда в интервью токийскому корреспонденту газеты «Правда» заявил: «Исход борьбы японского народа против угрозы возрождения милитаризма... зависит прежде всего от того, сколь действенным будет отпор подобным антикоммунистическим акциям, а также от того, удастся или нет организовать совместную борьбу самых широких кругов общественности и создать на этой основе единый фронт прогрессивных сил. Хорошо зная препятствия и трудности, стоящие перед нами в этой борьбе, мы тем не менее оптимистически смотрим в будущее...»²³

Этот революционный оптимизм разделяют все миролюбивые силы мира, все, кто вносит свой вклад в развитие мирового революционного процесса.

²³ «Правда», 10.11.1979.

Экспансионистский курс Пекина

Нго Тхань Зьонг (Вьетнам)

17 февраля 1979 г. пекинские реакционные правящие круги развернули агрессивную войну против Социалистической Республики Вьетнам. Дэн Сяопин высокомерно заявил, что эта акция будто бы преследовала цель «наказать», «проучить» Вьетнам. Пекин передислоцировал во Вьетнам 7 армий численностью 600 тыс. солдат, направил большое количество танков, транспортеров и пушек, чтобы атаковать шесть северных пограничных провинций Вьетнама. Агрессоры варварски убивали вьетнамских мирных жителей, главным образом женщин, стариков и детей, разрушали хозяйственные, социально-культурные объекты. Почти все промышленные предприятия, учебные и медицинские учреждения в районах, через которые они проходили, были стерты с лица земли.

После 17-дневного военного присутствия во Вьетнаме китайские агрессоры получили сокрушительный удар со стороны вьетнамских народных ополченцев и местных войск пограничных провинций. Были убиты 62 500 человек и уничтожены сотни танков и автомашин. Только тогда Пекин поспешил заявить о выводе своих войск из Вьетнама, признав тем самым свое позорное поражение.

Агрессивный акт пекинских правящих кругов против Социалистической Республики Вьетнам, страны, которая недавно разгромила американских агрессоров, полностью освободила южную часть, воссоединила родину и ныне идет к социализму в общегосударственном масштабе, представляет собой измену марксизму-ленинизму, мировому революционному движению и самой китайской революции. Он обнаружил экспансионистский, великодержавно-гегемонистский национализм пекинской реакционной руководящей группы перед всем прогрессивным человечеством.

Те, кто до недавнего времени смутно представлял себе псевдомарксистский, псевдореволюционный облик пекинских реакционных кругов, теперь воочию убедились в их отвратительной сущности, даже империалисты и их пособники не решались открыто защищать их.

Китай — страна с обширной территорией и самым многочисленным в мире населением. История Китая — это история ранней цивилизации человечества. Азиатский способ производства держал экономику Китая в состоянии длительного застоя. В Китае тысячелетиями господствовал феодализм с его абсолютнистским государственным аппаратом, феодальной идеологией, основанной на таких философских, политических, этических доктринах, как конфуцианство, даосизм, легизм и др. История Китая знала многочисленные межнациональные войны. Это история борьбы за гегемонию между феодальными военно-бюрократическими группами. Многие династии управляли страной и находились то в состоянии подъема, то в состоянии упадка. Случались периоды раскола и разобщенности, времена, когда страна подпадала под абсолютнистский деспотизм той или иной династии. Экспансионистский, великодержавно-гегемонистский национализм Китая восходит к далеким временам. Китайские феодалы считали Китай центром мира, китайцев — самой выс-

шей нацией, другие же нации — низшими. Вся история Китая свидетельствует, что ханьские феодалы унижали и попирали права национальных меньшинств в стране и малые соседние государства.

Однако с XIX в. империалистические страны: Япония, Англия, Франция, Португалия — начали борьбу за раздел Китая. Это вызвало большой подъем патриотических чувств китайского народа. Более века китайский народ вел антиимпериалистическую борьбу.

В начале XX в., когда китайская нация стала пробуждаться от тысячелетнего сна, начал развиваться национализм, носивший буржуазную окраску. Буржуазная революция в Китае формально объявила феодализм своим врагом, но она была очень слаба, не способна ликвидировать феодальный строй. В отличие от европейских буржуазно-демократических революций предшествующих веков буржуазная революция в Китае не только не отрекалась от феодальных традиций, но стихийно восприняла феодальную идеологию как в теории, так и на практике.

Под влиянием Великой Октябрьской социалистической революции в России марксизм-ленинизм дошел до Китая и распространился там. Упорная революционная борьба китайского народа против империализма и феодализма в первые годы XX в. явилась весьма благоприятным фактором для распространения идей марксизма-ленинизма. В то время у китайского рабочего класса еще не было достаточно зрелого классового сознания, рабочий класс был еще не в состоянии встать в авангарде борьбы. В 1921 г. была основана Коммунистическая партия Китая, но она не была теоретически подготовленной, чтобы дать должный отпор мелкобуржуазным взглядам. Вместо того чтобы бороться за распространение учения марксизма-ленинизма в Китае, против феодальной идеологии, Компартия Китая не делала различий между пролетарской идеологией и феодальной, не подвергала критике экспансионистский, великодержавно-гегемонистский национализм.

Марксизму-ленинизму — революционной идеологии пролетариата — чужд великодержавный национализм, присущий буржуазной идеологии. Марксисты должны правильно оценивать соотношение национального и классового. Эту проблему необходимо решать в органическом единстве подлинного патриотизма и пролетарского интернационализма. К. Маркс и Ф. Энгельс отмечали в «Манифесте Коммунистической партии», что пролетариат должен прежде всего завоевать национальную независимость и построить социализм в каждой стране, затем добиться построения социализма во всемирном масштабе.

В современную эпоху, эпоху перехода от капитализма к социализму во всемирном масштабе, начало которому положила победа Великой Октябрьской социалистической революции, национально-освободительное движение стало органически сочетаться с пролетарским революционным движением. Именно это имел в виду В. И. Ленин, когда выдвинул лозунг «Пролетарии всех стран и угнетенные народы, соединяйтесь!».

Во Вьетнаме, в длительной истории малой нации, непрерывно подвергавшейся агрессии со стороны северных феодалов и их господству в течение многих веков, патриотизм и негибкость вьетнамского народа явились главной движущей силой в упорной борьбе за государственность и защиту родины. Находясь в течение ста лет под господством французских колонизаторов, вьетнамский народ не прекращал национально-освободительную борьбу. Однако до того, как была образована Коммунистическая партия Вьетнама, все революционные выступления патриотов терпели поражение, ибо последние могли лишь поднять знамя национальной независимости, но не были в состоянии сочетать национально-освободительное движение с международным пролетарским движением. Только товарищ Нгуен Ай Куок, наш президент Хо Ши Мин, нашел верный путь к спасению родины, увидев его в объединении

борьбы за национальную независимость с борьбой за социализм. Он подчеркивал: «Для спасения родины и освобождения нации нет другого пути, кроме пролетарской революции»¹.

Коммунистическая партия Вьетнама, созданная в 1930 г., сумела сочетать марксизм-ленинизм с патриотизмом вьетнамского народа. С самого начала наша партия проводила курс на «пролетаризацию», стойко поддерживала позиции рабочего класса, боролась против всех проявлений чуждой идеологии внутри партии. Наша партия выдвинула верный революционный курс на переход от национальной, демократической революции к социалистической, минуя капиталистический путь развития. В результате этого вьетнамская революция добилась выдающихся успехов.

В Китае национальная проблема решалась в иных исторических условиях. Вьетнам — малая страна, которая всегда была объектом агрессии. Китай — огромная страна, которой правили феодалы, совершая захватнические походы, — стремился к внешней экспансии и ассимилированию других наций. Поскольку Вьетнам постоянно подвергался агрессии, потребность в национальной консолидации диктовала необходимость сплоченности различных слоев населения. В Китае же, наоборот, правители-феодалы, постоянно проводившие экспансионистский курс, издревле насаждали в стране абсолютизм и деспотизм. Именно в таких исторических условиях Китая возник экспансионистский, великодержавно-гегемонистский национализм.

Глубокая ненависть китайского народа к империалистам, помещикам, компрадорской буржуазии, бюрократии и милитаристам явилась благоприятной почвой для распространения марксизма-ленинизма. Однако постепенно насаждавшийся оппортунизм уводил революционное движение китайского народа из руслу марксизма-ленинизма.

Для достижения своих великодержавных, гегемонистских устремлений пекинские реакционные круги прикрываются марксистско-ленинской фразеологией, чтобы ввести в заблуждение массы.

В настоящее время пекинские правящие круги держат курс на «четыре модернизации» — якобы в целях построения социализма в Китае, на самом же деле они преследуют лишь великодержавно-гегемонистские цели, концентрируют силы на модернизации обороны, ассигнуя 40—50% государственного бюджета на приобретение новых видов вооружения у империалистических государств. Таким образом, они подрывают основы социализма, предают интересы самого китайского народа. Характерно, что, несмотря на борьбу за власть внутри страны, пекинские реакционные группировки никогда не отказываются от экспансионистских, великодержавно-гегемонистских целей. Это наиболее ярко выражено во внешней политике пекинских правящих кругов, которая приобретает все более откровенно реакционный характер.

Для прикрытия своих гегемонистских устремлений пекинская реакционная клика громко критикует гегемонизм. Она выдвинула «теорию трех миров», объявив Советский Союз и США сверхдержавами и вовлекая другие государства в борьбу будто бы против этих двух гигантов. На самом же деле она направляет удар исключительно против Советского Союза, называя его сверхдержавой № 1, которая якобы «опаснее, чем США». Пекинская клика проводит курс на то, чтобы шаг за шагом привлечь США на свою сторону для борьбы против Советского Союза, следуя принципу: «Сидя на горе, наблюдать за противоборством двух тигров». Реакционные круги Китая глубоко заинтересованы в развязывании войны между США и Советским Союзом, которая, по расчетам Пекина, должна будет ослабить их и позволить Китаю стать единственной великой державой в мире.

¹ Хо Ши Мин. Избр. произв. Ханой, 1960, с. 705.

Антинаучный анализ международной обстановки и выработка на этой основе вышеупомянутого реакционного курса отражают субъективизм и волюнтаризм пекинских правящих кругов.

Однако объективные законы развития не соответствуют субъективным желаниям пекинской реакционной группы. В настоящее время революционные силы, борющиеся за мир, национальную независимость, демократию и социализм, оплотом которого является Советский Союз, достаточно мощны, чтобы предотвратить войну и сохранить мир во всем мире. Даже агрессивный, воинствующий американский империализм, сознавая могущество Советского Союза, не решается развязать войну против него, а вынужден вести переговоры о разоружении.

После Шанхайского совместного американо-китайского коммюнике 1972 г. пекинские реакционные круги стали союзником империализма и реакции, открыто выступают против международного рабочего движения и мировой социалистической системы.

Преследуя широкие цели при ограниченных возможностях, пекинская реакционная группа, сознавая свою слабость, выступает на первых этапах за осуществление экспансионистских и великодержавно-гегемонистских замыслов в Азии, прежде всего в Юго-Восточной. Судя по картам Китая, используемым в китайских школах с 1954 г., мы ясно представляем себе экспансионистские устремления пекинской верхушки — заполучить будто бы «утраченные Китаем территории в Азии». В состав «утраченных территорий» входят Корея, острова Рюкю, Тайвань, Аннам (Вьетнам, Лаос, Кампучия), Бирма, Бутан, Непал, часть территории Индии, обширные районы Советского Союза (части Казахстана, Приморья и Приамурья, Сахалин). Территория Монгольской Народной Республики также рассматривается пекинскими лидерами как часть территории Китая. Мао Цзэдун говорил: «С победой народной революции в Китае Внешняя Монголия, очевидно, станет частью Китая».

Особое внимание пекинские правящие круги уделяют Юго-Восточной Азии. В 1965 г. Мао Цзэдун заявил: «Мы обязательно должны заполучить Юго-Восточную Азию, включая Вьетнам, Таиланд, Бирму, Малайзию, Сингапур. Юго-Восточная Азия очень богата, там очень много железных ископаемых, она стоит того, чтобы ее заполучить. В будущем этот район принесет большую пользу промышленному развитию Китая. Таким образом, затраты смогут полностью окупиться. После того как мы заполучим Юго-Восточную Азию, ветер с Востока будет подавлять ветер с Запада».

Пекинские реакционные круги полагают, что в этом районе они имеют огромные преимущества:

Во-первых, страны Юго-Восточной Азии богаты ресурсами, но экономически отстали, ввиду чего Китай сможет расширять свое экономическое, техническое, культурное влияние.

Во-вторых, в странах Юго-Восточной Азии проживает около 20 млн. китайцев-эмигрантов, которых можно использовать как «пятую колонну», как опору в экспансионистских устремлениях Пекина.

В-третьих, некоторые компартии в странах Юго-Восточной Азии придерживаются пропекинского курса.

Пекинская реакционная клика разработала долгосрочный план осуществления экспансионистских замыслов. Она стремится подчинить своему влиянию компартии некоторых стран Юго-Восточной Азии, обрабатывает китайских эмигрантов (в том числе и компрадорскую буржуазию), всеми силами пытается навязать пекинский курс правительствам стран Юго-Восточной Азии и т. п. Пекинские лидеры предпринимают многочисленные попытки вмешаться во внутренние дела этих стран.

Вьетнам, находящийся у самой южной границы Китая, является непосредственной жертвой экспансионизма и великодержавного гегемонизма пекинских реакционных кругов.

История Вьетнама — история непрерывной героической борьбы его народа против северных агрессивных феодалов. И после образования Китайской Народной Республики маоисты продолжают осуществлять экспансионистские планы в целях аннексирования Вьетнама под вывеской солидарности, «интернациональной помощи» и т. д.

Приведу несколько фактов.

В период 1949—1954 гг. Китай оказывал помощь Вьетнаму в борьбе против французских империалистов. Однако перед заключением Женевских соглашений Китай пошел на сговор с империалистами, оказывая всяческое давление на Вьетнам, чтобы добиться раскола его на две части: отвести Лаосу две пограничные с Китаем провинции для перегруппировки войск и не предоставить Кампучии зоны для перегруппировки. Отсюда ясно, что Китай стремился решить проблему лишь в свою пользу, использовать Северный Вьетнам и две освобожденные провинции Северного Лаоса в качестве буферной безопасной зоны близ южной границы Китая, допустить присутствие Франции в Южном Вьетнаме для создания барьера против проникновения сюда американцев.

Когда американские неокolonизаторы вытеснили французов из Южного Вьетнама, китайские лидеры посоветовали Вьетнаму осуществлять тактику «длительной засады» и отказаться от ведения войны за освобождение Южного Вьетнама.

Следуя своей самостоятельной суверенной линии, мы боролись долго и упорно за спасение родины. В этой борьбе нам оказали огромную помощь Советский Союз и другие социалистические страны. Китай до определенного времени также помогал нам, и мы были признательны ему за это. Но пекинские лидеры предали интересы китайского народа, обманули его и использовали эту помощь для навязывания Вьетнаму своего антисоветского курса. Они хотели, чтобы мы «боролись до последнего вьетнамца», победили США, чтобы заставить их пойти на уступки и соглашение с Китаем в борьбе против Советского Союза. Свидетельством этого явилось то, что, когда Вьетнам боролся против американских империалистов и одновременно вел переговоры с ними, пекинские лидеры выступали против переговоров. Но, вступив в сговор с американскими империалистами, пекинские руководители изменили тон, считая, что Вьетнам «правильно поступает, ведя переговоры с США в Париже». Приняв Шанхайское совместное коммюнике в связи с пребыванием Никсона в Китае в 1972 г., они согласились на сохранение американцами режима Нгуен Ван Тхьеу в Южном Вьетнаме. В благодарность за это американцы устно признали, что Тайвань принадлежит Китаю. Это является проявлением национального эгоизма, изменой интересам вьетнамской революции.

Полное освобождение Южного Вьетнама в апреле 1975 г. и воссоединение обеих его частей не устраивали китайских лидеров, так как это противоречило их планам относительно Юго-Восточной Азии. Они не желали Вьетнаму полной победы, так как победа вьетнамской революции, продвижение объединенного Вьетнама к социализму, его превращение в сильное самостоятельное государство представляли огромное препятствие их экспансионистским планам в Юго-Восточной Азии.

Именно с того времени экспансионистские и великодержавно-гегемонистские устремления пекинских лидеров стали проявляться совершенно откровенно. Китайские руководители оказывали различного рода давление на Вьетнам: прекратили предоставление помощи, отозвали на родину всех специалистов, создали дело «пострадавших эмигрантов», ложно обвинили Вьетнам в оскорблении эмигрантов, из-за чего якобы последние требовали возвращения на родину. На самом деле это была спровоцированная попытка создать беспорядки во Вьетнаме. Они пытались использовать китайских эмигрантов в качестве «пятой колонны», чтобы подготовиться к аннексированию Вьетнама.

Самым коварным было то, что сразу же после освобождения Южного Вьетнама пекинские правящие круги стали использовать своих ставленников Пол Пота и Иенг Сари для превращения Кампучии в плацдарм для нападения на Вьетнам с Юго-Запада. Они давно вынашивали планы поддержки клики Пол Пота — Иенг Сари, чтобы проводить политику геноцида в Кампучии, установить там режим фашистской диктатуры, который весь мир заклеил позором. Они оказывали щедрую военную и экономическую помощь кампучийским реакционерам для развязывания войны с Вьетнамом, а в дальнейшем и захвата всего Южного Вьетнама.

Происки пекинских лидеров в Кампучии потерпели полный провал. Вьетнам нанес сокрушительный удар кампучийской реакции в юго-западных провинциях Вьетнама. Подлинные революционные силы Кампучии с нашей помощью свергли клику Пол Пота — Иенг Сари 7 января 1979 г. и образовали Народную Республику Кампучию. Это величайшая победа Кампучийской революции и вместе с тем серьезнейшее поражение экспансионизма и великодержавного гегемонизма пекинских правящих кругов. Теперь они продолжают поддерживать остатки группировки Пол Пота — Иенг Сари, однако положение в Кампучии необратимо.

В отношении Лаоса пекинские экспансионисты тоже прибегли к различным уловкам. Под предлогом помощи они пытались навязать Лаосской Народно-революционной партии свой курс, подкупать кадровых работников, вести шпионаж, создавать опорные пункты, привлекать людей на свою сторону, вызвать разногласия среди национальных меньшинств, свергнуть революционную власть и пр. Они откровенно поддерживают Ванг Пао, Конг Ле и собираются из них создать марионеточное правительство. Под мудрым руководством Лаосской Народно-революционной партии сплоченный воедино лаосский народ успешно борется против их коварных замыслов.

Пекинские реакционные круги серьезно встревожены сплоченным оюзом трех стран — Вьетнама, Лаоса и Кампучии, поэтому они пытаются всеми средствами разъединить наши народы. При нерушимой традиционной солидарности народов Вьетнама, Лаоса и Кампучии все экспансионистские замыслы пекинских лидеров неизбежно потерпят неудачу. Солидарность трех стран окрепла ныне, как никогда. Вьетнам, Лаос и Кампучия полны решимости отстоять свою дружбу, совместно бороться против общего врага — пекинских экспансионистов.

Вьетнам подвергся непосредственной агрессии китайских гегемонистов, развязавших войну против него. 17 февраля с. г. они мобилизовали большое количество войск и военных средств для нападения на ряд северных пограничных провинций Вьетнама, рассчитывая на захват этих провинций и использование их в качестве плацдарма для дальнейшего шествия на Ханой и захвата всего Вьетнама. К этому они заранее готовились: создавали тайные организации в районах, населенных национальными меньшинствами, решили создать марионеточное правительство и т. д. Однако все эти планы потерпели крах. Жители наших пограничных районов, большинство которых — представители национальных меньшинств, тесно сплотились, сразу же поднялись на решительную борьбу против китайских агрессоров. Через 17 дней пекинские правящие круги вынуждены были объявить о позорном выводе войск из Вьетнама. Но они не отказались от своих экспансионистских, гегемонистских устремлений и пытаются причинить вред Социалистической Республике Вьетнам.

После позорного поражения недавней агрессии, которую осудило все прогрессивное человечество, а также в связи с внутренними разногласиями и экономическими трудностями пекинские правители вынуждены были пойти на переговоры с Вьетнамом. Первый тур вьетнамско-китай-

ских переговоров на уровне заместителей министров иностранных дел состоялся в Ханое, но по вине китайской стороны переговоры пока не дали положительных результатов.

На первом заседании вьетнамская сторона выдвинула три разумных пункта, в качестве первоочередных мер — немедленную нормализацию положения в пограничных районах, отвод войск обеих сторон на расстояние 3—5 км друг от друга, создание нейтральной зоны, обмен военнопленными. Мы проявляем большую выдержку и доброжелательность на переговорах, прилагая все усилия к их успешному исходу, но китайская сторона постоянно чинит препятствия. Недавно она выдвинула 8 пунктов, требуя признания Вьетнамом суверенных прав Китая на Парасельские острова, отказа Вьетнама от интернациональных обязательств в отношении Лаоса и Кампучии. Эти абсурдные требования являются вмешательством во внутренние дела других стран и являются выражением экспансионизма и великодержавного шовинизма Китая.

Затягивая переговоры, пекинские лидеры пытаются ввести в заблуждение международное и китайское общественное мнение. Одновременно они готовятся к новой агрессии. В период переговоров они мобилизовали 9 армий, расставили у вьетнамской границы свыше 10 дивизий, провоцировали беспорядки на вьетнамской и лаосской границах. Дэн Сяопин грозит осуществить «вторую расправу» над Вьетнамом.

Вьетнамский народ проявляет постоянную бдительность и боевую готовность. Если пекинские реакционные правящие круги развяжут войну, они неизбежно потерпят поражение.

Вьетнамский народ уверен, что под мудрым руководством Коммунистической партии Вьетнама, подлинно марксистско-ленинской партии, благодаря поддержке и помощи Советского Союза, братских социалистических стран и всего прогрессивного человечества он одержит победу над экспансионистскими, гегемонистскими замыслами пекинских реакционеров, сумеет отстоять социалистическую родину и построить в своей стране социализм.

Мы ясно осознаем, что борьба против пекинских экспансионистов — это не только наша национальная задача, она является интернациональной борьбой за мировую революцию, в интересах народов мира, в интересах самого китайского народа.

ИДЕОЛОГИЯ

Маоизм и судьбы социализма в Китае

*В. Ф. Феоктистов,
кандидат философских наук*

Победа народной революции 1949 г. в Китае явилась одним из крупнейших в мире событий после второй мировой войны. Она открывала перед китайскими трудящимися перспективу национального и социального освобождения, экономического и политического переустройства общества на социалистических началах. Этот процесс, успешно начатый в Китае в первой половине и середине 50-х годов, был, однако, затем прерван маоистской группировкой в КПК, которая, захватив господствующие позиции в партии и государстве, не только нанесла серьезный урон поступательному развитию КНР, но и поставила под угрозу саму социалистическую перспективу ее развития.

Между тем официальная пекинская пропаганда и по сей день утверждает, что именно «идеи» Мао Цзэдуна, его теоретическая и практическая деятельность явились главным условием и предпосылкой не только победы антиимпериалистической народно-демократической революции в Китае, но и «фундаментом» всех достижений китайских трудящихся в «социалистическом строительстве». Именно так расценил вклад Мао Цзэдуна и его «идей» в социально-экономическое развитие КНР состоявшийся в декабре 1978 г. III пленум ЦК КПК 11-го созыва. Нынешняя китайская пропаганда, несмотря на признание отдельных «ошибок» и негативных сторон в деятельности маоистов предшествовавшего периода, стремится изображать «идеи» Мао Цзэдуна, маоизм в целом как теоретическую основу социалистического развития Китая.

Все это придает особую научную и политическую актуальность вопросу об отношении маоизма к социалистической революции и социалистическому строительству в Китае, к судьбам социализма в этой стране.

I

Маоизм как особое мелкобуржуазно-националистическое течение в КПК оформился в начале 40-х годов. Таково было конкретное проявление борьбы двух линий, двух тенденций в коммунистическом движении Китая — пролетарско-интернационалистской, с одной стороны, и мелкобуржуазно-националистической — с другой. Поднявшись на волне революционного национально-освободительного движения китайского народа, маоизм с самого начала паразитировал на революционных настроениях трудящихся масс Китая, стремясь использовать их в своих великодержавно-шовинистических целях. Именно национализм, реакционный великоханьский шовинизм явился тем стержнем, который определял теоретическую и практическую деятельность маоистов на всем протяжении длительной и причудливой эволюции маоизма. И если на первых этапах национально-освободительного движения в Китае

эта черта маоизма, выражающая его сущность, могла еще восприниматься как революционная идея национального освобождения, направленная против империалистического засилья, то в дальнейшем по мере перехода китайской революции к решению социальных задач все более и более обнажалась принципиальная несовместимость маоистского национализма с целями как национального, так и социального освобождения китайских трудящихся. И это не случайно. Ведь именно в период перерастания демократической революции в социалистическую особенно отчетливо проявляется классовая природа тех сил, которые вступили в революционное движение на его начальном этапе. Так было и с маоизмом. После победы народной революции в Китае в 1949 г. в процессе ее перерастания в социалистическую революцию маоистская группировка в КПК ясно обнаружила свою мелкобуржуазно-националистическую суть, свою враждебность по отношению к социалистическому переустройству китайского общества. Политическое банкротство и перерождение мелкобуржуазной революционности маоистов в мелкобуржуазную контрреволюционность было не случайным «эпизодом» в их эволюции, а закономерным проявлением их классовой сущности и идейно-теоретической платформы.

Содержание этой платформы с самого начала составляла великодержавно-шовинистическая идея превращения Китая в мощное милитаризованное государство, способное обеспечить маоистам мировую гегемонию. «Мы должны покорить весь земной шар» — такова главная цель теоретической и практической деятельности маоистов, открыто сформулированная Мао Цзэдуном на совещании Военного совета ЦК КПК в 1959 г. Речь, следовательно, шла не о возрождении национальной независимости Китая, не об утверждении его престижа в современном мире, а об установлении его господства над другими государствами и народами. В связи с этим уместно напомнить, с какой непримиримостью В. И. Ленин относился к буржуазному национализму как антиподу пролетарского интернационализма, марксизма-ленинизма. «Буржуазный национализм и пролетарский интернационализм, — писал В. И. Ленин, — вот два непримиримо-враждебные лозунга, соответствующие двум великим классовым лагерям всего капиталистического мира и выражающие две политики (более того: два мирозерцания) в национальном вопросе»¹.

Последующие события полностью подтвердили правильность этих слов. Вывод В. И. Ленина звучит особенно актуально в наше время, когда в революционно-освободительное движение втягиваются все более широкие слои непролетарских масс, приносящие с собой мелкобуржуазные настроения и предрассудки, в том числе и предрассудки буржуазного и мелкобуржуазного национализма. Эти настроения и взгляды становятся тем более опасными для интересов народа, когда они превращаются в официальную платформу правящей партии страны, вступившей на путь социалистических преобразований. В этом случае национализм и вырастающий из него шовинизм способны извратить цели научного социализма, подменить его идеалы концепцией «казарменного коммунизма» как внутреннего средства достижения гегемонистских целей. Другими словами, социализм из идеала переустройства общества в интересах трудящихся превращается в теории и практической политике таких мелкобуржуазных националистов лишь в спекулятивный лозунг, которым пытаются привлечь на свою сторону трудящиеся массы. Социальное и экономическое содержание научного социализма при этом полностью выхолащивается.

История революционного движения в Китае, история Китайской Народной Республики убедительно показали, что маоизм с самого начала

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 24, с. 123.

рната как политического инструмента построения социализма подменялась в этой концепции идеей «коалиционного правительства» — политического союза различных «патриотических» и демократических сил.

«Теория новой демократии», при всем ее явно антимарксистском, антиленинском содержании, была объявлена «творческим развитием марксизма», который именовался уже «китаизированным». «Китаизация марксизма, — говорил Мао Цзэдун в октябре 1938 г., выступая на VI пленуме ЦК КПК, — означает, что во всех своих проявлениях он исходит из китайской специфики...»⁴ Таким образом, с самого начала своего функционирования маонизм выражал шовинистически-гегемонистские притязания на право «китаизировать» марксизм, с тем чтобы затем выдать этот «марксизм» идей Мао Цзэдуна за «вершину» его развития.

В полном соответствии с шовинистической сущностью своей идеологии маонизм формулирует и свои «особые» взгляды на мировую войну как на фактор социального прогресса, как «мост», по которому человечество якобы только и может перейти «в новую историческую эпоху»⁵.

Концепция «новой демократии», идеи милитаризма и апологетика мировой войны составили в основном тот теоретический «багаж», с которым маонизм пришел к 1949 году — году победы народной революции. В этом багаже не нашлось, да и не могло найтись, места для идей научного социализма. К ним маонизм обратился позже, но не с целью восприятия их, а все в тех же прагматическо-шовинистических интересах. Дело в том, что развитие китайской революции в 1946—1949 гг. серьезно укрепило марксистские, интернационалистические силы в КПК, которые на мартовском пленуме ЦК КПК в 1949 г. в принципе отвергли маоцзэдуновскую концепцию «новой демократии» и взяли курс на постепенное перерастание буржуазно-демократической революции в революцию социалистическую. И маонизм переходит к новой тактике — пытается приспособить идеи социализма к осуществлению своего великодержавно-шовинистического курса.

В этот период — 1949—1957 гг. — маонисты, учитывая доминирующую, марксистскую тенденцию в КПК, всячески маскировали свои взгляды и подлинные цели. Именно в это время особенно отчетливо проявилась еще одна черта маонизма — его двурушничество, теоретическая и политическая мимикрия. Не собираясь складывать оружия, маонисты продолжали свою антимарксистскую, националистическую деятельность, перенесли ее, однако, в основном в сферу закрытых внутрипартийных выступлений. Эти выступления, ставшие известными в конце 60-х годов из публикаций хунвэйбинов, свидетельствуют о том, что маонизм по-прежнему представлял собой мелкобуржуазно-шовинистическое течение в КПК, социальным идеалом которого являлось общество «казарменного коммунизма», милитаристское государство, способное обеспечить осуществление гегемонистских планов маонистов. Об этом свидетельствует, например, закрытое выступление Мао в 1956 г. на совещании по вопросу об интеллигенции, где он прямо заявил: «Не должно случиться так, что спустя несколько десятилетий мы все еще не станем первой державой мира». На 2-й сессии VIII съезда КПК Мао Цзэдун в своем выступлении (также закрытом) изложил откровенно шовинистический, гегемонистский взгляд на роль Китая в современном мире. «В нашей практике, — сказал он, — мы превзошли Маркса... Ленин называл передовой Азию и отсталой Европу. Это — истина. Она верна до сих пор. Развитие Китая иллюстрирует тенденцию развития всей международной обстановки». Здесь же Мао повторил и свою старую идею о «пользе» мировой войны: «Войны не нужно бояться... Если во

⁴ Мао Цзэдун. На новом этапе (на кит. яз.). Чунцин [Б. г.], с. 75.

⁵ См. Мао Цзэдун. Избр. произв., т. 1, Пекин, 1967, с. 232.

время войны погибнет половина человечества — это не имеет значения. Не страшно, если останется и треть... Если действительно разразится атомная война, не так уж это и плохо, в итоге погибнет капитализм и на земле воцарится вечный мир».

Таким образом, и в этот период основу деятельности маоистов составляли шовинистические, гегемонистские посылки. Они диктовали маоистам и соответствующую политику — политику милитаризации Китая и превращения его в общество «казарменного коммунизма». Попытку осуществить этот мелкобуржуазный «идеал» на практике представляли собой маоистские социально-экономические эксперименты 1957—1958 гг., известные как политика «трех красных знамен».

Здесь уместно напомнить, что, излагая в 1958 г. свои взгляды на «китайский», «казарменный коммунизм», Мао Цзэдун недвусмысленно отрешивался от всего предшествующего периода развития КНР (то есть до 1958 г.), объявляя его воплощением «ревизионистской линии», уступкой «буржуазной идеологии» и «буржуазному стилю»⁶. Это особенно важно подчеркнуть сейчас, поскольку современная пекинская пропаганда изображает Мао Цзэдуна «творцом» успехов, достигнутых в КНР именно в тот период ее развития. Слова самого Мао опровергают эту «версию». К подлинному социализму в Китае, к тем социалистическим преобразованиям, которые начали проводиться в этой стране в середине 50-х годов, маоизм имеет лишь то отношение, что он был их идейным и политическим противником.

Потерпев провал в попытках навязать Китаю свою «модель» «казарменного коммунизма» в конце 50-х годов, Мао Цзэдун и его группа с начала 60-х годов перенесли центр тяжести своей борьбы против научного социализма на международную арену. Именно в этот период маоизм вырабатывает и пытается навязать мировому коммунистическому движению свои «особые взгляды» на кардинальные проблемы современности — вопросы войны, мира и революции. И здесь маоистская группировка проявила свои великодержавные шовинистические амбиции, отвергнув согласованные документы совещаний коммунистических партий и противопоставив им «свою», леворевизионистскую платформу.

Внутри же Китая маоисты готовили политический контрреволюционный переворот, воплощением которого стала «культурная революция» 1965—1969 гг. Ее результатом явилось насаждение в Китае нового политического режима — антинародной военно-бюрократической диктатуры, которая заменила прежнюю, демократическую политическую надстройку. Маоизм был официально провозглашен партийной и государственной идеологией. В то же время «идеи Мао» были объявлены «вершиной марксизма-ленинизма» в нашу эпоху.

В последовавшие за «культурной революцией» годы, вплоть до смерти Мао Цзэдуна в сентябре 1976 г., процесс идейно-политической эволюции маоизма в основном завершается окончательным превращением его в социал-шовинистскую, милитаристскую доктрину и практику, враждебную научному социализму, всем отрядам мирового революционного движения, в резерв империализма, сил агрессии и войны. Именно такой вывод и был сделан Генеральным секретарем ЦК КПСС товарищем Л. И. Брежневым в его докладе на XXV съезде КПСС.

Если суммировать изложенное о маоизме при жизни Мао, то можно следующим образом сформулировать его основные черты, сложившиеся к середине 70-х годов; во-первых, шовинизм в идеологии, гегемонизм в политике; во-вторых, милитаризм как идеология и практическая политика; в-третьих, идеология и практика деспотической власти в форме

⁶ См. Выступление Мао Цзэдуна на расширенном заседании Политбюро ЦК КПК в Бэйдайхэ (август 1958).

военно-бюрократической антинародной диктатуры, основывающейся на насилии над трудящимися; в-четвертых, паразитирование на отдельных положениях марксизма-ленинизма, стремление выдать маоизм за «марксизм-ленинизм современной эпохи»; в-пятых, принципиальная враждебность научному социализму, принявшая форму антисоветизма; в-шестых, смыкание с наиболее реакционными силами капиталистического мира на почве антисоветизма и борьбы с международным коммунистическим и революционно-демократическим движениями, превращение маоизма в «китайзированную» разновидность антикоммунизма.

III

При анализе нового этапа в эволюции маоизма после сентября 1976 г. необходимо учитывать сохранение в нем перечисленных выше черт, которые характеризуют его именно как определенное идейно-политическое течение, отличное от прочих мелкобуржуазных и шовинистических течений. Формы проявления этих основных черт могут претерпевать известные изменения, как бывало неоднократно и в прошлом, что определяется прагматическим подходом маоизма к теории вообще, а больше — эклектизмом и противоречивостью самих теоретических установок, содержащихся в «идеях» Мао Цзэдуна.

Анализ с этих позиций теоретической платформы и политической практики китайского руководства после смерти Мао Цзэдуна показывает, что маоизм в его главном, сущностном содержании целиком воспринят им и по-прежнему является официальной идеологией партии и государства. Об этом свидетельствуют как материалы XI съезда КПК (1977 г.) и 1-й сессии ВСНП 5-го созыва (1978 г.), так и вся политическая практика нынешнего руководства КНР и КПК.

Прошедший после смерти Мао Цзэдуна период показал, что нынешние лидеры Китая не только восприняли главное в маоизме — шовинизм и гегемонизм, но и сделали дальнейший шаг вправо на основе изначально заложенной в маоизме тенденции к смыканию с силами монополистической буржуазии, мировой реакцией и антикоммунизмом. В этом еще раз проявилась реакционная сущность маоизма как мелкобуржуазно-националистического течения, которое объективно, коль скоро оно остается таковым, может эволюционировать только вправо, к смыканию с мировым капитализмом. Это смыкание не «отменяет», а подчеркивает мелкобуржуазный характер маоизма, являющегося в конечном счете принципиальным противником научного коммунизма.

Нынешний этап эволюции маоизма можно определить как дальнейшее углубление лидерами Китая реакционной сущности теории и практики Мао Цзэдуна, доведение его антисоциалистических концепций и политики до логического конца — прямого смыкания с мировым антикоммунизмом и в теории, и на практике.

Идейно-теоретическую и политическую платформу современных руководителей Китая можно охарактеризовать как попытку более эффективно приспособить маоизм к потребностям такого экономического развития страны, которое позволило бы превратить ее в милитаризованное государство «казарменного коммунизма». Именно в такой попытке следует искать ключ к пониманию тех «отклонений» от «классического» маоизма последних 10 лет, той его «корректировки», которую проводят ныне идеологи и практики маоистского режима. Цель этой «корректировки» состоит в стремлении создать современную, «модернизированную» версию маоизма, освободить его от тех сторон и черт, которые стали слишком непопулярны и вызвали открытое недовольство трудящихся масс и кадровых работников. Подобная «корректировка» маоизма — еще одно свидетельство его перманентного кризиса, его идейного банкротства.

Борьба вокруг «идей Мао Цзэдуна», обострившаяся в китайском руководстве с середины 1978 г. и столкнувшая две тенденции — левацко-националистическую и правонационалистическую, идет, несмотря на различную интерпретацию наследия «великого кормчего», все же скорее вокруг тактических, а не стратегических целей маоизма. Объективно она, конечно, дискредитирует «идеи Мао Цзэдуна», но субъективно направлена на укрепление его главной, социал-шовинистской и милитаристской сути. Иными словами, нынешние маоисты пытаются очистить маоизм не только от обанкротившихся и непопулярных «идей» и постулатов, но и от ошибок самого Мао Цзэдуна. Под этим углом зрения следует, очевидно, рассматривать и ведущуюся с мая 1978 г. кампанию за «раскрепощение сознания» и увенчавший ее III пленум ЦК КПК в декабре 1978 г. Это «раскрепощение» в Китае состоит не в освобождении сознания от оков маоизма в целом, а в стремлении придать маоизму, «идеям Мао» более «современное» звучание, в отборе из них лишь тех установок, которые наиболее эффективно служили бы стратегическим целям великодержавия и гегемонизма.

Современная, «модернизированная» версия маоизма, процесс создания которой, однако, не может считаться законченным, характеризуется следующими чертами:

1. Рост великодержавного шовинизма и гегемонизма в теории и практике маоизма после Мао.

Преемники Мао, заостряя изначальную великодержавно-гегемонистскую направленность маоизма, не только не ослабили, но еще более усилили попытки создать вокруг откорректированных, подчищенных «идей Мао Цзэдуна» ореол «высшего этапа» в развитии марксизма-ленинизма.

В первую очередь под марксизм камуфлируются внешнеполитические идеи Мао, ибо в них великодержавно-гегемонистская суть маоизма проявляется с наибольшей четкостью и широтой. Эта сущностная черта маоизма особенно полно обнажилась в «теории трех миров».

Главная особенность подхода нынешнего китайского руководства к пропаганде маоизма выражается в стремлении представить «вклад Мао Цзэдуна в развитие марксизма» как принципиально новую теорию научного коммунизма, основанную на «обобщении» реального опыта диктатуры пролетариата и реальной практики строительства социализма, к которым идейное наследие классиков марксизма-ленинизма якобы не имеет прямого отношения.

2. Ужесточение антисоветизма как выражение принципиальной враждебности маоизма научному социализму.

Преемники Мао, устранив фракцию «четырех», по существу, получили неограниченную свободу для смыкания с империализмом и активно пользуются ею. Никогда прежде антиреволюционная противосоциалистическая платформа маоизма еще не находила такого широкого и открытого выражения в стремлении Пекина сколотить военно-политический альянс с крупнейшими империалистическими державами, включая США. Именно это стремление является самым существенным показателем дальнейшего сползания китайских руководителей вправо, на позиции экстремистских кругов антикоммунизма, надежды которых решить военным путем исторический спор между социализмом и капитализмом вновь оживают под влиянием антисоветской активности Пекина.

3. Дальнейший сдвиг вправо, к прямому смыканию с мировым империализмом на базе антисоветизма. Развитие концепции «трех миров» с целью теоретического оправдания проимпериалистического курса.

Существует убедительное свидетельство того, что преемники Мао все более связывают свои надежды на достижение этих гегемонистских целей с самой активной эксплуатацией антисоветского, противосоциалистического экстремизма наиболее воинственных кругов империализма и реакции. Будучи вполне закономерным проявлением контрреволюционной сущности маонизма, быстро увеличивающийся креп Пекина в сторону военно-политического сотрудничества с этими кругами, безусловно, убеждает в том, что преемники Мао не только продолжают социалшовиннистскую линию маонизма, но и делают это с большей, чем прежде, настойчивостью.

Все более превращая проимпериализм в центральный элемент своей политики на современном этапе и стараясь одновременно как можно тщательнее замаскировать его словесно, преемники Мао с помощью псевдомарксистской фразеологии «развили» примитивно геополитическую и шовиннистическую маоцзэдуновскую «идею трех миров» и объявили ее «классовой линией пролетариата в международных делах»⁷.

В этих целях они дали новое определение «третьего мира». Если Мао причислял к нему все страны Азии (за исключением Японии), Африки и Латинской Америки, то теперь понятие «третьего мира» значительно расширено. Его преемники как бы выдвинули в центр «третьего мира» Китай и некоторые другие социалистические страны, которые вместе с угнетенными (с точки зрения Пекина) нациями и образуют «третий мир», причем этот «третий мир» в Пекине объявляют единственным двигателем исторического прогресса. Важнейшей задачей такого «третьего мира», по утверждению пекинских руководителей, является не только развертывание ожесточенной борьбы против СССР, но и сколачивание «широчайшего международного единого фронта» всех антисоветских, империалистических сил, которые и объявляются борцами за мир, за справедливость в международных отношениях и — что главное — провозглашаются могучими союзниками международного пролетариата в деле продвижения вперед «мировой революции».

4. Активизация курса на срыв международной разрядки и попытки провоцирования новой мировой войны.

Сближение Пекина с империалистическим Западом ныне особенно стимулируется общей заинтересованностью Пекина и наиболее реакционных сил империализма в срыве международной разрядки, возникновение и развитие которой в решающей степени вызвано усилиями СССР, всего социалистического содружества. И хотя в Пекине говорят о возможности отсрочить мировую войну и о том, что Китай желает только мира (для себя), на деле преемники Мао из всех сил стремятся ожесточить ту самую «схватку двух сверхдержав», которая, по их же словам, неотвратимо ведет к мировому военному конфликту.

5. Новая политика в отношении международного рабочего класса, преследующая цель вовлечь его в союз с международной буржуазией для борьбы против СССР и других стран социалистического содружества.

Современные руководители Китая на словах ратуют за анализ реальных фактов, но концепция «трех миров» полностью искажает и расстановку сил на международной арене, и современное состояние международного рабочего движения.

Прежде всего в официальных документах Пекина фактически отрицаются революционная роль и революционные возможности рабочего класса развитых капиталистических стран. Ему отводится вспомогательная роль, а основной силой, обеспечивающей решение назревших проблем мирового развития, объявляются народы «третьего мира».

⁷ См. «Жэньминь жибао», 1.XI.1977.

Маоисты считают, что главным врагом рабочего класса так называемого второго мира является не монополистический капитал, а Советский Союз и главной задачей настоящего периода является не борьба за мир, демократию и социализм, а защита «национальной независимости».

«Международный пролетариат, — говорится в программном документе новых лидеров КНР редакционной статье «Жэньминь жибао» от 1 ноября 1977 г., — сегодня должен приложить максимум усилий к созданию, укреплению и расширению международного единого фронта», направленного на деле исключительно против СССР, против социалистического содружества, и «всемерно развивать внутри этого фронта свою роль ядра».

6. Особая роль маоистской концепции «продолжения революции при диктатуре пролетариата» и ее внутривластная и внешнеполитическая функции.

Нынешние лидеры Китая в своей идеологической и политической деятельности придают первостепенное значение маоцзэдуновской концепции «продолжения революции при диктатуре пролетариата». В предисловии к 5-му тому сочинений Мао Цзэдуна отмечалось, что уже в работах периода 1949—1957 гг. Мао Цзэдун «раскрыл закон развития социалистического общества и создал великую теорию продолжения революции при диктатуре пролетариата»⁸. Эта «теория» официально закреплена как государственная идеология в новой Конституции КНР 1978 г.

Согласно официальной версии Пекина, разработка этой «теории» была обусловлена необходимостью обобщения «опыта диктатуры пролетариата после ленинского периода». Ввиду якобы неспособности международного коммунистического движения выполнить эту историческую миссию она легла на плечи Мао Цзэдуна, который по-прежнему изображается непосредственным преемником В. И. Ленина и «самым великим марксистом нашего времени».

Нынешняя китайская пропаганда до последнего времени преподносит эту «теорию» уже не как результат «соединения всеобщей истины марксизма-ленинизма с конкретной практикой китайской революции», а как «самый великий вклад» в «марксизм периода социализма», указывающий «коренной путь» строительства социализма и имеющий «великое и далеко идущее мировое значение».

В последнее время, особенно после III пленума ЦК КПК (декабрь 1978), прямая пропаганда этой «теории» Мао в Китае приглушена и переведена в иную плоскость — в область сугубо философскую. На первый план вынесено ее «философское» обоснование, данное в работе Мао Цзэдуна «К вопросу о правильном разрешении противоречий внутри народа» (1957). Суть дела от этого не меняется: тезис о существовании буржуазии как части народа при социализме фактически остался и концепция «продолжения революции» получила лишь новую интерпретацию — повернута вправо, к оправданию политики заигрывания с китайской буржуазией и привлечения ее к осуществлению гегемонистских замыслов современных лидеров Китая.

7. Успление спекуляций на авторитете марксизма-ленинизма.

Под видом борьбы с «бандой четырех» нынешнее китайское руководство проводит определенную корректировку маоизма. При этом оно усиливает спекуляцию на авторитете марксизма-ленинизма, пытаясь расширить идейное прикрытие более эффективного проведения прежнего антисоциалистического курса.

⁸ Мао Цзэдун. Избр. произв. (на кит. яз.), т. 5, с. 1.

XI съезд КПК подчеркнул претензии маонистов на «марксистскую» идейно-политическую гегемонию. «Иден» Мао Цзэдуна были объявлены «самым новым достоянием теоретической сокровищницы марксизма-ленинизма», «знаменем побед революционных народов мира»⁹.

Факты показывают, что китайское руководство, прикрываясь революционной марксистской фразеологией, утверждениями о приверженности марксизму-ленинизму, пролетарскому интернационализму, на деле остается на антимарксистских, антикоммунистических позициях.

8. Усиление противоречивости в экономической политике китайских руководителей: сохранение маонизма в теории и утилитарный подход к практике.

Пытаясь приспособить некоторые постулаты Мао Цзэдуна к реальным требованиям хозяйственной жизни Китая и тем самым найти выход из экономического хаоса, китайские лидеры вынуждены были принять ряд неотложных мер, направленных на устранение или ослабление наиболее однозвучных моментов маонистской экономической политики, которая по существу парализовала к 1976 г. народное хозяйство страны и поставила под угрозу само существование политической системы, созданной в результате так называемой «культурной революции».

Как заявления самих китайских лидеров, так и анализ их практической деятельности показывают, что цели, а вместе с ними и существо экономической политики нового руководства КНР остались в принципе без изменений: она по-прежнему направлена на подчинение экономического развития страны интересам скорейшего наращивания военной мощи Китая во имя осуществления на практике великодержавных, шовинистических устремлений. Эта политика остается по своей сути антисоциалистической и антинародной.

Милитаризация, являющаяся важнейшей составной частью совокупности общественных отношений, насаждаемых в Китае с конца 50-х годов, сегодня проникла во все сферы общественной жизни КНР.

Несмотря на то что политика милитаризации экономики и всей общественной жизни страны, активно проводившаяся в жизнь в течение 60—70-х годов, явилась главным препятствием на пути социального прогресса, породила острые противоречия внутри китайского общества, поставила под угрозу социалистические завоевания в Китае, новое руководство КНР со всей определенностью заявило о своей твердой решимости продолжать и даже усилить курс на милитаризацию страны, на превращение ее в милитаристское, агрессивное государство.

9. Сохранение политической нестабильности и борьбы за власть внутри китайского руководства.

Политическая нестабильность стала чертой, постоянно присущей внутренней обстановке в Китае в последние годы. Преемники Мао Цзэдуна, несмотря на пропагандистское осуждение фракционности, в сущности, продолжают его линию узаконенной и якобы неизбежной борьбы группировок в партии, стравливания различных групп во внутривластной политической борьбе.

* * *

Таким образом, политическая и идеологическая деятельность нынешнего китайского руководства дает убедительное подтверждение дальнейшего сползания его идеологии и политики вправо, в сторону все более тесного блокирования с силами мирового антикоммунизма. Этот процесс сопровождается созданием современной версии маонизма,

⁹ См. «Хунци», 1977, № 9, с. 4.

которая более эффективно отвечала бы экспансионистским, антисоциалистическим целям нынешнего маоистского руководства, его гегемонистской, милитаристской политике. Не меняя существа этой политики, современное руководство Китая вынуждено вносить коррективы в методы и пути ее реализации, то есть пытается как бы вдохнуть в маоизм новую жизнь.

Политика и идеологическая платформа нынешних руководителей Китая становятся еще более опасными и потому, что они не только сохранили главное в маоизме — его антисоциалистическую, антикоммунистическую направленность, враждебность марксизму-ленинизму, но и пытаются приспособить маоистские постулаты к реальной жизни, «облагородить» и «припудрить» их, сделать более респектабельными. Современное руководство Китая сохраняет и укрепляет принципиальные антисоциалистические, националистические основы маоизма.

Более того, маоизм начала 1979 г. дал новые доказательства своей экспансионистской, реакционной сущности, развязав агрессивную войну против Социалистической Республики Вьетнам. Вероломное нападение Пекина на социалистическую страну до конца обнажило контрреволюционный характер маоизма, его принципиальную враждебность реальному социализму, показало, какую опасность представляет собой маоизм для судеб человечества.

Итак, вся история маоизма свидетельствует о том, что он на всех этапах своей эволюции был и является принципиальным противником научного социализма — как внутри Китая, так и на международной арене.

Ведя непримиримую борьбу с маоизмом, наша партия никогда не отождествляла маоизм, маоистов с китайским народом. КПСС и Советское государство, учитывая коренные интересы советского и китайского народов, всегда выступали и выступают за нормализацию отношений с КНР, за восстановление с ней добрососедства. Эта линия нашей партии была вновь подтверждена в выступлении товарища Л. И. Брежнева по венгерскому телевидению 1 июня нынешнего года: «Мы не раз предлагали китайской стороне договориться о нормализации наших отношений, ввести их в добрососедское русло. Мы и сейчас готовы к этому, но, разумеется, не за счет интересов третьих стран. Словом, если с китайской стороны будет проявлена действительно добрая воля, то за нами дело не станет»¹⁰.

Опыт китайской революции, Китайской Народной Республики убедительно показал, что кардинальное решение экономических, социальных и других проблем Китая, возрождение его роли как активной силы мирового прогресса лежат не на путях маоизма, а на путях возврата в лагерь мира, демократии и социализма.

¹⁰ «Правда», 2.VI.1979.

Маоисты и Чан Кайши: совпадение политики

А. М. Ледовский

В 1957 г. глава реакционного гоминьдановского режима Чан Кайши опубликовал книгу «Советская Россия в Китае», которая была переиздана в 1958 и 1965 гг. Одна из ее главных целей, как подчеркивает автор, — «разобраться» в причинах, которые привели его режим к поражению. Эта книга от начала до конца проникнута ненавистью к Советскому Союзу, к «русским коммунистам», которых автор объявляет врагом № 1, главными виновниками краха гоминьдановского режима и победы КПК.

По признанию самого Чан Кайши, у него были особые счеты с «русскими коммунистами». Он ненавидел их прежде всего за то, что они совершили Великую Октябрьскую социалистическую революцию, которая, как он пишет, «оказала решающее влияние на прогрессивных людей в странах Азии, где вековое колониальное господство западных держав уже посеяло к тому времени семена недовольства и протеста»¹. Чан Кайши ненавидел «русских коммунистов» за то, что «они организовали китайскую коммунистическую партию» и оказали ей всестороннюю помощь и поддержку, содействовали ее сближению с Сунь Ятсеном, что «положило начало периоду мирного сосуществования между гоминьданом и китайской коммунистической партией, а также между Китаем и Советской Россией»².

Если отбросить его антисоветскую и антикоммунистическую терминологию, то Чан Кайши фактически признает, что улучшение отношений между Китаем и Советским Союзом всегда было на пользу революционно-демократическим силам, удерживало гоминьдан от военных акций против КПК, когда превосходство сил было явно на стороне гоминьдана. «Всякий раз, когда китайские коммунисты терпели неудачи на поле боя, — пишет Чан Кайши, — международные коммунисты (так он называет КПСС и другие братские партии. — А. Л.) неизменно приходили к ним на выручку». Так было, отмечает он, в 1927 г., так было в последовавший за этим период военных походов гоминьдановских армий против КПК, «так это снова произошло в конце второй мировой войны»³.

Чан Кайши подчеркивает, что решающим для судьбы его режима был период 1945—1949 гг. Среди главных событий этих лет, определивших развитие всей обстановки в Китае, которое привело к образованию КНР (по его терминологии — к «переходу Китая за железный занавес»), Чан Кайши называет заключение советско-китайского договора о дружбе и союзе от 14 августа 1945 г., а также связанное с осуществлением этого договора вступление советских вооруженных сил в войну с Японией и ввод их на территорию Маньчжурии⁴. Чан Кайши отмечает, что советские войска затруднили установление гоминьдановского контроля над Маньчжурией, помогли войскам КПК «первыми войти в этот район. А затем они передали китайским коммунистам оружие, которое сложили более миллиона японских и марионеточных войск»⁵.

Чан Кайши отмечает далее, что в период гоминьдановского режима Советское правительство выступило за то, чтобы Китай в своих отношениях с Соединенными Штатами и Россией «проводил независимую политику и создал коалиционное правительство». Чан Кайши заявляет, что он был против, так как такой курс позволил бы КПК (по его терминологии — Советской России, русским коммунистам и т. п. — А. Л.) установить свой контроль, то есть завоевать власть в Китае «путем мирных преобразований», «не пролив ни одной капли русской крови»⁶.

Политику поддержки Советским Союзом борьбы демократических сил Китая, возглавленных КПК, Чан Кайши называет не иначе, как «советской агрессией».

¹ Chiang Kaishek. Soviet Russia in China. New York, 1965, p. 5.

² Ibid., p. 5—6.

³ Ibid., p. 149—150.

⁴ Ibid., p. 6.

⁵ Ibid., p. 98.

⁶ Ibid., p. 105.

Чан Кайши пишет, что после капитуляции Японии правительство гоминьдана обладало решающим превосходством сил над КПК и что если бы оно сразу же пошло на «прямую войну» с китайской компартией, то сумело бы «покончить» с ней. Чан Кайши сожалеет, что он согласился пойти на переговоры с КПК, стать на путь мирного урегулирования, «навязанный китайскому правительству Москвой... и международными коммунистами». В результате, пишет он, «мое правительство и я не сумели обеспечить для себя ни мира, ни войны»⁷ (то есть завоевать победу над КПК военным путем. — А. Л.).

Чан Кайши отмечает, что наряду с передачей Народно-революционной Армии в Маньчжурии японского трофейного оружия и другими формами помощи Советского Союза китайской компартии исключительно важную роль сыграла интернациональная морально-политическая поддержка, оказанная КПК Советским Союзом и «мировым коммунизмом», в частности в мобилизации мирового общественного мнения, в разоблачении в его глазах гоминьдановского режима. «Меня характеризовали, — пишет Чан Кайши, — как фашиста, а мое правительство — как реакционное, бездарное и коррупированное»⁸. Все это делалось, по его словам, для того, чтобы «китайские коммунисты могли захватить власть»⁹.

«Москва, — пишет Чан Кайши, — мобилизовала международных коммунистов на дискредитацию нашего правительства в глазах американской общественности и расстроила наши отношения с американским правительством. Под таким давлением правительство США вывело свои войска из Китая, а также приостановило финансовую и военную помощь моему правительству»¹⁰.

Чан Кайши «поучал» правительства и народы других стран. В своих заявлениях он всячески пытался опорочить внешнюю политику КПСС, призывал не верить Советскому Союзу, его миролюбию. Он требовал отвергнуть в международных отношениях политику мирного сосуществования, которая, по его словам, означает установление «коммунистического господства». «Я призываю некоммунистические страны Азии, — пишет главарь гоминьдановских реакционеров, — не попадаться в ту же самую западную «мирного сосуществования» с Россией, в какую попали мы, когда находились еще на китайском материке»¹¹. Чан Кайши призывал страны так называемого «свободного мира», прежде всего США, решительно бороться против политики «русских коммунистов», направленной на поддержку антиколониальных движений, на оказание помощи национально-освободительной борьбе народов Азии, Африки и Латинской Америки «с целью заставить западные страны уйти из этих районов». Он настойчиво советует США и их западным союзникам «не уступать» своих позиций в указанных районах, не ослаблять там своего «присутствия»¹².

Чан Кайши призывал крепить НАТО, покончить с серьезными разногласиями внутри этого блока, поскольку, утверждал он, «эти слабости предоставляют России возможность создавать взаимное недоверие между членами НАТО, в особенности между США и остальными участниками Северо-Атлантического пакта»¹³.

Чан Кайши проповедовал неизбежность мировой войны. Приписывая СССР агрессивные намерения и стремление к мировому господству, он предлагал США и их империалистическим союзникам первыми нанести удар по Советскому Союзу. Подстрекая США к развязыванию войны против СССР, он убеждал американцев, что им нечего бояться, поскольку, мол, за них будут воевать другие, а задача США — служить лишь «тылом», «арсеналом», «главной опорной базой» «свободного мира» в его борьбе «против коммунизма», что США не грозит в этом случае опасность превращения их собственной территории в «поле боя»¹⁴.

Чан Кайши заверял своих империалистических хозяев, что война против национально-освободительного и революционно-демократического движения в Азии (он именует ее «антикоммунистической войной») будет иметь «локальный» характер. «Если же западные державы побоятся, что локальная война может вызвать глобальную войну, и будут стремиться любой ценой избежать ее, то это поставит свободные нации (то есть реакционные и марионеточные режимы. — А. Л.) в совершенно безвыходное положение перед лицом косвенной агрессии со стороны России»¹⁵.

Чан Кайши призывал «свободные нации» действовать сообща, чтобы нанести поражение «замыслу России завоевать мировое господство», и рекомендовал взять «на вооружение» его опыт «30-летней борьбы с коммунизмом»¹⁶. «Самыми крупными достижениями» империализма в борьбе против коммунизма Чан Кайши считал создание

⁷ Chiang Kai shek. Op. cit., p. 105.

⁸ Ibid., p. 106.

⁹ Ibid., p. 77.

¹⁰ Ibid., p. 13.

¹¹ Ibid., p. 188.

¹² Ibid.

¹³ Ibid., p. 196.

¹⁴ Ibid., p. 208.

¹⁵ Ibid., p. 202—203.

¹⁶ Ibid., p. 177.

НАТО, втягивание в этот блок Западной Германии и заключение договоров «между союзниками и Японией»¹⁷.

Чан Кайши призывал также империалистов использовать все средства, любую возможность, малейшие противоречия и «трещины» в рядах коммунистических и рабочих партий, чтобы вносить раскол в мировое коммунистическое и рабочее движение, подрывать социалистические страны, рекомендовал без всякого стеснения вмешиваться в их внутренние дела, «помогать антикоммунистам за железным занавесом в борьбе против коммунистических режимов» в этих странах¹⁸.

Чан Кайши советовал вести в отношении социалистических стран политику прямой агрессии в сочетании с подрывными акциями изнутри. «Ограничьтесь ожиданием, когда коммунисты сами потерпят поражение, — писал он, — равносильно тому, чтобы влезть на дерево и удить рыбу в его листе... Я повторяю, что антикоммунистические народы в свободном мире (то есть реакционные силы в капиталистических странах. — А. Л.) сделали бы огромную ошибку, если бы избрали выжидательную политику, уповая на то, что коммунистический блок развалится сам»¹⁹.

Эти бредовые идеи Чан Кайши не заслуживали бы внимания и упоминания, если бы они были похоронены и превратились в прах вместе с ним. К сожалению, у Чан Кайши нашлись достойные его преемники в лице Мао Цзэдуна и маоистов, которые, отряхнув могильную пыль с его политических «завещаний», полностью взяли их на свое вооружение.

Политическое кредо Чан Кайши по времени его выхода в свет совпадает с периодом подготовки и осуществления Мао Цзэдуном и его сторонниками контрреволюционного переворота в Китае, совершенного под флагом «культурной революции». И вряд ли случайным является тот факт, что основные внешнеполитические концепции, пропагандируемые Чан Кайши, фактически совпадают с внешнеполитическим курсом, выдвинутым Мао Цзэдуном и подхваченным его преемниками в Пекине.

В свое время эти реакционные взгляды Чан Кайши, его выступления как поджигателя новой мировой войны, трубадура антикоммунизма и антисоветизма резко осуждались руководящими деятелями КПК, в том числе Мао Цзэдуном. Так, в декабре 1947 г. Мао Цзэдун заявил: «Американский империализм и его приспешники в различных странах, пришедшие на смену германскому и японскому милитаризму и их приспешникам, образовали реакционный лагерь и повели борьбу против Советского Союза, против стран народной демократии в Европе, против национального движения в колониях и полукolonиях, против освобождения китайского народа. Именно в это время, подобно тому как Ван Цзинвэй стал приспешником японского империализма, китайские реакционеры во главе с Чан Кайши стали приспешниками американского империализма, продали Китай США, развязали войну против китайского народа... Развязывая в 1946 г. гражданскую войну во всей стране, реакционная клика Чан Кайши посмела пойти на эту авантюру не только потому, что она рассчитывала на свои превосходящие военные силы, но и главным образом потому, что она рассчитывала на американский империализм... Эта клика полагала, что американский империализм может служить неиссякаемым источником для удовлетворения ее военных и денежных нужд, а с другой стороны, лелеяла сумасбродные мечты о неизбежном взрыве третьей мировой войны»²⁰.

В ноябре 1948 г. Мао Цзэдун заявил, что «американский империализм бешено готовит новую мировую войну, угрожает всему миру». Он призывал революционные силы всех стран сплотиться и «создать единый антиимпериалистический фронт во главе с Советским Союзом»²¹.

В 1949 г. и позже Мао Цзэдун предостерегал тех «наивных людей» в Китае, которые строили иллюзии в отношении США, рассчитывали на получение от них экономической помощи. Он предупреждал, что такая помощь таит в себе «коварство». Он не советовал обращаться к США и другим империалистическим державам за помощью. Мао Цзэдун рекомендовал прислушаться к завещанию Сунь Ятсена: «он настоятельно советовал народу не уповать на помощь империалистических стран, а объединиться с теми нациями мира, которые относятся к нам как к равным». Д-р Сунь Ятсен пришел к этому выводу, поучал Мао Цзэдун, «на собственном опыте». «Мы должны помнить его слова, чтобы не стать жертвой новых обманов. В международном плане мы стоим в рядах антиимпериалистического фронта, возглавляемого Советским Союзом, и настоятельную международную помощь мы можем искать только на этой стороне, а не на стороне империалистического фронта»²².

Бичуя Чан Кайши за связь с американским империализмом, Мао Цзэдун критиковал китайских «либералов». «Они легко поддаются на медоточивые речи американских империалистов и считают, что эти империалисты якобы могут строить свои отношения с народным Китаем на началах равенства и взаимной выгоды, даже если не ве-

¹⁷ Ibid., p. 190.

¹⁸ Ibid., p. 181.

¹⁹ Ibid., p. 181—182.

²⁰ Мао Цзэдун. Избр. произв., т. IV. Пекин, 1969, с. 191, 208.

²¹ Там же, с. 347.

²² Там же, с. 509.

сти против них серьезной и длительной борьбы. В головах этих интеллигентов, — подчеркивал Мао Цзэдун, — все еще сохраняется уйма реакционных, то есть антинародных взглядов»²³.

Высмеивая иллюзии некоторых китайцев в отношении политики США, Мао Цзэдун называл их «китайскими интеллигентами-путаниками». Они считают, говорил он, что «отбрасывая нож, мясник мгновенно становится буддой» или, «каясь, грабитель становится добродетельным». Мао Цзэдун не раз поучал: «Козни, поражение, вновь козни, вновь поражение и вплоть до самой гибели — такова логика империалистов и всех реакционеров мира при подходе к народному делу, и они никогда не действуют вопреки этой логике. Таков марксистский закон. Когда мы говорим «империализм свиреп и жесток», мы имеем в виду то, что его природа не может измениться, что империалисты вплоть до самой гибели ни за что не отбросят нож мясника, никогда не станут буддами»²⁴.

В беседе с Анной-Луизой Стронг в августе 1946 г. Мао Цзэдун, отвечая на ее вопрос о возможности нападения США на СССР, заявил: «Пропаганду войны против Советского Союза следует рассматривать с двух сторон. С одной стороны, американский империализм действительно готовит войну против Советского Союза и ведущая сейчас пропаганда войны против Советского Союза и прочая антисоветская пропаганда являются политикой подготовки к такой войне. С другой стороны, эта пропаганда является дымовой завесой, создаваемой американскими реакционерами для того, чтобы скрыть многочисленные реально существующие противоречия, с которыми теперь американский империализм непосредственно сталкивается»²⁵. И далее, говоря о политике США в отношении других стран, Мао подчеркнул: «Я уверен, что не пройдет много времени и эти страны поймут, кто в действительности угнетает их — Советский Союз или Соединенные Штаты. Наступит день, когда американские реакционеры обнаружат, что против них выступают народы всего мира... Как Вам известно, Гитлер и его партнеры, японские милитаристы, в течение длительного времени использовали антисоветские лозунги в качестве предлога для поражения народов своих стран и осуществления агрессии против других стран. Ныне американские реакционеры выступают точно таким же образом»²⁶.

Вторя Мао Цзэдуну, его личный секретарь Чэнь Бода в книге «Чан Кайши — враг китайского народа» писал: «Закоренелый убийца и предатель, Чан Кайши воплотил в себе всю мерзость китайских феодалов-крепостников...»²⁷. Для достижения своих реакционных целей Чан Кайши и его клика опирались на американский империализм, который щедро снабжал их оружием, военными материалами, деньгами. За эту помощь они «верой и правдой служили американскому империализму, стараясь изо всех сил оправдать его надежды»²⁸.

В указанной книге, отражающей критику Мао Цзэдуном Чан Кайши, последний осуждается за то, что он

— неискренне вел себя в отношении СССР, рядился в одежды «друга» Советского Союза, когда видел, «что представляется хороший случай нажить себе политический капитал»;

— вел себя как «хитрая и коварная лиса», часто «метал левые фразы», в угоду американцам «клеветал на Советский Союз» и т. д.²⁹

Совершив в середине 60-х годов контрреволюционный переворот и установив военный-бюрократический режим, Мао Цзэдун и его группировка фактически оторвались от того, что они ранее защищали и принялись превозносить то, что они раньше осуждали. Прежде всего они вытащили из гоминьдановского арсенала антисоветизм и все другие реакционные, человеконенавистнические концепции и сделали их своей генеральной внешнеполитической программой. Следуя «завещанию» Чан Кайши, они объявили СССР «врагом № 1». Как известно, ни одно правительство в Азии не решилось открыто выступить с такой враждебностью по отношению к Советскому Союзу и с выдвинутой Чан Кайши программой развязывания новой мировой войны. При этом маоисты придали своей внешнеполитической программе неизмеримо более агрессивный и более варварский характер. С необыкновенным цинизмом Мао и маоисты заявили о готовности сжечь в пламени ядерной войны половину человечества.

Как известно, Чан Кайши, мало заботясь о судьбах народа собственной страны, строил экспансионистские планы в отношении других стран, в частности в отношении Бирмы и стран Индокитая, Кореи, Монгольской Народной Республики. Эти планы поддерживались, поощрялись правящими кругами США, которые внушали гоминьдановскому режиму идею, что Китай должен играть в Азии роль «великой державы», «бастииона демократии», что США и Китаю, им вместе, принадлежит особая роль в Азии — защита интересов «свободного мира» и т. д. США не скупилась на такого рода заявления в адрес гоминьдановского режима, ибо это не причиняло никакого ущерба их

²³ Мао Цзэдун. Указ. соч., с. 522.

²⁴ Там же, с. 523.

²⁵ Там же, с. 114—115.

²⁶ Там же, с. 115, 117.

²⁷ Чэнь Бода. Чан Кайши — враг китайского народа. М., 1950, с. 16.

²⁸ Там же.

²⁹ См. там же, с. 26—33.

империалистическому, колониальному господству в Азии. В действительности они ни с кем не собирались делить это господство и уж менее всего думали о каких-либо серьезных уступках Китаю. Ввиду чрезмерной слабости гоминьдановского Китая и полной его политической, военной и экономической зависимости от США экспансионистские устремления чанкайшистов не угрожали американскому империализму. Более того, этот экспансионизм был ему на пользу, поскольку давал возможность использовать Китай для порабощения других народов, для осуществления агрессивной политики Вашингтона в Южной и Юго-Восточной Азии и на Дальнем Востоке.

Однако в силу ряда обстоятельств указанные экспансионистские устремления чанкайшистов не получили своей практической реализации. Их агрессия в отношении других стран носила больше «картографический» характер: гоминьдановские власти опубликовали карты, на которых они включили в границы Китая территории многих своих соседей. Дальше этого чанкайшисты пойти не смогли. Революция выбросила их на свалку истории вместе с их картами и планами.

Мао и маоисты не ограничились «картографической» агрессией, а прибегли к прямым вооруженным действиям, что остерегались делать чанкайшисты. Так, в 1962 г. пекинские власти напали на Индию и захватили часть ее территории. Они выдвинули абсурдные претензии в отношении СССР и спровоцировали вооруженный конфликт на советско-китайской границе. Мао и маоисты толкнули на вооруженные выступления левых экстремистов в Индонезии, Бирме, Таиланде, на Филиппинах и в ряде других стран. Они навязали Кампучии марионеточный режим Пол Пота — Иенг Сари и при его содействии пытались превратить эту страну в провинцию Китая, физически уничтожив значительную часть ее населения. Преемники Мао Цзэдун пошли на еще более гнусное преступление — развязали кровавую агрессивную войну против социалистического Вьетнама.

Параллели между чанкайшистами и маоистами проходят во многих других направлениях и областях. Как известно, режим Чан Кайши имел ярко выраженный военно-бюрократический характер. Партийный и государственный аппараты срослись с аппаратом военным, и это сращивание находило отражение в деятельности гоминьдана, его партийных органов, как и в деятельности государственного аппарата и хозяйственных органов. В высших правящих кругах происходила непрерывная борьба между милитаристскими кликами и политическими группировками. Каждая из них опиралась на подерживавшие ее силы в стране. Одни имели опору в армии, другие — в партийном или государственном аппарате, за спиной третьих стояли жандармско-полицейские органы типа «СС» и т. д. Чан Кайши держался у власти путем умелого лавирования между этими группировками. Он делал все, чтобы держать их в состоянии распрей, не дать им примириться и объединиться. Он внимательно следил за тем, чтобы одна группировка не слишком возобладали над другой. В критические моменты он приходил на выручку той, которая оказывалась наиболее слабой, и ей угрожал разгром со стороны противников. И хотя многие в этих правящих кругах видели и понимали всю бездарность Чан Кайши как руководителя огромной страны, а многие втайне его просто ненавидели, все они на словах восхваляли его как «мудрого вождя», «отца нации» и т. п. И как указанные правящие группировки с их взаимной борьбой нужны были Чан Кайши, чтобы удержаться у власти, так и он в не меньшей мере был нужен этим группировкам в качестве арбитра, который всегда мог выступить, чтобы помешать им перебить друг друга или попасть в подчинение наиболее сильной из них. У этого арбитра было и другое немаловажное преимущество перед всеми другими претендентами на верховную диктаторскую власть в стране: ему непосредственно как главнокомандующему подчинялась так называемая Национальная армия центрального правительства, повседневный контроль над которой осуществлял начальник генерального штаба, назначенный из числа преданных Чан Кайши генералов.

Стремясь к достижению своих эгоистических целей, прежде всего к захвату и укреплению личной власти в партии и в стране в целом, Мао Цзэдун и маоисты сделали все, чтобы перенять и внедрить в практику деятельности партийных и государственных органов (сначала в базовых районах КПК, а после образования КНР — в масштабах всей страны) многие черты указанного военно-бюрократического режима гоминьдана, притом самые худшие из них. Сконцентрировав всю партийную, государственную и военную власть в своих руках (прямо или через наиболее послушных ему людей в руководящей верхушке), Мао Цзэдун навязал КПК чуждые марксизму-ленинизму методы руководства. Партийное воспитание коммунистов было подменено голым администрированием, методы убеждения заменены методами принуждения и чаще всего грубого насилия. Это проявилось не только в ходе «культурной революции», но еще задолго до нее. У этой «революции» была своя предыстория в виде известной кампании «чжэнфэн» («исправления стиля работы»), в ходе которой Мао Цзэдун и его группировка истребили тысячи неугодных им честных коммунистов, а после образования КНР — в форме бесконечных кампаний против «трех зол», «пяти зол». Официально эти кампании велись под лозунгами борьбы против контрреволюционных элементов, а также против взяточничества, хищения народной собственности, различных проявлений морально-политического разложения в партии и государственном аппарате. Но в действительности, что отмечали многие коммунисты-интернационалисты, эти лозунги использовались не только для борьбы с классовыми врагами, но и как удобное прикрытие для расправы над лучшими и преданными марксизму-ленинизму партийными

кадрами, для запугивания и устрашения партийных и широких беспартийных масс. Это потребовалось Мао Цзэдуну и маоистам потому, что великая победа китайской революции, сокрушительный разгром многомиллионной армии гоминьдана, изгнание с китайской территории более чем стотысячной армии США с мощными военно-воздушными, военно-морскими и прочими силами, вдохновенный пример Советского Союза, нанесшего смертельный удар германскому фашизму и японскому милитаризму, вызвали невиданный политический подъем в КПК и во всем китайском народе, огромный рост творческих сил и политической сознательности трудового народа. Мао Цзэдун увидел в этом опасность для осуществления своих личных, эгоистических замыслов и решил «приглушить» всенародный политический подъем, подчинить партию и широкие народные массы своей единоличной власти, лишить их революционной воли, сделать безропотными и покорными воле «великого кормчего».

Характеризуя многие коварные приемы Чан Кайши, Чэнь Бода писал: Чан Кайши хотел, чтобы сын восставал против отца, ученик против учителя, подчиненный против начальника. «Это одна из дымовых завес, под прикрытием которых Чан Кайши осуществлял захват армии, захват партии, захват власти...»³⁰ Чэнь Бода отмечает также, что до тех пор, пока Чан Кайши не достиг своих целей, он продолжал «играть в революцию»³¹.

Как показали события 60-х годов, все это нашло отражение в «культурной революции», предпринятой Мао Цзэдуном. Как и Чан Кайши, главным объектом террора Мао Цзэдун избрал КПК, жертвами этого террора явились более пяти миллионов китайских коммунистов³².

Это стоило китайскому народу значительно больших жертв, чем потери, которые Китай понес непосредственно в сражениях с японскими захватчиками на протяжении восьми лет войны (потери китайской армии убитыми и ранеными за указанный период составили 3,2 млн. чел.³³). Около 40 млн. студентов, рабочих, преподавателей, врачей и других представителей интеллигенции были в принудительном порядке выселены из городов и отправлены в наиболее глухие сельские районы³⁴. Многие из них погибли от голода и болезней. Часть молодежи бежала обратно, пополнив и без того огромную армию деклассированных элементов, занимавшихся бандитизмом, проституцией и т. д.

Чан Кайши уничтожал своих классовых политических противников, прежде всего коммунистов. Он вел борьбу и с негодными ему деятелями в гоминьдане. Но борьба с ними не имела такого массового и кровавого характера, как при Мао Цзэдуне. Чан Кайши щадил представителей своего класса, предпочитал манипулировать постами, выдвигая одних и понижая других. В высших центральных государственных и военных органах Чан Кайши учредил огромное число почетных постов и отдавал их высокопоставленным гоминьдановским деятелям, включая крупных генералов, которых ему нужно было лишить реальной власти. Почти все время пребывания Чан Кайши у власти, вплоть до бегства его на Тайвань, на высших государственных, партийных и военных постах гоминьдановского режима сохранялась в основном одна и та же группа лиц.

Мао Цзэдун поступал со своими соратниками по-иному. Он учинил над ними жестокую расправу, многих физически уничтожил.

Контрреволюционный переворот в 1927 г. был совершен под лозунгом «Да здравствует главнокомандующий Чан Кайши!»³⁵. Лозунгом «культурной революции» было «Да здравствует председатель Мао!».

Чан Кайши первый призвал: «Бить по штабам!», то есть городским партийным комитетам, руководящим центрам профсоюзов и других прогрессивных организаций. В отличие от хунвэйбинов Чан Кайши бросил на эти штабы отряды «синерубашечников» и разного рода банды, сколоченные из членов тайных обществ люмпен-пролетариата и прочего сброда с нарукавными повязками «рабочих». А им на выручку, якобы для наведения порядка, направлялись вооруженные силы регулярной армии, полиции и жандармерии.

Аналогичный сценарий был разыгран впоследствии Мао Цзэдуном.

Что касается жестокости, террора и прочих варварских методов, которые применял Чан Кайши ради достижения своих эгоистических целей, то Мао Цзэдун, Чжоу Эньлай и другие деятели КПК вполне справедливо указывали на эту сторону поведения главы гоминьдановского режима. Вот что говорил о Чан Кайши Мао Цзэдун: «Он, как всем известно, исключительно жестокая и коварная личность... Этому человеку вообще незнакомо чувство благодарности... Пробравшись к власти, он не только не поблагодарил народ, но столкнул его в пучину кровопролитной десятилетней гражданской войны... Теперь, когда война (против Японии. — А. Л.) увенчалась победой... он собирается развязать антинародную гражданскую войну и учинить кровавую расправу».

³⁰ Чэнь Бода. Указ. соч., с. 37.

³¹ Там же, с. 39.

³² См. Крум Босев. Тайфун. М., 1978, с. 5.

³³ In: Chiang Kaishek. Op. cit., p. 90.

³⁴ In: Tai Sung an. Mao Tse-tung's Cultural Revolution, 1972, p. 113.

³⁵ См. Чэнь Бода. Указ. соч., с. 46.

над народом... Чан Кайши все время стремится навязать народу войну, он держит меч и в левой и в правой руке... Кого же он хочет убивать этим мечом? Народ... Военное подавление и политический обман — это два основных средства, с помощью которых Чан Кайши поддерживает свое реакционное господство»³⁶.

Те, кому довелось работать в первые годы после образования КНР или издали внимательно следить за событиями в этой стране, были шокированы размахом репрессий, предпринятых новыми китайскими властями под руководством Мао Цзэдуна. Разумеется, внешние и внутренние враги КНР не смирились со своим поражением, они продолжали подрывные действия, и борьба с ними была неизбежной и необходимой. Но народная власть пользовалась самой широкой поддержкой трудовых масс Китая. Она располагала крупными вооруженными силами. На стороне КНР была твердая поддержка мощного социалистического лагеря во главе с Советским Союзом. Поэтому масштабы репрессий, предпринятых маоцзэдуновским руководством, далеко выходили за рамки действий, продиктованных соображениями внутренней и внешней безопасности страны. По всей стране действовали военные трибуналы, которые устраивали массовые публичные казни — на городских площадях, чаще на стадионах в присутствии десятков и сотен тысяч зрителей. Приговоры выносились без предоставления обвиняемым какого-либо права и возможности юридической защиты. Их заставляли всенародно каяться в преступлениях, в совершении которых они обвинялись. Голоса многотысячной толпы принимались как приговор «народного суда», и он тут же, на переполненных народом площадях и стадионах, приводился в исполнение. Таким образом расстреливали сразу десятки и сотни приговоренных. Сообщения о подобных массовых казнях пестрили страницы многих китайских газет.

Как уже отмечалось, под видом борьбы с врагами Мао Цзэдун и его группировка наносили удары по наиболее передовым отрядам рабочего класса, лучшим партийным кадрам, твердо стоявшим на марксистско-ленинских позициях. При этом применялись такие изуверские методы, которых не знали гоминьдановские палачи.

Как показывают факты, методы насилия «совершенствовались» в период «культурной революции», да и в последующие годы, которые лишь подтвердили, что существо маоистского режима военно-бюрократической диктатуры не меняется. Маоисты не только унаследовали многое от внешней и внутренней политики Чан Кайши, но и в ряде случаев «превзошли» его. Пекинский режим вступил в противоречие с коренными интересами народа, противопоставляет себя народу. Это неизбежно порождает глубокое недовольство в стране, возникает реальная возможность нарастания борьбы китайских трудящихся и интеллигенции против существующего режима, который ведет страну по пути милитаризации и войн, открывает двери иностранному капиталу, открыто выступает против социалистических стран.

Придет время — и история еще вынесет свой приговор правителям, толкнувшим Китай и его великий народ в лагерь реакции и империализма.

³⁶ Мао Цзэдун. Избр. соч., т. IV. с. 8—11, 165.

О некоторых явлениях в китайской литературе

*А. Н. Желоховцев,
кандидат филологических наук*

С приходом к власти в Пекине наследников Мао Цзэдуна их принципиальный подход к литературе не изменился; от нее по-прежнему требуют обслуживания групповых интересов и прославления отдельных лиц, прежде всего Хуа Гофэна (до конца 1978 г.). Господство маонизма все так же ставит китайскую литературу в безысходное положение: она призвана служить конкретной сиюминутной политической задаче, быть орудием политиканства, ее заставляют забывать о социальной, классовой роли, о воспитании народа в социалистическом духе, о расширении духовных горизонтов и социалистической сознательности масс. В условиях маонистской политики у китайской литературы нет будущего. Вместе с очередным политическим фиаско маонистов уходят в небытие и «произведения», воспевающие переходящие лозунги. Так было с «большим скачком», с «новью культурной революции», с «борьбой против идущих по капиталистическому пути внутри партии», с прославлением «мудрого вождя председателя Хуа» и т. п.

Современное китайское руководство стремится сохранить личный авторитет Мао Цзэдуна и его «идей», в том числе «курс товарища Мао Цзэдуна» в отношении литературы и искусства, выдвинутый им «творческий метод сочетания революционного реализма и революционного романтизма». Но каковы бы ни были субъективные намерения высших руководителей, в китайском обществе начался процесс, постепенно подрывающий господство «идей Мао Цзэдуна» в общественной жизни, если не формально, то по существу. Это мучительный процесс, сопряженный с жестокой внутриполитической борьбой, нечто вроде идеологической эрозии, но он все же начался: китайское общество проснулось от оцепенения, в которое его ввергла «культурная революция».

Можно сказать, что в 1976 г. закончился важный этап современной китайской литературной истории и сейчас открывается на наших глазах ее следующая страница. Появится ли действительно здоровая, новая, социалистическая литература или же все сведется к заскорузлomu национализму и великодержавному самоупоению?..

Вынужденные уступки маонистов творческим силам страны еще в 1972—1976 гг. привели к росту численности молодежи, привлеченной к творческой деятельности — в той или иной форме, хотя бы и групповой, обезличенной, — и создали возможность появления общественной среды, способной осознать бесплодность маонизма и выступить против «линии Мао Цзэдуна в литературе и искусстве». В силу политической специфики пекинского режима такое выступление в открытой форме остается невозможным, но сохраняется иная возможность — традиционная для свекшегося с деспотизмом Китая — выступление против существа «идей Мао Цзэдуна» при сохранении на словах пьетета и чисто формальной словесной данн в виде восхваления и т. п.

Изменения в маонистском руководстве КНР, происшедшие в октябре 1976 г., могли привести к взрыву негодования китайской общественности против культурной политики маонистов предшествующего десятилетия. В создавшейся обстановке китайскому руководству не оставалось иного пути, кроме постепенного вынужденного отступления от безжизненных догм и искусственных запретов периода «культурной революции». При этом руководство постаралось жестко регламентировать этот процесс, чтобы сохранить максимум возможного из наследия «идей Мао Цзэдуна» для собственного употребления. Это ни в коей мере не была «демаонизация», о чем так охотно в угоду политической конъюнктуре писали в западной прессе начиная с 1977 г. Это была политика вынужденных уступок из опасения антимаонистских настроений внутри партии и у широкой общественности страны. Достаточно указать на попытки руководства в 1977—1978 гг. создать в литературе и культуре КНР культ личности Хуа Гофэна по тем же трафаретам, которые применялись маонистами прежде для прославления Мао Цзэдуна. В чисто маонистском духе китайская пропаганда составляла идеализированный образ Хуа Гофэна, все время соотнося его с Мао Цзэдуном. Пуб-

ликовались репродукции картин, изображающих Хуа Гофэна с Мао Цзэдуном. Поскольку в отличие от Мао Цзэдуна сам Хуа Гофэн не обнаружил дара стихосложения, печаталось факсимиле записанной Хуа Гофэном народной песни.

После смерти Мао Цзэдуна в политических целях продолжалась регулярная публикация его стихов, других сочинений, писем, не имеющих никакого литературного значения. Три стихотворения, написанные им в 1923—1964 гг., были впервые опубликованы 9 сентября 1978 г. по случаю второй годовщины со дня его смерти. В духе той же маоистской традиции печатались в газетах и издавались отдельными сборниками стихотворения других китайских руководителей — Дун Бю, Чжу Дэ, Чэнь И, Чжоу Эньлай, Е Цзяньина. Наконец, в отчетном докладе Хуа Гофэна XI съезду КПК в августе 1977 г. и в многочисленных литературно-критических статьях неизменно повторялись заверения, что творческим методом китайской литературы продолжает оставаться изобретенный Мао Цзэдуном «творческий метод сочетания революционного реализма и революционного романтизма», под флагом которого проходила в Китае «культурная революция» 1966 г., как и все литературное творчество 1966—1976 гг.

И сейчас маоистские, назойливо-парадные и безудержно хвалебные прославления руководства преобладают на страницах китайской печати, доминируют на театральной сцене. Такие произведения примечательны не именем автора или художественными достоинствами, а только одним качеством: кого именно из высших руководителей они прославляют и «увечковечивают». Например, в январе 1979 г. китайская печать широко откликнулась на три театральных спектакля: «Утренняя заря» («Шугуан»), в котором на сцену выходит Хэ Лун; «Наступить на восток! Наступить на восток!» («Дун цзинь! Дун цзинь!»), прославляющий Чэнь И, и «Снаньский инцидент» («Снань шибянь»), где на сцене одновременно прославляются Мао Цзэдун, Чжоу Эньлай и Чжу Дэ¹.

В поэзии изобилуют «политические» стихотворения, причем по-прежнему в духе антисоветизма, к которому добавились теперь нападки на социалистический Вьетнам. Свои имена для такого рода поэзии предоставили известные старые поэты Чжао Пучу, Цзоу Дифань. Но на «должность» первого поэта вознесен Е Цзяньин в силу занимаемого им поста. Стихи его печатаются факсимиле на первых страницах газет и журналов. Советский читатель может составить о них общее впечатление по стихотворению, воспевающему нейтронную бомбу, которое приобрело печальную известность у нас после публикации перевода на русский язык в «Литературной газете» 12 октября 1977 г.

Центральный литературный журнал «Жэньминь вэньсюэ» посвятил специальный номер (№ 12 за 1978 г.) воспоминаниям о Мао Цзэдуне по случаю 85-летия со дня его рождения. Не сходят со страниц печати и воспоминания, стихи и рассказы о великом походе китайской Красной армии 1934—1935 гг., написанные в том же маоистском духе.

Все эти произведения созданы по шаблону, который обязателен для маоистской литературы, единственное их отличие — расширение числа упоминаемых деятелей КПК. Вместо одного Мао Цзэдуна теперь восхваляют многих руководящих деятелей, как уже скончавшихся, так и ныне здравствующих. В 1977—1978 гг. появились очерки о деятельности Хуа Гофэна в провинции Хунань, о заслугах Е Цзяньина в период организации китайской Красной армии, об участии Дэн Сяопина в хуайхайской операции 1949 г., увенчавшейся освобождением Нанкина, столицы гоминьдановского Китая.

В десятилетие 1966—1976 гг. китайскую литературу составляли почти исключительно произведения подобного рода. Но за последние два года в ней появилось новое направление, представленное в форме коротких рассказов. Их уже немало, и печатаются они часто. Первым произведением, в котором читатели, редакторы и критика почувствовали свежее веяние, был рассказ Лю Синью «Классный руководитель»². Этот рассказ официально признан лучшим в 1978 г. Писателю предоставили трибуну на литературных конференциях и редакционных совещаниях. Он успел с тех пор опубликовать еще несколько рассказов.

«Классный руководитель» описывает события в пекинской средней школе в 1977 г. и основан на личном педагогическом опыте автора. Лю Синью так рассказал о своем замысле: «Я начал вспоминать свою жизнь за последние несколько лет. Разные сценки из той поры, когда я был классным руководителем и учителем-предметником, а также знакомых мне людей: учителей, школьников, родителей... Зачем отбрасывать подлинные конфликты и противоречия жизни, где-то еще велелую искать сюжет? Разложив бумагу, я сказал себе: на этот раз ты должен быть верен жизни, не надо заранее в нескольких словах формулировать заданную тему, а потом иллюстрировать ее, надо искренно изложить читателю собственные размышления о жизни...»³ Таковы были субъективные намерения автора. Действительность, которую он изобразил, пугает не сценами ужасов, а их обыденностью, будничностью.

¹ См. «Гуанмин жибао», 30.I.1979.

² См. «Жэньминь вэньсюэ», 1977, № 11; на англ. яз. — В журнале «Chinese Literature», 1979, № 1.

³ «Гуанмин жибао», 3.X.1978.

Главный герой рассказа — учитель Чжан Цзэньши, классный руководитель. Его вызывают в органы общественной безопасности и спрашивают, согласен ли он принять в свой класс Сун Баоци — мальчика, уже побывавшего под арестом. Тяжесть диктатуры маоистов известна всему миру, а не только китайским читателям рассказа Лю Синью. Выясняется, что Сун Баоци арестовали потому, что он вместе с другими мальчишками взломал склад, куда во время «культурной революции» была свалена «черная литература» из школьной библиотеки, и похитил оттуда запрещенную книгу Э. Войнич «Овод». В этой книге был рисунок: молодые герои целуются! Этого было достаточно, чтобы в маоистском Китае книгу Войнич причислили к «желтой» (пошлой) литературе.

Арест был не единственным наказанием для Сун Баоци. Его родители, боясь общественного осуждения и преследования, сменили место жительства и переехали в другой район, а сына решили устроить в другую школу, но его после ареста никуда не хотели принимать. Учитель Чжан совершает свой первый необычный, выходящий за рамки общепринятого поведения поступок: он соглашается принять Сун Баоци в свой класс. Этот добрый, хороший поступок настолько необычен в те дни, что сослуживцы в учительской осудили Чжана, с ними пришлось спорить довольно резко. Но самая большая трудность встретилась в классе: школьники, особенно девочки, отказались учиться вместе с «хулиганом» Сун Баоци. Особенно энергична была воспитанная на «культурной революции» активистка Се Хуэйминь, для которой «Овод» — о ужас! — иностранная, «желтая», запрещенная книга.

Автор с большой силой показал духовную трагедию современной китайской молодежи, которую «культурная революция» лишила даже потребности в духовном росте, понятия которой извращены маоистской пропагандой, газетными статьями, как сказано в рассказе.

Но в центре рассказа все же — сам учитель Чжан. Это очень деятельный, активный человек. Он спорит с коллегами-учителями, уговаривает школьников и в классе, и дома, через весь Пекин едет к родителям Сун Баоци на велосипеде, чтобы побеседовать с ними и самим мальчиком, посещает органы безопасности. Чжан не просто деятель. Он постоянно размышляет. Внутренние монологи героя чрезвычайно интересны. Он видит в «хулигане» Сун Баоци не виновника, а жертву. В 1977 г., когда создавался рассказ, автор не мог прямо сказать — жертву «культурной революции», но ход его мыслей ясен. Ответственность за тяжкую судьбу мальчика автор возлагает на ныне опальную «четверку» бывших приближенных Мао Цзэдуна (теперь-то это неукоснительно предписывается официальными инстанциями), но не ограничивается этим: герой рассказа упрекает себя за то, что не выступил открыто против «четверки» до ее политического падения, не обличал ее «реакционное вранье». Он беспокоится и за судьбу «активистки» Се, которая для него не в меньшей мере, чем «хулиган» Сун Баоци, — жертва духовной слепоты, порожденной «культурной революцией»: «Сразу после того как он сделался классным руководителем, он осторожно наметнул ей, что вместо заучивания наизусть цитат и слепого впитывания статей, комментирующих идеи председателя Мао, ей следовало бы самостоятельно изучать оригинальные сочинения марксизма-ленинизма и иметь свой независимый разум. Се не поняла тогда, что он имел в виду. Возможно, ему следовало сказать ей напрямик, помочь ей открыть глаза и быть более разумной в суждениях о правде и лжи...»

Учитель Чжан считает, что школьники «должны развивать свои аналитические способности, с тем чтобы быть лучшей смелой для социалистической революции и строительства». Прямо скажем, это не мало для человека, пережившего маоистскую «культурную революцию». Чжан не только пережил ее, но и, что еще важнее, не изменился, не «перевоспитался» по-маоистски, не забыл начала 50-х годов, когда в Китае велось плановое социалистическое строительство. Чжан сам читал «Овод» и воспринимает роман совсем иначе, чем травмированное маоистами молодое поколение китайцев: «Брови Чжана нахмурились в раздумье. Он вспоминал, что, когда был сам школьником и комсомольцем, эту книгу им рекомендовали. Однажды, сидя вокруг костра, они по очереди читали ее вслух со всей юношеской страстностью. Во время выезда к Великой стене они горячо спорили о достоинствах и недостатках Овода. Этот роман, написанный англичанкой Этель Войнич, необыкновенно воодушевлял Чжана и его одноклассников...» Да, недаром учитель Чжан мечтает «пробудить в школьниках интерес к мировой литературе». У него есть на то основание: собственный опыт, полученный им самим, воспитание в духе социалистического интернационализма начала 50-х годов.

В рассказе есть и другие весьма интересные персонажи. Это — самая интеллигентная в классе девочка Ши Хун и ее родители, о которых, правда, говорится бегло. Вот как описана эта семья в рассказе: «Отец Ши Хун работал в окружном комитете, а мать преподавала в начальной школе. Незадолго до начала культурной революции они оба вступили в партию. Изучение марксизма-ленинизма стало для них привычным делом. Книжки на их полках были изношены, с подчеркнутыми строчками, с закладками. А края изнашивались от частого употребления. Ши тоже стала книголюбом. Ей повезло. В их семье время после ужина отводилось для чтения за столом. Ее отец склонялся над историческими сочинениями, которые он так любил читать; мать проверяла домашние задания; сама Ши трудилась над физикой или математикой. Иногда они обсуждали новинки литературы и искусства. Они яростно спорили. Даже в период подав-

ления культуры «бандой четырех» у них на полках имелась «запрещенная» китайская и иностранная литература».

Как хорошо, что такие люди, как семья Ши Хун, смогли благополучно пережить «культурную революцию» маоистов и даже сохранить книги! Значит, в их доме не побывали хунвэйбины, разжигавшие костер из книг прямо на полу в комнате их владельца.

Именно Ши Хун помогает учителю Чжану переубедить школьников. Она собрала у себя дома девочек, которые отказались учиться в одном классе с побывавшим под арестом «хулиганом», и прочитала им повесть советского писателя Л. Пантелеева «Часы», которую еще в 1935 г. перевел великий китайский писатель Лу Синь. В повести советского писателя рассказывается о перевоспитании беспризорников после гражданской войны в СССР. Учитель Чжан и Ши Хун увидели в ней позитивный пример для себя в случае с «хулиганом» Сун Баоци и призвали школьников поступать в духе повести советского писателя. Правда, Ши Хун не читала «Овода», но она готова его прочесть. «Мои родители сказали, что эту книгу стоит прочитать. Я сейчас как раз прочла до половины «Как закалялась сталь». Там герой Павел Корчагин, пролетарий, очень восхищался Оводом», — говорит Ши Хун. И автор добавляет от себя: «Ши Хун хотела прочесть «Овод», но не смогла достать эту книгу».

Как же могло появиться в китайской печати произведение, да к тому же одобренное руководством, в котором поставлены действительно насущные вопросы общественной жизни, где такую большую роль играет пример советской литературы и высказываются вполне определенно пожелания о социалистическом будущем?

«Классный руководитель» отличается от китайской литературной продукции предшествовавшего десятилетия своими героями, их отношением к общественным проблемам. И все же рассказ несет на себе печать маоистской по духу литературы — без этого он не смог бы увидеть свет. Так же, как и во всех прочих литературных произведениях, здесь отдана обязательная дань шаблонной схеме — прямая лесть новому руководству: «Запах цветущей сирени становился все сильнее и навевал ему приятные мысли. «Банда четырех» сброшена, ЦК партии возглавляет Председатель Хуа, и новая, прекрасная ситуация дает стране надежду в настоящем и на будущее...»

Для литературы маоистского Китая произведение без антисоветских выпадов стало редкостью. Не исключение и «Классный руководитель». Писатель ввел в текст такую фразу: «Чжан сел и поговорил с девочками о «Часах», о переменах в Советском Союзе, о беспризорниках в книге и потом о Суне». В оригинальном тексте сказано очень мягко — о «переменах» в Советском Союзе. В английском переводе рассказа, предназначенном для зарубежного читателя, эта фраза выглядит более резко: «о трансформации Советского Союза», со злостным намеком на какое-то «перерождение» нашей стране со времени появления повести Л. Пантелеева в 1928 г.

Примет влияния маоизма в рассказе Лю Синью не заметить нельзя, и все же для современной китайской литературы это произведение — шаг вперед от заурядной маоистской литературщины, дань маоизму в нем уже не главное, не исходный момент произведения, а преходящий, формальный, проходной момент, играющий роль пропуска в печать или вида на жительство в маоистской среде. Лю Синью решился написать этот рассказ, как он сам признается, после долгих колебаний; особенно беспокоил его образ активистки Се Хуэйминь, которая представляла негативной фигурой, что нарушало одну из долговечных маоистских литературных догм.

Написав рассказ, писатель не сразу решился обнародовать его. Даже потом, после получения многочисленных писем читателей, после одобрения его видными критиками, автор, выступая на редакционном совещании, объяснялся: «Я не сочинял разоблачительный рассказ, в нем нет образов врагов, показаны душевные пятна, и только»⁴.

Слова писателя можно понять, потому что на его рассказ кое-кто немедленно повесил ярлык «разоблачительной литературы» и «критического реализма». И то и другое в совсем недавнем прошлом неизбежно привело бы к гонениям. Судьба писателя висела на волоске: как будет официально принят его рассказ? Если его сочтут критикой «четверки» — его похвалят. Если же рассказ воспримут как критику маоистских порядков вообще — его растопчут. Но ведь объективного критерия для приговора у маоистов нет и быть не может, судьба литературного произведения и его автора оказывается на весах, которые легко колеблются под воздействием капризных политических ветров, дующих там, «наверху». На этот раз Лю Синью похвалили. И писателю, и редакторам потребовалось немалое гражданское мужество для подобной публикации. У всех в Китае свежи в памяти эпизоды произвола периода «культурной революции». И по сей день далеко не все ее жертвы реабилитированы, а на месте прощенных все чаще оказываются схваченные вновь. Достаточно напомнить свидетельство американского журналиста Гаррисона Солсбери, побывавшего в КНР в 1977 г.: «До сих пор интеллигенты и деятели культуры радостно приветствуют конец царства террора; они наслаждаются своим физическим освобождением и способностью поднять голову, выступать публично, писать и сочинять. Но до сих пор не было творческого подъема. Травма была слишком велика, и слишком многие вопросы остались нерешенными... Действительно, в то время как большинство деятелей куль-

⁴ «Гуанмин жибао», 3.X.1978.

гурь, которые были под арестом в прошедшее десятилетие, теперь снова на свободе, новый, но меньший по численности контингент художественной интеллигенции попал в скверную полосу. Эти деятели были тесно связаны с Цзян Цин. Часть из них исчезла, оказавшись, возможно, на тех же свинофермах, откуда возвращаются ныне освобожденные деятели и артисты»⁵.

Пока режим продолжает аресты и высылки, всякая литературная активность рискованна и может окончиться печально; только на этом фоне конкретной действительности можно в полной мере оценить поступок тех, кто решился обличить недавнее прошлое. Руководство допустило эту критику в рамках общеполитической кампании «критики четверки», но это — узкая и коварная щель для литературного творчества.

В том же номере «Жэньминь вэньсю», который наполовину занят юбилейными материалами в связи с 85-й годовщиной со дня рождения Мао Цзэдуна, помещен рассказ Ли То «Послушай эту песенку». Он посвящен событиям на площади Тяньаньмэнь 5 апреля 1976 г. Сами по себе эти события получили в Китае официальное признание, и писать о них дозволено. Однако автор, вероятно, выступает под псевдонимом, поскольку его имя То включает знак, не встречающийся в китайских именах.

Главный герой рассказа — молодой человек, который от пассивного существования «в себе» переходит к активному участию в общественной жизни, более того — к социальному протесту против маоистского режима.

Героя рассказа зовут Янь И, он работает на заводе — каком именно, остается неизвестным. Это не совсем обычный рабочий парень. И дело не в том, что на заводе он руководит пропагандистской бригадой. У пекинского рабочего Янь И есть знакомый дедушка-композитор, который дома обучает его музыке: «За последние два года я неизменно использую все свободное от работы время, чтобы у друга отца, старого композитора дедушки Хуана, который уже живет дома на отдыхе, учиться композиции». Случай не частый, но реальный: молодой человек, явно выходец из интеллигентной семьи, стал рабочим потому, что не смог продолжить свое образование из-за «культурной революции». Это настолько понятно для китайского читателя, что автор рассказа даже не останавливается на таких обстоятельствах.

Янь И учится композиции и сочиняет песенку «Я жду...», которую он показал на заводе своему другу Лю Даху, секретарю молодежной организации цеха. Эта лирическая песенка понравилась на заводе, распространилась среди рабочих, и вот уже назначается расследование «дела» о «желтой» песне. Расследование затянулось на несколько месяцев. Лю снял с должности секретаря, а сам Янь И «эти несколько месяцев часто ночью не мог уснуть». Песня Янь И была лирической, но в ней слова «Я жду...» воспринимались не только как надежда на личное счастье, но и как ожидание политических перемен. Лирическая песня оказалась отвечающей очень широким настроениям. Когда его друг был наказан на собрании, сам Янь И не предпринял ничего, даже не признался публично, что песня написана им. «Я ничего не сделал. Я знал, что у меня не хватит на это душевных сил. Я только ждал — может быть, дело само собой окончится. Может быть, на собрании случится какая-нибудь неожиданность. Однако я дождался лишь того, что Даху подвергли строгому административному взысканию. В тот вечер, когда собрание в цеху окончилось, я ничего не сказал ему, и мы молча вместе пошли домой».

Пассивность, вбитая в молодежь годами произвола маоистов, свойственна и герою рассказа, он безволен, неспособен к сопротивлению. Характер его меняется под влиянием девушки, которую он случайно встретил на улице. Девушка поразила его тем, что прямо на городской улице вслух, громко выражала свое недовольство, возмущалась порядками, причем подруга, с которой она говорила, пугалась и робела. Янь И впервые услышал открытые смелые речи и задумался. Герой начинает размышлять: «С какого же времени я стал человеком, привыкшим к тому, что слова не отвечают истине? Юноша должен быть пылким и откровенным, говорить смело, без недомолвок. А я? У меня же все наоборот. Не только среди толпы или в зале, но даже если слушает больше трех человек, я очень редко говорю искренне. К тому же я поступаю так не задумываясь. А если задуматься — такая жизнь ужасна и безнадежна! Ленин когда-то говорил, что у нас на плечах должна быть своя голова. А моя голова? Чья же она, а?»

Размышлениям героя помогает вторая встреча. На перекрестке Сисы он вновь встречает запомнившуюся ему девушку, на этот раз в момент ареста. Девушку Ян Лю задерживают «лэйцза» — так стали называть в Китае агентов в обычной одежде, которые хватают людей прямо на месте за неосторожно сказанное слово.

«Мы пошли вперед и вдруг слышали там очень строгий голосок Ян Лю: — На каком основании я должна следовать за вами? Кто вы такой? Какое у вас право?»

Она еще не кончила говорить, как мужчина грубо, тоном, не допускающим возражений, сказал: — Поменьше болтайте! Сказано — пройдемте, значит, пройдемте!

Но Ян Лю нелегко было запугать, и она сказала с усмешкой: — Пройти с вами? А кто вы? Может, бродяга? Или бандит? И нам с вами идти?

Подруга Ян Лю, взволнованная и испуганная, тянула ее за локоть: — Не связывайся с ним, уйдем скорей!

⁵ «New York Times Magazine». 4.XII.1977.

— Уйдем? Куда это уйдем? — заорал мужчина и с угрозой сказал: — Только что вы говорили, что в ЦК есть преступники. Я вас спрашиваю: кого вы имели в виду? Отвечайте!

Вокруг уже столпилось множество любопытных, но от его слов сразу стало тихо. В одно мгновение по толпе пробежал испуг. Девушка с завода сказала мне на ухо: «Беда, они напоролись на «лэйцза». Я догадался сам, потому что давно слышал, что теперь на улицах надо говорить осторожно, поскольку люди в обычной одежде бродят среди прохожих (непонятно, почему массы называют их «лэйцза»). Я понял, что Ян Лю и ее подруга подвергаются страшной опасности, и у меня перехватило дыхание.

От окрика женщины Ян Лю растерялась, а ее подруга побелела. В этот момент стоявший рядом со мной Даху вдруг громко сказал: — А чего тут спрашивать? Преступники, о которых они говорили, — это же Линь Бяо и Чэнь Бода.

Я оторопел от неожиданного вмешательства Даху. Ян Лю услышала его подсказку, очнулась и торопливо сказала:

— Да, верно, я говорила о них!

Мужчина ей не ответил, круто обернулся и, уставясь в упор на Даху, процедил: «Поменьше встревай в чужие дела!» Даху, играя в наивность, как ни в чем не бывало продолжал:

— Какие же это чужие дела? У всех сейчас разворачивается большая критика, я услышал, почему же мне не сказать?

— Брехня! Я не слышал ни слова о большой критике! Они...

Но мужчина не успел договорить. Из толпы вдруг раздался очень молодой голос: — Товарищ! Ты, наверное, не расслышал! У собак чуткий слух, а бывает, что и пес не расслышит!

Толпа взорвалась хохотом».

Да, в 1976 г. пекинская толпа была враждебна маоистам, и в это можно поверить. Типично и то, что молодой герой рассказа сам был пассивен, у него только дух захватывало, а помочь он ничем не смог. Помог попавшей в беду девушке его друг. Молодые друзья помогают девушке скрыться в толпе и приводят ее домой к герою рассказа.

Дома у Янь И молодые люди говорят с девушками обо всем: и о песенке, и о политике. Ян Лю бескомпромиссна и активна, она считает, что за счастье надо бороться, нельзя его просто ждать сложа руки — тогда не дождаться ничего! «Что значит молчание? Оно значит, что сегодня нет элементарнейшей демократии, а есть фашизм!» — таково убеждение Ян Лю. Для Янь И ее слова — потрясение. Он вспоминает свои разговоры с Даху, другом, которому доверяет: «Мы никогда не думали о фашизме. Может ли в нашем социалистическом Китае появиться фашизм? Преступно даже подумать такое!»

И вот, заикаясь, Янь И спрашивает девушку:

— Так ты говоришь, что наш Китай уже под господством... фашизма?

— Неужели ты сам не чувствуешь, что вокруг нас все больше сгущается атмосфера фашизма? — отвечает ему Ян Лю. Она твердо уверена в своих убеждениях и выдвигает даже такой аргумент: «Китайская мелкая буржуазия — это же безбрежный океан!»

Разговоры и встречи с Ян Лю изменили молодого человека. В герое просыпается готовность к действию. И когда девушка просит его положить на музыку слова песни, чтобы ее пели демонстранты на пекинской площади Тяньаньмэнь, он соглашается. Эта песня названа не «Я жду...», а «Мы хотим». Вот ее слова:

Мы хотим демократии, мы не хотим фашизма;

Мы хотим быть сильными и богатыми, мы не хотим бахвальства;

Мы хотим заниматься делом, мы не хотим интриг и заговоров;

Мы хотим премьера Чжоу, мы не хотим Франко или Цыси.

Это уже не лирическая песенка, а призыв к борьбе и сопротивлению, песня для демонстрантов. Увидев слова, Янь И смутился, но, подчеркивает автор, не потому, что испугался, — его смутило чувство ответственности, все-таки он еще не композитор. И молодой человек едет к дедушке Хуану, живущему на покое другу своего отца, просить о помощи.

«Взглянув на слова песни, дедушка Хуан прежде всего поспешил наглухо запечатать дверь и хорошенько подоткнул занавески на окнах, а потом уселся и долго молчал. Я видел, что его руки и бумага, которую он держал, мелко дрожали. Я напряженно ждал. Я не знал, что подумать, когда дедушка Хуан вдруг поднял голову и хрипло спросил:

— Зачем вы написали эту песню?

— Завтра мы пойдем на Тяньаньмэнь петь ее, — отвечал я.

Лицо дедушки Хуана не изменилось, но руки затряслись еще сильнее. Он схватил меня за плечи и усадил на свое место, его голова как-то странно наклонилась, и я понял, что он кланяется мне! Кланяется! Я вскочил, обнял его. По сморщенному лицу старика текли слезы».

На следующий день, когда демонстранты на площади Тяньаньмэнь запели песню «Мы хотим» и Янь И сошел с пьедестала, на котором прикрепил текст своей песни, его схватили. «Я заметил, что с разных сторон ко мне устремились какой-то подозри-

тельной походкой несколько человек и окружили меня. Я разглядел их лица, мрачные, не сулящие ничего доброго. Но я ничуть не испугался. Мне было радостно! Я был очень доволен собой!» Так изменился Янь И, что неизбежный арест не испугал его. Он слушает пение людей на площади, пение, в котором ему слышится голос Ян Лю, девушки, которую он полюбил, еще не отдавая себе отчета в собственном чувстве. Таков финал этой истории.

Если сравнить рассказ Ли То, написанный в 1978 г., с первым реалистическим рассказом Лю Синьчу «Классный руководитель» 1977 г., то тенденция развития проступает явно в сторону усиления гражданской ответственности, большей ответственности, причастности к важным событиям и судьбам государства, хотя и здесь сохраняются следы маоистского шаблона, правда, уже полустертого, располагающегося где-то на периферии содержания. В угоду спущенной сверху установки автор старается отделить «фашизм», о котором говорится в рассказе, от имени Мао Цзэдуна. Он вкладывает в уста девушки Ян Лю такую тираду: «Еще в 1963 г. Председатель Мао предупреждал, что может случиться фашистская контрреволюционная реставрация. Почему мы не прислушались? Сейчас своими глазами видим, что фашизм пришел, так почему же не хотим заметить? Все еще ждем?» Можно подумать, что Мао Цзэдун не имел отношения к тому режиму, который девушка так решительно (хотя и не точно) заклеймила словом «фашизм».

Новым в рассказе, да и вообще в литературе 1978 г., является не только словечко «лэйцза», прежде в литературе не встречавшееся, но и частое обращение к понятию «нация». Термин «народ» исчезает со страниц литературы. Его все чаще заменяют либо «массами», либо «нацией». Это новое веяние, которое прежде не наблюдалось, — откровенный национализм. Тревога о будущем Китая, пронизывающая рассказ Ли То, объясняется не заботой об интересах народа, а беспокойством за судьбу нации. Старый композитор Хуан, плача от радости и восхищаясь решимостью юноши, говорит: «Мальчик, славный мальчик! Пока в Китае есть молодежь, которая не боится умереть, государство будет спасено, китайская нация будет спасена!» В каком столетии произнесены эти слова? Они естественны, быть может, в устах старца, но вызывают у юноши глубокое размышление: «Спасать государство, спасать нацию — это же дело партии, дело вождя. А мы, молодежь, что мы можем — только идти следом! Теперь я думаю: как это было глупо!» Молодой герой рассказа даже не задумывается о социализме в Китае.

В юноше Янь И пробуждается гражданская активность, готовность к самопожертвованию, патриотическое чувство, но он стоит на опасной грани, на расстоянии шага от националистического неуступления. Хотел автор рассказа сказать это или нет, но опасность националистической болезни для молодого героя налицо.

Если в рассказе «Послушай эту песенку» герой, можно сказать, балансирует на грани национализма, то есть и такие произведения в китайской литературе 1978 г., в которых эта грань стерта, где национализм стал главным в содержании. Добавим, что этот «новый» для КНР национализм неотделим от воинствующего антисоветизма и использует отработанные приемы буржуазной массовой литературы самого низкого пошиба.

В 1978 г. в КНР вдруг возродился жанр научной фантастики. Первое же произведение в этом новом для современной китайской литературы жанре оказалось насквозь националистическим и антисоветским. Такова повесть «Лучи смерти на атолле»⁶. Автор ее избрал пропагандистский псевдоним Тун Эньчжэн, который можно понять как «Политика, полезная всем». Иными словами, даже псевдонимом он стремится убедить китайского читателя, будто антисоветизм «полезен» всем китайцам.

Действие повести происходит за пределами КНР, все ее герои — китайские эмигранты и иностранцы. Автор ни разу не вспомнил ни о революции, ни о Коммунистической партии Китая; национализм — его кредо. Как ни обидно это националисту-автору, но укажем, что фабулу он позаимствовал у А. Н. Толстого («Гиперболоид инженера Гарина», 1927 г.). Герои этой повести — китайские физики — изобретают свои лучи во всяком случае не первыми в литературе.

Научная фантастика в повести выражена весьма слабо. Зато сюжет развивается по законам детективно-приключенческой литературы — с таинственными злодеями и награждением убийств и катастроф. Событийная линия столь насыщена, что проследить ее ход вряд ли стоит. Примечательно, скорее, взаимоотношения героев, которые, по замыслу вдохновителей этого пропагандистского сочинения, должны отразить сознание широких кругов китайских читателей по образцу заокеанского дешевого развлекательного чтива.

В повести китайцы-эмигранты становятся учеными-физиками в «развитой капиталистической стране». Там к ним прекрасно относятся, их окружают «друзья Китая», которые желают им «процветания»; капиталистическая пресса дружелюбно предупреждает китайцев о пронске врагов — «некоей великой державы». Перед возвращением в Китай один из героев присутствует на банкете у некоего профессора Чжао. «Хотя присутствовали люди из разных стран, но все они радовались тому, что я могу возвратиться на родину, и многократно провозглашали тосты за процветание Китая».

⁶ «Жэньминь вэньсюэ», 1978, № 8.

Герои повести преклоняются перед современной наукой и техникой. Но национализм сообщает им чувство «здорового» нравственного превосходства над окружающими иностранцами. Слуга в повести — малаец, прислуживающий китайским хозяевам с собачьей преданностью. Таково место, уготованное этой литературой представителям других азиатских народов. Что же касается капиталистического общества, в котором выучились китайцы-эмигранты, то они относятся к нему свысока, потому что в этом обществе слишком много пороков: эротические и криминальные романы, порнография, музыка битлов и рок-н-ролл. Социальные проблемы капитализма китайских героев совершенно не интересуют. Да и «процветание родины», о котором они пекутся, подается асоциально. Каким будет «процветающий Китай» — непонятно.

Китайские ученые в повести изобретают лучи смерти. Нет сомнения, что это оружие, и притом страшное. Но автор повести вопреки очевидности объявляет героев пацифистами и идет на любые натяжки и подтасовки, чтобы снять с них клеймо воинственности. Добрейший китайский физик, если верить автору, изобретает лучи смерти исключительно для защиты пляжей от акул; только «некая великая держава» хочет воспользоваться китайским изобретением в злодейских целях, а отнюдь не сам Китай.

Враги в повести прямо не названы; нигде нет названия злодейской «великой державы» с ее «длинной медвежьей лапой с острыми когтями». Еще прозрачнее имена злодеев в повести. Это «капитан первого ранга Шабунуфу» и его приспешник по имени «Ивань». Вот как описывает автор высадку с атомной подводной лодки капитана первого ранга Шабунуфу на атолл, где работают над лучами смерти китайские физики: «Высокого роста, могучего телосложения, одетый в белоснежную военно-морскую форму, накрахмаленную и отутюженную, Шабунуфу был похож на полярного медведя. Хотя его лицо сияло улыбкой, она не могла скрыть надменности и свирепости».

Конечно, злодейства врагов кончаются в повести их гибелью. Молодой китайский физик взрывает лучами смерти атомный подводный корабль. В повести описано и применение атомного оружия, которое в бесильной ярости пускает в ход «великая держава», взрывая атолл, чтобы скрыть свои «преступления», конечно, после того как китайский герой его покинул. Впрочем, описание грибовидного атомного взрыва в китайской массовой литературе означает, что читателя хотя бы приучить к мысли, что атомное оружие будет применяться так же, как и обычно: в зависимости от обстоятельств. Китайского читателя непосредственно убеждают в оправданности и разумности атомных ударов.

Какую же литературную тенденцию представляет повесть 1978 г. «Лучи смерти на атолле?» В китайском литературном процессе такое произведение необычно, и тем прежде всего и изумляет, но в более широком плане это вполне заурядная поделка. Новое состоит лишь в том, что написана и напечатана повесть в Пекине, а рецепт подобной антисоветчины один и хорошо известен — это империалистическая «массовая» литература.

Китайское руководство приветствовало это произведение. Одновременно с журнальной публикацией в том же номере было объявлено, что пекинское издательство «Жэньминь вэньсюэ» напечатает повесть «Лучи смерти на атолле» массовым тиражом. Это означает, что ждать читательских откликов не стали, а распорядились сами, чтобы побыстрее распространить эту литературную отраву.

Антисоветизм и национализм идут в китайской литературе рука об руку. На этой, позволения сказать, «духовной почве» в КНР воскресает буржуазная массовая литература, мало чем отличающаяся от «литературной» продукции Гонконга или Тайваня, во всяком случае, подражающая так же, как и они, тем же империалистическим образцам антисоветской пропаганды.

Наряду с этим в литературе заметно критическое направление, которое в китайских условиях, конечно, не может быть последовательным как по причине зависимости от текущих политических кампаний, так и потому, что его представители также не свободны от националистических настроений.

Существует по-прежнему и парадная маонистская литература, прославляющая высоких деятелей маонистской иерархии со страниц газет и журналов, на театральной сцене и киноэкране.

В целом картина литературной жизни Китая за последние два года усложнилась, стала еще более противоречивой. В отдельных произведениях литература сумела показать сценки действительной жизни и частично выразить общественную атмосферу, несмотря на обильные пропагандистские наслоения. В самом Китае такие произведения называют «обличительной литературой» и временно — неизвестно, надолго ли — допускают их существование. Серьезной болезнью становится в китайской литературе национализм, опасность которого нельзя приуменьшать. Пользуясь официальным покровительством, он идет по пути дешевой антисоветской развлекательности к прямому смыканию с империалистической «массовой культурой».

Надо надеяться, что китайский народ найдет в себе здоровые творческие силы, которые отвергнут и маонистские догмы, и пропагандистские поделки. Не развлекательная, по шаблону детектива, стряпня, а гражданственное отношение к правде народной жизни составляет подлинное социалистическое будущее китайской литературы.

Вчера и сегодня японского кино

М. Г. Доля

В 1951 г. на Международном кинофестивале в Венеции японскому фильму «Расёмон» был присужден Большой приз «Золотого льва св. Марка». Это событие вызвало сенсацию на фестивале, поскольку не только имя режиссера Акира Куросава, но и сама японская кинематография была мало известна европейскому кинозрителю. В самой же Японии событие это было встречено с некоторым недоумением, так как фильм «Расёмон» занял всего-навсего пятое или шестое место среди фильмов 1950 г., признанных лучшими, и никто не причислял его к шедеврам. Однако приз был получен, и это послужило началом дальнейшего триумфального шествия японского киноискусства по международным фестивалям, демонстрацией зрелого мастерства его создателей и художественной значимости самих произведений. Словом, «Расёмон» открыл для японского кинематографа дверь в широкий мир и занял в нем достаточно видное место.

Советскому кинозрителю знакома эта лента А. Куросава, запомнилось оригинальное сценарное решение: в фильме рассказана одна и та же история устами четырех персонажей — ее участников, причем каждый вариант резко отличался от других, поскольку каждый рассказчик демонстрировал собственное видение и старался представить себя в лучшем свете. Известный японский кинокритик А. Ивасаки тогда усмотрел в этом замысле неверие в объективность оценок жизни человека и в людскую справедливость. Однако когда один из корреспондентов высказал мнение, что финал идет вразрез со стилистикой всего фильма, Куросава ответил: «Я не скептик и верю в человечность человека». Этой фразой Куросава высказал свое кредо в искусстве, и все его дальнейшие работы сделаны в духе высокого гуманизма и веры в человека.

В 1952 г. на том же фестивале фильм «Жизнь куртизанки Охару» в постановке Кэндзи Мидзогути, в 1953 г. его же «Повесть об Угэцу», в 1954 г. «Семь самураев» А. Куросава и «Интендант Сансё» К. Мидзогути завоевали призы «Серебряного льва». На Международном кинофестивале в Берлине в 1954 г. фильм Куросава «Жить» был удостоен приза «Серебряного медведя», на Каннском кинофестивале фильм «Врата ада» Тэйносукэ Кинугаса завоевал Большой приз. В 1958 г. фильму «Человек-рикша» Хироси Инагаки был присужден приз «Золотого льва» в Венеции.

И никто не мог предположить, какая, на этот раз роковая, перемена произойдет в судьбе японской кинематографии.

Война и люди

Самыми блистательными были, пожалуй, 1958—1959 гг., когда количество производимых за год фильмов превысило 500. Однако через пять-шесть лет, в 1965 г., оно сократилось ровно вдвое, а зрителей в кинотеатрах убавилось почти в 6 раз. Этот спад продолжался и в последующие годы. Одно время причину искали в бурном развитии телевидения, надеясь, что интерес к новому развлечению убавится, и все станет на прежние места. Но этим надеждам не суждено было осуществиться.

...24 июня 1970 г. «Правда» сообщала: «В японской столице царит необычное напряжение. Десятки тысяч полицейских стянуты к центру города, к районам вокзалов, местам массовых выступлений трудящихся. Колонны бронированных автомашин, автобусы, набитые полицейскими, окружили американское посольство. Десятки машин выжидательно стояли у штаб-квартиры правящей либерально-демократической партии, возле резиденции премьера, в районе парламента. Повсюду в полной готовности стояли «блюстители порядка». На помощь полиции были направлены также воинские части. Так, «во всеоружии» встретили правящие круги Японии первый день продления японо-американского «договора о безопасности».

Примерно такую же ситуацию японский народ пережил в начале 60-х годов, во время борьбы против подписания этого договора. Итог — крушение надежд, глубокое отчаяние многих интеллигентов и студенчества, духовный кризис, расколы и раздоры в демократических общественных организациях. В ту пору, когда японская интеллигенция терзалась неудачами, создавалась легенда о «японском экономическом чуде». В реальности то была повесть об упорной борьбе миллионов японцев за настоящую человеческую жизнь без войны, эксплуатации и дискриминации. То был невиданный в истории Японии подъем антиимпериалистской борьбы, в которой народный гнев обрел невиданную политическую силу, которая смела премьера Киси, а американский прези-

дент Эйзенхауэр вынужден был отказаться от поездки в Японию. Были ли успехи у этого движения? Сомнения и споры на эту тему будоражили умы не только в Японии. Корреспонденты «Юманите» и «Уинита», отправляясь в эту страну, предполагали, что там происходит революция, но были поражены загадочной «тишиной» в Японии. Между тем не только иностранцы, сами японцы думали, что наконец началась революция. Однако, несмотря на столь мощное всенародное выступление, договор не был аннулирован, сохранилась и политическая монополия либерально-демократической партии. Неудачи привели к кризису студенческого движения, отходу от политической жизни многих японцев, а с другой стороны — к возникновению так называемых «неолевых» групп.

Все это не могло не отразиться и на культурной жизни Японии. В условиях тяжелого кризиса японской кинематографии многие режиссеры стремились отразить свои раздумья о бурных 60—70-х годах. Режиссер Нагиса Осима был первым из кинематографистов, выступившим с обвинением и критикой руководства студенческого движения во время этой борьбы. В фильме «Ночь и туман Японии» Н. Осима не было ни эротических сцен (входивших в ту пору в моду), ни остросюжетных ходов, не было и сцен насилия. Весь фильм строился на яростных дискуссиях о сущности противоречий между человеческой личностью и буржуазной властью. Фильм был вскоре снят с экранов. Многие считали, что на киностудию было оказано давление со стороны влиятельных политических сил.

Как раз в это время японское правительство стало вкладывать все больше и больше средств в ремилитаризацию страны, а народ вновь поднялся на борьбу — против милитаризма и расширения американских военных баз на территории Японии. Оба эти процесса нашли свое отражение в кино. Одно время даже казалось, что «лжепатриотические» фильмы возобладали над антивоенными.

Один за другим появлялись фильмы о войне, удивительно похожие друг на друга, будто отштампованные, сделанные в стиле режиссера Кихати Окамото — в хорошем темпе, с занимательным сюжетом, с ловко скроенными героями-войками. Войки эти были совсем не похожи на реальных солдат японской армии военных лет — эдакие супермены, беззаботно нарушающие воинскую дисциплину, легко проявляющие неповиновение старшим по чину. Простодушному зрителю они казались героями, которые противопоставляли себя жестокой армейской муштре, но в то же время представлялись носителями духа «великого патриотизма», которые виртуозно расправлялись с врагами, немилосердно уничтожая и круша их направо и налево. Так зарождался новый «жанр» псевдовоенного фильма, в котором явно господствовала идеология милитаризма и национализма, отрицалась агрессивная сущность японской армии, проповедовалось кичливое пренебрежение к народам Китая и других стран.

В 1968 г. в Москве на японо-советском симпозиуме кинематографистов был представлен новый фильм о войне, «Самый длинный день Японии» режиссера Окамото, в котором рассказывалось о разногласиях в японской парламентской верхушке по поводу Потсдамского соглашения и полной и безоговорочной капитуляции в войне на Тихом океане. В самой Японии этот фильм был встречен несколько иронично, поскольку и исторические факты, и выведенные в нем персонажи были не совсем точны. Но на симпозиуме в Москве к фильму отнеслись весьма серьезно, поскольку сценарий был написан мастерски, а замысел композиции, в которой большую роль играет «кинематографическое время», — необычен и интересен. Об этом сценарист фильма Снйбу Хасимото (после фильма «Расёмон» он принимал участие в создании почти всех фильмов А. Куросава и не один раз получал призы за лучшие сценарии) говорил так: «Время действия в данном фильме — с 12 часов 14 августа до 12 часов 15 августа 1945 г., то есть 24 часа. Одновременно с тем, как стрелка часов начинает отсчитывать время, начинается действие, а его завершение совпадает с остановкой стрелки на определенном часе».

В фильме много внимания уделяется генералу Анами (тогдашний военный министр), которого играл известный актер Тосиро Мифунэ. В японских рецензиях эта фигура вызвала протесты. Критик Тадао Сато писал: «Десять с лишним лет назад режиссер Х. Сэкигун поставил фильм «Рассвет 15 августа», который был много интереснее этого монументального полотна. Помню, в тогдашних рецензиях говорилось, что роли правителей «великой японской империи» исполняли слишком легковесные актеры. Например, роль военного министра генерала Анами исполнял туповатый неотесанный актер. На мой взгляд, этот кривоногий, сутулый, несмолодой и некрасивый актер куда больше подходил к роли военного министра, чем «суперменский» самурай Мифунэ. Был ли хотя бы один японский правитель тех лет, внешним видом напоминавший бравого, блистательного Мифунэ?»¹

А на московском симпозиуме советский критик Ю. Ханютин сказал:

— Сильный, поражающий своей жестокостью и масштабностью фильм вызывает двойственное чувство. Несмотря на то что в фильме разворачиваются последние минуты «великой японской империи» и крах японского милитаризма, принесшего не только народу Китая, но и населению многих островов на Тихом океане и самому японскому

¹ Т. Сато. Современное японское кино. Токио, «Хёрон-ся», 1977, с. 112 (на япон. яз.).

народу ни с чем не соизмеримые несчастья своей алчной и беспардонной агрессивней, трагедия военного министра Анами волнует нас и заставляет невольно сочувствовать ему... В итоге получается, что трагическая вина героев картины состоит в том, что они проиграли, а не в том, что начали войну.

И действительно, очень многие японские фильмы этого направления совершенно упускают из виду основную причину несчастий японского народа. В них есть трагизм событий, но они не вскрывают истоков преступления японского милитаризма, то есть истоков этого трагизма.

В этом плане обратило на себя внимание и появление на экранах Японии так называемых научно-фантастических фильмов, которые по существу — фильмы ужасов и насилия. Первым из них стала лента режиссера Иносиро Хойда «Годзилла», за ним посыпались, как из рога изобилия, «Контрудлар Годзиллы», «Радон», «Баран», «Мосла и Эбила», «Гамэра против Баргона», «Гамэра против Гирона» и т. д. и т. п. Фильмы с участием фантастических чудовищ не перестают появляться и сегодня.

Все эти страшилища и химеры — жуткие плоды радиации атомных и водородных взрывов, «мутанты» громадных размеров, то внезапно появляющиеся из недр земли, то всплывающие из глубин океана. Навстречу чудовищам всегда мужественно поднимаются бесстрашные солдаты «самых настоящих» отрядов самообороны. Эту же линию можно было проследить и в фильме «Гибель Японии», недавно прошедшем на наших экранах. Вместо того, чтобы разоблачать преступность ядерных маньяков, организовывать борьбу против атомной и нейтронной смерти, авторы этих фильмов легкомысленно смакуют образы устрашающих чудищ и причудливость ситуаций, чтобы рекламировать ныне процветающие силы «самообороны», то есть армию, создаваемую в обход конституции Японии. Пустые, развлекательные на первый взгляд фильмы пронизаны идеологией правящей клики, которая вновь вызывает к жизни злую антинародную силу милитаризма — этого политического «мутанта», порождаемого капитализмом.

Однако продолжилось и производство антивоенных кинокартин, отражающих движение за мир, борьбу за ликвидацию иностранных военных баз, а также глубоких психологических произведений, затрагивающих старые, но еще мучительные раны, нанесенные войной. Их авторы со всей суровостью и остротой поднимали проблемы борьбы против американской военщины (документальная лента «Кровавая хроника Сунакава»), раскрывали историю жертв Хиросимы, умирающих от лучевой болезни спустя много лет после катастрофы («Повесть о чистой любви» Тадаси Имаи), или трагедию детей смешанной крови, родившихся во время американской оккупации (его же фильм «Кики и Исаму»), или драму человека, стремящегося сохранить человеческий облик и душу даже в страшное военное время, время разгула милитаристских, реакционных сил (монументальная трилогия режиссера Масаки Кобаяси «Условия человеческого существования»).

Последний из перечисленных фильмов имел огромный успех. В японском кино до него не было картин, описывающих захваченную японским империализмом Маньчжурью столь непосредственно, так неумолимо правдиво и убедительно показавших глубокую пропасть, разделяющую японцев и население Маньчжурии. Главный герой фильма Кадзи отлично понимает переживания китайского народа и всей душой стремится помочь ему, но поскольку его действия проявляются на фоне и в рамках японской агрессии, то все его усилия и добрые намерения воспринимаются китайцами как обман, как провокация врага. Тем не менее фильм утверждает, что усилия Кадзи не пропали даром, авторы раскрыли глубокую враждебность империализма Японии интересам и китайского, и японского народов.

С 1947 г. в японской кинематографии появлялись фильмы, активно протестующие против войны и милитаризма. Одним из лучших был фильм режиссера-коммуниста Сацуо Ямамото, поставленный в содружестве с известным режиссером документального кино Фумио Камэи, — «Война и мир». Как ни странно на первый взгляд, фильм «Война и мир» был заказан американской оккупационной администрацией. В мае 1947 г. обнародована новая конституция Японии. В ознаменование этого события было дано указание трем ведущим кинокомпаниям страны снять фильмы о расширении женшин («Пламя любви» Минору Сибуй), на тему народного быта («Театр энтузиастов» Хироси Инагаки) и на антивоенную тему — «Война и мир».

Этот фильм оказался не абстрактным повествованием о трагедии войны, он прозвучал мощным призывом ко всем трудящимся бороться за мир. Фильм выдвигал конкретный антивоенный лозунг и впервые в японской кинематографии показал трагедию не только японского народа, но и народов всего Азиатского континента в связи с войной на Тихом океане, навязанной Японией. Герой фильма случайно попадает в Китай, так как пароход, на котором он возвращался на родину, подорвался на мине. Его спасают китайские рыбаки. В Китае перед его глазами — растерзанная земля, результат преступной агрессии японского милитаризма. Возвратившись в Японию, он видит подавленную, полную скорби страну. Жена оказалась замужем за его другом — неполноценным человеком, потерявшим рассудок на фронте. Авторы и герои фильма увидели в этом не триумфальную измену, а трагедию, вызванную предательством тех, кто привел страну к катастрофе.

В этом фильме использованы кадры, снятые режиссером-документалистом Фумио Камэи в Китае во время военных действий. Его фильм «Сражающийся солдат» был

снят в 1940 г. как полнометражный документальный фильм о завоевании японской императорской армией китайского города Ханькоу. На экране — «победители», японские солдаты, захватившие китайский город: кто-то валяется на тротуаре в изнеможении, кто-то сидит, схватившись за голову. Титры гласят: «Не нужны солдатам ни слава, ни ордена. Они мечтают дать отдых измученному телу». А на стенах домов японски крупными иероглифами написано: «Превратите агрессивную войну в революцию! Требу́йте возвращения на родину!» — явные следы работы японского антикоммунистического союза. Тогда фильм «Сражающийся солдат» был запрещен, Ф. Камэн арестован, уволен из кинокомпании «Тохо» и лишен звания режиссера.

После выхода на свободу Ф. Камэн продолжал снимать. Это замечательные фильмы: трилогия о борьбе крестьян против строительства американской военной базы в Сунакава и «Пронсшествие на Бикини» — о японских рыбаках, пострадавших от испытания американской водородной бомбы. Когда среди японского народа расширилось и набрало силы историческое движение за запрещение ядерного оружия, Ф. Камэн присоединился к нему и снял ряд значительных работ. Среди них особо выделяются фильмы «Хорошо, что мы живем» (1956), в котором он показал не только мучения пострадавших от атомной бомбы, но и их подъем духа, волю к жизни и борьбе; «Мир потрясен» (1957) — о научных исследованиях последствий атомного облучения, «Голуби летят» — уникальная лента о IV Всемирной конференции за запрещение атомного и водородного оружия и другие. Все эти ленты говорят о том, что в мрачные годы американской оккупации совесть японского кинематографа продолжала бороться.

Эта традиция активно развивается сегодня. В начале нынешнего десятилетия С. Ямамото снял киноопею «Война и люди», в которой показал возникновение и развитие японского милитаризма, его агрессивную сущность и разоблачил неизвестные народу, тщательно скрываемые правящими кругами мрачные страницы истории Японии. В основу фильма был взят одноименный роман японского писателя Дзюмпэй Гомикава (автора романа «Условия человеческого существования», фильм по которому упоминался выше). События романа и фильма начинаются с убийства китайского милитариста Чжан Цзолина в 1928 г. и должны были закончиться деятельностью токийского военного трибунала над японскими военными преступниками в 1948 г.

Было удивительно, что находившаяся на грани банкротства кинокомпания «Никкацу» взялась тогда за этот дорогостоящий многосерийный фильм. С. Ямамото предполагал сделать четыре фильма, в двух сериях каждый. Если бы ему удалось это сделать, то появился бы небывалый в истории японской кинематографии гигантский фильм почти в 15 час. демонстрационного времени. К сожалению, у фирмы «Никкацу» не хватило «пороху», а писатель Дзюмпэй Гомикава не успевал писать роман, и им пришлось остановиться на третьем фильме, на событиях в районе реки Халхин-гол.

Эпизод разгрома Квантунской армии на Халхин-голе режиссер С. Ямамото снимал в волгоградских степях, примерно в 70 км от самого города-героя.

— Конечно, монгольские кинематографисты тоже не отказали бы мне в содействии, но снимать военные действия в непосредственной близости от китайской границы я посчитал рискованной затеей, — вспоминал С. Ямамото. — И так китайцы считают меня «отъявленным милитаристом». Спасибо киностудии «Мосфильм», которая предоставила нам и старые советские танки, и нечто похожее на японские танки тех времен, и старое оружие, включая пулеметы «Максим», и даже самолеты. «Мосфильм» предоставил нам и съемочную аппаратуру, и съемочную группу, включавшую помощников режиссера, помощников оператора, осветителей, гримеров, костюмеров, а также все необходимое для работы нашей группы. Поэтому весь съемочный период мы по-прежнему чувствовали себя советскими кинематографистами. Огромную помощь оказали нам также советские солдаты, не только помогавшие рыть окопы и строить укрепления, но и игравшие в фильме советских и монгольских воинов. Разве в Японии нам дали бы возможность снять такой откровенно антимилиитаристский фильм, да и где бы мы взяли столько старого оружия?

Третья серия фильма заканчивается впечатляющим эпизодом сжигания трупов японских солдат на многочисленных гигантских кострах, сложенных в виде огромных колодцев высотой в человеческий рост. Бескрайняя степь становится буквально зловеще багровой от полыхающих костров, над которыми стелется черный дым. Ведь сжигалось 18 с лишним тысяч трупов. А на фоне этого всепожирающего жуткого пламени саркастически звучат слова солдатской клятвы о «верности, мужестве, самоотверженности» и т. д.

— В этом фильме, — рассказывал нам С. Ямамото, — я хотел показать хищническую сущность агрессивных войн, которые вела Япония, и опровергнуть всевозможные легенды о благородстве и героизме японской императорской армии. Мне также хотелось показать в истинном свете, какое сокрушительное поражение потерпела Квантунская армия на Халхин-голе, потому что даже сейчас об этом стараются либо умалчивать, либо говорить вполголоса, хотя тогда в монгольских степях polegло свыше 18 тыс. японских солдат. К тому же, и это самое страшное, милитаризм в Японии не подавлен, сейчас он все больше набирает силу в лице «отрядов самообороны», созданных вопреки существующей мирной конституции Японии, оснащающихся самыми современными самолетами, танками и прочим оружием, а молодежь охотно вступает в их ряды, потому что там хорошо платят...

Режиссер Сацуо Ямамото — это один из наиболее активных борцов за гражданственность в японской кинематографии. Возможно, некоторые читатели помнят, как на одном из московских международных кинофестивалей его фильм «Белая башня» получил серебряный приз. В нем С. Ямамото со свойственной ему беспощадностью разоблачил мирок «крупных» японских медиков, погрязших во взяточничестве. В 1974 г. Ямамото снял фильм «Великодушное семейство», в котором раскрыл махинации воротил японской экономики и показал закулисные связи финансовых кругов с миром политиканов.

— Нелегко снимать такие фильмы, то и дело получаешь грозные предупреждения, а иногда встречаешь откровенное противодействие со стороны всяких «ультра», — рассказывал С. Ямамото на Ташкентском кинофестивале, где был представлен этот фильм. — Нечто подобное я уже делал и в фильме «Истерзанная земля», в котором мне удалось показать лицо честолюбивого хищника — крупного капиталиста. Помню, как тогда значительная часть молодежи отнеслась отрицательно к этому герою, но некоторые молодые люди восприняли его вполне благожелательно и этим ошеломили меня... Вероятно, мои краски были недостаточно яркими, чтобы показать жестокую сущность и ненавистную алчность подобных людей.

В 1975 г. С. Ямамото снял «Кольцеобразное затмение»: золотистый ореол окружает черный диск солнца — символ великолепного золотого ореола славы, внутри которого все прогнило и черным-черно — так объясняет название фильма сам С. Ямамото. В основу фильма взят роман прогрессивного писателя Таудзо Исикава, который затрагивает запретную тему — нравы правящего клана Японии.

— Мы так смеялись, когда смотрели этот фильм, — рассказывал один из японских делегатов на Московском кинофестивале.

— Разве это кинокомедия? — спрашиваю я в недоумении.

— Наоборот, это трагедия Японии. Но в каждом персонаже можно угадать реального, ныне здравствующего политического деятеля, и мы смеялись не потому, что было смешно, а просто от злорадства. Так беспощадно вскрываются их проделки и такое смелое сходство с реальными персонажами!..

После просмотра этого фильма бывший депутат парламента Асабу писал: «Вспомнивая фильм кадр за кадром, я чувствовал, как невольно впадаю в отчаяние. Некогда я находился в этом здании, символизирующем Японию... Что же там происходило за тридцать послевоенных лет? Я вспоминал эти загадочные темные комбинации, подобные той, о которой рассказывает фильм и которые повторялись много раз за эти годы. Крупная афера 1948 г. вокруг строительства «Сёва-дэнко» поразила тогда всю страну. Это дело до сих пор таит в себе немало нераскрытых вопросов, длительный судебный процесс так и не обнаружил всех преступников. Известно одно, что к этому делу были причастны многие крупные фигуры тогдашней политической арены. В фильме я узнавал многих деятелей, с которыми самому приходилось не раз встречаться»².

Когда закончался бывший премьер-министр Японии Сато, а фильм «Кольцеобразное затмение» еще был не завершен, С. Ямамото вскрикнул: «Эх, черт! Ему-то мне и хотелось показать этот фильм!»

В 1976 г. С. Ямамото снял фильм «Бесплодная полоса», вышедший на экраны почти сразу после нашумевшего дела о «Локхиде», в котором были замешаны видные политические деятели Японии во главе с тогдашним премьер-министром Танакой. В фильме вскрывается подобная же афера с закупкой самолета «Раккид», и исполнители подобраны соответствующим образом.

Пожалуй, это единственный такого плана режиссер, которому киномонополии давали возможность производить фильмы на их студиях, хотя они явно шли вразрез с политикой правящих кругов. Может быть, потому, что фильмы были интересны и публика охотно смотрела их, они давали доход.

Акира Куросава и «независимые»

В 1971 г. японская кинопромышленность находилась в самом плачевном состоянии. Одна из пяти крупнейших кинокорпораций «Никкацу» практически не смогла предоставить свою продукцию прокатной компании и, находясь на грани банкротства, полностью перешла на производство так называемых «розовых фильмов» (которые затем были названы «роман-порно»). Кинокомпания «Дайэй» вообще прекратила производство и в конце концов объявила о своем банкротстве.

События эти не были неожиданными, их предвидели как неизбежный финал глубокого кризиса кино, тем не менее они вызвали глубокую тревогу не только среди кинематографистов, но и среди массы зрителей. Профсоюз компании «Дайэй», возглавляемый молодым и энергичным председателем, конфисковал основную продукцию компании, в числе которых находились такие шедевры, как «Расёмон», «Врата ада», «Повесть об Угэцу», «Новая повесть о Хэйэ», «Ключ», «Белая башня», и многие другие фильмы, прославившие японскую кинематографию. Члены профсоюза заняли киностудию и не позволили капиталистам продать ее. Самостоятельно прокатывая конфискованные фильмы, они обеспечивали минимальный заработок работникам студии. Многие

² «Кольцеобразное затмение», Токно, 1975, с. 17 (на япон. яз.).

кинематографисты занимались непривычным для себя делом. Борьба продолжалась почти три года и наконец завершилась победой профсоюза, который в 1975 г. получил необходимую ссуду в банке, возобновил деятельность съемкой фильма «Дни моей юности» режиссера Токихиса Морикава, известного своими фильмами о молодежи.

Оставшиеся три кинокорпорации, однако, не смогли стабилизировать положение в японском кино. Это в свою очередь вызвало активизацию независимой кинематографии, хотя и она не сумела установить свою гегемонию на кинорынке. Все же, несмотря на кризисную ситуацию, японская кинематография была одной из наиболее продуктивных кинематографий мира и продолжала выпускать большое количество фильмов за счет производства сомнительных по своим художественным качествам «коммерческих» лент. Однако попадались среди них и картины, оригинальные по стилистике и содержанию.

В те годы была создана кинокомпания «Четырех всадников» во главе с А. Куросава. В нее вошли известные кинорежиссеры Масаки Кобаяси, Кои Итикава, Кэйсэ Киносита. «Поднимем высоко факел киноискусства!» — таков был лозунг этой компании. Многие надеялись, что четыре столпа японской кинематографии сумеют возродить японское кино. К сожалению, эти надежды не оправдались. Первым фильмом, сделанным этой компанией, был «Под стук трамвайных колес» — первый цветной фильм Куросава, отснятый за небывало короткий для этого режиссера срок (всего за 28 дней) и на невероятно скромные средства. Но компания все равно не получила ожидаемого дохода. Второй фильм, «Ценою жизни», был снят режиссером М. Кобаяси, он тоже не имел кассового успеха, несмотря на то, что в нем участвовали весьма популярные актеры.

На пресс-конференции в Москве А. Куросава говорил: «Я хочу, чтобы компания «Четырех всадников» со временем выросла в компанию сорока, четырехсот, четырех тысяч и т. д. всадников, чтобы все они были объединены высокими замыслами облагородить искусство кино и посвятить его служению человечеству». Но мечты остались мечтами, иллюзии — иллюзиями, как это не раз бывало в буржуазном обществе.

Однако по мере того, как сокращалось производство в крупных кинокомпаниях, вопреки всему, казалось бы, росло количество фильмов, производимых на независимых киностудиях. Поддерживали их и прогрессивные организации, и широкие массы зрителей.

«Никогда прежде кризис японской кинематографии не принимал таких угрожающих размеров. Чтобы выйти из него и поднять наше киноискусство до высот «национальной культуры», современные приемы массового кинопроизводства, мы думаем, не годятся, они не соответствуют этой благородной цели. «Кино должно находиться в массах!» Основываясь на этом простом убеждении, мы — демократические кинематографисты — рука об руку с широкими народными массами думаем положить в основу японского кино идеологию и энтузиазм здравомыслящей интеллигенции и трудящихся масс и таким путем поставить наше кино на ноги, чтобы оно могло свободно развиваться как национальное искусство». Под воззванием-листовкой такого содержания подписались десятки самых видных кинематографистов и массовые студенческие союзы.

Для производства каждого «независимого» фильма стали создаваться исполнительные комитеты, которые брали на себя заботы по сбору средств, необходимых для съемок. Таким путем были сняты многие выдающиеся кинокартины, в том числе «Песенка тележки» С. Ямамото, «Счастливый дракон — 5» Синдо Канэто, «Борьба без оружия» С. Ямамото, «Хиросима — 66» К. Сиран, «Молодые люди» Т. Морикава и многие другие.

В 1974 г. на японо-советском симпозиуме кинематографистов в Москве режиссер Тадаси Имаи представил свой новый фильм, сделанный по этому же принципу. Фильм назывался «Жизнь Такидзи Кобаяси» (писатель-коммунист, зверски замученный в застенках японской политической полиции в 30-е годы, в ту пору ему было всего 29 лет). На дискуссии по этому фильму многие советские участники высказали сомнения: «А нужно ли так натуралистически воспроизводить бесчеловечные пытки, зверские побои, обилие крови и скрупулезную демонстрацию ужасных ран на теле истязаемых?» Тадаси Имаи твердо ответил: «Да, нужно! Пусть молодежь, не знающая мрачных лет засилия фашизма и милитаризма в стране, проникается ненавистью к тому режиму! Пусть борется против него! Поэтому чем ужаснее эти сцены насилия, тем сильнее будет ненависть и воля к борьбе».

Это фильмы-борцы.

Но есть независимые кинокомпании, производящие несколько иные фильмы. Такова АТГ. К независимым мы относим ее только потому, что она не принадлежит к пяти крупным киномонополиям и сначала была создана не для кинопроизводства, а для проката явно некассовых, но высокохудожественных фильмов. Ее полное название — «Гильдия художественных театров». АТГ, в общем прогрессивная компания, предоставляла свои залы также для демонстрации фильмов, снятых левыми независимыми компаниями. На ее экранах демонстрировались фильмы «Голый остров», «Дети с пазеки». Но главная заслуга ее перед японской кинематографией состояла в том, что, помимо проката, она давала возможность молодым режиссерам пробовать свои силы. Там дебютировали А. Дзиссэджи, С. Тэраяма, К. Куроки и др.

В содружестве с независимыми компаниями за десять лет своего существования АТГ создала 40 фильмов, из которых 13 входили в десятку лучших фильмов разных лет.

Немногие из крупных кинокорпораций имели такой коэффициент творческих удач. Видимо, причиной тому служило основное правило, которого придерживалась АТГ: несмотря на скромную производственную смету, выбирать авангардистскую в хорошем смысле манеру, остро социальную тематику, которые ни одна из крупных кинокомпаний не решалась взять. В фильмах участвовали скромные актеры, присутствие «звезд» было необязательным. Если замысел будущего фильма получал одобрение съёмочной группы, то уже никто не вмешивался в процесс производства, как это часто бывает в кинокорпорациях, и режиссеру предоставлялась полная творческая свобода.

Фильмы АТГ, несомненно, привнесли в японскую кинематографию много нового. Были и неудачные лепты, но были и очевидные успехи. Например, такие фильмы, как «Мальчик» Н. Осима, «Самоубийство влюбленных на острове Небесных сетей» М. Синода, «Быстротечность» А. Дзиссэдзи, «Церемония» Н. Осима, «Убийца юности» К. Хасэгава, «Песни Цугару» К. Сайто и другие, получившие высокие оценки зрителя.

АТГ дала возможность поэту Сюдзи Тэрада снять фильмы «Бросайте книги, выходите в город» и «Умереть на природе», давшие японской кинематографии необычные по замыслу, стилистике и изобразительному строю фильмы. АТГ познакомила японского зрителя с интересными работами режиссера Хироси Тэсигахара «Западня» и «Женщина в песках» — фильмы о трагедии простого человека в стране «чудес», о его безысходной судьбе.

Ямада и Тора-сан — «японский Чарли»

Ямада Едзи представляет собой особое явление в японском кино. Его произведения воспевают поэзию души простых японских людей. Он идет по пути синтеза форм реалистического кино с очень древним, очень национальным видом японского искусства «ракуго» — своеобразным жанром юмористического повествования. Эта форма очень привлекательна для простого японского зрителя.

Ямада Едзи — мастер своеобразных кинокомедий. Японская критическая традиция издавна относилась с пренебрежением к комедии, считая ее легковесной, несерьезной, лишенной благородства и возвышенных переживаний. Ямада же заставил зрителя переосмотреть свое отношение к кинокомедии, создавая одну за другой серии фильма «Нелегко быть мужчиной», героем которого является непутевый, но очень добрый человек, которому не везет ни в жизни, ни в любви. Зовут его Тора-сан.

Сначала Ямада делал эти фильмы для телевидения, но после 7-й или 8-й серии, порядком устав от них, решил покончить с Тора-саном и написал сценарий о его гибели. На телестудию посыпались гневные письма со всех уголков Японии с требованием воскресить Тора-сана и продолжить дальнейший показ этого цикла. Компания «Сётику» ухватила за этот фильм, и сейчас Ямада уже снял 20-ю (!) серию, не считая телевизионных.

— Ямада гордо несет знамя новой формы комедии в японском киноискусстве. — говорил кинокритик Акира Ивасаки на одной из дискуссий в Москве. — В чем же сила этого персонажа? Мне кажется, каждый зритель находит в Тора-сане частичку себя, и это вырастает в большую симпатию к нему. Когда-то Чарли Чаплин создал своего героя Чарли, а Едзи Ямада создал Тора-сана, который глубоко вошел в жизнь и сердце каждого японца и шагает с ним рядом по жизненной дороге. И несмотря на то, что из серии в серию Тора-сан не меняется, зритель к нему не охладевает и ждет с нетерпением следующей встречи с ним. В этом сказывается незаурядный талант Едзи Ямады как режиссера и сценариста.

Фильмы с Тора-саном кассовые, так как собирают большую аудиторию и почти каждый год входят в десятку лучших фильмов. Этим Ямада завоевал себе прочное положение в кинокомпани «Сётику» и право на создание некассовых фильмов, фильмов, рвущихся из его души. Такими фильмами были «Семья» (1970), «Родина» (1972), «Единомышленники» (1975) и последний — «Желтый платочек счастья», присланный на международный Ташкентский кинофестиваль 1978 г.

Эта история одной любви. Они поженились, но обстоятельства обернулись так, что он вынужден был оставить свою любимую на долгие годы. «Если ты еще не забыла меня и все еще ждешь, вывесь желтый платочек на шесте, что перед домом. Если его не будет на шесте, тогда просудь мимо и никогда больше не попадусь тебе на глаза». — пишет он ей перед возвращением. Шест был весь увешан желтыми платочками...

Этот фильм занял первое место среди десяти лучших фильмов 1977 г. «В наш горопливый век эта добрая история любви учит нас, как важно иногда вдруг обернуться, чувство любви заслуживает того, чтобы на него оборачиваться», — так пишет один из читателей журнала «Кинэдзюн»³.

Фильм Ямады — с ровными сюжетом, с обыкновенными событиями и героями, которые просто любят и грустят, на него не были употреблены астрономические суммы и ему не было сделано великолепной рекламы. Это был своего рода вызов киномонопольям, которые считают, что если в фильме нет эффектных сцен и пышных декораций, если там не красуются супермены, то фильм не сможет завоевать сердца зрителей. В мире, где

³ «Кинэдзюн», 1977, № 3, с. 23.

«вещественные» силы, техническая цивилизация и овеществленные отношения довлеют над человеком, над человеческими взаимоотношениями, извращая их, люди начинают тосковать по самому человеческому, по теплым и добрым чувствам — дружбе и любви.

Кризис продолжается

Зрелищный коммерческий кинематограф сегодняшней Японии «подарил» миру «фильмы-каратэ». Та часть публики, которая не брезгает любыми развлечениями, валам валела на фильмы о «Драконе» с участием гонконгского актера Брюса Ли (Ли Шоу-луня). Семь лет на экранах мельтешат второсортные, а то и третьесортные фильмы подобного рода. Ажиотажу способствует и загадочная гибель Ли лет пять назад. «Фильмы-каратэ» стали модным жанром коммерческого кино, его усердно эксплуатировали в различных странах Запада, особенно в Италии, а также в самой Японии. Появились «звезды каратэ»: С. Тиба и кумир японских подростков молодая актриса Эцуко Сиоми («Леди каратэ» и «Возмездие неизбежно» побывали на Московском и на Ташкентском кинофестивалях). Судить о художественном значении или об идейной основе этих фильмов нет никакого резона, так как примитивная сюжетная линия обычно плетется специально для того, чтобы показать великолепно зрелищные поединки мастеров каратэ.

Еще один «перл» коммерческого кино последних лет — «оккультные» фильмы, пришедшие из США. Зрители могли в них «ознакомиться» с темными силами потустороннего мира и мстительными духами давно умерших людей. Публике навязали даже традицию каждый год ко дню поминовения демонстрировать фильм «Таинственный сказ о Ецуя», в котором дух убитой жены мстит неверному мужу. В 1977 г. кинокомпания «Сётику» выпустила рекордный по кассовому успеху фильм «Деревня восьми могил».

По-прежнему в Японии мелькают рекламы «фантастических» фильмов типа «Война планет», «10 тысяч лет спустя», «Нападение марсиан» и т. п. На экранах вздымаются один за другим зловещие грибообразные облака, страшные взрывы сотрясают землю, небо пронзют фантастические излучения, окрашивающие всю планету и руины на ней алым цветом крови...

За годы глубокого кризиса японской кинематографии многие успели стать скептиками. Но одно событие внесло оживление в затухающий кинобизнес Японии. Прошлой весной директор крупного книготоргового предприятия Харуки Кадокава создал специальную контору для производства кинофильмов. Первой работой этой конторы стал фильм «Семейство Инугами», вызвавший огромный интерес зрителей и занявший третье место по доходу за всю историю японской кинематографии.

Фильм «Семейство Инугами» — экранизация детективного романа старого писателя С. Екомидзо со множеством загадочных и изощренных убийств. Директор книготоргового предприятия обратил внимание на то, что в Японии неизменным успехом пользуются экранизации «бестселлеров», и задумал организовать месячник забытых произведений С. Екомидзо, создать фильм на основе одной из его книг и выпустить грампластинку с музыкой к этому фильму. Создавая широкую рекламу книгам, он автоматически рекламировал и фильм, а своеобразная музыка позволила сбыть немалый тираж пластинок. Кадокава убил сразу трех зайцев. Затея Кадокавы (экранизация бестселлеров) превзошла все самые нескромные ожидания. Фирма получила огромный доход, и тогда зашевелились все компании сразу.

И еще раз Кадокава оказался в выигрыше. В фильме по роману С. Моримура «Свидетельство человечности» вместе с японскими актерами снимались и известные американские актеры, часть съемок происходила в «самом» Нью-Йорке, на производство были брошены весьма солидные суммы, непривычные для японских фильмов последних лет. В течение многих лет американские ленты заполняли экраны Японии, вытесняя японские фильмы, тем более что последние не отличались хорошим качеством и сюжеты их были маловыразительными. Лишь в 1977 г. доходы с японских фильмов наконец превысили доходы с американских. Но количество зрителей в кинотеатрах продолжает убывать и убывает катастрофически: по сравнению с 1958/1959 гг. почти в одиннадцать раз!

Японская кинематография в ожидании серьезных перемен. Перед прогрессивными киноработниками Японии по-прежнему стоят большие и ответственные задачи оздоровления национальной кинематографии, цель «возвысить ее до национальной культуры». Многим в Японии становится ясно, что киноискусство не должно оставаться в стороне от проблем, которые сегодня волнуют японский народ. В этом плане неустанно и активно работает «Совет движения за возрождение японской кинематографии» в надежде на то, что наступит время, когда на экранах Японии станут преобладать высокохудожественные и содержательные, реалистические и злободневные фильмы. Прогрессивные кинематографисты Японии настроены оптимистично и не теряют веру в будущее своего искусства.

Дважды казненный

(к 50-летию со дня гибели Пэн Бая)

М. А. Сутурин

31 августа 1929 г. во дворе шанхайской тюрьмы Лунхуа был расстрелян герой китайской революции Пэн Бай. Приказ о расстреле Пэн Бая отдал лично Чан Кайши, который видел в нем наиболее выдающегося лидера революционного крестьянского движения. Тогда же пали жертвами гоминьдановского террора восемь родственников героя.

Почти 40 лет спустя, когда Китайской Народной Республике исполнилось уже 17 лет, на родине Пэн Бая в Хайфэне, расположенном в 250 км к востоку от Гуанчжоу (Кантона), маонистские головорезы надругались над памятью героя. Местные заправили «культурной революции» во главе с первым секретарем парткома округа Сватоу Сунь Цзинье и их подручные замучили в тюрьме мать Пэн Бая — 96-летнюю Чжоу Фэн, умертвили его сына Пэн Хуна, обезглавили племянника Пэн Кэ, расстреляли двоюродного брата Пэн Циня. Погибли и другие близкие героя. Были убиты более ста кадровых работников и простых хайфэнцев, протестовавших против действий маоцзэдуновских палачей. Более 400 человек получили увечья и тяжелые ранения, свыше 3 тыс. хайфэнцев были зверски избиты. Непосредственно руководил действиями погромщиков в Хайфэне Хун Гуйвэнь, который происходил из семьи марионеточного начальника волости периода японской оккупации. Сам он после победы народной революции был уличен в бандитизме, но «пригодился» в годы «культурной революции». Однако участие в этих расправах «бывших» — не более чем историческое совпадение, знаменательное само по себе, но не объясняющее действительного смысла событий. Эти события были настолько вопиющими, несовместимыми с революционными традициями и социалистическими идеалами китайского народа, что наследники Мао Цзэдуна вынуждены были опубликовать обширные материалы, которые в какой-то мере восстановили доброе имя Пэн Бая и содержали осуждение кровавого разгула в Хайфэне¹. Стало известно, например, что тысячи жителей были изгнаны из города под тем предлогом, что они — «члены семьи контрреволюционера». Такой ярлык ставил жертву вне закона, и люди спасались бегством, «уходили куда глаза глядят, без дороги, лишь бы унести детей, утоляя голод, чем и как придется». Они оставались бесправными изгоями в течение 11 лет.

Публикуя материалы, касающиеся Пэн Бая, «Жэньминь жибао» старалась успокоить читателя сообщением о принятых властями мерах: его мать Чжоу Фэн и сын Пэн Хун «посмертно реабилитированы», «пересмотрены дела» 3200 человек, а «главные виновники», Сунь Цзинье и Хун Гуйвэнь, «переданы административным властям для наказания». В первой публикации, посвященной Пэн Баю, нынешнее китайское руководство постаралось создать впечатление, что оно отдает должное революционным заслугам и славной памяти Пэн Бая. Было подчеркнуто, что якобы Мао Цзэдун давал высокую оценку деятельности Пэн Бая, проявляя заботу о его матери, и что о судьбе ее и других родственников героя лично пекался Чжоу Эньлай. Вся вина за хайфэнские события 1967 г. возложена на Линь Бяо и «банду четырех». Однако тут же приводились слова из письма Сунь Цзинье Мао Цзэдуну: «Мы днем и ночью будем ждать ваших указаний, надеясь на вашу поддержку». Именно в этом факте обнаруживается истинный смысл преследования Пэн Бая и преследования его родных и друзей при жизни Мао. Легендарный образ Пэн Бая, одного из организаторов КПК и революционного крестьянского движения в Китае, не давал покоя «великому кормчему», присвоившему себе лавры вождя и теоретика китайской революции.

¹ См. «Жэньминь жибао», 31.VIII.1978 и 12.II.1979.

...События 1967 г. в Хайфэне начались с того, что мать Пэн Бая была объявлена «черным знаменем». Пожилую женщину таскали по улицам родного города в «колпаке позора» с надписью «старуха-помещица». Сунь Цзиньэ издевательски ораторствовал: «Хайфэн столкнулся с громадной проблемой. Что же это за проблема? Она состоит в том, быть ему под знаменем Мао Цзэдуна или под флагом старой госпожи Пэн, слушать слова председателя Мао или слушать слова старой госпожи Пэн? Если вы не бросите камень в это черное знамя Чжоу Фэн, то в Хайфэне идеи Мао Цзэдуна не восторжествуют». Маоисты — враги Пэн Бая объявили «черной» книгу Пэн Бая «Крестьянское движение в Хайфэне», имеющую большую историко-революционную ценность. В тон скептическим оценкам итогов революции 1925—1927 гг., которые давал Мао Цзэдун, маоисты обвиняли Пэн Бая в том, что он «перепутал два этапа китайской революции», что восстание в Хайлуфэне было проявлением «авантюризма», а потому «память о хайлуфэнских советах противоречит идеям Мао Цзэдуна». Маоисты угрожали: «Кто станет вспоминать о Хайлуфэне, тот будет выступать против идей Мао Цзэдуна». Пэн Бай при этом обвинялся в «путчизме», характеризовался то как «левоуклонистский авантюрист», то как «правоуклонистский оппортунист» и т. д. В округе Сватоу маоисты создали «Особую группу по делу Пэн Бая» с целью собрать «материал», изобличающий его как «предателя» китайской революции.

Погромщики в Хайфэне уничтожали памятники и реликвии народного восстания 1927 г. и хайлуфэнских советов, сохраненные жителями города. Стену на Красной площади Хайфэна маоисты перекрасили из красного цвета в желтый, а площадь переименовали. Был разрушен Красный дворец, в котором почти четыре месяца работал Комитет хайлуфэнских советов — орган рабоче-крестьянской власти. Маоистские громилы уничтожили также арку на Красной площади, воздвигнутую в память победы народного восстания. Были переименованы места, которым Пэн Бай дал названия Красный ров и Красная поляна. Когда возмущенные хайфэнцы попытались защитить революционную честь славного земляка, спасти его родственников и сохранить памятники, власти направили в город «народных ополченцев», и 26 августа 1967 г. началась расправа. Карателям, однако, потребовалось целые две недели, чтобы подавить волнения безоружных горожан. Для «устрашения» в течение трех дней была выставлена в оживленном квартале города отрубленная голова Пэн Кэ, племянника Пэн Бая.

Теперь, спустя 12 лет, наследники Мао Цзэдуна стремятся поставить себе на службу память о герое революции. «Жэньминь жибао» лицемерно сетует на то, что о Пэн Бае теперь «не знают очень многие молодые люди в Китае». Верное само по себе, это замечание в то же время означает, что пекинская пропаганда может сегодня попытаться в своих интересах исказить политическую биографию Пэн Бая. Появление в пекинской печати материалов о Пэн Бае и некоторых других выдающихся деятелях КПК 20-х годов, например о Ли Дачжао, является также отражением борьбы в китайских верхах по поводу оценок пути КПК и народной революции в связи с затянувшейся подготовкой «Истории Коммунистической партии Китая». Характер освещения хайфэнских событий 1967 г. косвенно свидетельствует о перипетиях этой борьбы. Он свидетельствует не столько о желании маоистских лидеров реабилитировать жертвы маоистского погрома в Хайфэне, сколько о подходе этих лидеров к реабилитации самого Пэн Бая в маоистской истории КПК. В современных материалах об этих событиях подчеркивается тот факт, что Е Цзяньин, занимавший пост министра обороны КНР, послал туда в 1974 г. «рабочую группу Главного политического управления НОАК» для ознакомления с обстоятельствами дела. Однако Сунь Цзиньэ, маоист сравнительно невысокого ранга, не допустил военную комиссию к расследованию, представив ей какие-то «веские документы». В то время еще не было всесильного Линь Бяо, кто мог бы выгораживать погромщиков, зато был еще жив Мао Цзэдун. Все же в результате поездки «рабочей группы» в Хайфэн местные власти сообщили семье Пэн Хуна о его «гибели» 8 лет спустя. Как выяснилось, сын Пэн Бая был схвачен в Гуайчжоу молодчиками из отряда «чистки классовых рядов» и оттуда доставлен в хайфэнский застенок. Там он был «подвергнут борьбе критики» и умер. Власть даже не указали родным место, где могли находиться его останки.

Хайфэнскому «делу» вновь был дан ход в июне 1978 г. «Рабочая группа расследования», созданная гуандунскими партийными, административными и военными властями, получила более 8 тыс. писем от населения и выслушала свыше 5 тыс. свидетельских показаний. Однако по-прежнему не освещено многое в организации террора в Хайфэне. Кто был его инициатором? Где изобличающие документы? Сунь Цзиньэ являлся, разумеется, исполнителем, которого направляли из Пекина. К тому же он явно оставался под чьей-то высокой защитой в последующие годы. Наконец, читатели «Жэньминь жибао» так и не узнали о том, понесли ли наказание руководители и исполнители расправ в Хайфэне.

Пэн Бай возвращен на страницы истории КПК, но теперь ему отводится весьма незаметная роль в крестьянском движении — руководителя этого движения лишь в Хайфэнском уезде. Революционные заслуги вождя крестьянских масс страны по-прежнему приписываются Мао Цзэдуну. Как и прежде, при Мао Цзэдуне, тщательно затушевывается историческое значение созданной Пэн Баем Хайлуфэнской республики рабочих и крестьян. Маоистская печать по-прежнему скрывает от читателей, что Пэн Бай принадлежал к поколению образованных китайских марксистов, таких, как Ли

Дачжао, Цюй Цюбо, Дэн Чжунся, Су Чжаочжэн, Чжан Тайлэй. Пэн Бай обладал более глубокими, чем Мао Цзэдун, знаниями, приобретенными во время учебы в Японии (1917—1920), а затем в Коммунистическом университете трудящихся Востока в Москве (1921—1922).

Еще в юношеском возрасте, порвав с родом крупного феодала, из которого он происходил, Пэн Бай стал революционером. кипучей революционной деятельностью была заполнена вся его короткая жизнь, оборванная в 33-летнем возрасте. Он создал первый крестьянский союз в Китае, объединивший к началу 1923 г. до 20 тыс. деревенских бедняков хайфэнского уезда, а еще через три года — более полумиллиона крестьян в провинции Гуандун. С начала 1924 г., когда КПК вошла в реорганизованный гоминьдан, Пэн Бай работал под руководством Сунь Ятсена в качестве секретаря крестьянского отдела ЦИК гоминьдана и директора курсов организаторов крестьянского движения. Это было задолго до того, как Мао Цзэдун начал заниматься вопросами крестьянского движения. Пэн Бай был талантливым организатором и пламенным трибуном. В 1925—1926 гг. он руководил созывом всекитайских крестьянских съездов. Более чем за полгода до чанкайшистского переворота 12 апреля 1927 г. он прозорливо разоблачил в журнале «Литоу» предательскую тактику правых гоминьдановцев, предупреждая руководство КПК об опасности перерождения верхушки гоминьдана после смерти Сунь Ятсена. После измены гоминьдана Пэн Бай с Чжу Дэ и другими военными деятелями КПК руководил «восстанием 1 августа» в Наньчане и созданием Народно-освободительной армии Китая. Он непосредственно руководил вооруженной самообороной крестьянских союзов Гуандуна от контрреволюции, проявляя большое личное мужество. В октябре 1927 г. Пэн Бай и Е Тин, пробившись с частью бойцов сквозь гоминьдановские заслоны в уезды Хайфэн и Луфэн, подняли там восстание крестьян и городской бедноты, в результате которого была образована Хайлуфэнская республика, «первая красная власть в Китае — Хайлуфэнские советы», как справедливо называли ее ранее китайские историки².

Китайские советы — передовая для того времени историческая форма революционной борьбы КПК. Позже она стала замалчиваться в маоистской историографии. Мао Цзэдуну, как националисту, не нравилась такая форма борьбы и, конечно, ее название. Пэн Бай же находился в авангарде и на этом действительно переднем крае политической и вооруженной борьбы КПК и китайского народа.

Хайлуфэнский совет был избран съездом, в котором участвовали 90 рабочих, 180 крестьянских и 30 солдатских делегатов. Съезд постановил провести аграрную реформу и создать Красную армию. Правительство Хайлуфэна начало открывать больницы, училища, рабоче-крестьянские клубы, читальни, рабочие кооперативы, издавалась газета и журнал. Быстро росли ряды КПК и Союза трудящейся молодежи, создавались профсоюзы и другие общественные организации. В Хайлуфэне была создана одна из первых в Китае федераций женщин.

Политбюро ЦК КПК в своем постановлении 3 января 1928 г. отмечало: «Богатый материал хайлуфэнской политической власти, победа ее и опыт являют собой прецедент и должны быть использованы во всех последующих крестьянских восстаниях (способы проведения восстаний и сплочение солдат с массами, решительность в ликвидации помещиков и мироедов, конфискация и раздел земли, строительство Советской власти, осуществление политики Советов, создание революционной армии рабочих и крестьян, организация Советов в каждом районе и в каждой деревне, опыт партизанской войны, героическая борьба по защите революционных территорий)»³.

Хайлуфэнская революционная база продержалась после гибели Кантонской коммуны еще два с половиной месяца, героически отбиваясь от атак трех милитаристских армий. Когда кончились боеприпасы, оборонявшийся гарнизон Хайфэна темной февральской ночью по приказу Пэн Бая ушел в горы. Опыт строительства Хайлуфэнской революционной базы был во многом реализован при создании Центрального советского района в провинции Цзянси, просуществовавшего несколько лет.

Происходивший летом 1928 г. VI съезд КПК высоко оценил опыт и вклад Пэн Бая в дело революции, заочно избрав его членом Политбюро ЦК КПК.

В противоположность Мао Цзэдуну Пэн Бай никогда не знал сомнений в вопросах марксистско-ленинского учения о всемирно-исторической миссии пролетариата, его гегемонии в революционном процессе и важности партийной работы в городах. В пору самого жестокого чанкайшистского террора Пэн Бай находился на наиболее опасном участке борьбы — в Шанхае, на посту секретаря ЦК КПК по работе с крестьянством. Он продолжал уделять большое внимание созданию Красной рабоче-крестьянской армии в освобожденных районах, увязывая эту задачу с борьбой крестьян.

24 августа чанкайшисты схватили его по доносу предателя на конспиративной квартире по улице Синьцзялу. Во время зверских пыток в тюрьме Лунхуа до последнего дыхания Пэн Бай выполнял свой долг коммуниста, зовущего и ведущего массы в бой. Когда его вели на расстрел, все заключенные слышали его звонкий голос: «Долой предавший родину гоминьдан!», «Да здравствует китайская Красная ар-

² См. «Лиши яньцзю», 1958, № 8.

³ Там же, с. 10.

мия!», «Да здравствует китайская советская революция!», «Да здравствует Коммунистическая партия Китая!»... У задней стены тюремного двора, на месте казни, Пэн Бай обратился к солдатам с речью, и они отказались в него стрелять. Тогда офицер сам взял винтовку и выстрелил в Пэн Бая.

Цюй Цюбо в статье «Памяти товарища Пэн Бая» писал: «Его деятельность, полная героизма, духа решимости, кипучей энергии, в условиях невиданного в Китае белого террора вызвала чрезвычайное уважение к нему со стороны партии. Он являлся подлинным вождем многострадальных крестьянских масс, глубоко уважаемым и любимым ими... Гибель Пэн Бая — огромная потеря для Коммунистической партии Китая и китайской революции».

В крестьянском Китае Пэн Бай страстно мечтал о социальном раскрепощении и экономическом процветании деревни. Вся его сознательная жизнь революционера была посвящена этой цели. Пэн Бай не дожил до победы народной революции, с которой начали осуществляться его идеалы.

Теперь китайская деревня очень далека от этих идеалов, военно-бюрократический режим наследников Мао Цзэдуна выжимает из нее все жизненные соки. Изнурительный труд, полуголодное существование и несправедливость — таково положение крестьян в нынешнем Китае. Не к этому звал Пэн Бай китайский народ.

Многогранная деятельность Пэн Бая, направленная на объединение крестьян, на формирование общественных начал в труде, на борьбу за социальное раскрепощение и экономическое переустройство, просвещение и улучшение быта крестьянства, на борьбу с нуждой и болезнями, остается реальным историческим опытом и примером, который ярко контрастирует с нынешним курсом Пекина в области сельского хозяйства.

Пэн Бай мечтал о социалистическом будущем Китая, но погиб он не как мечтатель в столкновении с реальностью, а как борец в схватке за это будущее.

Героическая гибель Пэн Бая отозвалась скорбью в сердцах множества людей и подняла их на борьбу с врагами народной революции. Надругательство маоистов над памятью Пэн Бая, расправа с его родными и сторонниками стали достоянием широкой гласности в Китае. И это потрясает сердца миллионов китайцев и служит великому делу, за которое так отважно боролся Пэн Бай *.

* Подробнее о жизни и деятельности Пэн Бая см. А. М. Малухин. Пэн Бай — герой китайской революции. М., 1975.

БОРЦЫ ЗА ПРАВОЕ ДЕЛО

Строитель революционной армии Е Тин

*М. Ф. Юрьев,
профессор*

Одним из строителей вооруженных сил китайской революции был генерал Е Тин — командир знаменитого Отдельного полка в период вооруженной борьбы с китайскими милитаристами, командующий фронтом во время Наньчанского восстания (август — сентябрь 1927), главком войск Кантонской коммуны (декабрь 1927), командующий Новой 4-й армией во время войны против японских империалистов.

Е Тин (другие его имена — Е Синин, Е Си) родился в уезде Хуэйян провинции Гуандун в крестьянской семье. Дата его рождения точно не установлена. В разных публикациях его биографии называются 1895, 1896, 1897 гг. (чаще встречается 1896 г.). В 1913 г. он поступил в Гуандунское военное училище, расположенное на острове Хуанпу (Вампу) близ Гуанчжоу (Кантона), где позже (в 1924 г.) была создана знаменитая Военно-политическая школа. Затем учился в Баодинской военной академии, из которой вышли многие известные китайские военные. Среди его одноклассников были будущий военный деятель КПК Чжан Юньи, будущий начальник политуправления Национально-революционной армии левый гоминьдановец Дэн Яньда, будущий генерал гоминьдановских войск Сюэ Юэ и др.

В 1919 г. Е Тин закончил военное обучение и вступил в городе Чжанчжоу (пров. Фуцзянь) в войска гуандунского милитариста Чэнь Цзюньмина, считавшегося в то время сторонником Сунь Ятсена. Е Тин участвовал в военных действиях, в результате которых гуандунские войска в 1920 г. одержали победу над гуансийскими войсками и вступили в Гуанчжоу. Вскоре в этот центр Южного Китая возвратился Сунь Ятсен и возглавил правительство.

Таким образом, Е Тин оказался в центре военно-политической борьбы на юге Китая. В 1922 г. он стал командиром батальона в полку охраны штаб-квартиры Сунь Ятсена. Командовал этим полком 1-й дивизии войск Сунь Ятсена Дэн Яньда. Именно в это время Чэнь Цзюньмин поднял контрреволюционный мятеж. Е Тин, вступивший в гоминьдан, принял активное участие в борьбе на стороне Сунь Ятсена, который в феврале 1923 г. вновь возглавил правительство Южного Китая в Гуанчжоу.

В это время Сунь Ятсен взял курс на сближение с Советским Союзом, придя к заключению, что, только опираясь на помощь СССР, используя победоносный опыт большевистской партии, революционные силы Китая смогут добиться победы. Одним из самых существенных проявлений бескорыстной поддержки страны Октября была помощь в подготовке китайских революционных кадров, в том числе военных кадров для создававшейся на юге Китая революционной армии. В Китай по приглашению Сунь Ятсена прибыли советские политические (во главе со старым большевиком М. М. Бородиным) и военные (их возглавили герои гражданской войны в России П. А. Павлов и после его гибели В. К. Блюхер) советники. Одновременно китайские революционеры получили возможность учиться в Советском Союзе. В 1924 г. Сунь Ятсен послал Е Тина на учебу в СССР. Здесь он вступил в ряды КПК, учился в Коммунистическом университете трудящихся Востока, а затем — в советском военном учебном заведении (одновременно с Не Жунчжэнем). В 1925 г. возвратился через Берлин на родину и познакомился с Чжу Дэ.

В Гуандуне Е Тин был назначен начальником штаба 4-го корпуса Национально-революционной армии (комкор — Ли Цишэнь), а в ноябре 1925 г. стал командиром 34-го полка 12-й дивизии 4-го корпуса НРА в Западном Гуандуне. Под командованием Е Тина полк оказывал помощь крестьянскому движению в борьбе с помещиками.

Это было время, когда в Китае разворачивалась антиимпериалистическая национально-демократическая революция, начавшаяся крупными забастовками рабочих Шанхая и Гонконга. На юге завершалось освобождение провинции Гуандун от милитаристских войск Чэнь Цзюньмина и Дэн Бэньина. В конце 1925 г. Е Тин получил ответственное задание: создать Отдельный полк 4-го корпуса как наиболее надежную, образцовую часть Национально-революционной армии.

В полк, который располагался в Чжаоцине, были набраны революционно настроенные солдаты, включая трудовую молодежь. Значительная часть офицеров состоя-

ла из коммунистов. Так, 2 командира батальона (из трех) и 6 командиров рот (из 10) были членами КПК. Всего в полку из 2 тыс. солдат и офицеров 400 были коммунистами и комсомольцами, а с сочувствующими КПК они составляли 85% личного состава.

В марте 1926 г. в Гуанчжоу произошли события, которые оказали влияние на дальнейшее развитие революции: Чан Кайши, используя свое положение начальника Военно-политической школы Вампу и командира созданного на базе этой школы 1-го корпуса НРА, совершил военный переворот. Коммунисты были вынуждены отступить — уйти из 1-го корпуса, согласиться на ограничение своих позиций в гоминьдане. Это была правильная линия, рассчитанная на сохранение единого национально-революционного фронта. В этой обстановке многие коммунисты — военнослужащие НРА были переведены из 1-го в 4-й корпус, главным образом в Отдельный полк.

Под руководством Е Тина личный состав полка проходил усиленную военную подготовку. Большое значение имело политическое воспитание в духе преданности делу освобождения Китая от власти империалистов и милитаристов. Высокие боевые и политические качества бойцов и офицеров Отдельного полка предопределили его выдающуюся роль в успешном осуществлении знаменитого в истории китайской революции Северного похода — военной экспедиции против северокитайских милитаристов, организованной гуанчжоуским Национальным правительством при интернационалистской поддержке Советского Союза, оказавшего помощь Национально-революционной армии советниками и вооружением. Северный поход стал формой революционной войны, важной составной частью революции 1925—1927 гг.

Основная часть Национально-революционной армии выступила в поход из провинции Гуандун после принятия присяги 9 июля 1926 г. Однако Отдельный полк Е Тина вступил в соседнюю с Гуандуном провинцию Хунань уже 19 мая 1926 г. 1 июня полк достиг города Аньжэнь, а на следующий день разбил превосходящие силы противника и занял город Юсянь. Были взяты первые пленные: 4 офицера и 40 солдат милитаристских войск. В этом бою сказался высокий командно-политический уровень Е Тина как военачальника — умение действовать нестандартно, неожиданно для врага, оптимально использовать свои силы, опираться на помощь населения. Противник был разбит благодаря внезапности ударов с фланга и в тыл. В военных действиях на стороне Отдельного полка участвовали вооруженные отряды крестьян, которые помогли подразделениям отдельного полка Е Тина выйти ночью по труднопроходимой местности к Юсяни.

Положение НРА в Южной Хунани укрепилось. Победа Отдельного полка под Юсянью сделала его наиболее популярной частью НРА, прозванной «железным полком».

Так же решительно и успешно действовал полк Е Тина при взятии важных городов Лилин, Чжучжоу, Пинцзян в Восточной Хунани, не только обеспечив успех наступления на главный город Хунани — Чанша, но и полное освобождение этой провинции. И в этом успехе важную роль сыграла помощь крестьян-добровольцев, которые провели революционные войска по горным тропам прямо к стенам Пинцзяна. В рукопашной бою солдаты НРА овладели городом. Было захвачено много трофейного оружия, более 6 тыс. солдат противника сдались в плен, а известный милитаристский командир, оборонявший Пинцзян, покончил с собой.

Продолжая стремительное наступление, полк Е Тина шел в авангарде войск 4-го корпуса на Учан. Но прежде чем добраться до этого важнейшего центра долины реки Янцзы, надо было захватить хорошо укрепленные милитаристом У Пэйфу при помощи англичан позиции у Тинсыцяо и Хэшэнцяо. Отдельный полк в бою у Тинсыцяо 26—27 августа 1926 г. выполнил главную задачу: нанес неожиданный для врага фланговый удар, Е Тин вынудил его к отступлению. Затем полк штурмом в рукопашной схватке захватил железнодорожный мост и город Сяньнин. Противник потерял 2 тыс. убитыми и 5 тыс. пленными, были захвачены большие трофеи: пушки, пулеметы, 5 тыс. винтовок. Благодаря инициативным действиям Е Тина противник не смог закрепиться на новых позициях у Сяньнина и поспешно отступил к Хэшэнцяо.

Поражение у Тинсыцяо привело У Пэйфу в бешенство. По его приказу были казнены командиры бригад, полков и батальонов, отступившие без приказа. 29 августа он прибыл на станцию Хэшэнцяо, чтобы лично руководить обороной последних рубежей на подступах к Учану, в 30 км к югу от него. Но и Хэшэнцяо был взят после восьмичасового ночного боя и неоднократных штыковых атак. У Пэйфу пришлось бежать на север, а его отборные части были разбиты. Большие потери понесли и войска 4-го корпуса НРА, особенно полк Е Тина, вынесший главную тяжесть боев на подступах к Учану.

Одной из самых важных побед, одержанных армией Северного похода, было взятие Учана — главного города провинции Хубэй на реке Янцзы. Вот как пишет об участии полка Е Тина в этой победе С. А. Далин, находившийся в то время в Китае: «Несколько раз ходили кантонцы в атаку на Учан, но безуспешно. Наконец, в наступление пошел коммунистический полк. Коммунисты и комсомольцы под градом пуль штурмовали стены города. Здесь погибли лучшие, беззаветно храбрые коммунисты Китая. Об их храбрости рассказывали в народе легенды, которые наводили потом мистический ужас на реакционные армии»¹. Перед последним штурмом по плану и под непосредственным руководством Е Тина был устроен подкоп под стеной, через кото-

¹ С. А. Д а л и н. Китайские мемуары 1921—1927. М., 1975, с. 224.

рый солдаты Отдельного полка, преодолев городскую стену, захватили «Змеиную гору» — цепь холмов, пересекающую Учан, на которой были установлены орудия противника, и тем внесли большой вклад в разгром войск У Пэйфу. После шестичасового боя Учан, осада которого длилась более месяца, был взят 4-м корпусом НРА.

Это произошло 10 октября 1926 г., в 15-ю годовщину Синьхайской революции, свергнувшей в Китае монархический строй. В победоносном штурме Учана помощь бойцам НРА оказали советские военные советники, в том числе советники-летчики Кравцов, Сергеев, Тальберг, Базенау. Дважды в день два самолета, пилотируемые ими, бомбили расположение войск противника и его укрепления, вели воздушную разведку, выполняли задания по связи и пропаганде. О роли советских летчиков в победе НРА в Учане ясно свидетельствует текст донесения штаба 4-го корпуса: «Авиацией и 4-м корпусом был взят Учан».

Учитывая боевые заслуги и популярность Е Тина, командование НРА присвоило ему звание генерала. Отдельный полк был развернут в 24-ю дивизию 11-го корпуса. Под командованием Е Тина эта дивизия как самое надежное революционное соединение выполняла в высшей степени ответственную задачу — несла гарнизонную службу в трехградье Ухань (Учан, Ханькоу, Ханьян), ставшем с 1 января 1927 г. официальной резиденцией Национального правительства.

В Ухани с Е Тиним познакомился Е. В. Тесленко, направленный к нему в качестве военного советника. Вот как описывает он революционного генерала: «Е Тин произвел на меня большое впечатление. Худощавый, выше среднего роста, стройный, подтянутый, с привлекательной наружностью, он невольно вызывал симпатию. Обычно он мало говорил. Во время сражений он весь сосредоточивался на одной задаче — разгромить врага. Жил он скромно, даже бедно. Семья его состояла из жены и сына двух лет. Е Тин глубоко интересовался опытом англо-бурской войны, баррикадными боями и восстанием русских моряков в 1905 г., гражданской войной в Советской России и Красной Армией»².

В апреле 1927 г. в развитии китайской революции начался кризис. Главнокомандующий НРА Чан Кайши и его сторонники — правые гоминьдановцы совершили контрреволюционный переворот в Шанхае и других городах Восточного Китая. В Гуанчжоу, на юге страны, такой же переворот произвел генерал Ли Цзишэнь. Начались массовые расправы над коммунистами, революционными рабочими, крестьянами, интеллигентами. В Уханьском районе (Центральный Китай) единый фронт компартии и гоминьдана продолжал существовать. Однако и там углублялась поляризация классовых сил, поднимала голову контрреволюция.

В этой сложной обстановке с особой ясностью выявилась дальновидность решения о передаче гарнизонной службы в Ухани 24-й дивизии Е Тина вместе с охранным полком под командованием Лу Дэминя, тоже члена КПК. В середине мая 1927 г. против уханьского Национального правительства поднял контрреволюционный мятеж Ся Доуинь — командир 14-й хубэйской дивизии НРА. Соединившись с другими реакционными войсками и получив от Чан Кайши титул «командующего антикоммунистическими силами по наказанию Ухани», Ся Доуинь развернул наступление на Ухань под лозунгами: «Против коммунистов», «Против крестьянских союзов». Его части дошли до пункта в 20 км от Ухани, перерезав железнодорожное сообщение между Уханью и Чанша. В этот острый момент 24-я дивизия и учебный отряд, сформированный под руководством коммуниста Юнь Дайина из слушателей уханьской Центральной военно-политической школы, были брошены на борьбу с мятежниками³. Они, по выражению советского военного советника А. И. Черепанова, «грудью прикрыли революционную столицу»⁴.

Всею операцией руководил Е Тин. 16 мая под его командованием выступили на встречу мятежникам части 24-й дивизии, часть охранного полка, учебный отряд, рабочий отряд. 18 мая в двухчасовом бою дивизия Ся Доуиня была разбита. Однако председатель уханьского правительства Ван Цзинвэй и командующий войсками Тан Шэнчжи запретили преследовать отступивших солдат Ся Доуиня. А вскоре он «помирился» с правительством.

Незадолго до контрреволюционного переворота в Ухани 24-я дивизия по приказу правительства была выведена из Учана в город Дае, а в середине июля (в дни переворота, совершенного уханьскими лидерами гоминьдана) Е Тин получил приказ о переброске его дивизии в Наньчан. Это облегчило подготовку знаменитого в истории революционного движения в Китае Наньчанского восстания. Руководящее участие в нем Е Тина стало новой яркой страницей в жизни этого выдающегося военного деятеля КПК.

² Советские добровольцы о первой гражданской революционной войне в Китае. Воспоминания. М., 1961, с. 123.

³ См. А. И. Черепанов. Записки военного советника в Китае. М., 1976, с. 556.

⁴ По воспоминаниям Е. В. Тесленко, решение о разгроме Ся Доуиня силами 24-й дивизии и учебного отряда было принято Е Тиним, Чжоу Эньлаем и Чжу Дэ, находившимися в то время в Учане. (Советские добровольцы о первой гражданской революционной войне в Китае, с. 124.)

Наньчанское восстание было поднято под руководством Компартии Китая 1 августа 1927 г., в переломный момент китайской революции, когда вчерашние союзники КПК — лидеры уханьского гоминьдана перешли вслед за Чан Кайши в лагерь врагов народных масс Китая, а подавляющая часть армии гоминьдана из вооруженной силы национальной революции превратилась в орудие реакции. Однако в тот момент еще не было осознано, что «гоминьдановская» форма революционного движения исчерпала себя. Была сделана попытка возродить революцию путем вооруженного восстания под флагом революционного гоминьдана против руководителей гоминьдана и его армии, разрушивших единый национально-революционный фронт.

Решение о восстании в Наньчане было принято в конце июля 1927 г. на ряде совещаний в Ханькоу и Цзюцзяне с участием членов Временного политбюро ЦК КПК, других руководящих деятелей партии, а также представителей Коминтерна и КИМ. Переброска в район Наньчана войск, находившихся в той или иной степени под влиянием КПК (наиболее надежным в этом смысле соединением была 24-я дивизия Е Тина), облегчалась тем обстоятельством, что уханьское руководство гоминьдана, разорвав единый фронт с КПК, еще не оставило в то время (в середине и второй половине июля 1927 г.) планов военных действий против Чан Кайши. Именно в связи с этим Е Тин получил приказ, как выше указывалось, перейти со своей дивизией в Наньчан. Туда же были двинуты другие соединения группы войск генерала Чжан Фагуя, в том числе 20-й корпус Хэ Луна, в котором было 700 коммунистов.

Несмотря на то что войска Е Тина и Хэ Луна шли в Наньчан, выполняя приказ об общей концентрации уханьских войск на исходных рубежах для наступления на армию Чан Кайши, гоминьдановское командование в Ухани относилось к ним с подозрением, тем более что Е Тин был известен как коммунист (Хэ Лун в то время еще не был членом КПК, он вступил в партию после начала Наньчанского восстания). Были сделаны попытки задержать продвижение 24-й дивизии и 20-го корпуса к Наньчану. В воспоминаниях рабочих — участников Наньчанского восстания говорится: «Выйдя из Учана, части Хэ Луна и Е Тина 26 июля пришли в Сюйцзябу, около Наньчана. Начальник гоминьдановского Бюро общественной безопасности Сюйцзябу сообщил об этом в Наньчан, чтобы задержать их. Гоминьдановцы взорвали мост на пути между Сюйцзябу и Наньчаном. Но Чжу Дэ послал рабочего-печатника Чжао Санлу с заданием восстановить мост. Он мобилизовал более 100 рабочих-железнодорожников, которые, проработав целую ночь, к утру 27 июля восстановили мост, и, таким образом, войска Хэ Луна и Е Тина, приветствуемые трудящимися города, вошли в Наньчан»⁵.

Однако гоминьдановское руководство не оставило намерения предотвратить выступление войск под руководством КПК. На совещании руководства уханьской армии и правительства в конце июня обсуждался вопрос о снятии Е Тина с поста командира дивизии и о срочном отводе его войск и войск Хэ Луна из Наньчана в Цзюцзян. Было решено начать чистку армии от коммунистов. На Наньчан был двинут гоминьдановский 6-й корпус с целью окружить революционные части Хэ Луна и Е Тина.

В этой обстановке медлить было невозможно. Созданный в 20-х числах июля для руководства восстанием фронтальный комитет КПК (в его состав вошел Е Тин как наиболее авторитетный военный деятель КПК) назначил Хэ Луна командующим революционными войсками, а Е Тина — командующим фронтом. Вместе со своим штабом он находился в гостинице «Цзянси» на улице Симачи.

Восстание началось утром 1 августа. В нем приняли участие около 20 тыс. бойцов соединений Хэ Луна, Е Тина и некоторых других частей. В их числе было около 1400 коммунистов. Восставшие провозгласили образование Революционного комитета гоминьдана. Гоминьдановские войска в Наньчане были разбиты и разоружены. Но не это было главной задачей повстанцев. 3—5 августа 1927 г. они двинулись на юг, чтобы отвоевать старую базу революции — провинцию Гуандун, укрепиться там и таким образом создать предпосылки нового революционного подъема. При выступлении из Наньчана революционные войска были переформированы в три корпуса: 20-й (Хэ Лун), 11-й (Е Тин) и 9-й (Чжу Дэ). Е Тин шел впереди как командующий авангардной колонной. Комиссаром его корпуса был Не Жунчжэнь.

Революционные войска шли на юг, преодолевая невероятные трудности: сильную жару, тяжелый рельеф местности, отсутствие медицинской помощи, плохое обеспечение продовольствием и водой, перегрузку солдат из-за нехватки носильщиков. В нескольких боях они нанесли поражение противнику, пытавшемуся преградить им путь в Гуандун, но и сами несли большие потери. Крупный бой произошел 24 августа у Хуэйчана. 11-й корпус Е Тина и другие части атаковали противника и в результате десятичасового боя с применением артиллерии одержали победу, захватив 900 пленных, 1000 винтовок и другое снаряжение.

24 сентября армия наньчанских повстанцев вступила в район Чаочжоу—Шаньтоу (Сватоу) на востоке Гуандуна. Это был важный успех революционных войск, но закрепить его не удалось. Гоминьдановское командование сумело перебросить в этот район превосходящие силы, и, несмотря на общий героизм революционных бойцов от Е Тина, Хэ Луна, Чжу Дэ до солдат, в тяжелых боях в конце сентября — начале ок-

⁵ См. М. Ф. Юрьев. Наньчанское восстание. — В кн. Революция 1925—1927 гг. в Китае. М., 1978, с. 204.

тября 1927 г. армия повстанцев, насчитывавшая 5 тыс. бойцов, потерпела поражение и распалась на несколько отрядов.

Е Тин во главе 800—900 бойцов 24-й дивизии пробился в уезд Луфэн — один из центров крестьянского движения в Восточном Гуандуне. Затем он по указанию партии нелегально перебрался в Гонконг, а оттуда в Гуанчжоу (Кантон), где КПК завершала подготовку к восстанию рабочих и солдат под лозунгом Советов. Е Тин прибыл в Гуанчжоу за несколько часов до начала восстания в качестве командующего вооруженными силами Кантонской коммуны.

Само участие Е Тина в руководстве Гуанчжоуским восстанием имело большое значение: оно вселяло бодрость, поднимало боевой дух повстанцев — настолько велик был его авторитет. Об этом вспоминает старый член КПК Чжу Даонань, участвовавший в восстании в составе учебно-инструкторского полка. Он пишет, что Е Тин, Чжан Тайлэй, Юнь Дайин прибыли в полк на митинг перед началом восстания. В своем выступлении Е Тин сказал, что гоминьдан капитулировал перед империализмом, предал революцию, нарушил три великие политические установки Сунь Ятсена, совершает массовые убийства рабочих и крестьян, развернул по всей стране белый террор. Гоминьдановцы превратились в новых милитаристов. Китайской революцией теперь может руководить только компартия. Судьба и надежды 400 миллионов соотечественников легли на плечи компартии. Мы должны принять на себя эту ответственность. Сегодня наша главная задача — создать и расширить рабоче-крестьянские вооруженные силы, захватить политическую власть. Речь Е Тина не была продолжительной, вспоминает Чжу Даонань, но произвела очень сильное впечатление. Е Тин простыми, понятными словами объяснил бойцам их задачи, дал боевые задания каждой роте⁶.

Е Тин осуществлял военное руководство восстанием в тяжелейших условиях. Планы восстания разрабатывались без его участия под непосредственным руководством Чжан Тайлэй, в руках которого были все нити, ведущие к боевым силам КПК в Гуанчжоу. Но Чжан Тайлэй погиб на второй день восстания, и Е Тин не успел войти в курс дела. Это отрицательно отразилось на руководстве действиями восставших и вместе с другими объективными и субъективными причинами сказалось на судьбе героической Кантонской коммуны.

После поражения восстания Е Тин в начале 1928 г. прибыл в Москву, где представил Исполкому Коминтерна подробный доклад с критическим анализом опыта Кантонской коммуны.

Здесь вновь уместно привести впечатление о Е Тине, на сей раз записанное Шао Таном, встретившимся с ним в Москве: «Е Тин в то время был молодым человеком с нежным лицом и красивыми, почти женскими руками. Он писал лирические стихи, любил литературу, читал классиков. Он был скорее похож на ученого, литератора или художника. Трудно было себе представить, что это легендарный полководец. Е Тин часто и охотно рассказывал о боевых днях. С гордостью и горечью он говорил о Наньчанском и Гуанчжоуском восстаниях. Из Москвы он уехал в Германию»⁷.

Новый период революционной биографии Е Тина начался в 1937 г., после того как японские империалисты развязали войну с целью захвата всего Китая. Осуществляя политику единого национального антияпонского фронта, разработанную под руководством Коминтерна, КПК предложила гоминьдановскому правительству двинуть руководимые ею части Красной армии, действовавшие в Северном Китае, против японских агрессоров. Это предложение было принято, в августе 1937 г. войска Красной армии были преобразованы по приказу Военного комитета китайского правительства в 8-ю Национально-революционную армию под командованием Чжу Дэ и Пэн Дэхуая в составе трех дивизий (45 тыс. бойцов).

Вслед за этим КПК вступила в переговоры с гоминьданом о формировании в Центральном Китае еще одной армии из красных партизанских отрядов, оставшихся в этой части страны после отступления основных сил КПК на северо-запад. Переговоры от имени КПК вел член Политбюро и Секретариата ЦК КПК, заместитель председателя Революционного военного совета Сян Ин, руководивший партийной работой и действиями партизанских отрядов КПК в долине Янцзы. 12 октября 1937 г. правительство Чан Кайши согласилось на создание еще одной руководимой КПК армии численностью 12 тыс. чел. Командующим этой армией был назначен генерал Е Тин, его заместителем — Сян Ин, являвшийся ее политическим руководителем. Армия получила наименование «Новая 4-я армия» — в память о 4-м корпусе Национально-революционной армии в годы войны против северокитайских милитаристов, в котором наиболее боеспособной прославленной частью был Отдельный полк Е Тина.

В октябре 1937 г. Е Тин возвратился в Китай, чтобы принять самое непосредственное и активное участие в борьбе против японских агрессоров. Вместе с Сян Ином он руководил успешными боевыми операциями Новой 4-й армии в обширном и важном районе Шанхай-Нанкин, а также по обе стороны Янцзы в Центральном Китае. Штаб Новой 4-й армии был учрежден в январе 1938 г. в Наньчане. Соратниками Е Тина и

⁶ См. Ч жу Да о н а н ь. Вспоминаю Гуанчжоуское восстание (на кит. яз.). Шанхай, 1959, с. 42—45.

⁷ Кантонская коммуна. (К 40-летию восстания в Гуанчжоу). М., 1967, с. 153—154.

Сян Ина в боевом политическом руководстве маневренными действиями партизанского характера против японских оккупантов на фронте и в тылу врага были Чэнь И, Чжан Юньи, Жао Шуши, Юань Гопин, Ло Бинхуэй, Е Фэй, Пэн Сюэфэн, Су Юй и другие.

Чан Кайши и гоминьдановское командование, опасавшиеся роста сил Новой 4-й армии, особенно в связи с тем, что она действовала в непосредственной близости от таких важных центров страны, как Шанхай, Нанкин, Ухань, публично давая высокую оценку боевым качествам армии Е Тина, в нарушение соглашения отказывались снабжать ее и даже подставляли под удар японских войск.

Со своей стороны Мао Цзэдун с подозрительностью относился к Новой 4-й армии и деятельности ее руководителей Е Тина и Сян Ина, которые отвергали его авантюристический курс, подрывавший единый фронт.

В этих сложнейших условиях Е Тин вновь проявил качества незаурядного военачальника, преданного делу освобождения китайского народа. Автор воспоминаний о Е Тине⁸, служивший в 1939—1940 гг. в его личной охране, пишет, что командующий армией был строгим и доброжелательным в отношениях с товарищами, заботился о них. Он был отважным в боях с врагом, не терял выдержки. Е Тин любил бывать в ротах, взводах, отделениях, а потом уже с командирами батальонов и полков анализировал обстановку и принимал решения.

Новая 4-я армия в результате героической борьбы освободила десятки миллионов людей от власти захватчиков и создала несколько освобожденных районов в долине Янцзы.

Рост армии Е Тина — ударной вооруженной силы КПК и китайского народа был временно остановлен в результате предательского нападения в Южном Аньхуэе гоминьдановских войск на ее штабную колонну в январе 1941 г. В этом трагическом событии, как писал Ван Мин, провокационную роль сыграл Мао Цзэдун⁹. 7 суток бойцы Новой 4-й армии во главе с Е Тинем сражались против намного превосходящих сил гоминьдановцев. Е Тин, отправившийся в штаб командира гоминьдановских войск Шангуан Юньсяна (они вместе учились в Баодинской военной академии), чтобы добиться прекращения конфликта, был арестован. Сян Ин и несколько тысяч бойцов погибли. Однако Новая 4-я армия продолжала борьбу.

Гоминьдановцы держали Е Тина в заключении более пяти лет — в Шанжао, Эньши, Гуйлине, Чунцине. Требование освободить его было одним из самых популярных требований демократического движения против диктатуры Чан Кайши. Наконец, 4 марта 1946 г. КПК при поддержке широкой демократической общественности добилась освобождения Е Тина. В тот же день Е Тин, считавшийся после 1928 г. беспартийным, послал телеграмму в ЦК КПК с просьбой восстановить его в партии. 7 марта соответствующее решение было принято. 8 апреля он вместе с семьей и деятелями КПК Цинь Бансянем, Ван Жофзем, Дэн Фа и другими отправился на американском самолете из Чунцина в Яньань. Но вблизи Яньани самолет потерпел аварию у горы Чашань. Все пассажиры погибли.

Трудно переоценить вклад Е Тина в дело борьбы трудящихся Китая против национального и социального гнета. Активный участник таких крупнейших событий, как Северный поход, Наньчанское и Гуанчжоуское восстания, война против японских захватчиков, Е Тин оставил глубокий след в новейшей истории Китая. Такие люди, как Е Тин, революционеры, интернационалисты, были и остаются гордостью китайского народа.

⁸ См. «Хунци япяо», 1957, № 5, с. 175—179.

⁹ См. Ван Мин. Полвека КПК и предательство Мао Цзэдуна. М., 1975, с. 172. Подробнее см. А. С. Титов. Мужественный сын китайского рабочего класса (к 80-летию со дня рождения Сян Ина). — «Проблемы Дальнего Востока», 1978, № 2.

Новый журнал по проблемам востоковедения

Институт востоковедения АН Монгольской Народной Республики начал издание нового научного и общественно-политического журнала «Дорнодахины судлалын асуудал» — «Вопросы востоковедения», ставящего своей задачей освещение проблем истории, экономики, государства и права, культуры, а также международных отношений стран Дальнего Востока.

Журнал открывается статьей кандидата исторических наук С. Ишдоржа «Внешнеполитический курс XVII съезда МНРП в действии». Автор анализирует практические мероприятия партии и правительства МНР по осуществлению внешнеполитического курса, выработанного XVII съездом партии. Монгольская народно-революционная партия неустанно борется за осуществление принципов мирного сосуществования государств с различными социальными системами, за мир и безопасность народов Азии и всего мира. Монголия вместе со странами социалистического содружества и другими миролюбивыми государствами прилагает активные усилия для того, чтобы в ООН и других международных организациях нашли свое положительное решение такие жизненно важные для человечества проблемы, как процесс углубления разрядки, устранение очагов военной опасности на Ближнем Востоке и в Африке, ограничение гонки вооружений, разоружение, запрещение производства новых видов оружия массового уничтожения, в частности нейтронных бомб, неприменение силы в международных отношениях, развитие равноправного и взаимовыгодного сотрудничества, поддержка борьбы народов за свободу, национальную независимость и социальный прогресс.

МНР, как азиатская страна, сосредоточивает свое внимание на положительном решении неотложных проблем этого обширного континента, на распространении духа Хельсинки в Азии, развитии отноше-

ний дружественного сотрудничества между государствами континента на основе общепринятых демократических принципов международных отношений, проведении коренных социально-экономических преобразований, сохранении и упрочении мира и безопасности в Азии.

В статье дается анализ важных внешнеполитических шагов, предпринятых правительством МНР в этом направлении после XVII съезда МНРП, подвергается научно обоснованной критике авантюристическая внешнеполитическая линия пекинского руководства, выражающаяся в усиленной милитаризации страны, в форсированной подготовке к войне против СССР и других стран мирового социализма, а также в попытках аннексировать соседние с Китаем территории и даже страны.

Доктор исторических наук МНР Н. Ишжамц и кандидат исторических наук МНР Л. Хайсандай в статье «Октябрьская революция и народы Востока», подчеркивая всемирно-историческое значение Октябрьской революции, показывают на примере Монголии, Китая и других стран революционизирующее воздействие Великого Октября на страны Востока.

Под непосредственным влиянием Октябрьской революции сразу же после Октября вспыхнули пролетарские революции в Германии, Венгрии, Словакии; рабочий класс и трудящиеся массы стран капитала поднялись на революционную борьбу, начался новый этап антиимпериалистического национально-освободительного движения угнетенных народов Азии, Африки, Латинской Америки, которые нашли в лице В. И. Ленина, русских большевиков и советской России реальную поддержку. Авторы отмечают, что победа Великой Октябрьской социалистической революции, в результате которой образовалось первое в мире социалистическое государство, имела огромное значение для освободительной революционной борьбы китайского народа. В статье отмечается также, что разгром во второй мировой войне советскими войсками квантунской армии в огромной мере облегчил успехи китайской народно-освободительной армии и последующую победу народной революции в Китае.

Победа Советского Союза над гитлеровским фашизмом и японским империализмом означала огромную помощь также и другим народам Востока в освобождении от колониального гнета и разрывании революционной борьбы.

Ряд стран Азии, Африки и Латинской Америки, решительно отвергая капиталистический путь развития, избрал уже социалистическую ориентацию и встал на путь некапиталистического развития. В тесном сотрудничестве с СССР и другими странами социалистического содружества они добились в своем развитии значительных успехов.

Большое внимание авторы обращают на разоблачение и критику маоизма по национально-колониальному вопросу. Они раскрывают антисоциалистический, антисоветский, великодержавно-шовинистический характер политики пекинского руководства и решительно осуждают его вмешательство во внутренние дела стран Азии, Африки и Латинской Америки.

В заключение авторы отмечают, что народы развивающихся стран, особенно тех, которые избрали социалистическую ориентацию, неуклонно усиливая борьбу против империализма, неоколониализма и реакции, еще более укрепляют свое сотрудничество со странами социалистического содружества, что дает им возможность довести до конца дело национального освобождения, социального прогресса и приобрести настоящую независимость, свободу и счастье.

Проблемам духовной жизни общества посвящает свою статью «Научный социализм и преобразование духовного мира крестьянства» доктор исторических наук Ш. Бира. Вопрос духовной жизни общества, в частности духовной жизни крестьянства — подавляющего большинства населения бывших колониальных и зависимых стран, — является одной из острейших и актуальных проблем социального развития в современную эпоху. Автор указывает, что в настоящее время в мире происходит двуединый процесс: с одной стороны, сближение и интернационализация духовной жизни народов в социалистических странах, а с другой — возрождение национальной культуры и усиление национального самосознания бывших колониальных и зависимых народов Азии, Африки и Латинской Америки. Этот исторический процесс проявляется в многообразных формах развития социалистической и демократической культуры в различных странах мира.

Автор особо подчеркивает тот факт, что ленинское учение о культурной революции раскрывает одну из общих закономерностей строительства новой жизни и приобретает в нынешних условиях все более широкое международное применение. Исторический опыт претворения в жизнь этого ленинского учения в социалистических странах имеет жизненно важное значение для всех народов, борющихся за социальный прогресс.

Успешное проведение культурной революции в условиях Монголии, которая, как известно, являлась в недавнем прошлом одной из наиболее отсталых стран Азии, наглядно подтверждает правоту марксистско-ленинского учения о революционной перестройке культурной жизни общества для стран, вставших на путь социализма,

независимо от исходного уровня развития и форм перехода к социализму. Товарищ Ю. Цеденбал назвал культурную революцию «закономерностью некапиталистического развития» отсталых в прошлом стран. Анализируя практику и опыт культурного строительства в социалистических странах, автор убедительно показывает, что единая по своему основному содержанию социалистическая культурная революция, которая имела место в этих странах, иного общего не имеет с теми трагическими событиями, которые разыгрались в Китае по указке Мао Цзэдуна и его единомышленников и которые были не чем иным, как грубейшим поруганием великого ленинского учения о культурной революции.

В заключение автор подвергает критике антинаучную теорию буржуазных идеологов о «полноценных» и «неполноценных» расах, согласно которой корни социального и духовного отставания отдельных народов следует искать в различии природных, биологических и духовных дарований людей, относящихся к различным расам. Заслуга марксизма-ленинизма заключается, в частности, в том, что именно это учение открыло подлинные причины разного уровня нравственного, физического и хозяйственного развития представителей разных классов и народов. Согласно марксизму-ленинизму, эти причины коренятся в характере социальной организации жизни народов, а не в особенностях биологических и духовных качеств людей. Этот вывод марксизма-ленинизма подтверждается всем ходом развития современного мира.

В статье С. Дашцэвэла «Победа народов Индокитая и политика Пекина» рассказывается о многолетней героической борьбе народов Индокитая, которая завершилась исторической победой над американским империализмом и созданием единой Социалистической Республики Вьетнам. В результате этой победы в Индокитае значительно укрепилась позиция социализма и прогрессивных сил, открылись широкие возможности для укрепления мира, безопасности, стабильности и добрососедства между странами Юго-Восточной Азии.

Однако великая победа народов Индокитая и особенно создание единой Социалистической Республики Вьетнам оказались не по душе Пекину. В завоевании и укреплении независимости народов Индокитая Пекин видит серьезные препятствия осуществлению своих великодержавно-шовинистических, экспансионистских планов в ЮВА. Ради осуществления своих замыслов маоисты, с одной стороны, лицемерно заявляют о «дружественных чувствах» к странам ЮВА, а с другой — все более усиливают политическое и экономическое давление на эти страны вплоть до вооруженных провокаций против независимой Социалистической Республики Вьетнам. По мнению автора, истинная цель китайского руководства заключается в установлении своего контроля над всеми странами Юго-Восточной Азии. В этой

связи прогрессивные силы Азии ясно отдают себе отчет в том, что политика китайского руководства изо дня в день создает все большую опасность для мира и независимости народов не только в данном регионе, но и во всем мире. В нынешних условиях, подчеркивает автор, когда политика мира и разрядки благотворно влияет на общую обстановку в Азии, бесспорен тот факт, что дальнейшее сплочение совместных усилий миролюбивых сил этого региона является настоящим требованием борьбы против всякого рода агрессивных и реакционных сил, за укрепление национальной независимости и суверенитета стран Юго-Восточной Азии.

Д. Маам, автор статьи «Маоистский антисоветизм — идеология, враждебная социализму и коммунизму», отмечает, что маоистский антисоветизм, будучи одной из разновидностей антикоммунизма, в корне враждебен социализму и коммунизму и служит своеобразным мостиком для смыкания мелкобуржуазного авантюризма с наиболее реакционными силами империализма.

В статье анализируется сущность антисоветизма маоистов, являющегося стержнем великодержавно-шовинистической политики китайских руководителей.

Вопреки утверждениям китайской пропаганды антисоветизм пекинского руководства направлен не только против СССР, но и против мирового социализма, национально-освободительного движения, против всех прогрессивных сил современности и представляет собой главную составную часть великодержавно-гегемонистской политики Пекина.

Ц. Бавуудай, автор статьи «Кампания по критике «банды четырех» как очередной кризис маоизма», анализируя данные китайской прессы, рассматривает вопрос о критике «банды четырех», развернувшейся в Китае после смерти Мао Цзэдуна.

Масштабы кампании политических преследований сторонников «четверки» под лозунгом борьбы с последствиями подрывной деятельности этой «банды» непрерывно расширяются. Чистка осуществляется во всех звеньях центрального и местных органов государственной власти, общественных организаций, средств массовой информации и др. По мнению автора, критика «банды четырех» и чистка ее сторонников является «культурной революцией» «нового типа», начатой по примеру предыдущей «культурной революции» Мао Цзэдуна. Следует отметить, что методы и

средства борьбы нынешнего пекинского руководства со своими политическими противниками мало чем отличаются от тех же средств и методов, которые получили широкое распространение в период «культурной революции».

Статья Д. Хурэлтог «Китайско-японские отношения за последнее время» посвящена анализу хода развития китайско-японских отношений. Мир и безопасность в Азии, подчеркивает автор, в определенной степени зависят от того, как будут развиваться отношения между двумя азиатскими государствами — Китаем и Японией, на каких принципах будут основываться их отношения. Однако анализ развития китайско-японских отношений за последние годы показывает, что эти отношения в их нынешнем качестве представляют большую угрозу миру и безопасности в Азии. Об этом ярче всего свидетельствует подписание китайско-японского договора «о мире и дружбе». Вопреки уверениям пекинских лидеров и правящих кругов Японии этот договор имеет ярко выраженный характер военного союза, заключенного между маоистами и милитаристскими кругами Японии и направленного своим острием против мира и безопасности народов Азии и всего мира.

В заключение автор отмечает, что в основе китайско-японского сближения лежат в конечном итоге расизм и шовинизм, тесно переплетающиеся с милитаризацией Китая и возрождением милитаризма в Японии.

В журнале под рубрикой «История, культура» помещены статьи Ч. Далайя «Монголо-китайские отношения (XIII—XV вв.)», Н. Алтанцэцэга «Внутренняя Монголия во второй половине XIX и начале XX века», а также М. Дулама «О фальсификации истории Монголии в некоторых последних трудах китайских историков». Э. Пунгага «Монголо-индийские культурные связи в прошлом и настоящем» и многие другие ценные научные материалы.

Издание журнала продиктовано идеями укрепления и расширения дружбы и всестороннего сотрудничества Монгольской Народной Республики со странами Азии, поддержания прочного мира и безопасности в этом районе, а также связано с возрастающим интересом монгольской и мировой общественности к проблемам стран этого региона.

В. А. Васильев

• • •

Западные синологи о новейшей китайской литературе

В течение нескольких десятилетий западная синология не баловала своим вниманием новейшую китайскую литературу. Сказывалась ли в этом академическая традиция считать достойными «настоящего ученого» лишь штудии классиков древности и средневековья, сыграли ли свою роль политические антипатии влиятельной части западных китаеведов к тому направлению, в котором развивалась основная струя китайской литературы после «движения 4 мая» 1919 г., или же недостаток внимания объяснялся недостаточной информацией, но фактом остается то, что до недавнего времени серьезных работ по современной китайской литературе на западных языках насчитывались единицы (речь не идет, конечно, о трудах ученых социалистических стран, вышедших на английском, французском и немецком языках). Да и из этих книг добрая половина была написана китайскими эмигрантами.

Сказанное в полной мере относится к американскому китаеведению. До недавнего времени главным источником информации о современной китайской литературе в США была книга Ся Чжицина (преподававшего в 40-е годы в Пекинском университете) «История новейшей китайской прозы». Книга вышла двумя изданиями — в 1961 и 1971 гг. Как заявлял автор, его «главным намерением было... опровергнуть коммунистические взгляды на литературу». И хотя он обещал сделать это, «руководствуясь главным образом соображениями литературной значимости» разбираемых произведений, политическая тенденциозность ивольное обращение с фактами привели автора к многочисленным передержкам, произвольным толкованиям и к неубедительному, мягко выражаясь, заключению о том, что венцом современной китайской прозы явились антикоммунистические романы Чжан Айлин (Эйлин Чжан) «Янгэ» и «Голая земля», в действительности весьма заурядные в художественном отношении.

По части тенденциозности с книгой Ся Чжицина мог соперничатьopus его брата Ся Цзианя (долгое время жившего на Тайване) с красноречивым названием «Врата тьмы: исследование левого литературного движения в Китае» (1968). Достаточно сказать, что автор потратил немало усилий на то, чтобы снять с гомиьндановских властей хотя бы часть вины за умерщвление в 1931 г. пяти молодых революционных писателей и представить гибель Инь Фу, Жоу Ши и их друзей как следствие внутрипартийной борьбы в рядах КПК.

Но ко времени появления книги Ся Цзианя в американской синологии уже начал

ощущаться возрастающий интерес к проблемам современной китайской литературы и духовной жизни в целом и стремление более объективно разобраться в этих проблемах. Первым симптомом этого можно считать появление в 1963 г. сборника статей «Китайская коммунистическая литература», вышедшего под редакцией профессора Калифорнийского университета С. Бёрча¹. За ним последовала книга гарвардской исследовательницы М. Голдман «Литературные разногласия в коммунистическом Китае»². Не со всеми оценками и выводами книги можно согласиться, но она дает довольно полное и в общем верное изложение фактов, связанных с идеологической борьбой в сфере китайской литературы 40—50-х годов нашего века.

Очевидно, обе названные книги родились в ответ на острую потребность разобраться в драматических поворотах политики в области идеологии и культуры в КНР, происходивших в тот период. Поэтому главное внимание в них уделялось событиям и проблемам последних десятилетий. Но вдумчивым исследователям становилось ясно, что корни этих событий и тенденций лежат глубже, что историю новейшей китайской литературы, начиная с «движения 4 мая», невозможно разделить на обособленные периоды, тем более что целый ряд ее зачинателей продолжал оказывать заметное влияние на ее развитие. Отсюда — возросший интерес к проблемам истории китайской литературы 20—30-х годов, к творчеству ее виднейших представителей, приведший к появлению уже после 1970 г. книг о «романтическом поколении китайских писателей» (Л. Оуфань Ли), о творческом пути Лао Шэ (Р. Вохра), Лу Синя (У. Лайэл), Го Можо (Д. Рой), Чжоу Цзожэня (Э. Вольф), к выходу периодического «Бюллетеня» по вопросам современной китайской литературы (издается под редакцией М. Гоца в Лос-Анджелесе), к значительному росту числа диссертаций и научных статей по указанной проблематике.

Этот широкий интерес сделал возможным проведение в августе 1974 г. научной конференции, посвященной литературе периода «4 мая». Конференция, в которой приняло участие несколько десятков исследователей (главным образом молодых ученых из стран Северной Америки и Западной Европы), состоялась в два этапа — в Гарвардском университете и в Дэдхэме (штат Массачусетс). Результатом работы конференции явился рецензируемый сборник статей — большой том, озаглавленный «Новейшая китайская литература в эпоху 4 мая» и вышедший под редакцией проф. М. Голдман³.

¹ Chinese Communist Literature. Ed. by C. Birch. New York, 1963.

² M. Goldman. Literary Dissent in Communist China. Cambridge, Mass., 1967, 343 p.

³ Modern Chinese Literature in the May Fourth Era. Ed. by Merle Goldman. Cambridge, Massachusetts, and London, 1977, 464 p.

Во время командировки в США в 1975 г. я имел возможность познакомиться со всеми представленными на конференцию докладами и могу констатировать, что редактор вместе с авторами немало сделал для того, чтобы сжато, но по возможности разнообразно и полно отразить основное содержание работы конференции, хотя часть интересных материалов все же осталась за пределами сборника; остается надеяться, что они тоже увидят свет.

В своем предисловии редактор поясняет, что сборник не является «энциклопедическим обзором литературы 4 мая», что в нем нет материалов о ряде видных писателей — как тех, кому уже посвящены специальные исследования, так и еще ждущих внимания ученых. Действительно, авторы статей практически не касаются проблем поэзии, драматургии, бессюжетной прозы, да и среди романистов и новеллистов читатель не найдет таких имен, как Лао Шэ, Е Шэнтао, Шэнь Цунвэнь, Ба Цзинь и многие другие. Но это естественно — литература рассматриваемого периода столь богата яркими, непохожими друг на друга талантами, что сколько-нибудь подробное и углубленное рассмотрение их произведений и теоретических воззрений неизбежно предполагает выделение какой-то части писателей в ущерб другим.

Столь же естественно и введение хронологических рамок: фактически почти все авторы статей концентрируют внимание на литературе непосредственно следовавшего за «движением 4 мая» десятилетия, то есть 20-х годов, и в значительно меньшей степени — начала 30-х. Действительно, создание в 1930 г. Лиги левых писателей Китая символизировало наступление нового этапа в истории литературы Китая — этапа, органически связанного с предшествовавшим, но все же отличного от него, со своим кругом проблем. Об этих проблемах в книге говорится, но более бегло и в более общей форме, конкретные же факты литературы этого этапа привлекаются в малой степени. И уж конечно, особо должна быть выделена литература периода национально-освободительной войны китайского народа (1937—1945), которая в книге не рассматривается вовсе.

В этой связи вызывает удивление то, что в редакторском предисловии «верхней границей» литературы «эпохи 4 мая» указан 1942 год — год, когда Мао Цзэдун выступил в Яньани по вопросам литературы и искусства. Так поступали — вынуждены были поступать — литературоведы КНР в условиях культа Мао; впрочем, и среди них были исключения, например Лю Шоусун, автор двухтомной истории современной китайской литературы (1957). Слов нет, провозглашенный в яньаньских выступлениях Мао курс означал отход от многих завоеваний литературы предшествующего периода. Но ведь внедряться в масштабах всего Китая установки Мао стали значительно позднее, так что считать 1942 год началом совершенно нового этапа нет оснований.

Семнадцать статей, составляющих рецензируемую книгу, сгруппированы в три раз-

дела: «Отечественное и иностранное влияние», «Писатели периода 4 мая», «Продолжения и перерывы». В первом из разделов рассматриваются внутренние и внешние литературные факторы, оказавшие особенно заметное воздействие на формирование основных идейно-художественных компонентов творчества ведущих писателей «4 мая». М. Долежелова-Велингера (Торонто) в своей статье доказывает, что в конце XIX и особенно в первые десятилетия нынешнего столетия в Китае уже «начались и в целом завершились коренные изменения в языковой и литературной ситуации, необходимые для возникновения новой литературы» (с. 34). По ее мнению, иностранное влияние на формирование современной китайской литературы часто преувеличивают, недооценивая при этом роль «внутреннего исторического развития основных традиционных жанров».

Очевидно, этих опасений не разделяют авторы нескольких последующих статей, в которых под различными углами зрения и на разном материале рассматривается воздействие западной, японской и русской литературы на художественное творчество и общий духовный климат в Китае. Б. Мак-Дугалл (Гарвард) и Цинмао Чжэн (Амхерст, Массачусетский университет) делают это в плане историко-культурного обзора, рассказывая о судьбах произведений западных и японских авторов и литературных школ в Китае, анализируя примеры явного влияния иностранных образцов на того или иного китайского писателя. Отмечались случаи неверной или упрощенной интерпретации явлений зарубежной культуры в китайских публикациях тех лет. Голландский ученый Д. Фоккема рассматривает роль русской литературы в жизни и творчестве Лу Синя. Элен Уидмер (Гарвард) говорит об отношении Цюй Цюбо к русской литературе на разных этапах его борьбы за создание революционной культуры в Китае. Сами по себе эти темы не новы — они активно разрабатывались главным образом усилиями советских, китайских и чехословацких исследователей. Но нерешенных проблем и неиспользованных материалов еще много, поэтому новые разыскания и размышления следует приветствовать, даже если не все выводы авторов бесспорны.

В статье Б. Мак-Дугалл примечательны те страницы, на которых исследовательница обстоятельно рассказывает о воздействии советской литературы и о контактах китайских левых писателей с международными прогрессивными организациями, констатируя при этом их положительное значение — в отличие от иных западных синологов, старающихся очернить все, что связано с Коминтерном и «влиянием Москвы».

Второй раздел книги, занимающий более половины ее объема, посвящен анализу отдельных сторон творчества ряда ведущих писателей рассматриваемого периода в связи с их идеологической эволюцией и политическими событиями в стране. Открывает же раздел статья профессора социологии Гарвардского университета Э. Вогела «Неожиданные герои: социальная роль писателей

их взаимоотношения затрагивают важные аспекты мировой политики и, как уже говорилось, непосредственно связаны с вопросами мира и разрядки.

США стремятся воздействовать на политику Китая в своих интересах с учетом состояния отношений КНР с Советским Союзом и другими социалистическими странами, с мировым коммунистическим движением в целом. Естественно, что курс китайской политики не был однозначным на протяжении 50—70-х годов нынешнего столетия.

Автор рецензируемой книги использовал свой опыт работы в США, где он имел «возможность внимательно следить за прессой, изучать исследования, вышедшие в стране, и лично познакомиться с рядом известных американских специалистов по Китаю, чтобы получить более полное представление о политике Вашингтона по отношению к Пекину» (с. 6).

В первой главе — «Две линии китайской политики США» — отмечается, что в первые годы существования КНР основной чертой американской политики была враждебность, несмотря на то что официальные представители искали возможность наладить сотрудничество с китайскими лидерами и применяли тактику заигрывания с ними. Это было связано и с американской поддержкой Чан Кайши. Вашингтон оказывал чанкайшистскому режиму значительную всестороннюю помощь и не желал победы Народно-освободительной армии Китая, боясь с крушением режима Чан Кайши утратить свое влияние и лишиться рычагов воздействия на политику Китая и Азии в целом в нужном для себя направлении (с. 7).

Провозглашение КНР нанесло удар по империалистическим планам США. В ходе гражданской войны в Китае и в первое десятилетие существования КНР в китайской компартии преобладали интернационалистские силы. Укреплению их способствовал и такой важный международный фактор, как победа Советского Союза над фашистской Германией и милитаристской Японией. Националистические элементы, группировавшиеся вокруг Мао Цзэдуна, вынуждены были тогда считаться с этим. Международное положение КНР крепло с каждым днем. Особенно важное значение для укрепления международного престижа КНР имело заключение 14 февраля 1950 г. Договора о дружбе, союзе и взаимной помощи с Советским Союзом.

В этот период американская политика по отношению к КНР эволюционирует от надежд, связанных с возможностью использовать националистические настроения отдельных лидеров КПК, к враждебности, к политике, получившей затем выражение в антикоммунистических доктринах «ограниченной враждебности», «сдерживания», «отбрасывания коммунизма», «изоляции» и т. п. Эта враждебность достигла своего пика в период корейской войны. В то же время Вашингтон продолжал усиленно укреплять Тайвань. 2 декабря 1954 г. Соединенные Штаты с Тайванем заключили договор о

«взаимной обороне», юридически закрепивший их военно-политическое и экономическое сотрудничество.

Но наряду с враждебностью уже тогда прослеживалась и вторая линия в китайской политике США, характеризовавшаяся стремлением к установлению контактов с лидерами КПК, к обмену мнениями по некоторым проблемам, к выявлению общих интересов. В те годы США руководствовались в своей политике в отношении КНР главным образом заботой о сохранении и укреплении своих империалистических позиций на Дальнем Востоке, в частности в Китае.

Автор напоминает, что, «судя по многочисленным материалам, еще в ходе второй мировой войны США начали проявлять усиленный интерес к националистическим элементам в КПК» (с. 16). В книге приводятся сведения о контактах Мао Цзэдуна с американскими наблюдателями и журналистами в Яньани. Несмотря на рекомендации некоторых американских политиков пренебречь к китайским коммунистам и переориентироваться на них, в то время руководители Вашингтона не пошли на это. Следствием такой политики была дипломатическая и экономическая изоляция КНР и «военное сдерживание» ее. Другая линия, существовавшая подспудно и проявившаяся в 70-х годах в инициативе Никсона, получила развитие лишь с учетом накопленного американского опыта. По свидетельству американского обозревателя С. Карноу, специалиста по Китаю, «примирение Никсона с китайскими коммунистами, хотя и представляет собой драматическое развитие, все же на самом деле является возобновлением первоначальных отношений, которые начали складываться целое поколение назад...»³. Первые официальные контакты между китайскими и американскими руководителями в послевоенные годы начались уже вскоре после окончания корейской войны. Они были вызваны заинтересованностью сторон не допустить прямого военного столкновения в Азии. Затем они были продолжены в Женеве и в Варшаве. Пекин давал ясно понять американцам, что, даже несмотря на враждебный курс США, он намерен искать контакты и полезный обмен мнениями с американскими руководителями.

Подытоживая содержание первой главы, В. В. Кузьмин объясняет, почему правительства Кеннеди и Джонсона так и не решились на изменение политического курса в отношении Китая. Одной из важных причин он называет приверженность США старым политическим концепциям, на которых строилась вся их азиатская политика в послевоенный период. Кроме того, американо-китайской нормализации объективно препятствовали противоречия между двумя странами: война во Вьетнаме, проблема Тайваня, вопрос о представительстве КНР в ООН, военное присутствие США у границ Китая, соперничество за влияние в

³ «Washington Post», July 22, 1972.

Азии и прочее. Новый этап в американо-китайских отношениях начался с приходом к власти администрации Никсона, когда «постепенное расширение многосторонних связей между двумя странами» стало «одним из главных направлений внешнеполитической стратегии Вашингтона» (с. 41).

Вторая и третья главы — «В поисках нового подхода» и «Дискуссии и изучение» — содержат до сих пор малоизвестные читателю материалы. Здесь разбираются причины пересмотра американской политики в отношении КНР, рассматриваются наиболее характерные внешнеполитические шаги Китая, которые в той или иной степени отразились на направленности и темпах сближения США и КНР.

Характерно, что автор не переоценивает влияния антисоветской политики КНР на процесс сближения между США и КНР. «К месту будет отметить,—замечает он,— что не следует упрощать влияние тех или иных антисоветских акций Пекина на продвижение вперед процесса сближения его с Вашингтоном. Ведь не секрет, что резкие нападки Мао Цзэдуна и его ближайшего окружения после X съезда КПК на СССР, и в особенности на советскую политику разрядки напряженности в мире, не привели автоматически к ускорению американо-китайской нормализации. Наоборот, в отношениях между двумя странами в этот период произошел своеобразный «застой» и даже наступило «похолодание». Причем причины этого, на наш взгляд, состоят не только в наличии глубоких противоречий между обеими странами. Вашингтон, видимо, отдает себе отчет и в том, что китайское руководство хотело бы использовать США в качестве своего рода «подсобного рычага» в борьбе против Советского Союза» (с. 46—47).

Взяв курс на развитие сотрудничества с Китаем, американские внешнеполитические стратеги исходили из желания создать себе благоприятные возможности, позволяющие им держать в своих руках рычаги «баланса» в рамках «треугольника» (США — СССР — КНР), оказывать влияние на характер советско-китайских отношений. Вместе с тем в Соединенных Штатах существует значительная часть политических деятелей, сознающих бесперспективность политических спекуляций на трудностях советско-китайских отношений. «Рассуждая реалистически, они понимают, что антисоветизм маоистов автоматически не приносит преимуществ США на мировой арене и попытки активного использования сложившейся в советско-китайских отношениях ситуации могут лишь запутать, осложнить развитие конструктивных моментов в советско-американских двусторонних отношениях» (с. 56).

Раскрывая мотивы перестройки внешнеполитического курса Вашингтона в отношении КНР, автор монографии показывает объективные предпосылки для двустороннего урегулирования: изменения в политике Китая в отношении капиталистического мира, явное намерение сблизиться с западными странами, с Японией, усиление тенден-

ций в капиталистическом мире к признанию КНР, в том числе установление дипломатических отношений с КНР всеми основными членами блока НАТО; значительные сдвиги в американском общественном мнении в пользу нормализации отношений с КНР. Эволюции общественного мнения целиком посвящен один из разделов третьей главы; в нем подчеркивается ведущая роль возникшего в 1966 г. Национального комитета по вопросам американо-китайских отношений, где с самого начала тон стали задавать представители деловых кругов и влиятельная группа специалистов по Китаю. Основная задача комитета состояла в оказании влияния на правительство с целью создания благоприятного политического климата для принятия новых решений на пути нормализации американо-китайских отношений. Этой деятельности способствовали широко поставленные исследования проблем, связанных с Китаем. Только за период 1958—1970 гг. на эти цели из различных источников было ассигновано свыше 40 млн. долл. (с. 120).

Обстоятельный анализ поворота в отношениях между США и КНР содержится в четвертой главе с характерным названием «Новая китайская политика США». Республиканское правительство Никсона, пришедшее к власти в январе 1969 г., осуществило серьезную корректировку политики по отношению к КНР, твердо придерживаясь курса на сближение. Были предприняты инициативы для ослабления, а затем и снятия торгового эмбарго, расширение обмена гражданами между двумя странами. В обеих столицах были учреждены миссии связи, выполнявшие роль посольств.

Определенный этап в нормализации американо-китайских отношений ознаменовало Шанхайское коммюнике, принятое в результате поездки президента Р. Никсона в Китай в феврале 1972 г. Практически стороны зафиксировали свои позиции по вопросу двусторонних отношений и по некоторым международным проблемам. По ряду вопросов они остались на прежних позициях. Так, серьезным препятствием осталась тайваньская проблема. Формулировки китайской позиции по Индокитаю не свидетельствовали о заявленной ранее решимости Пекина отстаивать свою линию по этой проблеме. Визит Никсона положил начало процессу «наведения мостов» через возникшую за многие годы «пропасть» между странами.

Раздел «Два Китая и ООН» посвящен разбору обстоятельств «прихода» КНР в эту организацию и позиции, занятой США в этом вопросе.

Глава V — «Противоречия остаются» — излагает развитие американо-китайских отношений после первого официального визита президента США в Китай. Несмотря на установившиеся контакты, стало очевидным, что на пути нормализации отношений между странами остались нерешенные вопросы и препятствия, среди которых на первом месте стоит вопрос о будущем Тайваня. Характерно, что обе страны в этот

период «довольно открыто продолжали маневрировать, пытаясь использовать факт обоюдной заинтересованности в улучшении отношений друг с другом для получения каждым из них политических и стратегических преимуществ на международной арене» (с. 193).

С 1973 по 1978 г. китайские и американские руководители неоднократно декларировали свою приверженность достигнутой договоренности во время встреч в верхах, заинтересованность в улучшении отношений, в расширении контактов и связей друг с другом и готовность завершить нормализацию. В этом направлении были сделаны определенные практические шаги. В конце 1974 г. состоялся вояж Г. Киссинджера в Китай. Президент США Дж. Форд сделал ряд заявлений в подтверждение неизменности курса Вашингтона в китайских делах. С этой же целью ряд сенаторов совершили поездки в КНР. В декабре 1975 г. состоялся визит Дж. Форда в Пекин. Основные переговоры проходили с заместителем председателя Госсовета Дэн Сяопином. КНР пыталась использовать эту встречу для подрыва процесса разрядки, и прежде всего для ухудшения отношений между США и СССР. В частности, в речи на банкете, устроенном в честь американского президента, Дэн Сяопин, рассуждая о неизбежности роста напряженности на земном шаре, призвал США «развевать иллюзию о мире». Маоисты стремились убедить американского гостя, что их антисоветизм — не конъюнктурное явление, а основа их политики. Однако Вашингтон был вынужден проявлять осторожность. Китайцам, пишет автор, так и не удалось убедить президента в необходимости отказаться от курса на разрядку (с. 209).

С этой поездкой Форда и характером мерикано-китайских отношений тесно связано появление так называемой тихоокеанской доктрины Форда. Доктрина положила конец разговорам об «уходе» США из Азии и «исправляла» некоторые нежелательные с точки зрения отношений США с их азиатскими союзниками последствия «доктрины Никсона», положение которой об опоре стран Азии на собственные силы привело к определенному «расшатыванию» американских военных обязательств в отношении ряда азиатских стран. Однако главной чертой этой доктрины является то, что в ней отразился новый подход Вашингтона к Китаю, которому, как и Японии, определяется роль одного из ключевых элементов в пресловутом «балансе сил» в тихоокеанском бассейне и в Азии в целом.

Значительное место в пятой главе отведено визитам С. Вэнса и З. Бжезинского в Пекин. Во время этих поездок рассматривался широкий круг международных

проблем и выработывалась совместная политическая линия по ним. В то же время стороны признали наличие в отношениях между ними серьезных и трудноразрешимых противоречий. Эти противоречия носят как глобальный, так и региональный характер и связаны со столкновением геомонистских устремлений сторон.

Возможности Китая бросать вызов США по мере возрастания его мощи будут также увеличиваться, хотя в настоящее время он еще сравнительно слаб в военном и экономическом отношениях. Ограничено и его влияние на различных континентах, например в Латинской Америке. В Европе Китай усиливает свои связи с НАТО и «Общим рынком». Здесь особенно полно выявляются американско-китайские противоречия. Противоречия между США и Китаем, отмечается в монографии, проявляются и в Африке и в других районах. После поражения США в Юго-Восточной Азии Китай заметно усилил активность в этом регионе. Для этого он использует все возможные средства. Пекин не остановился даже перед развязыванием вооруженной агрессии против суверенного социалистического Вьетнама.

Руководители США в известной степени понимают смысл политических устремлений Пекина и опасаются будущего Китая с его возросшим военно-экономическим потенциалом и великодержавными амбициями, которые неизбежно затронут интересы США. Нельзя не видеть, что страна с многомиллионным населением осуществляется никем не контролируемой и не ограниченной никакими договорными обязательствами гонку ракетно-ядерного вооружения, отказывается от переговоров по разоружению. Это весьма опасное обстоятельство для Соединенных Штатов, которое не может не отражаться на их отношении к Китаю. Многие в США понимают опасность маоистской политики, направленной на подстрекательство военных столкновений, провоцирование мировой термоядерной войны, политики, враждебной Советскому Союзу и курсу на разрядку.

Как показывает практика международных отношений в последние годы, двусторонние отношения между странами могут успешно развиваться только в том случае, если они не затрагивают интересы третьих стран, особенно когда с этими интересами тесно связаны вопросы мира и разрядки.

Монография в целом написана на высоком научно-политическом уровне. Среди работ советских ученых она заняла достойное место, подняв обширную и важную тему американской политики в отношении Китая.

Б. К. Отраднов

* * *

Двойственная позиция

В Нью-Йорке вышла в свет книга «Китайско-советский территориальный спор, 1949—1964»¹. Авторы Джордж Гинсбургс и Карл Пинкль, американские ученые, занимающиеся вопросами международного права, решили выяснить, имеет ли этот «спор» серьезные основания или же, напротив, служит «главным образом фальшивым приспособлением для реализации совершенно чуждых ему целей».

Нет необходимости подчеркивать актуальность подобного рода исследования для объективного раскрытия великодержавно-шовинистических устремлений китайского руководства, выдвинувшего пограничные претензии и территориальные притязания к соседним государствам, в особенности к Советскому Союзу. Известно, что Пекин, уклоняясь от конкретных переговоров по пограничным вопросам с Советским Союзом, уже много лет использует националистические притязания на советские земли для разжигания антисоветизма и отказа от нормализации отношений между двумя государствами на основе принципов мирного сосуществования.

Книга состоит из четырех глав, в которых авторы пытались последовательно обрисовать политический фон возникновения «спора», усилить советской стороны исчерпать «спор», появление туника в «споре» и пекинские консультации 1964 г. об уточнении прохождения линии советско-китайской границы, не доведенные до конца. Читатель вправе искать в этих главах ответ на основной вопрос, который американские правоведы сами поставили перед собой, приступая к своему исследованию «китайско-советского территориального спора». Однако книга не дает исчерпывающего ответа. Дело в том, что внимание авторов оказалось направленным не на предмет спора, а лишь на поведение сторон в споре.

Запрограммированный авторами способ оставаться на «объективной дистанции» от спорящих сторон при явном отсутствии симпатий и к той и к другой из них не выдерживается на страницах книги, а порой просто демонстрируются жесты заурядного антисоветизма.

Возникновение «спора» относится авторами с достаточными основаниями к началу 60-х годов, когда произошли и стали открытыми идейно-теоретические разногласия КПК с мировым коммунистическим движением. В книге сделан нелогичный экскурс в более ранний период, чтобы подвергнуть сомнению уже давно решенный историей вопрос о независимости МНР. Отрицая право наций на самоопределение, реализованное монгольским народом в 20-х годах и признанное Центральным правительством

Китая в отношении МНР в 1946 г., американские правоведы в данном случае потакают националистическим притязаниям на «Внешнюю Монголию», завещанным Пекину известными домогательствами и целенаправленными высказываниями Мао Цзэдуна в 1949, 1954, 1957 и 1964 гг. Отсюда и нагрузка, будто все еще существует «монгольский вопрос».

Среди предвзятых и уклончивых суждений по существу темы в главах книги приводятся факты и положения, свидетельствующие в пользу того, что позиция советской стороны фундаментальна. В главе «Фон» говорится, что сначала Пекин не рассчитывал всерьез претендовать на ряд районов, входящих в законные владения СССР (с. 20). В другом месте книги указывается на положительное значение принципа «исторически сложившейся границы» (с. 78), которого держится советская сторона. Подчеркнуто, что условия первого советско-китайского договора от 31 мая 1924 г. не вносили изменений в существующую модель границы (с. 50). Граница не изменялась, когда появилось и пало Маньчжоу-Го (с. 2), и не только не возникал вопрос о границе с образованием КНР, но обе стороны неоднократно договаривались и делали заявления об уважении территориальной целостности государств (с. 5, 8—9).

Отмечается тот факт, что китайское руководство тайно запрограммировало пограничный вопрос и выдвигает его путем эскалации, начиная с интервью Чжоу Эньлая в Катманду на пресс-конференции 28 апреля 1960 г. Большое место в книге отведено пекинским консультациям 1964 г. об уточнении линии советско-китайской границы, в результате которых лишь «очень небольшая дистанция отделяла стороны» (с. 101) от взаимного решения. Решение не достигнуто потому, что «камень преткновения лежит в процедурной, а не в предметной сфере» (с. 103). Пекин не торопится с решением пограничного вопроса. «Китайская сторона определенно ответственна за то, что все время держит живым предмет территориального спора» с СССР (с. 130).

Следует отметить в книге тенденциозные штрихи, которые могут создать впечатление, будто советская сторона более причастна к «словесной баталии территориального спора», чем на самом деле. Необъективному рассмотрению роли СССР в «споре» с явным перекосом в антисоветизм посвящена целая глава «Советское наступление».

Ложная версия строится из выдвинутых китайским руководством легенды «о неравноправных договорах» будто бы в ответ на советскую критику его позиции в отношении Гонконга и Макао. Первое упоминание о «неравноправных договорах», сделанное в статье «Жэньминь жибао» 8 марта 1963 г., являлось, согласно утверждениям авторов книги, намеренно демагогическим. В Пекине только потом якобы увидели, что эта проблема привлекательна для китайских апологетов «героического прошлого нации», питающих «любовь к отечеству».

Д. Гинсбургс и К. Пинкль завершили ис-

¹ G. Ginsburgs, C. Pinkle. The Sino-Soviet Territorial Dispute, 1949-1964. Praeger, New York, 1978, 145 p.

следование гипотетическим объяснением причины продолжительности «территориального спора» — они полностью относят их к «политической и дипломатической повестке дня китайского руководства». Тезисы авторов кратко сводятся к следующему.

Во-первых, разговоры о границе являются для китайского руководства лучшим инструментом культивирования духа полной отчужденности между КНР и СССР (с. 130).

Во-вторых, в условиях внутриполитической борьбы конфронтация с Советским Союзом используется в Китае для подержания «национального единства» — подавления сил оппозиции, обвиняемых как ложно, так и обоснованно в симпатиях к СССР (с. 130—131).

В-третьих, конфронтация с СССР служит дипломатическим спекуляциям китайского руководства, позволяет усиливать напряженность между странами путем обострения пограничного вопроса вплоть до «игры в спектр войны». Такая дипломатия Пекина направлена на сближение с США (с. 131).

И наконец, в «территориальном споре» Пекин видит «шанс завоевания симпатий других стран» путем провоцирования их собственных пограничных притязаний, с тем чтобы создать «клуб» таких стран и пользоваться его поддержкой в конфронтации с Советским Союзом (там же).

Конечный же вывод заключается в том, что такая политика в отношении СССР запрограммирована китайским руководством надолго и «территориальный спор» не только не прекратится в обозримом будущем, но можно ожидать еще и усиления китайской «игры на нервах Советского Союза», исключая разве только войну, и лишь в этом последнем смысле «игра» Пекина осторожна.

Авторы книги близоруко прошли мимо симптоматичного и опасного фактора политики маоистского руководства в отношении границ сопредельных государств. Унаследованные маоизмом от феодального Китая централизма великоханьская идея превосходства нации, стремление к экспансионизму и гегемонии действительно представляют собой угрозу соседним странам, и она может усиливаться с ростом военного потенциала Китая, поскольку у власти в Пекине находятся фанатичные приверженцы маоизма и великодержавного шовинизма. В книге упоминается, но определенно недооценивается шовинистическая система «картографической агрессии» Пекина, которая будто бы существует только ради безобидного эффекта, а вовсе не является зловещим признаком перспектив «возврата территорий, отторгнутых от матери-родины».

Авторов нередко подводит избранная ими объективистская манера подхода к оценкам поведения сторон. Той и другой они стараются ставить как плюсы, так и минусы, что в конце концов не обходится без натяжек и противоречий.

Так, сначала приводится китайская версия, в соответствии с которой Пекин будто бы настаивал на том, чтобы «сесть за стол

переговоров». (с. 48) потом говорится, что к переговорам 1964 г. стремились одинаково обе стороны (с. 68). А между тем советская сторона в течение нескольких месяцев девять раз повторяла свое предложение провести консультации об уточнении линии границы на отдельных участках, и эта инициатива также упоминается, правда вскользь, в главе «Пат» (с. 76).

Стремление СССР к переговорам в «споре», естественно, не должно расцениваться как обращение к «повой артиллерии» в целях его обострения. Напротив, именно руководство КНР, намеренно уклоняясь от проведения консультаций, а затем отказываясь от продолжения их, не хотело идти к урегулированию вопроса, а продолжило свое политическое и дипломатическое наступление на советскую сторону с «артиллерийским сопровождением» в виде массовых провокаций на границе — нарушений ее китайскими пограничниками и подстрекаемыми гражданскими лицами.

В главе «Конференция 1964 г.» авторы подмечают, что китайская сторона не заботилась уточнить границу на отдельных участках, считая, что урегулирование «заморозило бы статус-кво». При этом политика статус-кво толкуется расширительно, в плане заявления Чжоу Эньлая на Бандунгской конференции в 1954 г. о том, что Китай не считает пограничную линию окончательно установленной во всех ее частях и будет устанавливать ее совместно с соседними странами, употребляя только мирные средства.

В упомянутой главе отмечается неконкретность и неясность претензий КНР на приграничные «спорные участки». До консультаций осуществлялась тактика выхода китайских граждан на речные острова (принадлежащие СССР. — А. М.) под тем предлогом, что подобное положение на данных участках границы якобы существовало всегда. Позднее такая аргументация была заменена в китайских документах обвинением, будто СССР «вгрызся» в пределы Китая. Ввиду того что китайская сторона не даст достаточных данных для такого обвинения, авторы не считают вопрос предметом для исследования.

Некоторые факты освещены в книге неправильно. Подчеркивается, например, будто уточнение линии границы на реках по фарватеру (талъвегу) намечалось на консультациях по настоящему китайской делегации. На деле «принцип талъвега» был сразу выдвинут советской делегацией как соответствующей законоположению — Указу Президиума Верховного Совета СССР, принятому в 1960 г. Так же ошибочно подчеркнута возможность реализации претензий КНР на «спорные участки», которые в представлении авторов сводятся лишь к речным островам. Правда, авторы были введены в заблуждение заявлением китайского правительства от 24 мая 1969 г., где конкретно упоминалось о разграничении только на реках.

Консультации и последующие отношения сторон по пограничному вопросу рисуются в свете «инициативы, перешедшей к китай-

ским коммунистам». Направление теперь уже китайскому «наступлению» задал Мао Цзэдун в интервью группе японских социалистов 10 июля 1964 г. Называя экспансионистскую заявку Мао Цзэдуна на советские земли вплоть до Камчатки «решающим водоразделом» и «вехой», авторы книги не последовательно затушевывают характер притязаний: «счет по этому ресестру» фактически не предъявлен, интервью Мао Цзэдуна даже не публиковалось в китайской печати.

Неоднократное возвращение авторов к политике притязаний Пекина на советские земли только множит противоречия. С одной стороны, эта политика толкуется как несерьезный запрос цены с целью продемонстрировать в соответствующей обстановке «щедрость и великодушие» дарителя, с другой же стороны, эта заявка, исходящая из «концепции неравноправных договоров», расценивается как дальний прицел, чтобы «создавать серьезную озабоченность для будущего».

В подобном двойственном значении рассматривается сама «концепция неравноправных договоров», которая «не используется в полной мере» китайским руководством, поскольку оно воздерживается от «следующего логического шага — квалификации их автоматически аннулированными и недействительными». В разных местах книги приводятся доводы в пользу того, что китайское руководство такого шага не сделает, однако для большой «нгры» у него всегда будет «сильная карта, припрятанная в рукаве». Уже в самой постановке вопроса о «неравноправных договорах» усматривается стремление произвести «психологический шок», но вместе с тем авторы не видят каких-либо признаков намерения Китая «исправить силой конфигурацию существующей границы» в Сибири и Средней Азии.

Авторы книги размышляют о будущем. Будущее «китайско-советского территориального спора» не рисуется им роковым, так как Китай не способен соревноваться с «северным соседом» в силе. Ему остается только ждать маловероятного «шанса» — невысказанной ситуации «для фактического расчленения азиатских земель России». В духе пустых домыслов говорится и о том, что оружие «спора» обоюдоострое и что советская сторона тоже могла бы ждать подходящего шанса для возвращения земель, отторгнутых по «неравноправному Нерчинскому договору». Общий же смысл таких досужих рассуждений состоит в том, что позиция китайского руководства в «территориальном споре» глубоко уязвима и безнадежна по сути.

Пытаясь понять политические корни возникновения и развития «территориального спора», американские правоведы очень мало уделили внимания правовой несостоятельности позиций китайской стороны. На страницах книги в основном только повторяются рекомендации обратиться в споре к юридическим критериям, употребив нормативы и прецеденты международного права.

Немотивированно утверждается, будто как одна, так и другая сторона избегают в споре юридических позиций, хотя это следовало бы отнести только к Китаю. Разве показанное на практике серьезное стремление Советского Союза к урегулированию вопросов путем переговоров на основе принципов мирного сосуществования — это не обращение к институтам международного права?! «Принцип тальвега», по какому советская сторона предложила уточнять границу на реках, также является, как сказано в книге, «ценной формулой» этого права.

Авторы верно отметили, что китайская сторона даже не обращается к архивам, предпочитая опираться на свои политические средства.

Совсем беспомощна и ложна в книге линия противопоставления международного права социалистическому интернационализму — сильнейшему выражению права народов и подлинно народных государств на консолидацию и защиту своих интересов от империалистической агрессии и колониальной эксплуатации. Авторы тщетно отрицают «социалистическое международное право», уже много лет регулирующее отношения стран социалистического содружества и с успехом применявшееся в советско-китайских отношениях, особенно в 50-е годы; отрицание, естественно, не подкрепляется ни одним убедительным доводом.

В целом же, несмотря на ограниченные рамки и определенную тенденциозность, предпринятая Д. Гинсбургсом и К. Пинклем попытка разобраться в явлении «китайско-советского территориального спора» заслуживает внимания. Их книга — первая, отражающая взгляд третьей стороны на данную серьезную проблему в советско-китайских отношениях. В книге приведены и систематизированы многочисленные фактические материалы. Пытливый читатель при критическом отношении к этим материалам придет к собственным заключениям вопреки выводам, какие делают авторы, когда отходят от объективных позиций.

А. М. Малухин,
кандидат исторических наук

• • •

Монография по проблемам культурного наследия

Автор новой книги — крупнейший советский китаевед Н. Т. Федоренко — долгие годы ведет неустанный научный поиск, и его исследовательская деятельность характеризуется сочетанием широких и обоснованных теоретических обобщений с точным анализом конкретных явлений культуры. Рецензируемая работа прежде всего значительна и интересна раздумьями ученого над методологическими и общими вопросами синологического литературоведения¹. В настоящее время научная разработка проблемы культурного наследия с марксистских позиций приобретает в китаеведческих исследованиях особую актуальность и политическую заостренность. Н. Т. Федоренко на большом фактическом материале показал, как в Китае «маоизм ведет фронтальное наступление против исторического и духовного наследия, в особенности против наиболее самобытных и положительных традиций народа, которые обращены против «идей кормчего» и которые могут быть использованы теперь или в дальнейшем противниками маоизма» (с. 22). Отказываясь от лучшего и передового в культуре прошлого, маоизм вместе с тем пытается использовать историческое наследие «в своих политических целях, прибегая к грубому утилитаризму и вульгаризаторству», — пишет автор монографии. — Обращает на себя внимание концепция «гу вэй цзин юн» — «использовать древность ради современности», возрожденная маоизмом в 1972 г., которая применяется весьма изобретательно. Дело сводится к пересмотру исторических фактов, утилитарному их истолкованию» (с. 29). Маоистской позиции по отношению к мировой культуре и национальному наследию ученый противопоставляет марксистско-ленинский взгляд на художественные традиции, на значение духовных ценностей прошлого для социалистической культуры.

В теоретических высказываниях и литературоведческом анализе конкретных явлений художественного творчества Древнего Китая прослеживается четкая и строгая система взглядов автора монографии на проблему соотношения интернационального и национального в литературах Востока, привлекающую в последние годы столь широкое внимание ученых-востоковедов. В современных условиях, когда наблюдается применение различных методов для осмысления литератур Азии, Н. Т. Федоренко видит необходимость напомнить о диалектическом единстве и взаимодействии общечеловече-

ских, интернациональных начал и национальных традиций. Для него важнейшим методологическим принципом является положение о единстве общемирового литературного процесса, о невозможности рассматривать литературу какого-либо народа как нечто замкнутое, изолированное, лишенное связей и типологического сходства с другими литературами. В этом тезисе нашла свое отражение лишь одна сторона сложной проблемы, поэтому в исследовании говорится о важности конкретного анализа и соблюдения принципа историзма в интерпретации национального своеобразия литературы Китая. Без учета самобытности художественного развития национальной литературы, особенностей ее идейно-социальных истоков и образной системы всякие оценки ее места и роли в мировом литературном процессе будут носить самый общий и поверхностный характер. «При взаимосвязях с другими литературами, общемировым искусством слова важнейшим фактором остается национальная самобытность литературы. Словесное творчество каждого народа сохраняет свои национальные черты. И терять этого нельзя. Иначе национальные литературы не будут интересны. Они окажутся все на один лик, поблекнут, как цветы, вырванные из родной почвы. Чтобы сохранить свои краски и аромат, цветам нужна неповрежденная корневая система» (с. 19—20).

При изучении прошлого китайской культуры, по справедливому убеждению Н. Т. Федоренко, необходимо помнить о том, что на протяжении многих веков в Китае представление о самом предмете и понятии «литература», о входящих в состав литературы памятниках претерпевало существенные изменения. Пренебрежение этим обстоятельством приводило к тому, что авторы общих работ по китайской литературе давали в своих обзорах далеко не полную картину художественной жизни прошлых веков, игнорируя ряд важных и интересных памятников. Между тем сочинения типа «Ода изящному слову» Лу Ци (261—303), «Резной дракон литературной мысли» Лю Се (V—VI вв.), «Категория стихов» Чжун Жуна (VI в.), «Поэма о поэте» Сыкун Ту (837—908) дают возможность выявить взгляды китайцев в ту или иную историческую эпоху на задачи и характер словесного творчества и тем самым помочь исследователю литературы очертить сферу художественных явлений. Выделение памятников, необходимых для анализа литературного процесса, применительно к Древнему Китаю, не всегда легко осуществимо. Н. Т. Федоренко при решении вопроса о возможности включения того или иного текста в сферу литературоведческого анализа на первый план выдвигает в качестве критерия эстетическое начало, позволяющее определить место памятника в истории становления художественного мышления китайского народа. Исследователь отмечает, что понятие «вэнь» («литература») «утверждалось в историческом своем движении как специфическая форма общественного сознания, как один из видов познания окружающего мира категориями словесно-образного изображения, в котором воплощаются идей-

¹ Н. Т. Федоренко. Древние памятники китайской литературы. М., «Наука», 1978, 320 с.

ная сущность, зримые черты, чувственные стороны предметов и явлений реальности» (с. 281). Значение известных памятников древности «Шунцини», «Шицини» и «Ицини» для утверждения словесного искусства и художественного постижения действительности и стремится выявить в монографии Н. Т. Федоренко.

В разделе «К вопросу о генезисе китайской литературы (XVIII—XIII вв. до н. э.)» Н. Т. Федоренко рассматривает тенденции, характерные для отношения к фольклору в Китае. Это, во-первых, подражательное копирование фольклорных поэтических образов, своего рода энигонство, не приносящее ничего нового в художественную практику. Во-вторых, это создание псевдонародных сочинений, искажающих саму природу фольклорного искусства. Третьей тенденцией свойственно уважительное отношение к фольклорному творчеству, стремление воспринять художественный опыт народа. «Направление это преследует цель творческого освоения лучших образцов народного искусства, дальнейшего развития всего ранее достигнутого» (с. 14). Носителями такой творческой практики выступали, например, поэты Цюй Юань, Цао Чжи, Тао Юаньмин, Ли Бо, Ду Фу, Бо Цзюйи.

О народных произведениях, созданных в период с XI по VII в. до н. э., можно судить по памятнику «Шунцини», в котором исследователь обнаруживает ту же тенденцию, что была характерна для античной литературы: стремление к воссозданию самых разнообразных сторон человеческой жизни. В песнях «Шицинина» запечатлены трудовая деятельность людей и связанные с ней обряды. В эпических произведениях, сочетающих реальное с мифологически-фантастическим, видны представления китайцев о прошлом своей страны, их отношении к правителям. С гневом говорят песни о приближенных правителя, забывших долг и честь («Ода о неправых советниках», «Велик ты, неба вышний свод», «Ода бесчестным советникам царя»). В народных произведениях повествуется о подневольном труде («Песня о седьмой луне»), о том, что живущие в праздности правители богатеют за счет земледельцев («Удары звучат далеки, далеки»). Особое место занимает песня «Большая мышь», в которой, вероятно, впервые в китайском поэтическом творчестве применяется иносказание, говорится в монографии. Ненавидные народу силы, его жестокие поработители аллегорически изображаются в виде большой мыши, жадно пожирающей все плоды труда землепашцев. Лейтмотивом песни, проникнутой оптимистической верой в торжество народной справедливости, является мечта труженников о «счастливой стране», в которой не будет «жадных мышей» (с. 179).

С большой художественной убедительностью запечатлена в «Шицине» война. Перед нами предстают то сами войны, идущие в далекий поход («Взбираюсь ли я на высокий хребет», «Гуси»), то одинокие женщины, думающие о своих супругах («В ожидании мужа, ушедшего в поход», «Тоска о муже, посланном в поход»). О произведении «Лишь

барабан большой услышал» в монографии сказано: «Прекрасна, например, по мысли и глубокой поэтичности песня, в которой слышится безысходная тоска землепашца, угнанного на войну. Народные творцы песенно-поэтических произведений умели придать простейшим жизненным фактам большую значимость и глубокий смысл, сочетать мудрость с наивной непосредственностью, лирику чувств с суровой правдой жизни» (с. 181). Это наблюдение верно характеризует самые ранние поэтические творения, в которых народ высказал отрицательное отношение к войне. В книге справедливо отмечается, что гуманизм народных песен с примечательной полнотой проявился в лирических произведениях, занимающих столь важное место в «Шицине». Песни о любви пронизаны радостью, ощущением весны, воспевают молодость. В них утверждается уважение к женщине, право людей на свободное проявление чувств, на личное счастье. Порой изумляет психологическая точность и правдивость этих песен.

Анализу художественного своеобразия песен «Шицинина» в монографии уделено особое внимание. В разделах «Поэтика «Шицинина» и «Музыкальный аспект «Шицинина» рассматривается ряд теоретических и эстетических проблем, важных для понимания не только самого древнего памятника, но и характера словесного искусства Китая в последующие века. Интересны соображения о системе художественных образов древней китайской поэзии, оказавшей влияние на поэтику древней и средневековой китайской литературы. Исследователь указывает, что песням «Шицинина» «присущи предельный лаконизм выразительных средств и максимальная изобретательность языка» (с. 186). Н. Т. Федоренко пишет, что в древнейшем памятнике уже утвердились поэтические символы, привнесшие скрытый смысл, переносные значения, таинские связи с историческими фактами, бытовыми явлениями. Исследователь знакомит с «тремя категориями» («фу», «би» и «син»), которые были определены еще в древности и указывали на особые изобразительные средства, примененные в песнях «Шицинина». Поскольку существуют различные толкования этих понятий, в монографии отмечается необходимость учитывать при их рассмотрении исторический фактор. Исследователю удалось обосновать свой тезис о том, что в древних песнях «отражена изначальная система прекрасного, как она сформировалась на ранней стадии эстетического развития в Китае, прекрасного как смысла человеческого существования» (с. 14). В разделе «Влияние «Шицинина» автор раскрыл плодотворное воздействие памятника на китайскую литературу последующих эпох.

В разделе об «Ицине» раскрывается художественная природа памятника, ритуального и философского по своему характеру. «Текст «Ицинина», как он дошел до нас, ясно обнаруживает фольклорный характер происхождения. В нем, несомненно, нашел свое отображение самобытный круг народных представлений, творческих устремлений, поэтического видения мира» (с. 251). Автор

исследует вопрос о том, как специфические представления древних китайцев о мире и взаимоотношениях с ним человека воплощались в словесном образе. Поскольку в памятнике передана идея изменчивости космоса и взаимосцепления событий в нем, афористическая форма запечатляет здесь различные состояния мира, находящегося в постоянном движении.

Интуитивно-образный метод мышления, нашедший отражение в афоризмах «Ицзина», сыграл существенную роль в формировании китайских эстетических воззрений и принципов организации художественного текста. В исследовании отмечается, что афористическая символика строилась на образах, подмеченных в природе. Чувство слитности человеческой жизни с природой побуждало передавать в словесных формулах одновременно и конкретность природного явления, и сокрытую в нем и вне его тайну мироздания. «Речь идет не об обнаженной мысли и форме. Здесь, скорее, мысль, переходящая в чувство, в ощущение, а форма — реализованное содержание, она воплощается в самом произведении, в завершенной его существенности» (с. 258). Такого рода суждения раскрывают характер словесного искусства «Ицзина» и помогают уяснить роль памятника в художественном творчестве Китая.

Древнейший летописный памятник «Шуцзин» привлек к себе внимание исследователя потому, что содержащиеся в нем морально-этические взгляды и образительные методы оказали большое влияние на литераторов последующих эпох. При характеристике системы этических представлений автор выделяет источники, в которых конфуцианство впоследствии находило обоснование учению о золотом веке, о времени правления императоров, возведенных в сонм совершенно мудрых. Основополагающую идею главы «Великий план» Н. Т. Федоренко усматривает в утверждении идеала государя и принципов разумного управления страной. В памятнике найдено свое воплощение идея о «небесном мандате» правителю на право стоять во главе государства. Вместе с тем в условиях культа неба в чжоускую эпоху возникли и формировались представления о важности нравственных качеств государя, его окружения и людей, призванных к государственной службе. «Понятие «дэ» («добродетель» и «уважение добродетели») представляет собой дальнейшее развитие в духовной и идеологической жизни чжоуского общества. Появление категорий «дэ» указывает на возросшие нравственные запросы чжоусцев. В этом нельзя не видеть выдвигания на передний план темы нравственной природы человека и его предназначения» (с. 127).

Для исследователя «Шуцзин» — и летописный свод, и литературное сочинение. Н. Т. Федоренко пишет: «Шуцзин», с нашей точки зрения, обладает настолько бесспор-

ными достоинствами литературного памятника, что многие его тексты прежде всего должны рассматриваться как произведения литературного творчества» (с. 157). Исследователь убежден в том, что главы «Великий план», «Уложение Яо», «Уложение Шуя» и другие характеризуются умелым отбором выразительных слов, композиционной стройностью, оригинальными риторическими приемами, использованием монологов и диалогов. Памятник сохранил мифологические и героические сказания, образцы устной ораторской речи, летописного текста, государственного документа. Появление в нем фрагментов, между которыми отсутствует логическая связь, Н. Т. Федоренко объясняет следующим образом: «Помимо возможного разрушения и утраты некоторых частей текста в ходе многократной переписки и длительного хранения, здесь, на наш взгляд, нашли свое отражение также метод и приемы создания литературного произведения: отбиралось уже готовое, существовавшее в форме устного жанра, фиксировалось иероглификой и канонизировалось в таком виде, без какого-либо изменения или с несущественной обработкой фольклорного творчества» (с. 164).

Анализ памятника позволяет убедиться в точности авторского утверждения о том, что лучшие исторические сочинения «ископаны рассматривались в Китае именно как искусство понятий, образного мышления» (с. 165). На большом фактическом материале Н. Т. Федоренко удалось показать, что в Древнем Китае исторические и философские памятники, помимо познавательной функции, обладали образной природой и стояли у истоков китайской литературы. О словесном искусстве Древнего Китая исследователь говорит, что в нем «отмечается преемственность изустных поэтических традиций и мифологии первобытного общества, а также развитие элементов реалистического, образного мышления» (с. 77).

В своей работе Н. Т. Федоренко постарался раскрыть каждую из характерных черт речевого искусства китайской древности. Правда, можно пожалеть, что автор, уделив много внимания анализу мифологических представлений и их воплощению в памятниках, не счел нужным уделить рассмотрению этих проблем специальный раздел или главу в своей монографии.

Новая книга Н. Т. Федоренко не только вводит в научный оборот новый материал, предлагает интересные выводы и обобщения, но и стимулирует дальнейшую работу над нерешенными вопросами, изучение которых будет способствовать созданию марксистской научной истории китайской литературы.

Е. А. Серебряков,
доктор филологических наук

Ленинград

X научная конференция по историографии и источниковедению истории стран зарубежной Азии и Африки

С 1961 г. на восточном факультете Ленинградского государственного университета им. А. А. Жданова регулярно, один раз в два года, проходят историографические конференции, организуемые постоянно действующим Оргкомитетом под председательством проф. Г. В. Ефимова. X конференция состоялась 20—22 марта 1979 г. В ней приняли участие востоковеды университетов Москвы, Ленинграда, Саранска и Одессы, педагогических институтов Москвы, Ленинграда и Пскова, институтов востоковедения, Дальнего Востока, этнографии, научной информации по общественным наукам АН СССР. На пленарных заседаниях было зачитано 5 докладов, в секции Дальнего Востока — 15, Южной и Юго-Восточной Азии — 11, Ближнего Востока — 12, Африки — 5. Проблемам Китаеведения было посвящено 15 докладов.

На первом пленарном заседании с докладом «Проблемы китайской революции 1925—1927 гг. в литературе последних лет» выступил проф. Л. А. Березный (ЛГУ). Он отметил неослабевающий интерес исследователей к событиям в Китае в середине 20-х годов и констатировал, что теперь едва ли возможно говорить о едином методологическом подходе западной историографии к проблемам истории китайской революции. Однако плодотворность попыток отдельных ученых вести анализ с позиции материалистического понимания истории существенно снижается из-за недостаточного владения историко-материалистическим методом и некритического повторения ряда ошибочных выводов, сформулированных историками КНР под воздействием маоизма.

На заключительном пленарном заседании

с докладом на тему «Борьба идей в советском востоковедении (20—30-е годы)» выступил проф. Г. В. Ефимов (ЛГУ). В докладе были использованы документы Ленинградского партийного архива, Областного и Городского Комитета КПСС, позволяющие полнее представить историю организации в 1930 г. Института востоковедения АН СССР, споры по вопросу о принципах организации, вопросы взаимоотношений ученых старшего поколения и научной молодежи, некоторые ошибки в решении этих проблем, постоянную заботу партийных организаций о выработке правильных отношений между учеными разных поколений, налаживании деловых отношений на основе принципиальной партийной политики, создании творческой атмосферы в коллективе.

В докладе проф. Г. Я. Смолина (ЛГУ) были подведены главные итоги изучения в СССР истории сунского Китая и сопредельных стран в X—XIII вв. Большое внимание докладчик уделил участию советских ученых в разработке совместно с зарубежными коллегами «Сунского проекта», инициатором которого четверть века назад выступил видный французский синолог Э. Балаш. Г. Я. Смолин наметил некоторые направления и проблемы дальнейших изысканий в этой области советской китаеведной медиевистики и подчеркнул необходимость реальной координации ведущих в Советском Союзе исследований по различным вопросам экономической, социальной, политической и культурной жизни империи Сун и соседних с нею стран и народов.

Изучение истории коммунистического движения в Китае всегда было и остается важнейшим направлением советского китаеведения. Анализу одного из малозвестных источников по истории КПК в 1948—1949 гг., журналу «Данды гунцзо» («Партийная работа»), был посвящен доклад А. С. Ипатовой и И. Б. Волковой (ИДВ АН СССР). Особая ценность этого источника, по мнению докладчиков, состоит в том, что наряду с документами директивного характера в него вошли также отчеты, доклады, сообщения и прочие материалы, отражающие положение дел как в компартии в целом, так и в отдельных регионах, провинциях, городах и уездах.

На конференции выступили и другие востоковеды Москвы, Ленинграда, Пскова.

Конференция проходила в духе научной требовательности и доброжелательности. По большому счету докладов имела место широкая дискуссия.

Б. Н. Мельниченко

Международный научный симпозиум

С 30 мая по 2 июня с. г. в г. Улан-Баторе состоялся организованный Институтом востоковедения АН МНР научный симпозиум по теме «Маонизм и национальный вопрос» с участием ведущих ученых-китаеведов научно-исследовательских институтов НРБ, ВНР, СРВ, ГДР, Кубы, МНР, ПНР, СССР и ЧССР, а также сотрудников аппарата ЦК братских партий.

Симпозиум открыл вступительной речью президент АН МНР Б. Ширендыб. На симпозиуме присутствовали секретарь ЦК МНРП Адъяа, заместители заведующих отделами ЦК МНРП Ш. Дагва, О. Лхагва.

С докладами выступили вице-президент АН МНР, директор Института востоковедения Ш. Бира по теме «Маонизм и национальный вопрос в Китае»; член-корреспондент АН СССР, директор Института Дальнего Востока М. И. Сладковский — «Великоханьская доктрина единой китайской нации»; заместитель директора института марксизма-ленинизма ЦК КПЧ доктор М. Матоуш — «Великоханьский шовинизм — враг мирового прогресса»; заведующий кафедрой философии ВПШ при ЦК КПВ Нго Тхань Зыонг — «Экспансионистский великодержавный гегемонистский национализм пекинских реакционных кругов в отношении Вьетнама» и другие.

На симпозиуме было заслушано 25 докладов и выступлений, в которых было убедительно показано, что правящие круги Китая продолжают проводить в отношении неханьских народов КНР великодержавную шовинистическую политику насильственной китаизации национальных меньшинств. Маонисты пытаются обосновать эту политику «теорией» о том, что в КНР существует только одна единая китайская нация.

Участники симпозиума подчеркивали, что неханьские народы в Китае по-преж-

нему лишены права на самоопределение.

Формально провозглашенная система районной национальной автономии превращена правящей верхушкой Китая в фикцию.

Было отмечено, что экономическая политика в национальных районах Китая концентрирует хозяйственную отсталость этих районов, препятствует их развитию. Экономическая политика пекинских лидеров в национальных районах КНР подчиняется в основном задачам милитаризации жизни общества. Районы, где проживают неханьские народы, практически стали сырьевым придатком внутренних провинций Китая. Особое внимание было обращено на то, что национальные пограничные районы КНР превращаются пекинскими лидерами в опорные военно-стратегические базы для нагнетания напряженности и провокаций в отношении МНР, СССР, СРВ и других сопредельных с Китаем стран. Китайская агрессия против социалистического Вьетнама, грубые провокации против Лаоса и Кампучии показали, насколько опасный характер носит великоханьская политика китайских руководителей в пограничных районах, превращенных ими в плацдармы агрессии против соседних стран.

Великоханьский шовинизм стал одной из основных наиболее характерных черт внешней политики маонистов. Маонисты не только порвали с принципами пролетарского интернационализма, но стали на путь прямой конфронтации со странами социалистического содружества. Предъявляя территориальные претензии почти ко всем соседним государствам, нынешние лидеры Пекина для достижения своих гегемонистских целей блокируются с самыми реакционными силами: расистами, милитаристами, реваншистами, неофашистами, создавая реальную угрозу миру во всем мире.

Китаеведы социалистических стран высказались за необходимость продолжения исследований по вопросам истории, экономики и культуры неханьских народов в Китае, разоблачение великоханьской шовинистической политики в национальных районах, политики экспансионизма и территориальных претензий Китая к соседним странам.

XI молодежная конференция по проблемам Дальнего Востока

7 июня 1979 г. в Институте Дальнего Востока АН СССР состоялась XI молодежная конференция по проблемам современного Дальнего Востока. На конферен-

ции было представлено более 30 докладов молодых научных сотрудников и аспирантов. Она предоставила им хорошую возможность для обмена информацией, расширения профессионального кругозора, приобретения опыта публичных выступлений и дискуссий.

На пленарном заседании с приветственным словом к участникам конференции обратился директор Института Дальнего Востока АН СССР, член-корреспондент АН СССР М. И. Сладковский. В своем выступлении он пожелал участникам конференции продолжать славные традиции советского востоковедения, больше уделять внимания исследованию проблем, которые

еще недостаточно изучены. Среди них докладчик назвал в первую очередь социально-экономический строй КНР, взаимодействие базиса и надстройки, сущность социально-экономических и политических процессов, происходящих в настоящее время в Китае. В заключение он призвал молодых ученых принимать более активное участие в изучении явлений, позволяющих осмыслить и понять сущность политических и экономических перемен, происходящих в странах Дальнего Востока.

В выступлении доктора исторических наук профессора Е. Ф. Ковалева был дан краткий обзор всех предыдущих конференций молодых научных сотрудников и аспирантов ИДВ АН СССР. Докладчик показал, что с каждым годом происходит рост идейно-теоретического и профессионального уровня представленных докладов.

С основным докладом — «О некоторых аспектах молодежной политики КПК на современном этапе» — выступил секретарь ЦК ВЛКСМ В. А. Гусейнов. Он отметил, что в настоящее время китайское руководство пытается использовать молодежь для осуществления программы «четырёх модернизаций», направленной на милитаризацию страны. С этой целью был воссоздан КСМК, который в настоящее время служит маоистскому руководству средством идеологического и политического воздействия на широкие массы китайской молодежи. В то же время китайское руководство, используя промаоистские молодежные организации за рубежом, ведет активную подрывную деятельность, направленную на раскол в международном молодежном движении. В целом докладчик отметил, что молодежная политика КПК на современном этапе не способствует улучшению положения молодого поколения в КНР. Она лишь усилила и обострила противоречия между китайской молодежью и нынешним военно-бюрократическим режимом.

В докладе кандидата исторических наук А. П. Давыдова (ВШПД при ВЦСПС) «Политическая борьба в Китае и профсоюзы (1973—1976)» отражена деятельность профсоюзов КНР в системе социально-политических отношений в период господства «четверки». Было убедительно показано, что в эти годы воссоздаваемые профсоюзы оказались под контролем «четверки», призывавшей рабочих принимать активное участие в различных политических кампаниях в стране в ущерб производству. И, как отметил докладчик, профсоюзная политика маоистского руководства привела к тому, что рабочий класс Китая в конечном счете оказался в стороне от политической борьбы за власть, разгоревшейся после смерти Мао Цзэдуна, и не может проявить своей ведущей роли в политическом развитии общества.

В дальнейшем работа конференции проходила в трех секциях: экономики, истории и идеологии, международных отношений. В секции экономики наибольший интерес

вызвал доклад кандидата экономических наук В. Ремыги (ИДВ) «К вопросу о реорганизации системы управления народным хозяйством КНР». В нем, в частности, говорилось, что в настоящее время приспосабливание системы управления экономикой к целям милитаризации страны существенно ограничивает ее эффективность и может явиться причиной очередных провалов в развитии экономики КНР. Также привлекли к себе внимание доклады Н. Трофименко (ВГПШ) «К вопросу об определении места и роли рабочего класса в развитии японского общества в условиях научно-технической революции» и В. Окнянского (ИВ АН СССР) «Пути укрепления топливно-энергетической базы МНР», посвященные различным проблемам социально-экономического развития стран Дальнего Востока.

В секции истории и идеологии актуально прозвучал доклад А. Краснова (ИДВ) «Борьба конфуцианства и легизма (на примере трактата «Янь те лунь») в период критики Линь Бяо и Конфуция». На примере этой кампании в нем было отмечено, что в ходе политической борьбы китайские руководители часто используют зародившиеся еще в Древнем Китае идеи для пропаганды своих взглядов среди народных масс. Большой интерес вызвали доклады О. Толстых (ИДВ) и С. Григорьева (ИДВ) об антимаоистских выступлениях китайских рабочих в период «культурной революции» в Синьцзян-Уйгурском автономном районе и на северо-востоке Китая.

В секции международных отношений наибольшее внимание привлек доклад кандидата экономических наук С. Манежева (ИДВ) «Некоторые аспекты внешнеэкономических связей Китая в начале XX в.», в котором было показано влияние внешней торговли в 20-е годы на экономическое развитие Китая в этот период. Интересная информация содержалась в докладах О. Иванова (ИДВ) и Л. Гамзы (МГУ) об экономических отношениях КНР с социалистическими странами и странами «Общего рынка». В докладе Н. Луценко (ИДВ) были показаны отношения Японии со странами Латинской Америки и дан критический анализ работ по этому вопросу представителей современной японской буржуазной историографии.

В целом необходимо отметить, что на конференции были затронуты многие актуальные для стран Дальнего Востока вопросы. Во всех докладах чувствовалось стремление авторов разобраться в проблемах, стоящих перед этими странами, внести свой вклад в их изучение. Проведение подобных конференций позволяет значительно расширить кругозор молодых ученых, является настоящей школой подготовки специалистов по странам Дальнего Востока и их профессионального воспитания.

А. В. Островский

Сдано в производство 29.VI.1979 г. Подписано к печати
31.VIII.1979 г. Формат 70×108^{1/16}. Бум. л. 6,5 Печ. л. 13
Уч.-изд. л. 21.01 Изд. № 28491 А12460 Цена 50 коп.
Заказ 1616. Тираж 18427 экз.
Издательство «Прогресс» Государственного комитета СССР
по делам издательств, полиграфии и книжной торговли
Москва 119021, Зубовский бульвар, 17
Чеховский полиграфический комбинат Союзполиграфпрома
Государственного комитета СССР
по делам издательств, полиграфии и книжной торговли
г. Чехов, Московской области